

БАТТЕРФЛАЙ

*Жаркие
объятия
разлуки*

Екатерина
ВЕРЕСОВА

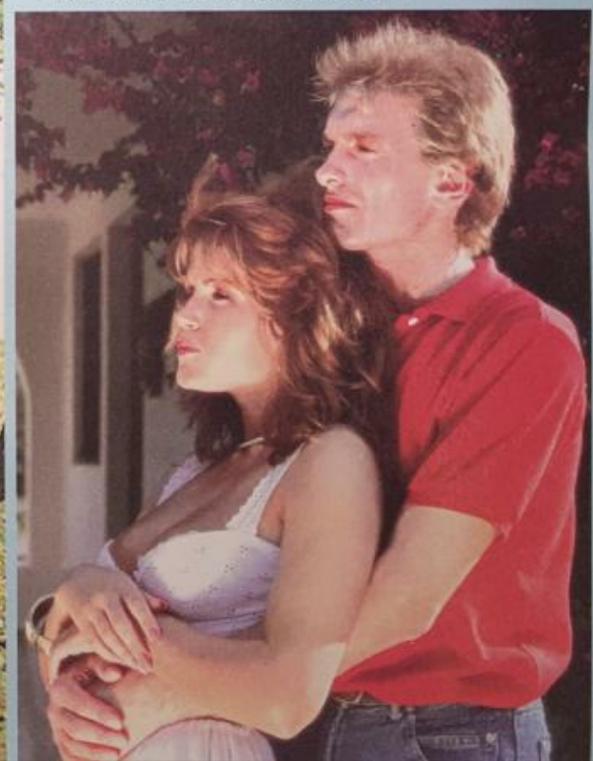
Страшное землетрясение, разрушившее родной город Вероники и Максима, надолго разлучает юных влюбленных. Каждый из них не знает, жив ли другой, но продолжает искать и надеяться. На долю Вероники и Максима выпадают не только тяжелые испытания, но и дьявольские соблазны. И только взаимная любовь ведет их друг к другу, как путеводная звезда...

Екатерина Вересова

Жаркие объятия разлуки

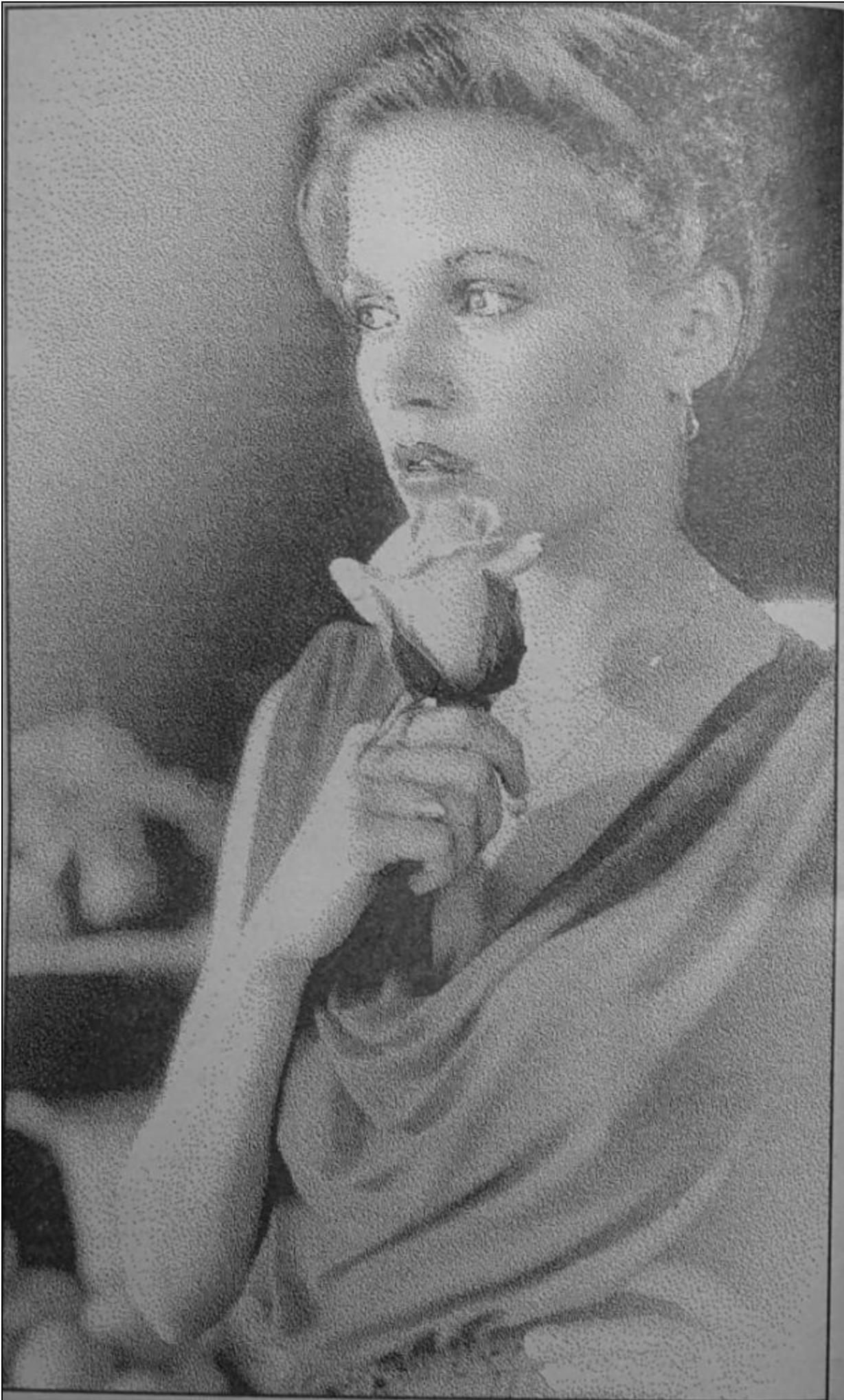

Входная дверь закрылась, и Вероника с Максимом очутились в полутемной прихожей. В одну секунду их словно толкнуло друг к другу. Так это всегда и случалось. Они и сами не понимали, что происходит, как уже начинали самозабвенно целоваться. В эти мгновения Веронику охватывала такая глубокая, счастливая нежность, что она ощущала ее почти физически...

Входная дверь закрылась, и Вероника с Максимом очутились в полутемной прихожей. В одну секунду их словно толкнуло друг к другу. Так это всегда и случалось. Они и сами не понимали, что происходит, как уже начинали самозабвенно целоваться. В эти мгновения Веронику охватывала такая глубокая, счастливая нежность, что она ощущала ее почти физически...

Вероника попробовала рукой воду — нормальная. Тогда она с наслаждением погрузилась в нее, затем насыпала немного ароматного порошка для ванн и взбила пену. Приготовления были закончены. В титане уютно потрескивал уголь, на стиральной машинке было разложено большое розовое полотенце, там же стояла чашка дымящегося кофе и телефон, который Вероника специально принесла из комнаты.

Вот теперь можно звонить Максиму.

До последней минуты она не верила, что родители уедут. Но теперь уже все точно — они позвонили ей из порта. Еще раз попрощались и сообщили координаты, по которым можно связаться с кораблем.

— Ни пуха тебе! — напутствовал Веронику отец.

— К черту! — отозвалась она, стараясь скрыть радость в голосе. — А вам — семь футов под килем!

— Не забудь дать телеграмму! — прозвучал где-то рядом мамин голос.

Неделю назад на семейном совете было решено, что родители все-таки уходят в плавание — несмотря на то, что Вероника едет в Москву поступать. Она взрослая и благоразумная девочка и сама прекрасно со всем справится. Почему же из-за нее они должны упускать такую редкую и чудесную возможность? Ведь шансы заработать сразу, всего за какие-то полгода, около двадцати тысяч долларов — на дороге не валяются. А собаку они отдадут на время пожить на даче у Хванов. Именно этими доводами убеждала родителей Вероника — и в конце концов уредила.

Мама очень не хотела, чтобы Вероника оставалась тут жить одна.

— Уверена — стоит нам только выйти за порог, как явится твой любимый Максим. Мальчики в этом возрасте вообще распушенные, а этот — в особенности. Смотрит в глаза — и нагло улыбается...

Мама искренне недолюбливала Максима. Может, ей был не по нраву его спокойный, невозмутимый вид, ровный тон, которым он разговаривал со взрослыми, выдержанные, подчеркнута вежливые ответы. Наверное, за всем этим ей мерещилось некое высокомерие. А возможно, и не мерещилось. Максим считал взрослых людьми из другого мира. Они были для него словно жителями далекой страны, язык которой выучить еще можно — но понять нравы обитателей невозможно, да и ни к чему. Он пребывал в том счастливом возрасте, когда человек еще отказывается думать о том, что сам когда-нибудь станет взрослым.

— Нет, мы уедем только при условии, что ты сразу же отбудешь в Москву, — твердо сказала мама. — Подашь заявление в академию, устроишься в общежитии. Там все-таки девочки — вместе как-нибудь от греха уберезетесь. И потом, я уверена, некоторые будут с родителями. Экзамены сдашь, а там начнутся занятия, и тебе — уж поверь — будет не до Максимов...

— Какие занятия? А если она не поступит? — перебил ее отец.

— А не поступлю — сразу пойду на рабфак. Буду жить в общежитии — работать и учиться, — терпеливо, как ребенку, объяснила ему за мать Вероника.

И вот наконец решение было принято: родители отплывают, а Вероника уже на следующий день едет в Южно-Сахалинск и садится на самолет до Москвы. Приезжает, устраивается и тут же шлет телеграмму.

Билет ей купили заранее, мама помогла собрать вещи. Напоследок порывисто обняла ее и расцеловала.

— До чего страшно мне тебя оставлять! — на всхлипе проговорила она, потом трянула светлой пушистой головой и разом взяла себя в руки. — Смотри — не доиграйся с Максимом, — добавила она тихо, чтобы не слышал отец. — От «этого», между прочим, бывают дети.

Вероника кивнула ей с печальной и иронической улыбкой.

— Да, мамочка, я знаю. Я же читала «ну очень интересную газету». Там все прекрасно изложено...

— Ты лучше бы «Биологию» читала, а не всякую ерунду, — сварливо, но не сердито посоветовала мать.

Вероника пронаблюдала из окна, как родители погрузились в поджидавшую их «Тойоту», и послушно отправилась учить биологию. Она занималась этим до самого вечера — вернее, до звонка родителей из порта.

После этого ее словно подменили. Едва телефонная трубка опустилась на рычаг, Вероника со всего размаху рухнула на диван и принялась прыгать на нем так, что пищали пружины. Том — ее любимая трехцветная дворняга — вылез из-под своего шкафчика в прихожей и удивленно смотрел на нее, на всякий случай виляя хвостом.

— Сво-бо-да! Сво-бо-да! — тихонько скандировала себе под нос Вероника.

Сначала она хотела броситься к телефонному аппарату и тут же набрать номер Максима... но потом передумала. Нет, зачем так торопиться. Все равно этот вечер и ночь принадлежат им. И половина завтрашнего дня. В кои-то веки она может себе позволить пошиковать. Вероника быстро прогуляла собаку, растопила титан, сварила себе кофе, разделась, достала из шкафа чистое полотенце и пустила воду в ванну...

Теперь она сидела в пене, благоухающей розами, и любовалась собственными длиннющими ногами. Она вынула их из воды и подняла, уперев в кафельную стену.

— Американский образ жизни! — сказала она себе самой и взяла в руки чашку с кофе.

Изящно отпив глоточек, она уже протянула руку к телефонной трубке, как вдруг телефон зазвонил сам.

— Алло!

— Ну что? — с ходу выпалил Максим на другом конце провода.

— Все! — на выдохе ответила Вероника.

— Через двадцать минут буду!

Со стороны их можно было принять за двух разведчиков, которые вынуждены общаться при помощи паролей. Но на самом деле им просто не нужны были слова. За время, пока они дружили и скрывали от родителей свои отношения, они научились обходиться малым.

Вероника поспешила разбить эти стереотипы.

— Погоди! Ты хоть знаешь, откуда я с тобой разговариваю?

— Откуда?

— Я сижу в ванне, вся в пене. Пью кофе. И вообще, разлагаюсь тут, как могу...

— Это просто класс — я тебе завидую. Я тоже так хочу, слышишь? И желательно — вместе с тобой.

— Ну, этого я тебе обещать не могу... но для тебя водички согрею. Давай. Приходи скорей, — почти шепотом закончила она и с довольной улыбкой положила трубку.

Еще ни разу в жизни им не выпадала такая чудесная возможность: целый вечер быть

вместе и не бояться, что кто-нибудь нагрянет и разрушит их идиллию. Обычно они выкрадывали короткие сладкие часы, пока родители Максима или Вероники были на работе, да еще изредка, когда удавалось придумать какие-нибудь причины и не ехать с семьей на дачу. Вот тогда они часами целовались и обнимались, робко пристроившись на Вероникиной кровати — словно потом она могла их выдать.

Когда начался их знаменитый на всю школу роман, им было по пятнадцать лет. Даже самые строгие учителя смотрели с умилением, как эта юная и красивая парочка расхаживает по школе, не расцепляя рук. Они учились в параллельных классах — поэтому на время уроков им приходилось разлучаться. Зато перемены все принадлежали им. Ребята из класса разделились на два лагеря: одни откровенно завидовали влюбленным, а другие поглядывали на них с иронией (хотя наверняка сами в душе завидовали). В любом случае, самим Ромео и Джульетте было на это глубоко наплевать. Их не могла остановить даже обоюдная неприязнь родителей — а может, это даже их подзадоривало. Ведь приходилось скрываться, прятаться, идти на невинный обман — и это придавало их встречам особую остроту.

До конца им было непонятно — почему их родители относятся друг к другу с такой неприязнью. Впрочем, подозрения были. Покойный отец Максима всю жизнь проработал в КГБ. А между тем родители Вероники имели все основания относиться к работникам этого учреждения с ненавистью. Ведь когда-то давно, еще в конце сороковых, дед Вероники — коренной москвич и студент МГУ — был осужден и сослан на Сахалин всего лишь за рассказанный в компании анекдот. Бабушка — тогда еще невеста — в лучших традициях женщин-декабристок прямо из старых московских переулков уехала за ним. Но другие родственники малодушно от него отвернулись. Потом, конечно, дедушку реабилитировали. При определенном упорстве он мог вернуться в Москву. Но слишком уж горькой чашей оказалось для него предательство близких. Обиженный дед остался на острове каторжников. Бабушка сначала плакала и переживала, а потом родила ему сына. Так семья осела на Сахалине. Единственный сын, отец Вероники, не захотел перебираться в Москву — закончил политехнический институт в Хабаровске, женился на местной. Но неприязнь к органам государственной безопасности была и у него — видимо, он всосал ее с молоком матери. Желу он подобрал себе тех же взглядов — врач по профессии, мама Вероники слепо ненавидела государство и все, что имело к нему хоть малейшее отношение. Она имела привычку ругать работников больницы, детского сада, почты, собеса, сберегательного банка — не говоря уже о военных и государственных деятелях...

Одно было непонятно Веронике: при чем же тут Максим? Ведь сам он не работает в КГБ и даже не собирается? Однако обсуждать это с родителями она не решалась. Гораздо проще и интереснее было скрываться и прятаться.

Итак, Максим придет минут через двадцать. Вероника блаженно потянулась в уже начинающей остывать воде. Затем она допила кофе, взяла с полки пушистую капроновую мочалку и начала намыливаться. На губах ее блуждала задумчивая и счастливая улыбка. Сейчас она вымоется, чтобы быть чистой-чистой и уверенной в каждом потайном уголке своего тела. А когда придет Максим, ему она тоже нагрет воды... Они улягутся на диван в большой комнате и будут обниматься прямо без одежды. Наверное, это такое блаженство... Она обязательно посмотрит на Максима — как он выглядит полностью обнаженным. А когда им надоест, они будут смотреть телевизор... И снова обниматься и ласкаться... А потом, может быть...

В этом месте Вероника всякий раз обрывала себя — ей почему-то было стыдно

представлять себя и Максима в роли голых существ, которые странно и смешно двигаются. Эротические сцены из фильмов вызывали у нее непонятные чувства — с одной стороны, дикое животное любопытство, а с другой — какое-то неудобство за то, что творится на экране. Ей было стыдно за этих людей, за их нелепое поведение. Зачем же они бессовестно обманывают всех днем, строя из себя скромниц и почтенных дяденек? Наверное, здесь есть какой-нибудь секрет... И она обязательно разгадает его.

Вероника слегка подсушила длинные светлые волосы феном, запудрила мелкие веснушки на носу. Что ей лучше надеть? Обычно она ходила по дому в старых застиранных добела джинсах и футболке. Но теперь случай был другой — Максиму предстоит все это с нее снимать. Незачем создавать ему лишние трудности. Она же не какая-нибудь дешевая кокетка в кофточке с миллионом пуговиц. Вероника решительно достала из шкафа мамин японский шелковый пеньюар с золотыми птицами, вышитыми на синем фоне. Скромненько и со вкусом. А снимается — ну просто в одно мгновение. А под него — черные кружевные трусики, которые подарила ей Анька.

Последнее время Анька совсем пропала — даже с выпускного вечера незаметненько ушла раньше всех. Похоже, этот ее Артем совершенно закрутил бедняжке мозги. Всю четвертую четверть Анька ходила по школе с таким выражением лица, как будто ей известно что-то, чего не знают другие, и она страшно этим гордится. Впрочем, Вероника знала, что это было, и с удовольствием хранила тайну. Анькин ухажер — молодой учитель физкультуры из соседней школы — соблазнил ее в подсобке, где хранится спортивный инвентарь, прямо на матах. Теперь они каждый день встречались там в тайне от всех и по нескольку часов занимались любовью. Вероника не решалась расспрашивать подругу о подробностях этих встреч, но по нежно-розовому, заигравшему вдруг всеми красками лицу подруги видела, что любовные свидания явно идут ей на пользу.

— Счастливая ты, Анька! — говорила она. — А я вот не могу. Боюсь — и все. Как будто все это какое-то далекое, из чужой или из взрослой жизни.

— А ты-то кто есть — не взрослая, что ли?

— Ну какая я взрослая? У меня месячные-то всего два года назад пришли...

— Подумаешь, разве в этом дело. — Анька выпятила свои пухлые и крупные, как она говорила, «модные», губы. — А что — Макс и не настаивает?

— Да уж — не настаивает. Прет, просто как танк. Но и мы ведь не лыком шиты... — с лукавой улыбкой добавила она. — Брестская крепость не сдастся...

— Дура ты все-таки, Вероничка, — беззлобно сказала Анька и взлохматила ей челку. — Давно бы уже отдалась ему и жила спокойно. Все равно, чему быть, того не миновать.

— А если я забеременею?

— Какая фигня! Считать умеешь? Первые девять дней можно, потом девять дней — нельзя, а потом девять дней — опять можно. Вот и вся арифметика. Не залетишь ни за что в жизни.

— А вдруг все равно залечу?

— Ну тогда умрешь старой девой. А у Максима лопнут яйца. — И Анька расхохоталась невинно, как будто ей рассказали детский анекдот.

Совершенно незаметно, но невероятно быстро подруга из смешной угловатой девчонки превратилась во взрослую — даже чересчур взрослую — женщину...

Вероника поставила на плиту чайник — чтобы к приходу Максима был готов горячий чай. Достала из холодильника остатки торта «Наполеон», который мама испекла специально

в честь отъезда. Расставила чашки.

И тут раздался долгожданный звонок в дверь. Том громко и заливисто залаял, однако, почуввав своего, быстро успокоился. Запыхавшийся, в распахнутой на груди куртке, за дверью стоял Максим. Увидев роскошный наряд Вероники, он тихонько присвистнул.

— В таком халате только смотреть «Санта-Барбару», — сказал он и смело, по-хозяйски шагнул в квартиру. — Правда, уехали? — на всякий случай спросил он.

— Если хочешь, проверь под кроватями.

Входная дверь закрылась, и Вероника с Максимом очутились в полутемной прихожей. В одну секунду их словно толкнуло друг к другу. Так это всегда и случалось. Они и сами не понимали, что происходит — как уже начинали неистово, самозабвенно целоваться. В эти мгновения Веронику охватывала такая глубокая, счастливая нежность, что она ощущала ее почти физически. Она даже не могла бы определить: что ей приятнее — прикосновение губ Максима или чувства, которые она при этом к нему испытывает.

Когда их губы разнялись, Вероника сдула со лба растрепавшиеся волосы и, стараясь говорить невозмутимо, спросила:

— Чай будешь — с тортиком?

— Об чем речь... — Максим продолжал пальцами гладить шелковистую ткань на спине у Вероники — она словно завораживала его.

— Ну тогда пошли на кухню, а то там уже весь чайник выкипел.

Пока они пили чай, Вероника боялась поднять на Максима взгляд. Почему-то она думала, что он начнет говорить с ней о чем-нибудь запретном. Да, в темноте, закрыв глаза, она была готова на многое — но для этого надо было закрыть глаза. Встречать же некоторые вещи лицом к лицу она опасалась.

— Тортик сама пекла? — спросил Максим.

— Да нет, это мамины кулинарные изыски, — ответила Вероника.

— Хорошая у тебя мама. Люблю хозяйственных женщин.

«А я хозяйственная?» — сразу мысленно спросила себя Вероника. Ей хотелось во всем соответствовать вкусам Максима. Откуда ей было знать, что мужчины могут иногда сболтнуть что-нибудь просто так?

На самом деле Максим чувствовал себя просто на седьмом небе. Ему было совершенно наплевать, хозяйственная Вероника или нет. Его просто влекло к ней — влекло как к женщине... А ведь когда-то он знал ее совсем малышкой, и она казалась ему такой же вредной и неинтересной, как все девчонки. Потом это мнение с годами все больше менялось — по мере того как Вероника росла и расцветала. Сам Максим тоже времени не терял: к девятому классу перегнал всех мальчишек по росту и стал похож на красивого, породистого киноактера. Не из тех, которые играют в боевиках — с бычьими шеями и бритыми толстыми затылками. Скорее он напоминал героя-любовника из старых фильмов — с большими печальными серыми глазами в пушистых ресницах, длинным точеным носом, правильным овалом лица и прямыми темно-русыми волосами. Впрочем, печаль в его глазах была обманчива. Максим отличался довольно веселым — хотя и на редкость спокойным — нравом.

— Послушай, а тебя отпустили? — спросила Вероника.

— А я не спрашивался. Просто ушел — и все.

— Лучше не надо, чтобы они знали, куда ты пошел.

— Само собой. Сейчас позвоню Витальке — сообщу ему, что буду сегодня ночевать у

него.

— Ты собираешься уходить к нему?!

— Да нет же. Как ты могла такое подумать? Просто предупрежу его, чтобы знал, что врать, если мои вздумают к нему позвонить.

— А потом позвонишь родителям?

— Угадала... Только звонить я буду исключительно из ванной. И не забудь взбить пену и принести кофе...

— Ну, ask... — пожала плечами Вероника. — Я же обещала.

За окном уже белело предрассветное небо. Вероника лежала и не могла уснуть. Почти всю ночь они с Максимом провели в объятиях и поцелуях. Какой там телевизор! С того момента, как Максим с мокрыми волосами и полотенцем на бедрах вышел из ванной, они не могли оторваться друг от друга ни на секунду. Он сразу же выключил свет и приступил к решительным действиям. Мамин халат занял свое место на кресле, а розовое полотенце беззастенчиво разлеглось на ковре.

В темноте Веронике было не стыдно и не страшно — хотя Максим лежал рядом с ней совершенно голый. Они прижимались друг к другу всем телом — от щек до ступней. Она чувствовала его всего — и тот незнакомый волшебный орган, который, как она знала, вырастает у мужчин от сильного притока крови. Как ей ни было любопытно, она бы ни за что не решилась дотронуться до него рукой. Но даже когда это чудо случайно прикасалось своей горячей и нежной кожицей к ее бедрам, ее бросало в нервную дрожь. Это было новое, удивительное ощущение, и они оба наслаждались им. Говорить они не могли. Ничего не волновало их сейчас, кроме любви — а о ней они говорить стеснялись. Конечно, если бы мог, Максим сказал бы Веронике, какая она изумительно красивая, худенькая и нежная, какие у нее милые маленькие грудки, редкостные по длине и стройности ноги... Но Максим еще не умел всего этого говорить — и только исступленно гладил и ласкал любимое тело. Иногда его руки пытались забежать в ложбинку между ногами, но Вероника всякий раз останавливала его и крепко сжимала колени.

— Не надо... Не надо... — как заведенная, повторяла она, и Максим не смел ее послушаться.

Он и сам толком не знал, как все должно быть. В ванной он с ужасом смотрел на свой большой восставший член, сгорая от стыда и сознавая, что больше всего на свете ему хочется сейчас куда-нибудь это засунуть. Единственное, что он чувствовал, лежа рядом с голой, восхитительно горячей Вероникой, — это дикое возбуждение, от которого у него уже кружилась и болела голова, шумело в ушах и саднило в паху. Но он продолжал и продолжал заниматься этим сладким самоистязанием. Временами он забывался и пытался засунуть коленку Веронике между ног — иногда это ему даже удавалось. Но потом все снова возвращалось на круги своя. Даже когда он нежно и осторожно перебирал губами ее соски, когда, сам не понимая смысла своих действий, посасывал их, словно ребенок, Вероника не давала ему двинуться дальше определенной ею черты. В конце концов он почувствовал приближение финала и, порывисто вскочив, умчался в ванную. Он боялся, что это случится с ним на постели и он испачкает Веронике простыню. Но, когда он вернулся и лег рядом с разомлевшей Вероникой, все началось сначала...

Так они промучили друг друга до утра. Потом Максим, утомленный несколькими неполноценными оргазмами, все-таки уснул, а Вероника так и осталась лежать без сна. Она смутно чувствовала какую-то обиду и досаду — но не могла понять, чем она вызвана. Обвинять в своем состоянии Максима ей даже не приходило в голову. Наоборот, она думала про него с нежностью. Пока он спал, она легонько гладила его по волосам и думала: «Вот это и есть настоящее счастье...»

Когда совсем рассвело, в комнату забежал Том и своими шоколадными глазами подозрительно оглядел лежащих на диване Веронику и Максима. «Интересно, что он там

себе подумал?» — мелькнуло у нее в голове.

— Ну что, гулять хочешь, чертик? — шепнула она Тому, и он, виляя хвостом, склонил голову набок.

Выскользнув из-под обнимающей руки Максима, Вероника стала одеваться. Почему-то колени у нее дрожали.

На улице было сыро и туманно. От холодного утреннего воздуха Вероника окончательно расхотела спать.

Вернувшись, она первым делом вытерла Тому лапы. Потом вымыла руки, сполоснула лицо и отправилась на кухню. Надо приготовить завтрак. Пусть Максим увидит, какая она хозяйственная. Руки у нее по-прежнему дрожали, ноги — тоже. Внизу живота — ныло. Голова страшно гудела — ведь она всю ночь не сомкнула глаз.

Стараясь не греметь, Вероника поставила на плиту сковородку, достала из холодильника молоко и яйца. Затем, борясь с дрожью в руках, взбила венчиком омлет. Вылила в разогретое масло. «А вдруг он подгорит? Или будет чересчур жидкий?» — с тревогой подумала она. Ей ужасно не хотелось представать в неловком свете перед Максимом. Но, кажется, все получилось как надо. Вероника хотела переставить готовый омлет на другую конфорку, как вдруг ручка сковородки вырвалась из ее ослабевшей за ночь руки и... сковородка с грохотом полетела на пол. Просто упасть ей показалось мало — она еще сделала круг почета по всей кухне, при этом старательно разбрасывая свое содержимое по полу. «Вот черт!» — выругалась про себя Вероника. Ей вдруг стало нестерпимо жаль себя, и, опустившись на корточки среди ошметков омлета, она горько заплакала. Может, сейчас из нее выходила нерастратенная за ночь энергия — но она рыдала все громче и громче.

Когда разбуженный сковородкой Максим вбежал на кухню, он был так поражен этой картиной что испуганно бросился к Веронике:

— Что с тобой? Ты поранилась?

Вероника замотала головой. Максим порывисто прижал ее к груди и помолчал. Это подействовало безотказно — вскоре Вероника успокоилась.

— Ты в порядке? — снова спросил он.

— Я просто идиотка, — совершенно серьезно ответила Вероника и тыльными сторонами ладоней стала вытирать слезы.

— Сейчас я уберу весь этот бардак, — сказал Максим и отправился в ванную за веником.

Через пятнадцать минут они сидели за кухонным столом и ели яичницу, которую Максим приготовил сам лично. Вероника выглядела уставшей и изможденной.

— Через четыре часа у меня поезд, — хмуро сказала она. — До Южного.

Максим молча кивнул, продолжая жевать, словно мысли его витали где-то далеко. Вероника встала и принялась разливать по чашкам кофе.

— Никуда ты не поедешь, — вдруг выпалил Максим.

— Почему это не поеду?

— А вот потому.

— Но у меня билет на ночной самолет, — сказала Вероника. — Я обещала родителям. — Она поставила чайник на плиту и вернулась за стол.

— Ну что случится, если ты поедешь в Москву на недельку попозже — вместе со мной? Никто ведь ничего не узнает. Зато мы сможем целую неделю жить тут вместе...

Вероника молча и печально покачала головой.

— Ты не хочешь? — спросил Максим, и Вероника разглядела в его лице беспомощное и трогательное выражение, которое бывает у маленьких детей, когда на их глазах ломается любимая игрушка.

— Хочу! — со всей горячностью, на какую была способна, сказала она. — Но с меня взяли слово, что я сразу же из Москвы пришлю телеграмму.

— Всего-то? — с облегчением вздохнул Максим.

— Но для того, чтобы вовремя отбить телеграмму, надо сначала полететь этим рейсом в Москву. Это тебе не всего-то.

— Спорим, что они получат телеграмму? А мы с тобой в это время будем здесь — во-он на том мягоньком диванчике...

— Это как это?

— А вот узнаешь!

Максим позвонил ей в восемь вечера.

— Меня не пускают, — коротко сказал он.

От огорчения Вероника даже не знала, что ему ответить. Она уже так настроилась — она пообещала себе, что сегодня это обязательно произойдет, что они больше не станут так мучить друг друга... И время безопасное — у нее только-только кончились «критические дни». Вероника вдруг осознала, что тоже этого хочет. И ей совершенно все равно, какие будут последствия...

— Эй, что ты там замолчала? — оторвал ее от тягостных мыслей Максим. — Я же не сказал тебе, что не приду. Просто я буду попозже. Убегу, как только все уснут.

Все — это были мама, старший брат и бабушка Максима. Отца у него не было — три года назад он умер от рака. Теперь, когда мать овдовела, она стала чрезмерно волноваться за своих детей и часто бывала чересчур строга и даже несправедлива. Максим разрывался между жалостью к матери и желанием поступать по-своему. В конце концов он выбрал компромисс: делать все по-своему, но так, чтобы она не знала. Он понял, что другого выхода у него просто нет.

— Значит, ты придешь ночью, а уйдешь рано утром, пока все еще спят?

— Наверное, так. Но это же лучше, чем совсем никак. А потом снова вернусь — сделаю вид, что пошел в библиотеку решать тесты по математике... Не грусти, Веруня. Смотри не засыпай — дожидайся меня.

Вероника чувствовала легкие угрызения совести. Чтобы остаться на несколько дней с Максимом, ей пришлось пойти на довольно серьезный обман. Днем они сходили на почту и позвонили его другу Илье, который уже год как учился в МГУ и ждал, что Максим приедет и присоединится к нему. Илья оставил Максиму связной московский телефон своего приятеля Антона, который жил рядом с общежитием и мог в любой момент сбегать за ним. Схема сработала отлично: Максим позвонил из междугородного автомата этому Антону, попросил сходить за Ильей. Потом перезвонил еще раз, и трубку в Москве взял уже Илья. Дальнейшее было делом пяти минут.

— Слушай, старик, — сказал ему Максим. — Выручай. Найди адрес общежития Ветеринарной академии и завтра к вечеру отошли куда я тебе скажу такую телеграмму. Записывай — ДОЕХАЛА НОРМАЛЬНО УСТРОИЛАСЬ ОБЩЕЖИТИЕ ВЕРОНИКА. П напишешь адрес этого общежития. За телеграмму, как только приеду, расплачусь. Все записал? Тогда диктую адрес, по которому слать телеграмму... — И он прочитал по бумажке адрес, который Веронике оставили родители.

Ну вот, теперь для мамы и папы Вероника в Москве. Она утешала себя мыслью, что уже через несколько дней она действительно будет в Москве — и это вранье не продлится слишком долго. Зато они с Максимом проведут самое удивительное в их жизни время, а потом вместе поедут навстречу новой, незнакомой и манящей столичной жизни...

В тот вечер Том сбежал от нее на прогулке.

Вероника долго звала его, ходила по соседним дворам — пока совсем не стемнело. «Наверное, барышню нашел», — решила она наконец и вернулась домой без него.

Приняла душ, легла в кровать в обнимку с учебником зоологии и принялась ждать Максима. Из головы не шла их предыдущая бессонная ночь. Нет, закончиться это может только одним — физической близостью... Больше так продолжаться не может. Эти изнуряющие, доводящие до умопомрачения поцелуи, совершенно бесовские ласки. Кажется, по-научному все это называется петтингом. Но, как ни называй, а фактически они уже стали любовниками — недостает только самого главного. И почему она никак не решается переступить эту черту... Как говорят — и хочется, и колется. Наверное, это ужасно глупо. Ведь они любят друг друга. Значит, они неминуемо должны стать одним целым. Рано или поздно это обязательно случится. Тем более если они будут вместе учиться в Москве...

С этими приятными мыслями Вероника сама не заметила, как провалилась в сон.

Некоторое время она спала спокойно, но потом ей начал сниться какой-то лес — темный, еловый, с крючковатыми переломанными деревьями... Вернее, сначала ей приснилось, что она шагает по скошенному лугу... Потом небо над головой внезапно опустилось и потемнело, где-то вдалеке громыхнул гром — и вот тогда она, спотыкаясь, побежала к лесу, чтобы укрыться в нем от дождя... Кругом уже всюду сверкали молнии, по кустам свистел порывистый ветер... Лес, в который она попала, оказался неприятным, зловещим и болотистым... Кое-где в низинах стояла мутная зловонная вода, и в ней беззвучно копошились серые личинки... Даже во сне Вероника почувствовала отвращение и досаду... Куда она забрела!.. Вдруг прямо рядом с ней в гигантскую ель с шипением ударила молния... Резко пахнуло озоном и гарью... Вероника в ужасе отшатнулась и, не разбирая дороги, побежала, петляя между деревьями и проваливаясь по колено в чавкающую грязную воду... Следующий удар грома был таким сильным, что она проснулась и открыла глаза...

Первое, что она разглядела в темноте, — это лежащий на полу новый японский телевизор, который ей совсем недавно подарили ко дню рождения. Экран вдребезги разбился, и осколки его разлетелись по полу. Значит, раскаты грома ей не приснились! Это рухнул с подставки телевизор. Хорошенькое дело. А где же Максим? Неужели ему не удалось сбежать от родителей?

Сон тут же сняло как рукой.

Вероника вдруг осознала, что в воздухе висит какой-то странный гул — низкий, но такой мощный, что от него, как ей показалось, сотрясаются стены. В окнах, постанывая, дребезжали стекла... Она вскочила с кровати и влезла ногами в шлепанцы. Пол под ногами мелко вибрировал, и от этого стучали зубы, а перед глазами все расплывалось.

Теперь Вероника уже знала, что происходит. Землетрясение! Вот почему сбежал Том! А она не могла понять, отчего он так странно поскуливал перед прогулкой. Говорят, собаки и кошки первыми чувствуют приближение подземных толчков...

Она помнила с детства это ощущение зыбкости — когда стоишь и не можешь удержаться на ногах. Мелкие, в два-три балла, землетрясения случались здесь довольно часто. Вероника давно усвоила, что в таких случаях надо быстрее выбегать на улицу. Обычно они вместе с остальными жильцами дома забирались на ближайшую сопку — чтобы не

завалило обломками, если рухнет дом. Там они пережидали несколько подземных толчков, а уж потом возвращались и расходились по домам. Родители Вероники даже держали специальную сумку с ценностями и документами — на случай, если придется срочно покинуть квартиру. Но, может, ей просто померещилось спросонья?

Осторожно ступая, чтобы не напороться на стекла, Вероника подбежала к окну. Погруженный в темноту город на глазах оживал: одно за другим, словно по команде, зажигались окна противоположных домов, за шторами мелькали фигуры жильцов, из подъездов выскакивали раздетые, что-то кричащие друг другу люди... Вероника щелкнула выключателем и оглядела комнату. Хрустальная люстра со скрипом раскачивалась, словно маятник, и грозила упасть. С книжной полки на письменный стол попадали книги и какие-то мелочи. Карандаши и ручки со звоном подпрыгивали в стакане...

Где-то вдалеке завывала сирена.

Веронику охватила нервная дрожь — она знала, что в любую секунду толчок может повториться и быть уже сильнее предыдущего. Мозг ее заработал лихорадочно и четко. Главное теперь — быстрота. Сейчас она оденется и спустится во двор. Со второго этажа можно выскочить секунд за пять...

Не успела она все это подумать, как погас свет и с потолка с грохотом обрушилась люстра — к счастью, Вероника стояла в другом конце комнаты. Теперь от страха все мысли перемешались. Первые несколько секунд она не могла сдвинуться с места. Потом, как сумасшедшая, заметалась по комнате, хватая какие-то вещи и бросая их обратно. Распахнула встроенный шкаф. Надела на себя замшевое зимнее пальто... Прямо на босые ноги натянула сапоги... Затем снова замерла и прислушалась. Ей показалось, что гул, исходящий из земли, усилился. В это же мгновение пол под ногами тряхнуло с такой силой, что Вероника покачнулась и встала на четвереньки. Новый толчок! И вдруг она услышала громкий, душераздирающий визг откуда-то с улицы. Одновременно с этим за окном раздался звук, похожий на взрыв. Вероника вскочила на ноги, выглянула в окно и... не увидела там соседнего дома. Он рухнул. Просто сложился — как карточный домик. За несколько секунд из пятиэтажного дома получилась куча разломанного кирпича впережку со всем, что там находилось. Как слоеный пирог.

Веронику охватил панический ужас.

— Господи, да что же это... — бормотала она себе под нос, подхватила с постели одеяло и бросилась к двери.

Однако добежать она не успела: послышался страшный грохот и хруст, пол под ногами бешено затрясся и накренился, Вероника, потеряв равновесие, упала навзничь и скатилась обратно в глубь своей комнаты (потом она поняла, что только это ее и спасло — успеет она выбраться в коридор — и ее сплющило бы потолком, как и всех остальных)...

С этого момента она почти не осознавала, что происходит. Вокруг нее что-то со звоном падало и рушилось, искрила рвущаяся проводка, вопили в сотни голосов гибнущие под обломками люди. Все это происходило в течение каких-то секунд, пока длилась серия толчков, — а потом все стихло и Вероника очутилась в полной, кромешной темноте, стиснутая со всех сторон кирпичным ломом и бетонными плитами. Пространство было маленькое, как нора — в нем было почти невозможно шевелиться. В нос сразу же набилась кирпичная пыль — первые пять минут Вероника сотрясалась от мучительного чиха. Потом пыль понемногу улеглась, и тогда она смогла спокойно дышать.

Как только Вероника пришла в себя и поняла, что произошло, из груди у нее вырвался

хриплый протяжный вопль. Вокруг была вязкая, пугающе черная темнота. Она — внутри завала, внутри слоеного пирога!

— Люди! Помогите! Вытащите меня отсюда! — стала истошно звать она.

Но со всех сторон лишь глухо, словно сквозь вату, слышались сдавленные стоны и крики. Были детские — отчаянные и жалобные. Были женские — истерические и тонкие. И даже срывающиеся мужские. Некоторые — искажены болью.

Вероника попыталась нащупать лаз или хотя бы зыбкое место вокруг себя, чтобы попытаться выбраться наружу. Но ногти лишь беспомощно царапали бетон и спрессованную кирпичную крошку. В бок ей упиралась какая-то острая штука — Вероника вытащила ее и поняла, что это кусок плитуса. Может, ей удастся прокопать с помощью него какой-нибудь ход? Но сколько она ни пыталась — все напрасно. Она была заживо погребена под тремя верхними этажами и только чудом оказалась в зазоре между полом и бетонной плитой. Некоторое время она еще пыталась выбраться — кричала, стирала в кровь ногти, колотила ногами по холодному бетону, надеясь случайно обнаружить какую-нибудь брешь. Потом на какое-то время затихала, лежала, тяжело дыша и отплевываясь, — и принималась снова. Несколько раз она даже проваливалась в забытие, но потом просыпалась и начинала все сначала. В конце концов она совершенно обезумела и бессильно зарыдала. Нет, самой ей никогда отсюда не выбраться...

«А Максим? — вдруг пронзил ее запоздалый вопрос. — Что стало с Максимом? Жив ли он? Нет, он не мог погибнуть. Он же сам говорил, что их дом двухэтажный и поэтому сейсмоустойчивый...» Вспомнив его спокойное, чуть ироничное лицо, Вероника решила, что, попади он в такую ситуацию, как она, он не стал бы устраивать истерик. Зачем раньше времени паниковать? Может быть, все не так плохо, как кажется. Наверняка ведь ничего не известно. Надо постараться взять себя в руки. В конце концов, она будущий медик — хотя и ветеринар. И должна вести себя соответственно.

Вероника внимательно, как врач, обследовала свое тело — но обнаружила только синяки да несколько глубоких царапин от битого стекла. Наверное, ее защитило пальто, которое она натянула в последнюю секунду. Теперь оно спасало Веронику от холода. Зубы ее стучали, ноги постепенно занемели так, что она перестала их чувствовать. А вскоре она уже окончательно потеряла ощущение времени.

Она сознавала, что находится в состоянии шока. «Сейчас я засну, — успокаивала себя она. — Я должна заснуть. Это естественная защитная реакция организма на нервную перегрузку. Если будет новый сильный толчок и меня придавит, во сне я ничего не почувствую. А если все обойдется, то меня обязательно найдут. Боже мой, бедные родители. Они ведь думают, что я в Москве. И Максим... Что стало с Максимом...»

Очнулась Вероника от равномерного стука, который слышался откуда-то сверху.

«Спасатели!» — мелькнуло у нее в голове, и она набрала в легкие воздуха, чтобы во весь голос закричать. Но крик получился слабый и хриплый — наверное, за долгие часы, которые она пролежала в завале, она потеряла слишком много сил. Но нет, они должны ее услышать! Должны — или она погибнет! Вероника напряглась и снова из последних сил крикнула:

— Спасите меня! Я здесь! Помогите! Э-э-эй!

На этот раз голос ее окреп и звучал громче. И ей показалось, что сверху что-то прокричали ей в ответ. «А вдруг это Максим? — с надеждой подумала она. — Вдруг он остался жив и пришел меня разыскивать?» Вероника снова принялась кричать — теперь уже с воодушевлением, чтобы тем, кто был наверху, легче было сориентироваться на звук. «Только бы они сами меня не засыпали!» — в отчаянии думала она.

Звуки ломов о камень слышались уже совсем рядом.

— Я здесь, здесь! — продолжала кричать Вероника, но теперь загвоздка была в другом — спасатели никак не могли одолеть бетонную плиту, которую удачно заклинило под углом и которая, собственно, и спасла Веронике жизнь.

Вероника пыталась шевелиться и даже стучать по плите. Голоса спасателей звучали уже так близко, что Веронике было слышно, о чем они между собой говорят. Но, кажется, голоса Максима среди них не было...

— А возле подстанции — слышали? — говорил один. — Дом весь подчистую под землю ушел, в трещину — и только один мужик уцелел. Ему, понимаешь, среди ночи приспичило — а нужник у них метрах в двадцати на улице был, каменный такой. Ну, этого малого в нужнике и накрыло. Прямо на очке, его, бедолагу, заклинило. Вопил, как безумный. Достали его, конечно...

— Это еще что, — перебил его другой. — Вот у нас сегодня было: копали, копали и чуем по запаху — есть там кто-то, смердит уже. А вокруг все баба носится — нет, говорит, там никого, вся наша семья выбежать успела... А наш Митрич свое гнет — чую, говорит, есть там кто-то — и все тут. Так что, ты думаешь, оказалось? Докопались мы — а там холодильник раскрытый, а в морозилке — тухлая курица... — Несколько мужских голосов цинично захихикали.

— Слышь, ты там еще жива? — выкрикнул один, обращаясь под плиту к Веронике.

— Жива! — отозвалась она и вдруг принялась истерически рыдать.

— Руки-ноги целы?

— Вроде целы! — сквозь слезы проговорила Вероника и снова попыталась пошевелить затекшими ногами. Они не слушались. Тогда она кое-как размазала по лицу слезы и принялась старательно одергивать ночную рубашку и пальто — на ней ведь не было даже трусиков. Только сейчас она заметила, как отвратительно воняет ее одежда — видимо, из-за нервного срыва она описалась во сне. Ей было гадко сознавать, что сейчас эти веселые глумливые мужики обнаружат ее здесь в таком виде. И все-таки ничего на свете ей не хотелось сейчас больше...

— Давай, вот с этого края разгреби еще сверху — только смотри не переборщи, а то еще сорвется... — Вероника почувствовала, что плита, косо нависающая над ней, зашевелилась. — А слышали вы про старика-то верующего? — продолжал тот, что

спрашивал ее про руки-ноги.

— Какого еще старика? — переспросил другой голос, помоложе.

— А у него на глазах вся улица — как была — провалилась в трещину. Вместе с его домом. Сам он только по чистой случайности не дома был. А может, и учуял что костями своими стариковскими — шут его знает. Потом нашли его на дороге — сидит, молится, лбом поклоны бьет. Ребят наших за ангелов принял. Когда — спрашивает — светопреставление начнется? Я, мол, трубу архангела Гавриила уже слышал... Надо же, чего только люди не придумают. Некоторых достанешь — а они вылезают на свет Божий с поднятыми руками. Сдаются захватчикам. Мы — это, значит, у них захватчики. А землетрясение — это ракетный ядерный удар... Во как... Эй, там, внизу! — крикнул он, обращаясь к Веронике. — Сейчас поднимать будем — глаза зажмурь, а то ослепнешь!

Вероника послушно зажмурила глаза. Сейчас она ни о чем другом не могла думать — только о том, чтобы скорее оказаться наверху. Даже через прикрытые веки она почувствовала свет, но глаза сразу открыть не решилась.

— Ну, вылезай из своей берлоги! — сказал тот спасатель, что казался постарше остальных. — Поглядите, мужики, какую мы Снегурочку откопали — прямо тебе готовая фотомодель... И почти целая, — шутками он старался подбодрить Веронику и всех остальных, которые уже устали с утра до вечера смотреть на смерть и страдания.

Вероника попробовала пошевелить ногами, но не смогла — они затекли так, что, казалось, больше ей не принадлежали. Спина и поясница ныли. Руки хоть и слушались, но любое движение причиняло нестерпимую боль. Шея при каждом повороте хрустела.

— Ну что, сама небось не встанешь? — спросил старший и, не дожидаясь ответа, крикнул куда-то в сторону: — Ребята, носилки сюда тащите! Барышню транспортировать будем!

Только сейчас Вероника решилась приоткрыть один глаз. Оказывается, были уже сумерки — на западе теплились последние розовые лучи солнца. В воздухе висела вечерняя прохлада. Значит, она пролежала под землей почти целые сутки!

Тот самый спасатель, которого по голосу Вероника приняла за старшего, на вид оказался довольно молодым, спортивного вида мужчиной. Возраст выдавали только тронутые сединой виски. Он осторожно подхватил Веронику под плечи и под коленки, а затем опустил ее на приготовленные брезентовые носилки. Как только носилки оторвались от земли, Вероника повернула голову и окинула взглядом то, что осталось от их пятиэтажной кирпичной «хрущевки»: бесформенная гора битого кирпича, обломков мебели, пыльной одежды и других предметов человеческого существования, ставших в одночасье мусором. Она знала многих соседей — неужели все они погибли?

— Подождите, не уносите меня так сразу... — попросила Вероника и на несколько секунд умолкла. — Скажите, а вы достали из нашего дома кого-нибудь еще?

— Живьем только четверых, — так же хмуро, в тон ей, ответил другой спасатель, совсем молодой парнишка-кореец, — но все в разных подъездах. У пятого пульс сначала прощупывался, а потом... Крови он много потерял...

— А мертвых?

— Что — мертвых?

— Мертвых в нашем подъезде доставали?

— Ты еще спрашиваешь... — ответил кореец и отвернулся.

— Все, больше вопросов нет, — отчеканила Вероника и заставила себя проглотить

слезы. — Несите меня куда положено.

Она понимала, что эти мужчины просто не в состоянии делить горе с каждым из спасенных. Когда двое с носилками спустились с горы обломков во двор, Вероника увидела остальных своих спасителей: грязные, небритые, они сидели вокруг костра в добытых из развалин шикарных кожаных креслах и молча курили. У некоторых одежда была перепачкана кровью. Один из них — в форме морского офицера — старательно наматывал на ножку от стула какое-то тряпье, а потом обмакнул ее конец в железную банку с крупными буквами «СОЛЯРКА» и поджег от костра. Вспыхнул яркий факел. Другой — бодрый белобрысый усач — держал в руке раскрытую трехлитровую банку с солеными огурцами — видимо, тоже обнаруженную среди остатков. Нисколько не смущаясь, он окунал в банку грязные пальцы, доставал огурцы и громко ими хрустел. Перехватив удивленный взгляд Вероники, он весело подмигнул ей:

— Хочешь?

Та поспешно замотала головой.

— А что — не пропадать же добру... Люди, понимаешь, старались, заготовливали...

— Спасибо. Мне пока нельзя ничего есть, — спокойно сказала Вероника. — И вообще, спасибо вам огромное за то, что меня вытащили. Дай вам Бог здоровья.

— На вот тогда, хоть водички попей... Снегурочка... — участливо улыбнулся «старший» и протянул Веронике неполную пластиковую бутылку. — Чего-чего, а этого добра здесь завал. Водопровод весь покорежило, с канализацией смешало. Японцы, вот, целых два вертолета минералки прислали. Теперь долго будем из этих бутылочек жажду утолять.

Вероника с благодарностью приняла бутылку. Сначала, лежа под землей, она мучительно хотела пить, но потом в ее организме, видимо, что-то перестроилось, и последние часы она почти не ощущала ни голода, ни жажды. Только теперь, при виде прозрачной, пронизанной жемчужными пузырьками воды, она поняла, насколько сильна ее жажда. Пока парнишка-кореец и второй молодой спасатель, которые взялись донести ее до ближайшей передвижной санчасти, курили вместе со своими братьями, Вероника всласть напилась воды, жадно припав к горлышку бутылки. Движения ее были неверными, и вода стекала по подбородку, проливалась на меховой воротник замшевого пальто. Затем Вероника завинтила пробку, положила заветную бутылку рядом с собой, блаженно откинулась головой на носилки и закрыла глаза. Через некоторое время носилки снова качнулись и поплыли над землей. Вероника открыла глаза, осторожно повернула голову и стала смотреть на проплывающий мимо пейзаж.

Город лежал в руинах. Из домов остались стоять только деревянные — да еще некоторые низкие одноэтажки. Деревья и кустарники местами были выкорчеваны с корнем и походили на притаившихся возле дороги чудовищ... Кругом на обочинах и тротуарах пылали костры, бросая на уцелевшие остовы домов зловещие тени... В густеющей темноте появлялось все больше людей с самодельными факелами... Один из них подбежал к носилкам и наклонился к самому лицу Вероники — она даже уловила его несвежее дыхание, какое бывает у людей с больными зубами. «Наверное, ищет кого-нибудь», — подумала Вероника и, бегло встретившись с незнакомцем глазами, отвернулась.

— Извините, обознался, — пробормотал мужчина и побежал дальше.

Вдоль улиц рядами были сложены трупы — некоторые чистенькие и аккуратные, словно приняли смерть в своей постели, другие — перепачканные в крови и изуродованные

до неузнаваемости. Встречались и те, что потеряли ногу, руку и даже голову... Неужели среди них есть и ее знакомые — учителя, одноклассники, их родители? Вероника вся подобралась изнутри, как пружина, и бесстрашно смотрела на них, не отводя глаз.

«Ты должна быть настроена только на спасение, — учил Веронику знакомый хирург — старый заслуженный врач Петр Ефремович, который уже вышел на пенсию и теперь работал на приеме в детской поликлинике. — Жалость и сочувствие нужно спрятать на самое дно — иначе в самый ответственный момент у тебя может дрогнуть рука. А что касается мертвых — к ним вообще нужно относиться спокойно. Их уже не спасти».

Петр Ефремович водил Веронику в анатомичку — показывал ей вскрытие, учил не бояться мертвого тела. «Для тебя не должно быть душ — только тела, объекты. По-другому никак. Если о каждом будешь думать как о живом, то сама свихнешься — и не сможешь работать». Тогда Вероника еще готовилась поступать в медицинский — собиралась пойти по стопам матери. Но потом, после нелепой смерти ее любимой кошки Царицы, твердо решила, что будет лечить животных. «Врачей, которые лечат людей, и так много, — объяснила она родителям, — а вот тех, кто может помочь животным, в некоторых городах нет вообще». Именно тогда родилась идея поступать в Московскую ветеринарную академию...

Носилки все плыли и плыли над землей, а Вероника, словно замороженная, не сводила глаз с картины разрушенного города. Прямо над их головами с рокотом пролетел вертолет. Возле одного из полуобвалившихся домов работала какая-то съемочная группа, освещающая его прожекторами и юпитерами. Рядом с крыльцом промтоварного магазина, в котором уцелел первый этаж, стоял фургон с надписью «ХЛЕБ», и грузчики, как тени, мелькали с лотками туда и обратно. В покосившейся витрине посреди груды расколотого стекла, в смешных неестественных позах лежали два манекена — мужской и женский. Мужской был одет в черный костюм, а женский — в какое-то легкомысленное полосатое платье. Почему-то вид этих беспомощно распластанных больших игрушек вызывал даже больший ужас, чем мертвые искалеченные тела людей. Даже спасатели, которые тащили носилки, покачали головами и переглянулись. Кореец философски заметил, кивнув в сторону витрины:

— Вот ведь... Этим ничего не сделается. Выходит, что люди — они и есть самые хрупкие. А все говорят, что фарфор с хрусталем. Нет, не так... — Он размеренно шагал, переступая через разбросанные по улице обломки искореженной мебели. — Другой раз раскопаешь человека. Сам он, как штопор, три раза вокруг себя перекручен, а где-нибудь под ногой лежит маленькая хрустальная рюмочка — целехонькая! Или какой-нибудь елочный шарик...

Они свернули в переулок, где сохранилось много почти полностью уцелевших построек. Может быть, толчки здесь были слабее, а может — стены крепче. Попадались и дома, которые были разрушены не до конца, а как бы перерезаны пополам. В одном месте Вероника увидела в таком разрезе целую квартиру: двуспальную кровать, сервант с посудой, диван с парой кресел, на стене — ковер и часы с маятником. Он еще отстукивал время...

Когда они подошли к передвижной санчасти, уже почти стемнело. Здесь царили суматоха и неразбериха. Где-то неподалеку тарахтела машина — спасатель объяснил ей, что это гудит силовая установка, которая гонит электричество в операционные. Кругом, укрепленные где только можно, горели факелы. Вдоль улицы выстроились военные машины с зажженными фарами и вертолеты — видимо, гуманитарная помощь. Кругом роились толпы людей, то и дело раздавались выкрики:

— Ваня! Ванечка! Отзовись!

— Папа! Ты здесь!

— Где мне достать кислородную подушку?! — И все в таком роде.

Раненых здесь разделяли на две категории — особо тяжелых помещали в уцелевшем здании прокуратуры, а тех, кто был легко ранен или просто в шоке, укладывали на раскладушки в больших солдатских шатровых палатках. Вероника попала в категорию «легких». Строгая девушка с блокнотом представилась «Службой оповещения населения» и записала в блокнот ее фамилию и имя.

На прощание кореец-спасатель протянул ей пакетик арахиса и сказал:

— Ну ладно, ты давай выздоравливай. Ты еще молодая — все у тебя будет... — После этого они взяли на лотке еще по паре бутылок бесплатной минералки и ушли.

Пока Вероника лежала на носилках и дожидалась своей очереди, она, почти не ощущая вкуса, съела орешки и запила их остатками воды. Несколько раз она снова пробовала пошевелить ногами. Кажется, теперь это ей удавалось. Но когда она попыталась подняться с носилок, чтобы поискать среди раненых Максима или кого-нибудь из знакомых, в глазах у нее помутилось и она рухнула прямо на газон. Очнулась она, когда носилки уже внесли в небольшой предбанник палатки.

Сначала пожилая хромота санитарка с совершенно непроницаемым лицом предложила Веронике помочиться в судно. Потом прямо на носилках раздела Веронику догола и слегка обмыла ее влажным ватным тампоном на палочке — видимо, чтобы не заносить в палатку лишнюю грязь. Общупала по очереди все кости, промяла живот. Густо смазала царапины и порезы зеленкой. Затем, ничего не спрашивая, вколола ей два укола («Противошоковый и глюкоза», — мелькнуло в голове у Вероники), натянула на нее чистую фланелевую больничную рубашку и велела двум помощникам унести ее и положить на раскладушку. Замшевое пальто и сапоги по причине их гигиенической негодности забрали в чистку.

Теперь Вероника лежала в скудно освещенной свечами палатке среди других легких раненых, и все ее имущество и богатство состояло из жесткого матраса, отсыревшей подушки и колючего шерстяного одеяла. Свернувшись под ним калачиком, она обхватила голову руками и постаралась выгнать из головы все мысли. Пока их груз был для нее непосилен...

— Мама!.. Папа!.. Максим!.. Бегите все на сопку... На сопку!.. А-а-а-а!!! Вытащите меня отсюда! Спасите! — Девушка из правого ряда металась, как в бреду, и в голос выкрикивала какие-то фразы.

— Этак она нам всю палату переполошит...

Две пожилые санитарки переглянулись, и одна из них — хромоножка — проковыляла по проходу к возмутительнице спокойствия. Когда она приблизилась, девушка снова принялась кричать — теперь она звала во сне какого-то Максима. Длинные и прямые белокурые волосы прилипли к бледным, по-детски пухлым щекам, губы были в кровь искусаны.

— Девочка! А девочка! — позвала санитарка, склонившись к самому ее лицу. — Проснись — не то ты мне всех тут перебудишь.

Девушка в испуге распахнула глаза и уставилась на санитарку непонимающим взглядом.

— Как тебя зовут, дочка? — так же шепотом спросила женщина и вдруг заметила, что у девушки на руках изломаны все ногти.

«Видно, из завала достали», — подумала она про себя и вафельным полотенцем стерла со лба девушки липкий холодный пот.

— Вероника... Меня зовут Вероника. — Девушка наконец поняла, где она находится и что от нее хотят.

— Вероника? Верочка, значит... Ну что ж ты, Верочка, так громко кричишь — сны у тебя, видать, плохие?

Девушка незаметно смахнула из уголка глаза слезу.

— Знаете, меня замучили кошмары, — стараясь говорить спокойно, произнесла она. — Наверное, мне стоит вколоть что-нибудь успокоительное, тогда я крепко усну и не буду орать.

— Вот видишь, какая ты рассудительная — умница, Верочка, — ласково сказала санитарка, и лицо ее немного оттаяло, утратив свое непроницаемое выражение. — Ты подожди, я тебя сейчас уколую, средство у нас есть очень хорошее — швейцарцы из Красного Креста всем раздавали. Будешь у нас спать, как младенец. Ты пока не думай ни о чем — и спи. У меня тоже дом обвалился — все мы теперь такие. Но это, милая, ничего — как-нибудь выкрутимся. Говорят, тем, кто без крыши остался, компенсацию платить будут. Американские коттеджи строить. Выживем как-нибудь... — И она снова похромала на пост.

После укола девушка действительно стала спать спокойнее. Она уже больше не металась, а тихо лежала, раскинувшись на спине, словно нимфа, которая прилегла отдохнуть на берегу озера. «До чего ж хороша, — подумала санитарка, когда обходила ряды раскладушек со свечой, чтобы поправить своим подопечным одеяла. — А ноги-то, ноги — прямо как у манекенщицы. Длинные, фасонистые — и ведь совсем еще девчонка!»

— Эх, несчастная наша судьба... — вздохнула самой себе она, натянула девушке одеяло до самого подбородка, чтобы та не мерзла, и отправилась на пост. Была уже глубокая ночь...

Судовой врач плавбазы «Маршал Мерецков» Елена Владимировна, склонившись над столом, промывала рану молоденькой рыбообработчице, которая порезалась при разделке рыбы. Все шло по плану: ее сразу предупредили, что такие травмы случаются здесь чаще других. Они находились в море всего второй день — а с порезами в медпункт обратилось уже несколько человек. Еще двое сразу слегли с простудой, у троих схватило живот... Елена Владимировна проворно орудовала бинтом. Медсестру она отпустила пообедать и теперь спокойно, ничуть не смущаясь, выполняла ее нехитрую работу. Когда она уже почти закончила повязку, дверь вдруг с шумом распахнулась и в каюту ворвался главный механик судна — Александр Борисович, который по совместительству являлся и ее мужем.

— Лена! Только не волнуйся! — с порога закричал он.

— Что? Что-нибудь с Вероникой? — вскинула она голубые глаза.

— Землетрясение. Девять баллов. Разрушения — девяносто пять процентов, — на одном дыхании выдал он и, обессиленный, опустился на обтянутую клеенкой кушетку.

— А как же Вероника?! — в ужасе прокричала врач. — Что с ней?!

— Не волнуйся. Радист получил телеграмму из Москвы. Вместе с сообщением с землетрясении...

— Это не в Аниве? — пискнула рыбообработчица, которую Елена Владимировна все еще держала за пораненную руку.

— Нет! — рывкнул механик, а его жена поспешно добинтовала руку испуганно глядящей на них девушке и отпустила ее.

Как только та вышла из медпункта, Елена Владимировна села рядом с мужем на кушетку, стянула с головы белую шапочку с тесемками и, обхватив руками пушистую белокурую голову, принялась раскачиваться из стороны в сторону.

— Господи, как хорошо, что мы ее отправили, как хорошо... — причитала она.

— Да... Если бы не наша плавбаза, может быть, и нас бы уже в живых не было...

— А дом наш — точно?.. Как ты думаешь?

— Думаю, да. Такие хрущевки всегда валяются первыми.

Елена Владимировна в голос заплакала. Муж обнял ее за плечи, помолчал.

— Что же нам теперь делать? Что же делать? — сквозь слезы причитала женщина. — Столько лет мы все это наживали... Теперь кануло все — вещи, ценности, память, в конце концов... Столько фотографий... Кто теперь все это нам вернет?

Муж гладил ее по голове:

— Ну не надо, Аленушка, не надо... Самое главное, что Вероника жива, а остальное ведь такая ерунда, ей-Богу...

Дверь в каюту медпункта распахнулась, и на пороге вырос капитан судна — седовласый и седоусый Иван Иванович. Из-за могучего плеча его выглядывал молодой рыжий боцман Сережа. Оба были нахмуренные и суровые.

— Слышал, слышал я про ваши дела, — сказал он, проходя и устраиваясь на первом подвернувшемся стуле. — Глубоко вам соболезную. Дочка ваша, значит, жива осталась? Счастье это большое. Других каких родных в городе не оставалось?

— Нет, — скорбно глядя в пол, ответил механик.

— А дом, как вы полагаете, ваш мог устоять?

— Думаю, не мог.

— Ну, значит, будете компенсацию от государства получать.

— А может быть, как сейнер с утра подойдет — нам пересесть на него и... — начал механик, но капитан перебил его:

— А зачем же вам это надо, чудак вы человек? Ну, приедете вы туда: дома вашего нет, вещей нет. И главное, дочери нет. Ну, получите самые первые компенсацию. А дальше-то что? Жить-то где? Пока еще какие-нибудь бараки для потерпевших построят... И будете вы по сырым палаткам мыкаться, вшей собирать. Мыслимое ли дело? Водопровод не работает, помыться негде — да люди бегут оттуда пачками. А вы сами ехать туда хотите. Погодите — успеете вы еще намаяться. Пользуйтесь, пока у вас крыша над головой есть. А потом — вам теперь, после землетрясения, деньги, что ли, не нужны стали? Спокойно себе отплаваете, денег подзаработаете, а потом получите свою компенсацию и как раз хорошую квартиру себе справите — вместе с мебелью... Что, разве не прав я, Серега? — обратился он за поддержкой к боцману.

Рыжий, конопатый боцман едва заметно кивнул.

— Дело все говорите, — коротко подтвердил он.

Супружеская чета молчала, впорив глаза в пол. Конечно, капитану, со своей стороны, не хочется отпускать с борта хороших работников и спешно искать новых. Но, похоже, он думает не только о своей пользе. Действительно, что они будут делать в городе — помогать строить? Но там им не удастся заработать столько денег, чтобы купить потом приличную квартиру. А про компенсации от государства лучше вообще не говорить...

К вечеру решили точно: они остаются на плавбазе. И пусть все идет своим чередом — как будто и не было никакого землетрясения. Будут посылать весточки Веронике в Москву. А она — им. Деньги у нее есть — достаточно перевести их на московский счет. А через полгода они вернутся, и на летние каникулы дочка приедет уже в новую квартиру...

Ранним утром в палатку, где лежала Вероника, хлынули несчастные, оборванные люди с воспаленно горящими глазами — это были те, кто надеялся обнаружить здесь своих уцелевших родных. Безжалостный свет, падающий из небольших капроновых окошек, выхватывал глубокие морщины, пролегшие у них под глазами, — следы горя и измождения.

От шума многие из лежащих на раскладушках проснулись и тоже принялись с надеждой выискивать в толпе своих близких. Изредка раздавались радостные возгласы — и счастливыцы бросались друг другу в объятия. Однако даже в таком гвалте пробудились не все. Некоторые продолжали спать — то ли из-за глубокой усталости, то ли под действием лекарств.

Хромоногая санитарка проходила по рядам и пыталась растолкать спящих. Красивая белокурая девушка, которой она среди ночи делала инъекцию успокоительного, лежала на шелохнувшись — точно так же, как она оставила ее ночью. Одеяло снова было сброшено почти на пол, и из-под задравшейся рубашки торчали длинные ноги в пятнах зеленки.

— Вероника! — крикнула у нее над ухом санитарка, старательно прикрывая ее одеялом. — Верочка, проснись! Тебе надо покушать... — Но сколько она ни старалась, разбудить девушку не могла. Наверное, швейцарское лекарство было рассчитано на длительное действие.

Вдруг она заметила, что какой-то плотный, но довольно молодой мужчина в камуфляжной куртке остановился и пристально вглядывается в лицо спящей.

— Сестренка! — вдруг радостно воскликнул он. — Это же Вероника, моя сестренка!

Пожилая санитарка поспешно и неуклюже поднялась.

— Неужели сестра? — недоверчиво свела брови она. — Что — родная?

— Двоюродная! — выпалил мужчина и схватился за коротко стриженную голову.

— А вы часом не Максим? — пытливо заглядывая ему в лицо, спросила санитарка. — Она ночью все звала какого-то Максима...

— Да Максим я, Максим! — хлопнул себя по бедрам мужчина. — Можно мне прямо сейчас ее забрать? У меня машина. Отвезу ее к тетке в Томари.

Санитарка всплеснула руками.

— Господи, счастье-то какое — брат нашелся! Забирай, конечно, что ей здесь, бедняжке, горе мыкать. Пойдем, запишут тебя — и сразу же забирай! — сказала санитарка и, хромя, зашагала к посту. — Сам-то без носилок ее донесешь?

— Донесу, — пробурчал мужчина.

— Только ты смотри — за ней пока уход нужен. Ее ведь из завала достали. Дам тебе таблетки специальные — будете ей после еды давать еще дня два. Потом уже она и сама оклемается. Родители-то у нее, видать, погибли... Звала она их все ночью, металась...

Они подошли к посту, где сидела другая дежурная — в зеленой шапочке, надвинутой по самые глаза, и больших очках. Корявым, неразборчивым почерком она заносила отбывающих в журнал.

— Паспорт? — Не поднимая головы, она протянула руку к мужчине, но тот лишь удивленно на нее уставился.

— Какие могут быть сейчас паспорта, мамаша? — пробасил он. — Да у меня копейки ломаной не осталось — не то что паспорта. Весь дом, почитай, под землю ушел. Если бы я

вчера не поехал на дачу... мы бы с тобой уже не разговаривали...

— Но я не имею права отдавать вам больную без предъявления паспорта, — перебила его дежурная.

— Эх! — махнул рукой мужчина. — Да как же вы так можете! Живые ведь люди кругом! Это ж сестра моя — Вероничка. Или сердца у тебя нет? Скажи — что для тебя важнее: какая-то бумажка вонючая или человек? Ты лучше подумай, как лежит она тут, бедная, словно сиротка. А я ведь жив остался... — Он громко постучал себя кулаком в грудь, после чего снова досадливо махнул рукой.

Очкастая дежурная молча покачала головой, но тут в разговор вмешалась хромоногая санитарка.

— Да отдай ты ему девчонку, Серафима. Видишь, какая кругом путаница. Паспортов ни у кого нет — только на совесть и приходится полагаться. Ну что тут еще усложнять — брат старший ее разыскал, прямо на машине забрать может. А у нас и без того мест нет... Вон, раненые все прибывают...

Словно в подтверждение ее слов в палатку заглянул запыхавшийся мужчина и обратился к дежурной:

— Вот, привез еще двадцать человек... Как у вас с местами?

— Сейчас посмотрю... — всполошилась хромоногая и скрылась в глубине палатки.

Дежурная прикусила губу и задумалась. Потом бросила взгляд на мужчину в камуфляже.

— Ладно, уговорили — забирайте. А может, помните свои паспортные данные наизусть?

Тот вдруг начал рыться в карманах куртки и наконец извлек оттуда несколько больших плиток шоколада.

— Вот вам мои паспортные данные — сгодятся? — осклабился он.

Дежурная так же молча, не глядя, сложила шоколадки в ящик стола и отрывисто продолжила:

— Давайте фамилию и адрес.

Мужчина, то и дело оглядываясь на спящую девушку, продиктовал дежурной в очках фамилию и адрес, после чего продрался через толпу к ее раскладушке и осторожно поднял на руки. Уже на выходе его догнала хромоногая санитарка. В руках у нее было красное шерстяное одеяло.

— Одежды у нее, сам понимаешь, не было. На вот, возьми, а то еще простудишь девку в дороге.

— Угу, — торопливо кивнул мужчина и, попрощавшись, скрылся в толпе.

Вероника открыла глаза и не поняла, где она находится. Комната и кровать с пестрым лоскутным одеялом, в которой она лежала, были совершенно незнакомыми. Это была даже не комната, а какой-то огромный чердак или мансарда. Над железной пружинной кроватью нависал один из скатов крыши, сходящихся наверху. Под другим скатом размещался комод, заваленный японскими порнографическими журналами, и потертый раскладной диван. Окурки из стоящей на комоду переполненной пепельницы частично просыпались на грязный деревянный пол. В одном свободном углу теснились груда обшарпанных стульев и старая швейная машинка в футляре. В другом — целая крепость, составленная из картонных коробок, запечатанных заводским способом. Единственное полукруглое окно в торце было зарешечено, дверь напротив — плотно прикрыта.

Где она? Как она могла здесь оказаться? Она четко помнила, что спасатели принесли ее на носилках в санчасть... Помнила, как хромая санитарка сделала ей ночью успокаивающий укол... Сколько же сейчас времени?

Вероника порывисто вскочила с кровати — и почти сразу же села обратно. Голова кружилась. Ноги были как ватные. Немного посидев, она все-таки собрала остатки сил и подошла к окну. Отдернула занавеску, открыла тугую створку. В комнату сразу ворвался щекочущий теплый ветерок.

Однако то, что она увидела за окном, не просто повергло ее в изумление — внутри у нее все похолодело от неясного тревожного предчувствия. Она была не в городе! Дом, в который она попала, стоял чуть ли не среди сопки, и кругом не было видно другого человеческого жилья. Подножие сопки начиналось совсем недалеко, а между ней и домом протекала небольшая речушка, берега которой густо поросли гигантскими лопухами и кое-где чахлыми ивами. Если прислушаться, можно было уловить даже плеск бегущей по камням воды. К реке от дома вела узкая тропинка. Перед крыльцом, по всей видимости, когда-то был небольшой огорожок, но теперь он весь зарос лебедой, кислицей и розовым иван-чаем. Больше из окна мансарды не было видно ничего — обзор по бокам закрывали деревья. Где же она? Сколько она здесь пролежала? Судя по высоте солнца, сейчас было часов двенадцать.

Почему-то Вероника совсем не думала о землетрясении. Не вспоминала ужас, пережитый ею под землей, внутри завала... Даже о Максиме она сейчас не думала. Мудрая память отчаянно сопротивлялась — словно чувствовала, что хозяйка этого просто не вынесет. Нет, сейчас она могла думать только о том, что происходит с ней в данный момент. Надо было во что бы то ни стало выяснить, где она находится.

Вероника была по-прежнему в больничной рубашке неопределенного цвета, без трусов. На всякий случай она обмоталась лоскутным одеялом — единственным, что в этой комнате могло сойти за одежду, — и, осторожно ступая босыми ногами по грубому полу, направилась к двери. Вопреки ее опасениям тяжелая дверь оказалась незапертой. За ней в потемках начиналась крутая лестница, ведущая вниз, на первый этаж. Деревянные ступеньки скрипели — каждая на свой лад. Внизу на лестницу падал свет — видимо, из окна.

Помещение, в котором она очутилась, было небольшой застекленной террасой. Как и в мансарде, все окна здесь были прикрыты тяжелыми решетками. «Прямо не дом, а тюрьма какая-то», — с тоской подумала Вероника и выглянула в окно. Отсюда просматривалась проходящая позади дома шоссе́йная дорога, которая вдалеке сворачивала и по мосту

пересекала речушку. Значит, ее привезли на какой-то придорожный дачный участок... Но зачем? Кому это могло понадобиться?

Вероника осмотрелась. На террасе стояли круглый стол, покрытый засаленной клеенкой, деревянные стулья с круглыми спинками, старый буфет для посуды и шкафчик для обуви. На стене возле железной входной двери была прибитая вешалка с металлическими крючками. На ней болталась грязная, замызганная джинсовая куртка. Видимо, комната служила хозяевам одновременно прихожей и столовой. На столе валялись чугунная сковородка с присохшими остатками яичницы, черствый кусок черного хлеба и опрокинутый мутный стакан, из которого тянулся по столу липкий коричневый ручеек. Даже если Вероника и хотела есть, то при виде этой картины она сразу забыла о голоде. Пахло отсыревшим деревом и мышами. Вероника хорошо помнила этот животный запах — однажды в ящике на балконе мама обнаружила мышье гнездо. В нем было штук двенадцать крохотных мышат. Вероника не разрешила никому их трогать, а унесла в банке на улицу и отпустила в траву. Вряд ли они могли выжить там — но это было все же лучше, чем смывать их в туалет, как предложил отец. После этого случая они завели черную кошку, которую Вероника назвала Царицей... Вероника почувствовала, как внутри у нее что-то сжимается, словно пружина, и поспешно отогнала от себя мысли о доме.

Первое, что она сделала, — это подошла к железной двери и подергала за ручку. Именно этого она и боялась — входная дверь была заперта. Кажется, она действительно попала в ловушку. Но, может быть, на окнах в других комнатах нет решеток?

Вероника дернула еще одну дверь — ведущую внутрь дома, — и она поддалась. Теперь Вероника оказалась в небольшом темном коридорчике, из которого расходились еще четыре двери. А вдруг в этих комнатах кто-то есть? Она поплотнее обернула вокруг тела пестрое лоскутное одеяло. Взволнованно облизала губы. Постояла молча, прислушалась. Никаких звуков, кроме гомона птиц, доносящегося снаружи. Наконец она решилась, осторожно приоткрыла одну из дверей — ту, что слегка отстояла от других, — и заглянула в щелку.

Судя по всему, это была кухня. Вероника осмелела и открыла дверь пошире — никого. Единственное окно зарешечено. Грязная газовая плита, немногим более чистый разделочный столик, пара кухонных шкафчиков... Большой и современный, совершенно не подходящий к обстановке холодильник, раковина с подвесным раковинником, рядом на гвозде серое, давно не стиранное полотенце... Вот и весь интерьер. Несмотря на убогую, даже отвратительную обстановку, Вероника чувствовала, что буквально умирает от голода. Последний раз она нормально ела еще дома, а это было позавчера (она помотала головой, чтобы отогнать от себя страшные воспоминания)... После этого она съела только пакетик орешков, да еще санитарка, как она предполагала, вколола ей что-то вроде глюкозы для поддержания сил. С тех пор во рту у нее не было маковой росинки. Ей казалось, что если она немедленно не съест чего-нибудь, то просто свалится с ног. «Ну и что такого, если я залезу в их холодильник? — сказала она самой себе. — Они же сами привезли меня сюда и заперли — я их об этом не просила». И все-таки, прежде чем пускаться на поиски съестного, она решила обследовать другие комнаты. Вдруг хозяева сидят там преспокойно и смотрят телевизор? Хороша же будет картинка, если они вздумают зайти на кухню и увидят там Веронику, поглощающую их запасы... Вероника вышла из кухни, прикрыла за собой дверь и снова остановилась.

Три двери. Лучше начать слева направо.

По очереди она заглядывала в каждую из них и сразу же окидывала взглядом всю

комнату, а потом отдельно бросала взгляд на окно. Это гостиная (окно с решеткой), это спальня (тоже с решеткой), а это... Она подергала дверь — комната была заперта. Даже если там окно без решетки, все равно ей туда не попасть. Настоящая тюрьма. В комнатах, как она и предполагала, никого не было. «Скорее что-нибудь поесть!» — сказала она себе самой и устремилась на кухню.

Обследование холодильника и кухонных шкафов принесло прекрасные результаты: пригодными в пищу оказались сухари с маком, сыр, шоколад, пакет хрустящего картофеля и непечатаемая бутылка пепси. Почти с радостью, несмотря на все постигшие ее несчастья, Вероника набросилась на еду. Молодой сильный организм властно требовал поддержки. Она старалась не торопиться, тщательно пережевывать пищу, потому что как будущий медик знала, что после долгого перерыва от обильной еды может схватить желудок. Очень быстро она утолила первый голод. Скомкав пустой пакет из-под чипсов, она выбросила его в ведро, которое обнаружила под раковиной, а остатки продуктов вернула на место.

После этого решила, пока не вернулись хозяева, лучше осмотреть комнаты. Может быть, это прольет хоть какой-то свет на происходящее. Во всяком случае, она будет знать, чего ей от них ждать.

В гостиной она не обнаружила ничего примечательного. Все как везде: «стенка», заполненная всяким добром, диван с двумя креслами, торшер, журнальный столик и телевизор с видеомagneитофоном. Единственное, что бросалось в глаза, — это беспорядок, неряшливость во всем, упорно выдававшие отсутствие в доме женщины-хозяйки.

Следующей комнатой была спальня. Она тоже не отличалась оригинальностью, но здесь имелись хотя бы намеки на что-то дамское — например, огромное зеркало, в которое Вероника не преминула тут же посмотреться. Выглядела она, как ей показалось, ужасно. Серое то ли от грязи, то ли от переживаний лицо, спутанные пыльные волосы, запавшие глаза... Она скинула на пол лоскутное одеяло и задрала фланелевую рубашку. Все ноги и бедра были в порезах и ссадинах, щедро вымазанных зеленкой, отчего имели почти тигровую окраску.

— Кошмар! — вырвалось у Вероники, и она с отвращением опустила рубашку.

Видел бы ее сейчас Максим... Можно представить, какое у него было бы лицо... Вероника вдруг поняла, что больше всего на свете хотела бы сейчас увидеть Максима. Она бы бросилась к нему на шею и сразу бы обо всем забыла. Они бы даже не разговаривали...

И вдруг за высоким платяным шкафом Вероника увидела еще одну дверь. Как она только сразу ее не заметила! Совершенно забыв об осторожности (а вдруг бы там кто был?), она распахнула ее и вошла. За дверью оказалась просторная, обшитая дорогим кафелем ванная комната. У стены стояла небольшая сидячая ванна, рядом с ней — титан для нагрева воды, рядом с титаном — стопка дров, а в углу (весьма своевременная находка) — приветливо журчащий и даже относительно чистый унитаз. Вот уж чего она не ожидала здесь найти. И ванна, и унитаз выглядели в этом доме так же нелепо, как и трехкамерный холодильник. Тем не менее зрение ее не обманывало, и из крана, как убедилась Вероника, текла настоящая чистая вода. Правда, прежде чем подставить под струю всю руку, она сунула только пальчик, а потом брезгливо поднесла его к носу — вспомнив слова одного из спасателей о водопроводе, смешанном с канализацией. Но здесь, по всей видимости, воду качали свою, артезианскую. Вероника подошла к титану и потрогала его. Он оказался слегка теплым! Значит, с утра хозяева грели воду и не израсходовали ее...

Соблазн был слишком велик. Вероника одним движением скинула рубаху, переключила

с холодной на «горячую» и, ежась от холода, стала мыться. От воды ссадины на ногах сразу же защипало. Но она не обращала на это внимания и, торопясь, пока не кончилась вода, с мылом оттирала заскорузлую от пыли кожу. На уголке ванны она обнаружила флакон шампуня «Эльсев», плеснула себе на ладонь, кое-как вымыла волосы. И вдруг... Вероника услышала, как где-то в глубине дома хлопнула дверь. Она уронила мыло и прислушалась. Больше никаких звуков. Может, ей показалось? Быстро смыв с себя мыльную пену, она выключила воду и хотела уже вылезти из ванны, но тут дверь толчком распахнулась и в комнату вошел совершенно незнакомый, высокий и грузный мужчина в камуфляже.

Она проснулась от собственного крика. Снова ей всю ночь снились кошмары. То она бежала через знакомый уже корявый лес на голос Максима — она слышала его где-то вдалеке, но сколько ни пыталась догнать, только все дальше углублялась в чащу... То она оказывалась под землей и представляла, что она в желудке у какого-то огромного хищника, и сейчас он начнет ее переваривать... То проваливалась в болото и начинала барахтаться в мутной жиже, захлебываясь и теряя сознание...

Впрочем, явь была ничуть не лучше, чем сны. Свернувшись под хлипким лоскутным одеялом, Вероника вспоминала мерзости вчерашнего вечера, и ее охватывала ненависть с примесью отвращения. Сейчас у нее уже не осталось ни слез, ни даже жалости к себе. Только холодная, сводящая скулы ненависть к этому человеку.

...Не успела она вылезти из ванны, как этот пьяный ублюдок, ни слова не говоря, набросился на нее и принялся, прямо мокрую, тащить в спальню. Вероника кричала и упиралась, пыталась колотить по нему кулаками, но куда было ей справиться с этим амбалом. Некоторое время они боролись на кафельном полу, и Вероника пожалела о том, что у нее изломаны ногти. Оставались только зубы, однако ублюдок, несмотря на свои габариты, ловко уворачивался от них. Кажется, его даже развлекала эта возня — временами у него вырывался довольный, похожий на рычание зверя смех. Заметив, что ее крики действуют на него возбуждающе, Вероника сцепила зубы и решила, что с этой минуты она не проронит ни звука. Назло. Скотина! Если бы у него были волосы, она бы могла схватить за них, но, как нарочно, на голове у него топорщился короткий ежик. Напротив, длинные волосы Вероники давали ему большие преимущества. В какой-то момент он просто поволок ее за волосы по полу, и Вероника ничего уже не могла сделать. Он бросил ее на незастланную двуспальную кровать с несвежим бельем, скрутил обе руки за спину и, приперев эту конструкцию поперек мощной ногой, принялся суетливо расстегивать ширинку. Вероника в отчаянии оглядывалась по сторонам в поисках какого-нибудь подходящего предмета, которым в случае чего можно обороняться. Но поблизости ничего не было. Значит, сейчас этот ублюдок... От бессильной ярости и отвращения она замотала головой и завывала. Однако все оказалось еще хуже, чем она себе представляла: через несколько секунд прямо у нее перед лицом навис огромный синеватый член, которым мерзавец, гнусно хихикая, метился прямо ей в рот.

— Тварь! — процедила сквозь зубы Вероника и попыталась отвернуться.

Но насильник свободной рукой снова ухватил ее за волосы и повернул ее лицо обратно. Затем он грубо раздвинул пальцами сжатые губы и вставил ей в рот свою мерзкую колбасину. Из груди у него тут же вырвался хриплый похотливый вздох. Вероника зажмурила глаза от стыда и отвращения. Однако ублюдок уже не обращал на нее внимания — он пытался все глубже всадить свое отвратительное оружие в жертву. Вероника почувствовала, как горло у нее конвульсивно сжимается. Еще немного — и ее бы вырвало. И вдруг зубы ее сами собой сжались... Последнее, что она услышала, был громкий срывающийся вопль ублюдка — после этого от сильнейшего удара по лицу Вероника потеряла сознание. Она не знала, что именно он с ней делал потом, но, когда она очнулась — уже в своей кровати на чердаке, — все тело нестерпимо ныло от синяков, левая щека распухла, а в промежности жгло как огнем. Бесстрастно, с хладнокровием прирожденного

медика, она села на корточки, раздвинула ноги и засунула пальцы во влагиалище. Да, он порвал ей плеву. Она уже не была больше девушкой. Вероника зарылась головой в подушку и отчаянно, в голос зарыдала. Она так мечтала, чтобы это сделал Максим! Так долго к этому шла! Они уже год бродили вокруг да около — он не торопил, она не решалась... И тут все в один день, в одну секунду, с каким-то мерзким ублюдком... Лучше бы она тогда послушалась Аньку и уступила Максиму... Смешно вспомнить — она боялась забеременеть! Теперь-то залет ей уже обеспечен — если только ее не спасла счастливая случайность... Да что там говорить! Теперь, после проклятого землетрясения, вся ее жизнь покатила в помойную яму! Она ведь до сих пор не знает, жив ли Максим! Жива ли Анька! Жив ли вообще кто-нибудь из ее знакомых! У нее больше нет дома! Ее самой, можно считать, тоже нет! Она плакала долго — пока не обессилела и не заснула воспаленным, тревожным сном...

Теперь, проснувшись, она задумалась: а как, собственно, она сюда попала? Скорее всего этот негодяй просто выкрал ее, воспользовавшись общей суматохой. Просто представился родственником — и увез к себе в логово. Вероника слышала о том, что здесь, на Сахалине, встречаются случаи своеобразного рабства. Людей, оставшихся без крова и без родных, нанимают в пожизненные работники — только за прокорм, убогий ночлег и ежедневную бутылку водки. Поначалу такие «рабы» думают, что они немного поработают, а потом начнут нормальную жизнь, но потом так втягиваются, что им уже ничего больше не нужно. Наверное, сейчас, после землетрясения, ряды рабовладельцев пополнятся...

Вероника снова ощупала свое тело и с трудом, сцепив зубы от боли, поднялась с кровати. На ней не было даже больничной рубахи, которая, видимо, так и осталась лежать в ванной. Вероника привычно завернулась в лоскутное одеяло и подошла к окну. Было раннее утро. Над речушкой висела белая пелена тумана, на сопке одна за другой просыпались птицы.

Некоторое время Вероника задумчиво смотрела на бледный утренний пейзаж, как вдруг заметила на берегу какое-то шевеление. Дымка уже начинала рассеиваться, и из-за сопки пробивались оранжевые косые лучи солнца. Прищурившись, Вероника отчетливо увидела, как по берегу реки шагает какой-то человек в высоких болотных сапогах. На плече его висел пластмассовый бидон, а в руках он держал удочку. Рядом с ним, спотыкаясь на камнях, бежала крупная серая овчарка. Не теряя ни секунды, Вероника с грохотом распахнула окно, просунула голову в решетку и что есть силы крикнула:

— Э-эй! Дяденька! Спасите меня! Э-э-эй! Слышите! Меня заперли здесь! Эй!

Она кричала довольно громко, но из-за тумана и из-за шума воды рыбак ничего не слышал. Его собака остановилась и наострила уши, но затем, видимо, послушавшись окрика хозяина, потрусил дальше. А Вероника так и осталась стоять у окна. Выругавшись, она в бессильной злобе ударила кулаками о подоконник.

Уже через минуту она услышала топот ног по ступенькам. Ну конечно, она разбудила зверя. Вчерашний мучитель был одет в джинсы на голое тело, через пояс которых складками свешивался волосатый живот. В утреннем свете его заспанное, небритое лицо выглядело особенно омерзительно. Вероника инстинктивно прижала рукой край обмотанного вокруг нее одеяла. Почему-то на ум ей пришло слово «пахан». Глаза ее смотрели прямо и вызывающе.

— Ну че ты дергаешься, телка? Все равно тебе от меня не уйти. Да и куда ты теперь? В городе ни одного целого дома не осталось — только КГБ да прокуратура... — Он загоготал — видимо, придя в восторг от собственной наблюдательности. — А я и прокормлю, и

обогрею. Живи, блин, пока не надоешь... Много мне от тебя не надо — в доме прибраться да обед сварганить. Ну и баловства чуть-чуть, само собой... — Он скабрёзно ухмыльнулся. — А за вчерашнее ты зла не держи — сразу не разобрался, что целка...

Вероника угрюмо молчала. Да и что она могла сказать? Пытаться взывать к его совести — он и слова-то такого, наверное, не слышал. Оставалось только ждать, что он скажет или сделает дальше. Когда Пахан попытался пройти в глубь мансарды, Вероника, не сводя с него настороженного взгляда, отступила к окну.

— Да не бойся ты — у меня и у самого после вчерашнего хрен болит. — Он снова гаденько захихикал. — Чуть, блин, не откусила...

Вероника вспыхнула и отвернулась к окну. Теперь уж Пахан в голос захохотал и попытался ущипнуть ее за ляжку. Отпрянув, Вероника едва не разбила локтем оконное стекло. А он при свете вдруг разглядел на лице Вероники следы их вчерашнего «общения». Один глаз у нее заплаыл, щека была синего цвета.

— Ну у тебя и рожа... — покачал головой Пахан. — Ладно, пошли... — неожиданно подобрел он и, крепко схватив ее за руку, потащил к лестнице. — Одежду дам — не голой же тебе ходить...

Он завел ее в спальню. Потом принес из соседней комнаты большую картонную коробку и начал прямо на кровать вытряхивать из нее вещи — все совершенно новое, в целеньких упаковках. Чего здесь только не было — и нижнее белье, и колготки, и дорогие пеньюары, и юбки, и джинсы всех цветов, и модные короткие футболки-топы, и кофточкострейч, и рубашки... В конце концов кровать стала напоминать прилавок продавца на оптовом рынке.

— Вон, видишь, какой я богатый... — похвастался он.

Конечно, Веронике не хотелось ничего брать от этого мерзавца. Но, с другой стороны, она понимала, что своего у нее все равно ничего нет. И потом, если она будет пытаться сбежать от этого ублюдка — а она будет наверняка, — ей нужно быть, по крайней мере, одетой. Она подняла на Пахана вопросительный взгляд.

— Ну, какие проблемы? — спросил он. — Выбирай, пока я добрый.

Вероника молча смотрела на него. Пока что она не находила в себе сил разговаривать с ним. Пусть лучше сам догадается.

— Ладно, ладно, сейчас уйду. Какие мы, блин, нежные!

Он вышел, правда, только в ванную, и оттуда через некоторое время стали доноситься совершенно недвусмысленные звуки человеческих отправлений.

Вероника стала торопливо перебирать вещи. Только самое необходимое. Так... Трусы-неделька — одни она тут же нацепила на себя... Глухой длинный халат... Ночная рубашка — попроще... Синяя футболка с длинным рукавом — тоже на себя... С коротким — в запас... Черные джинсы подошли сразу... Теплая фланелевая рубашка — на случай холода... Заколки для волос... Массажная расческа... Зубная щетка... Пара полотенец... Китайская раскладная сумка... Так, кажется, все. Обувь! Она же совсем босая. Тапочки сразу на себя... Босоножки... И на всякий случай кроссовки... Она услышала звук спускаемой воды. Быстро покидала все вещи в сумку. Подумав, бросила еще три пары простых носков и плотные — в сто ден — колготки. Затем подошла к зеркалу и принялась распутывать давно не знавшие расчески волосы. С бесстрастным выражением лица рассмотрела огромный лиловый синяк.

Пахан вышел из ванной, распространяя вокруг себя удушливый запах одеколona. Кинул взгляд на стройную фигурку Вероники в черных джинсах. Потом увидел на кровати сумку с

вещами и одним движением вытряхнул все на пол.

— Так... Это тебе не надо (отшвырнул кроссовки и босоножки)... Это ни к чему (послал им вдогонку фланелевую рубашку)... Дома тепло, а на улице тебе делать нечего... А сейчас марш на кухню готовить завтрак. Мне надо в город.

Вероника закончила расчесывать волосы и сколола их заколкой. Теперь, если не брать во внимание синяк во всю щеку, она выглядела довольно сносно. Вдруг она почувствовала у себя за спиной тяжелое дыхание Пахана. В следующую секунду он грубо схватил ее за плечо и повернул к себе:

— А че это ты мне ничего не отвечаешь, а? В молчанку, что ли, играть вздумала? Меня, между прочим, Ле-ха зовут.

Вероника подняла на него взгляд полный ненависти.

— Обычно об этом сообщают до того, как тащат девушку в постель, — сказала она.

— Ой, ой! Какая краля! Она мне еще указывать будет, когда кому чего сообщают... Может, ты еще мне подскажешь, в какую дырку мне тебя трахать — тоже мне фуфло... — Он характерным жестом вскинул растопыренные пальцы и отвернулся. — Ты уж лучше не вые...ывайся, пацанка, а то живо у меня схлопочешь. Я тебе мигом другой глазик загримирую — для симметрии...

Вероника скрипнула зубами и опустила глаза.

— Что готовить, Ле-ха? — голосом женщины-робота спросила она.

— Яичницу, — коротко ответил Пахан и, открыв шкаф, начал одеваться.

Губы Вероники сами собой сложились в горькую усмешку, она вспомнила, как жарила Максиму омлет и уронила сковородку. Это было всего три дня назад...

К завтраку на террасу Пахан вышел уже готовый в дорогу — в той же камуфляжной форме, что пришел вчера. «Интересно, чем он занимается? — подумала Вероника. — Может, охранник в магазине? Или «челнок»? Иначе откуда у него столько товара?» Но спрашивать его она не стала. Завтракали молча. Потом Пахан прямо рукой вытер жирный подбородок, оглушительно рыгнул, встал и начал, как мачеха Золушке, отдавать Веронике распоряжения. Ей предстояла полная уборка в доме, стирка и приготовление обеда из трех блюд. Меню на ее усмотрение.

— И чтобы без фокусов, — предупредил он. — Если подсыплешь чего не то — все равно убью. А сам не убью, так дружки за меня дело закончат. Поняла?

— Поняла, Ле-ха, — тем же механическим голосом отозвалась Вероника и начала, громыхая, убирать со стола посуду.

— Вечером приеду — готовься... — ухмыльнулся он перед уходом. — Воды согрей. Титаном умеешь пользоваться?

Вероника молча кивнула — у них дома всю жизнь был титан. После этого она услышала, как он старательно запирает на несколько замков дверь.

— Мерзкий ублюдок... — тихо пробормотала она ему вслед и бессильно опустилась на стул. — Господи... Максим... Если ты только жив, Максим, спаси меня...

Шел четвертый день ее пребывания в доме Пахана.

Все повторялось: утром он куда-то уходил, вечером приходил поддатый, отпирал третью комнату, сгружал туда какие-то коробки, вываливал на стол продукты, быстро съедал то, что приготовила Вероника, мылся, потом насиловал ее (правда, оральных контактов теперь избегал) и засыпал. После этого измученная Вероника поднималась к себе и долго лежала, боясь уснуть. Стоило ей провалиться в сон, как кошмары возвращались к ней с новой силой. К счастью, во время очередной «уборки», она наткнулась на аптечку и откопала в ней для себя успокоительное и снотворное. У нее даже мелькнула мысль, а не использовать ли таблетки все сразу, чтобы покончить к чертовой матери с этой дрянной жизнью... Но здравый смысл победил. Где-то далеко в океане за нее беспокоятся родители... И еще Максим... Нет, она должна отсюда выбраться.

В доме теперь все сияло. В шкафчике ванной комнаты она нашла толстые резиновые перчатки, которые помогали ей бороться с приступами отвращения во время уборки и стирки. Она даже сделала себе маску из кухонного полотенца — ей казалось, что так она защитит себя от чужих, ненавистных микробов, с которыми ей приходилось возиться. Единственная комната, в которую ей до сих пор не доводилось попасть, была та самая «третья комната» с вечно запертой дверью. Она так и не выяснила, есть там на окне решетка — или нет.

И вот, кажется, первый раз за все время ей повезло. Еще с вечера, когда Пахан загружал туда товар, она заметила, что второпях он забыл запереть дверь, разумеется, напоминать ему об этом Вероника не стала. Все утро она молилась, чтобы Пахан не вспомнил о незакрытой двери. И он так и не вспомнил. Как обычно, угрюмо буркнул: «Ну, я пошел!» — и грохнул железной дверью.

Убедившись, что ее мучитель уехал (теперь она знала, где стоит его машина), Вероника осторожно, будто боялась обнаружить там кого-то еще, заглянула в потайную комнату.

Боже! Это была не комната — целый склад! Коробка с одеждой, которую Пахан щедро вывалил тогда перед ней на кровать, казалась лишь каплей в море по сравнению с изобилием, которое царило здесь! Кроме того, эта комната производила впечатление самой просторной в доме.

Первая мысль, которая пришла в голову Веронике, это что ее «хозяин» — владелец промтоварного магазина. Но потом некоторые детали показались ей странными... Одежда была свалена прямо в кучу на расстеленном красном японском одеяле — и это была явно не новая одежда. В одной из коробок она обнаружила совершенно разномастные золотые и серебряные украшения — тоже ношенные. А в другой — прикрытой газетой — лежали всякие документы и паспорта — все с разными фотографиями и фамилиями... Вероника прикусила губу, и вдруг взгляд ее наткнулся на крупный заголовок в газете: «СМЕРТЬ МАРОДЕРАМ!» Так вот в чем дело! Этот Леха — мародер! Вот почему он так старательно запирает эту комнату... Только сейчас Вероника вспомнила, зачем она сюда пришла. Подошла к глухо зашторенному окну, заглянула в щелку — разумеется, здесь тоже была решетка. Окно было в торце и выходило прямо на дорогу. Дом стоял чуть в глубине, отделенный полоской бамбуков, а по другую сторону шоссе возвышалась сопка. «Скорее всего это дорога на Южно-Сахалинск», — подумала Вероника. От нее отделялись две пробитые в траве колеи,

по всей видимости, огибающие дом и заканчивающиеся возле сарая, где Пахан ставил свою машину.

Вероника вернулась к коробке с документами и взяла газету в руки. Смерть мародерам... Значит, это свежая газета! Местная! Она развернула ее — так и есть, «Сахалинская правда». У Вероники подступил комок к горлу. Газета показалась ей крохотным посланником из далекого города. Кроме того, она уже забыла, как выглядят буквы. В доме ублюдка книги не водились, а от японских порножурналов, валявшихся на чердаке, ее тошнило.

Подумав, она решила, что оставаться надолго в запретной комнате опасно (вдруг Пахан вздумает за чем-нибудь вернуться?), поэтому прикрыла коробку с паспортами какой-то тряпицей и, прихватив заветную газету, поднялась к себе.

Там она уютно устроилась на кровати, разложила перед собой на коленях газету и с самого верха начала читать. Номер вышел еще во вторник — на второй день после землетрясения, как раз, когда ее откопали из завала. Возможно, кое-какая информация здесь уже устарела, но все-таки... Глаза ее побежали по строчкам.

«...Произошло землетрясение, какого остров не знал уже полвека... Толчки силой в девять баллов... Разрушено девяносто пять процентов зданий... Общий ущерб... Деньги на восстановление... Прибытие команд спасателей из Канады и Франции... Компенсация (сумма еще не определена)... Так... Мародеров расстреливать на месте... Ограблены магазины... За отрубленный у мертвого палец с кольцом возмущенные люди забили мародера насмерть...»

— Так ему, скотине, и надо... — вслух проговорила Вероника и перевернула страницу.

Сердце ее едва не выпрыгнуло из груди. В середине газеты были опубликованы огромные списки погибших. Фамилии располагались по алфавиту. В первую очередь она стала искать на букву Г — так, на всякий случай. У Вероники была длинная и редкая фамилия — Губернаторова. Она досталась ей от деда, который был сослан на Сахалин из Москвы. Веронику всегда удивляло, почему он не стал возвращаться после реабилитации. «Из дурацкого принципа», — как говорила бабушка, когда была еще жива. А потом прибавляла: «Только на тебя и надежда, Веруня. Может, хоть ты вернешься к истокам». Палец Вероники полз вниз по мелкому списку... Губернаторовых в списке не было. Значит, девушка с блокнотом записала ее куда надо. Затем Вероника принялась искать Аньку на букву К. Вот — Колобов, Колобова... В страшном списке были родители Аньки. К счастью, самой ее не было. Значит, ей тоже повезло, как и Веронике... Но теперь осталось самое главное. Рука ее скользнула к крайнему столбцу и отыскала букву Ц. Цветницкий — такая фамилия была у Максима. Вероника усилием воли заставила палец двигаться вниз по столбику. Цаплин... Цаплина... Царев... Несколько Цветковых... Цветова... Цветницкий... Она изо всех сил вгляделась в расплывающиеся буквы. Неужели... Нет, она не ошиблась. Цветницкий Максим Александрович. Внутри у нее словно прорвалась горячая плотина. Е ушах зазвучала какая-то бурная музыка — Вероника не сразу поняла, что это удары ее собственного сердца. Она даже заплакать не могла — это было какое-то страшное, запредельное состояние. «Нет, так нельзя, — подумала она, — я не должна верить. И я ни за что не поверю. Он должен, должен быть жив...»

Трясущимися руками она отбросила газету, выдвинула из-под кровати китайскую сумку (больше ублюдок в нее не лазил, поэтому она смело держала в ней что хотела), порылась в ней и достала упаковку элениума. Положила в рот сразу две таблетки и запила минеральной

водой, бутылка с которой тоже стояла под кроватью. Потом прилегла на постель и лежала молча минут пятнадцать.

Теперь, под действием элениума, мысли ее шевелились медленно — как водоросли в реке. Некоторое время она просто сидела на кровати, подтянув колени к подбородку, и раскачивалась из стороны в сторону. Потом принялась что-то напевать. Потом вдруг резко вскочила, схватилась за край чистой льняной простыни, которую сама же вчера и стирала, и, дернув руками в разные стороны, разорвала ее на две части. «Нет! Нет! Нет! — рыдающим голосом закричала она. — Нет, он жив!» Увидев перед глазами обнажившийся серый, в бурых пятнах матрас, бросила все и, босая, подошла к окну.

Солнце было уже высоко, погода для второй половины июня стояла на удивление теплая и ясная. На другом берегу речки, на сопке, шевелились от ласкового ветерка жемчужно-зеленые бамбуки. Вода приветливо журчала по перекасту. И вдруг Вероника заметила, что вся река, от одного берега до другого, бурлит, переливается и кишит живностью. Вглядевшись получше, она поняла, что это пошла на нерест сима. Обычно в этих местах она нерестилась первой из всех красных рыб. Но такое количество бунтующей рыбьей плоти Вероника видела в первый раз. Это было настоящее торжество жизни. Огромные, в руку величиной серебристые рыбины, петляя по камням и перепрыгивая через преграды, двигались против бурного течения, спотыкались, бились головами, драли бока, но продолжали ползти, словно знали какой-то великий и загадочный смысл бытия. Их мощный, упрямый ход вызывал трепет и восхищение. Глядя на них, казалось, что, попадись на их пути любая преграда, они все равно преодолеют ее и не откажутся от своего радостного движения. Даже смерть, неминуемо поджидающая в конце пути, была не в силах их остановить...

Полчаса Вероника, как замороженная, стояла у окна и угрюмо наблюдала за нерестовой рыбой. Сколько ни пыталась себя заставить, она не могла думать о Максиме как о мертвом. Нет, это ошибка. И она ни за что не поверит, пока не увидит его... своими глазами. Пока не поймет, что он из тех, кого уже не спасти...

А рыбины все шли и шли вверх по реке — словно дразнили ее, поблескивая на солнце серебристой чешуей. «Холодные, глупые твари, — думала Вероника, — ну откуда в них столько силы, столько упорства и жажды жить? Ползут и ползут... И все им нипочем...» Ей казалось несправедливым, что какие-то жалкие рыбы сильнее и целеустремленнее ее, Вероники.

Нет, даже если Максима больше нет, даже просто назло всему она должна выжить и выбраться отсюда. Она ни за что не сдастся. «Ты еще молодая, все у тебя будет», — сказал ей на прощанье кореец-спасатель. И он, черт возьми, прав. Несмотря ни на что, все у нее будет. Пусть судьбе было угодно предложить ей путь против течения — она все равно преодолеет его.

Вечером после ужина Вероника, как всегда, убирала на террасе тарелки и мучительно придумывала, как бы ей сегодня уклониться от близости с Паханом. Выход был только один: разозлить его, чтобы он ее избил и брал уже в бесчувственном состоянии. Конечно, таким образом она не избежит близости — но хоть создаст иллюзию... С другой стороны, этот амбал может не рассчитать удар и снести ей ненароком полчерепа... Нет, лучше уж просто взять и напиться до бесчувствия...

Ее мысли прервал какой-то шум за окном. Глянув через стекло, Вероника увидела, что слева по дороге, ведущей к сараю, переваливаясь в пыльных колеях, едет желтый «газик». «Милиция!» — молнией пронеслось у нее в голове. Сейчас она вырвется на свободу! Они должны ее спасти!

Однако звук мотора слышала не только она. Из коридора уже доносились торопливые шаги хозяина дома. Вот он вышел на террасу, и Вероника заметила, как из кармана джинсов он извлек небольшой, но явно не игрушечный пистолет. Тем временем на улице уже хлопнули дверцей. Пахан подошел к окну, взгляделся. Вероника продолжала складывать тарелки. Сквозь окно ей было видно, как к дому приближается высокий мужчина в милицейской форме. Пахан щелкнул затвором.

— А ну марш на кухню! — цыкнул он. — И чтоб сидела там как мышь, а не то убью! — Для убедительности он сделал жест пистолетом.

Вероника послушно, словно японская гейша, скользнула за дверь. Что ж, она подождет. Ее время еще впереди. Наверняка у милиционера тоже есть оружие. Главное, держаться от ублюдка подальше, чтобы он не смог захватить ее в заложницы...

Она встала под дверью и принялась изо всех сил вслушиваться в то, что происходит на террасе. Сначала по очереди щелкали замки на железной двери. Затем дверь скрипнула, заглушая первые реплики хозяина и милиционера. Потом их разговор продолжился, но так тихо, что Вероника не могла разобрать ни слова. Нет, надо действовать... А то они так поговорят-поговорят — милиционер решит, что все в порядке, и уедет.

Вероника решительно распахнула дверь и вышла на террасу. При ее появлении оба вздрогнули от неожиданности и повернули головы. Не успел никто из них открыть рта, как Вероника бросилась к милиционеру.

— Товарищ милиционер! — стараясь не срывать в истерику, начала она. — Спасите меня, прошу вас! Этот человек привез меня сюда без сознания и теперь держит под замком и заставляет на него работать...

— Что это ты несешь, чмо болотное! — тут же вскинулся Пахан. Он был вне себя от гнева. — А ну пошла обратно в койку — и пока не расплатишься за своего дружка — о свободе и не заикайся! — Широким торсом он преградил ей путь к милиционеру.

— Какого еще дружка?! — задохнулась Вероника.

— Слышь, Володь, гуляли в Невельске, так подельник ее ушлый обчистил мою тачку — и ноги! А я эту курву портовую за шкуру — и с собой. Денег нет, так с паршивой овцы хоть шерсти клок...

Милиционер стоял и с интересом слушал, оценивающе разглядывая Веронику. Казалось, он с трудом сдерживает смех.

— Это неправда! — закричала она. — Не верьте ему, товарищ милиционер! Он врет!

— Выбери выражения, шалава! Кто это тебе врет? Кто это врет?

— Он все врет! — забыв обо всех угрозах, продолжала кричать Вероника. — Он украл меня после землетрясения! Он мародер!

— Что?! — взвизгнул Пахан и, подойдя, схватил Веронику спереди за футболку. При этом он больно ущипнул ее за грудь, но она не издала ни звука.

— То, что слышал! Я видела все твои «трофеи»! Мародер проклятый! — В голосе ее уже слышались близкие слезы.

— Ты че, Володь, будешь еще ее слушать — эту шалаву портовую? А ну пошла в койку — встала в стойку... — Пахан грубо отшвырнул Веронику к двери.

— Ну послушайте меня, товарищ милиционер, послушайте... — продолжала кричать Вероника, но милиционер теперь уже в открытую улыбался, как будто Пахан здорово его позабавил.

— А че, Володь, может, ты тоже не прочь с ней покувыркаться, а? Смотри — девка-то видная, ноги из подмышек... — Пахан подошел поближе и начал игриво тыкать своего гостя в бок.

Милиционер расплылся в похабной ухмылке.

— Да какой там — видная... Ни спереди, ни сзади... Сама еще небось недавно титьку теребила. Не, Леха — мне надо, чтоб баба в соку была — толстая, жаркая... А свою малолетку сам дери, да смотри поаккуратней, а не то об кости поранишься... — И страж порядка рассыпался мелким визгливым смешком, обнажившим гнилые зубы.

— Но послушайте! Вы же не можете так просто взять и уйти! — выкрикнула из своего угла Вероника. — Он все вам врет! Я не проститутка!

— Молчи, сука! — Пахан схватил первое, что ему попало под руку — а это был стоящий у порога резиновый сапог, — и изо всех сил швырнул им в Веронику. Она увернулась. — С тобой мы еще потом поговорим, курва! — И он снова повернулся к милиционеру. — Ты, слышь, Володь, если что — заглядывай... Палатки я скоро открою — вот только разгребут там немного... Кольку из вашего отделения вчера видел — бегают все, шустрит... А ты только дай знать — я тебе все что хочешь достану — не сомневайся... Все между нами, по-свойски... Ну, пока, корешок, не пропадай. — И Пахан старательно закрыл за ним дверь.

Постоял у окна, проследил, пока уедет милицейский «газик», а потом уже повернулся к Веронике. Он мог бы ничего и не говорить — лицо его выражало все без слов. Вероника вжалась в стену. Пусть лучше сразу. Одним ударом. Она ведь так и хотела — забыться и ничего не чувствовать.

Но на этот раз Пахан не подарил ей такую возможность.

— Значит, в кладовке шарила, сучонка? — тихо, но злобно спросил он, продолжая медленно надвигаться на Веронику.

Она промолчала.

— Я тебя спрашиваю, дрянь! — взревел Пахан и залепил ей подряд несколько оглушительных пощечин.

Вероника не издала ни звука — только поправила волосы.

— Ты сам оставил дверь открытой, — пожалала плечами она. — Я просто зашла туда убраться и увидела.

— И что же ты увидела?

— Сам знаешь, что.

— Мародер, говоришь, да? Да ты сама каждый день все это жрешь — и не морщишься. Тоже мне, интеллигентка паршивая, чистоплюйка... Пошла! — Он повернул ее к двери и наподдал пинка.

Вероника перелетела через коридор и больно упала на живот. Увидев поверженную жертву, Пахан моментально озверел. Рывком выдернув из джинсов ремень, он принялся хлестать им Веронику — к счастью, через одежду. Она, как могла, закрывалась руками, но, помня о данном себе обещании, стиснув зубы, молчала. Давай, старайся, грязный подонок! Воплей о пощаде ты не услышишь! Тварь! Неизвестно, сколько продолжалось избиение, но, как только оно закончилось, негодяй потащил Веронику в спальню. Она притворилась, что потеряла сознание. Бросив безвольное тело на кровать, принялся грубо стаскивать с Вероники одежду. Она едва удерживалась, чтобы не морщиться от прикосновений его гадких толстых пальцев. За что, за что все это ей!

К счастью, на этот раз мерзавец, изрядно возбуждившись во время порки, закончил свое гадкое дело довольно быстро. Грузное его тело прямо на Веронике обмякло, тут же послышался храп — ей пришлось с трудом выбираться из-под этой горы пропахшего потом мяса.

Вероника сразу поплелась в ванную и долго мылась, скрипя зубами от боли, потому что к старым ее болячкам добавились новые. По щекам ее одна за другой сбегали слезинки. Затем она вытерлась, схватила в ком одежду и, прямо голая, пошла к себе на чердак.

За окном уже почти совсем стемнело. Вероника надела рубашку и подошла к открытому окну. Звуки вечера казались привычными и приятными — они были единственным утешением для Вероники в ее постылой тюрьме. Шелест ветра в бамбуках... Мерный шум реки... Изредка — шорох шин по дороге... Вскрики ночных птиц... И вдруг она услышала в этом хоре какой-то новый голос — и он показался ей до боли знакомым. Тонкие, ноющие звуки — будто кто-то плачет... Она прислушалась. Где-то возле реки выла собака. Да-да, точно, собака. И вдруг кровь разом бросилась ей в голову: это скулил Том! Ее Том! Веронике захотелось сразу же закричать во весь голос — Том, Томчик, миленький, но она испуганно прикрыла рот ладонью. Однажды она уже устроила крики, когда проходил рыбак, и это кончилось тем, что проснулся убудок. Тем более что ночью каждый звук раздается на всю округу. «Вот именно!» — вдруг осенило ее. Надо просто тихонько позвать Тома — и он услышит. Она как можно дальше высунулась из окна и принялась еле слышно насвистывать. Она часто подзывала Тома свистом во время прогулок. Посвистев немного, она снова прислушалась. Ей показалось, что теперь собачьи завывания слышны поближе. Тогда она еще несколько раз свистнула. В ответ собака (это точно был Том!) тихо, словно поняв, что надо соблюдать осторожность, тьякнула. Лай доносился уже со стороны переката — Том подошел совсем близко. Тогда Вероника решила и почти шепотом позвала его по имени:

— Том! Том!

И вот он уже зашуршал в лопухах. Даже в темноте его шкура ярко выделялась — еще бы, окрас у него редкий. Сам белый, голова черная с белой звездой впереди (как у коровы), кончики лап — рыжие, а хвост — целиком черный. Когда Вероника вела это чудо на поводке по улице, люди оглядывались и показывали пальцем — особенно дети.

Теперь Том стоял у крыльца и изо всех сил вилял хвостом. Только бы ему не вздумалось залаять от радости! Вероника высунулась еще дальше и тихо скомандовала:

— Ждать!

Быстро накинув на рубашку халат, она осторожно спустилась на террасу и посмотрела

на своего любимца. Бедный! Он был такой худой, бока совсем запали, язык свисал из пасти, как тряпочка. Но хвост его при этом вращался со скоростью пропеллера.

Вероника не зажигала на террасе света — главное сейчас не разбудить ублюдка. Если он проснется и обнаружит Тома — он точно его прибьет. В темноте она прокралась на кухню и осторожно, стараясь не шуметь, открыла холодильник. Слава Богу, продуктами в этом доме всецело ведала она. Пахан сюда почти не заглядывал. Она могла спокойно отыскать в нем какую-нибудь еду для собаки.

Через пять минут Вероника стояла у раскрытого кухонного окна с большой миской, от которой шел дразнящий запах борща. Но как дать ее Тому? Если Пахан случайно найдет под окнами пустую миску, он может что-нибудь заподозрить. Пока она стояла и размышляла, изголодавшийся пес сам прибежал на запах, который почуял даже из-за угла.

— Подожди, чертик, подожди, миленький... — шептала Вероника.

Затем она совершила настоящий акробатический этюд: с миской в руках просунула в решетку голову, плечи и торс (не пролезали только бедра), легла животом на подоконник и на вытянутых руках стала держать перед Томом миску. Сначала, радостно повизгивая, тот облизал руки хозяйке, а потом жадно набросился на еду. Пальцы у Вероники моментально занемели, но от счастья она не обращала на это никакого внимания. Значит, не только она осталась жива. Хоть одно родное существо уцелело после этого кошмара...

Когда Вероника проснулась, то обнаружила, что сидит на полу возле кухонного окна, положив голову на подоконник. Господи, да она вчера уснула здесь! Вероника вскочила и выглянула в окно — там, на траве, свернувшись калачиком, спал Том. Солнце уже угадывалось за сопкой. Интересно, сколько сейчас времени? Она выбежала из кухни и заглянула в гостиную — стенные часы показывали восемь. Слава Богу, что она проснулась. Обычно в это время Пахан уже будил ее громким стуком в дверь мансарды и начинал собираться на дело, после чего хмурая и заспанная Вероника плелась на кухню жарить яичницу. Каждый раз это заканчивалось слезами — она вспоминала Максима и то счастливое утро — их первое и единственное утро, проведенное вместе... Она изо всех сил пыталась отогнать от себя тяжкие мысли, но ничего не могла с собой поделать.

Вероника прислонила ухо к двери спальни и услышала шорох. Скрипнул стул, затем раздался отдаленный шум воды в унитазе. Значит, Пахан проснулся и скоро выйдет на террасу. Как же сделать так, чтобы он не заметил Тома? Вдруг ему взбредет в голову пнуть приبلудную собаку или, чего доброго, пристрелить? Вероника тихонько открыла окно и позвала пса. В ту же секунду Том дернул чуткими ушами и открыл шоколадные глаза. Пышный черный хвост завертелся, как будто кто-то нажал на кнопку «включение». Том склонил голову набок и улыбнулся — Вероника всегда считала это радостное выражение на морде у собак улыбкой.

На дне кастрюли с борщом еще оставалась небольшая косточка. Вероника бросила ее за окно и тихо сказала:

— Возьми и иди в кусты! Уходи! Прячься!

Том был удивительно умной собакой, но Вероника почти не надеялась, что он ее поймет. Слишком уж странной была эта команда: только он пришел, только они снова встретились, как любимая хозяйка гонит его прочь. Почему? Однако пес превзошел все ее ожидания: он проворно схватил в зубы кость и в несколько прыжков скрылся с нею в густых зарослях иван-чая. У Вероники вырвался облегченный вздох. Когда на кухню вошел мрачный и надутый после вчерашнего Пахан, она, как ни в чем не бывало, возилась у плиты и даже что-то напевала себе под нос — ему назло. Пусть не думает, что ее легко сломить.

— Уже здесь, шалава? — злобно усмехнулся он.

— Доброе утро, Ле-ха, — через плечо отозвалась Вероника.

— Ты смотри там, не нахмичь ничего, — снова предупредил он, словно почувствовав ледяную ненависть, которую Вероника излучала даже спиной.

«Видимо, рано или поздно придется это сделать, — подумала она, — похоже, это единственный способ отсюда вырваться». А вслух сказала:

— Не беспокойся, не нахмичу, Ле-ха.

Удовлетворенный ее ответом, Пахан отправился на террасу, а Вероника с тревогой посмотрела за окно. Кажется, Том сидел тихо и не думал выходить из укрытия.

Все полчаса, которые потребовались Пахану на то, чтобы позавтракать, Вероника сидела как на иголках. Она молила Бога, чтобы ублюдок уехал до того, как Тому надоест сидеть в кустах и он простодушно вылезет оттуда — узнать, почему его так внезапно отвергли. Но, видимо, она плохо знала свою собаку. Том вышел, только когда Вероника снова призвала его тихим свистом. В это время Пахан уже десять минут как был в пути.

Почти целый день Вероника провела в раздумьях о том, что же ей делать дальше.

Итак, надеяться на то, что кто-нибудь вызволит ее отсюда, бесполезно. Милиция заодно с этим грязным скотом. Прохожие побоятся с ним связываться. Значит, Вероника должна рассчитывать только на себя. Единственное, что она может сделать, — это воспользоваться снотворными таблетками. Она должна как следует усыпить ублюдка и попытаться стащить у него ключ. Вероника уже думала об этом, когда только нашла эти таблетки, но боялась — ведь Пахан в первый же день пригрозил ей смертью. Теперь же она вдруг поняла, что от этого страха не осталось и следа. К черту! Пусть ее потом убьют, пусть ее ждет месть его гадких дружков. Но сейчас она во что бы то ни стало вырвется отсюда.

Стоя у плиты, где в двух кастрюлях дымился будущий обед, Вероника задумчиво держала в руках пузырек с таблетками. Было уже восемь часов вечера — обычно в такое время Пахан уже возвращался домой. Впервые за все время, пока она жила здесь, ей хотелось, чтобы Пахан поскорее приехал. Заветные таблетки словно жгли ей руки — так она жаждала воспользоваться ими, удостовериться, что сегодня эта вонючая туша не сможет забраться на нее, чтобы в очередной раз надругаться над ее телом. Часы тянулись, а Пахан все не приезжал и не приезжал. Вероника нервно бродила по дому — словно хищник по клетке. Однако она не подозревала, что в этот вечер судьба примет участие в ее решительных планах...

Пахан заявился лишь в полпервого ночи — и совершенно пьяный. Он был настолько пьян, что снова забыл запереть дверь своего «склада». Глаза его смотрели без преувеличения в разные стороны, язык заплетался. Когда Вероника предложила ему поесть — на вид абсолютно обыкновенную еду, — он лишь замычал и замотал головой. «Неужели чувствует, гад?» — подумала Вероника. Покачиваясь, сбивая плечом углы, Пахан доплелся до спальни и с грохотом рухнул на кровать.

— А вот тебе б...дь! — грозно выкрикнул он, обращаясь к кому-то на потолке, после чего голова его откинулась и послышался знакомый раскатистый храп.

Сейчас или никогда! Для того чтобы выбраться из этого проклятого дома, достаточно заполучить связку ключей — ту самую, которую Пахан всегда носил на шее, на толстой железной цепочке. Эти ключи не раз больно вдавливались ей в грудь, когда Пахан двигался на ней — тупо и беспощадно, будто она была не живым человеком, а резиновой женщиной.

Раздираемая стуком собственной сердца, Вероника стояла над спящим ублюдком. Итак, она должна снять у него с шеи связку. Цепочка короткая — значит, через голову она не снимется. Нужно искать застежку. Причем очень осторожно, чтобы этот скот не проснулся. Вероника облизала пересохшие от волнения губы и робко протянула руку к груди Пахана.

Первым делом следовало расстегнуть рубашку. Одна пуговица... Вторая... Ублюдок даже не пошевелился. Это придало Веронике решимости. «Я отлично со всем справлюсь», — внушала себе она, пытаясь унять дрожь в пальцах. И вот она распахнула расстегнутый ворот. Цепочка была на месте, а связка ключей съехала набок, к мясистому плечу. Увидев, как тяжелая цепь обхватывает жирную шею Пахана, Вероника вдруг ощутила острое желание придушить негодяя — по уже через секунду опомнилась. Во-первых, ей бы все равно не удалось с ним справиться — даже с пьяным, а во-вторых, брать на душу грех из-за такого ублюдка было бы просто обидно. Потом всю жизнь жить с нечистой совестью... Нет, она перехитрит его. Перехитрит и сбежит.

Но только Вероника вновь дотронулась до цепочки и попыталась передвинуть ее, чтобы добраться до застежки, Пахан громко зачмокал во сне, заворочался и вдруг резко

перевернулся сначала на один бок, а потом на другой. Видимо, ему что-то снилось. Вероника поспешно отскочила от кровати и спряталась за распахнутой дверцей шкафа. Когда Пахан переворачивался во второй раз, что-то отчетливо стукнуло об пол рядом с кроватью.

Лишь спустя минуту Вероника решилась выглянуть из своего убежища. Пахан продолжал храпеть — только теперь он лежал на боку спиной к Веронике, и сзади на красной бритой шее отчетливо выделялась застежка цепочки. «Как будто по заказу», — мелькнуло в голове у Вероники. Теперь можно было спокойно расстегнуть цепочку и добыть ключ. Но что это там на полу?

Вероника на цыпочках подошла к кровати и наклонилась. То, что она увидела, заставило ее судорожно сглотнуть слюну — перед ней на полу лежал небольшой черный пистолет. Тот самый, которым щелкал Пахан, когда приходил милиционер. Он всегда носил его при себе — так же как и связку ключей. Видимо, сейчас оружие случайно выпало у него из кармана джинсов. Вероника вдруг подумала о том, что из этого пистолета Пахан, возможно, кого-то застрелил — и ей стало не по себе. Но отступить было поздно. Больше ей не представится возможности добыть ключ.

Она собрала все мужество и снова протянула руки к цепочке. Замок на ней был достаточно простого устройства, но страшно тугой. Может быть, если бы у Вероники так не тряслись руки, она бы и справилась с ним быстрее. Но сейчас, сколько она ни пыталась подвести колечко к заветному разъему, оно всякий раз соскальзывало обратно. В конце концов рука ее сорвалась и ноготь проделал на коже Пахана изрядную царапину. Не успела Вероника ничего сообразить, как разбуженный внезапной болью зверь подскочил и резко обернулся. Заспанные пьяные глаза его были налиты кровью.

— Что это ты здесь лазаешь, сука? — свирепо прорычал он, по, прежде чем он дотянулся до нее своей лапищей, девушка ловко схватила лежащий на полу пистолет и направила его дуло на ненавистного мучителя.

Нет. Вероника не собиралась в него стрелять. Она сделала это просто от страха. Она верила в силу этого маленького черного предмета, верила, что только с помощью него можно заклинать змей вроде Пахана. Разумеется, она догадалась отступить на пару шагов назад. Пистолет подрагивал у нее в руках.

— Не подходи ко мне... — незнакомым скрипучим голосом произнесла она. — Не подходи, иначе я выстрелю...

— Это ты-то выстрелишь? Да ты небось игрушечной-то пушки в руках не держала... Выстрелит она... — С этими словами разом протрезвевший Пахан встал и двинулся на отступающую к шкафу Веронику.

Шаг за шагом он оттирал ее к стене. И вот, когда отступить ей было уже некуда, Пахан сделал резкий выпад, чтобы выбить у нее из рук оружие. Одновременно с этим в комнате оглушительно прозвучал выстрел.

Прошло уже часа три с тех пор как рассеялся дым от выстрела, а Вероника все сидела у себя наверху в мансарде и не могла пошевелиться, как будто ее разбил паралич. Из головы ее не шла одна и та же сцена: вот она пятится, выставив перед собой пистолет и с ужасом глядя в немигающие красные глаза Пахана, вот его мощное тело вдруг бросается вперед, прямо на нее, и ее дрожащие пальцы сами собой нажимают на курок... Кажется, он вскрикнул — из-за грохота Вероника почти ничего не слышала. Едкий дым сразу же застелил ей глаза, и она невольно зажмурилась. В наступившей вдруг тишине она отчетливо услышала, как тело Пахана с глухим стуком осело на пол. Когда Вероника решилась приоткрыть глаза, то увидела, что Пахан лежит навзничь на полу и глаза у него совершенно стеклянные. На груди его, на клетчатой фланелевой рубашке, темнело небольшое пятно. Приглядевшись, Вероника увидела, что ткань по краям пулевого отверстия обуглилась.

Пахан был мертв — в этом не было никакого сомнения. Кровь бросилась в голову Веронике и застучала в висках. «Я убила человека... — билась одна-единственная мысль у нее в голове. — Я убила человека... Своими руками...» Откуда-то из недр желудка вдруг начала подниматься предательская волна отвращения — и Вероника едва успела добежать до унитаза. Несколько минут ее буквально выворачивало наизнанку. Потом она умылась, тщательно вытерла лицо и руки полотенцем — и с омерзением выбросила его в корзину с грязным бельем. Проходя через спальню, она старалась не смотреть на распростертое тело, хотя ей пришлось даже через него перешагнуть. Обессиленная, плетущейся походкой, Вероника поднялась по крутой лестнице в мансарду и рухнула на кровать.

Странно — она ведь научилась спокойно относиться к виду мертвого тела. Но, наверное, видеть каких-то незнакомых чужих людей на вскрытии в анатомичке — это одно, а когда перед тобой лежит без движения человек, который только что ходил и двигался, дышал и что-то говорил, — это совсем другое дело. Тем более если ты всего лишь полчаса назад отнял у него жизнь — пусть не нарочно, но своими собственными руками. И неважно, что этот человек — ублюдок, что он тебе ненавистен и что в душе ты желал его смерти...

Неожиданно Вероника опомнилась и порывисто вскочила. Как же она может так спокойно здесь оставаться? В доме лежит труп, а она как ни в чем не бывало валяется на кровати! Надо немедленно уходить! Даже если ее не обвинят в убийстве, то по судам да следствиям затаскают уж точно.

Теперь добыть ключ от входной двери — дело одной минуты. Она вызовет из зарослей Тома и вместе с ним пойдет вдоль дороги. Если ей повезет, то их подбросит до города какая-нибудь попутная машина. Там в первую очередь она попытается разыскать Аньку или кого-нибудь из знакомых. Может быть, они знают больше про Максима... Вероника почувствовала, как сердце ей словно сжала чья-то холодная шершавая ладонь, и усилием воли заставила себя отбросить страшные мысли. Нет, она не должна верить. Максим жив. Жив — пока она не видела его мертвым. И сейчас главное для нее — выбраться из этого ужасного дома...

Вероника подошла к окну — уже начинало светать. У нее еще есть пара часов, чтобы все как следует собрать и по возможности замести следы. Собственно, кто видел ее здесь? Только один человек — милиционер. Судя по всему, он приехал из города. Запомнил ли он ее? Вряд ли. Да к тому же Пахан представил ему ее как портовую проститутку из

Невельска... Вряд ли он узнает ее, если встретит в городе. В крайнем случае, можно перекрасить волосы. Итак, к делу.

Китайскую сумку с вещами она возьмет с собой — в конце концов, на них не написано, что она приобрела их именно здесь, а нехитрая одежда ей в любом случае понадобится. Вероника уже давно считала эти вещи своими. Грязная работа, которой она занималась здесь все эти дни, с лихвой окупилась. А если включить сюда еще и надругательства, которым каждый вечер подвергал ее хозяин дома, то получалось, что смерть была самой подходящей расплатой...

Думая об этом, Вероника чувствовала, как скулы ее сводит холодной злобой. И все же противная дрожь, которая помимо ее воли сотрясала все внутренности, каждую секунду напоминала ей: «Грех! Ты совершила страшный грех! Ты убила живого человека!»

С сумкой в руках Вероника спустилась на террасу. Голова болела, ноги и руки отказывались слушаться. И все-таки она понимала, что должна сосредоточиться и все как следует обдумать. Сейчас самое главное ничего не упустить. Рано или поздно в дом придут и обнаружат здесь труп хозяина. Обстановка, в которой его обнаружат, будет называться картиной преступления. И сейчас она, Вероника, может и должна стать автором этой картины. Было ли это разбойное нападение? Ограбление? Или просто — убийство из мести, как сейчас это распространено?

Подумав, Вероника склонилась к последнему. Трудно подделать следы ограбления в доме, до отказа заполненном всяким добром. Для этого бы пришлось вывозить «награбленное» на нескольких машинах. Да и потом вряд ли кто при таком замкнутом образе жизни, какой вел Пахан, знает, что именно хранилось в доме и что могло пропасть. А вот вероятность, что Пахана прикончили из мести — тем более что он занимался мародерством, — достаточно велика. К тому же картина вполне правдоподобная. Убийство произошло ночью, жертву застигли врасплох, тело — на полу спальни.

Разумеется, прежде всего они будут искать орудие убийства. Вероника даже не помнила, где и когда она бросила пистолет. Но наверняка он где-то в спальне. Как ни жутко ей было — она должна была снова туда пойти.

Тело Пахана лежало в том же самом месте. В двух шагах от него валялся пистолет, который Вероника, видимо, выронила сразу после выстрела. Пистолет... Вот самая страшная улика. На нем остались ее отпечатки пальцев. Значит, пистолет должен исчезнуть, исчезнуть совсем. Вероника припомнила детективы, которые ей приходилось читать в своей другой жизни. Как преступники избавлялись от улик? Лучший способ — огонь, но в данном случае он не подходит. Другой вариант — вода, но речка здесь слишком мелкая. Остается одно — земля. Да, она должна закопать пистолет в землю. Причем достаточно глубоко, чтобы даже ищейка не смогла пронюхать. Для этого надо, как минимум, выбраться из этой тюрьмы.

При мысли о том, что сейчас ей придется подходить к мертвецу совсем близко и даже дотрагиваться до его кожи, у Вероники похолодело все внутри. И все же она взяла себя в руки, встряхнула головой, совсем как мама, и медленно приблизилась к расprostертому телу. «Ничего страшного, — уговаривала она себя. — Я управлюсь с этой чертовой застежкой за пару минут. И что тут такого? Всего лишь труп мужчины с огнестрельным ранением груди...» Набрав побольше воздуха и задержав дыхание, Вероника склонилась над телом и сначала передвинула цепочку замком вперед. Движения ее были рассчитанными и четкими, как у хирурга. Еще немного — и тяжелая связка ключей оказалась у нее в руках.

Приготовившись долго подбирать ключи к замкам, Вероника вышла на террасу и встала

у входной двери. Но как только она взялась за ручку, чтобы вставить первый ключ, дверь вдруг... отворилась сама собой. Господи, значит, все было напрасно! Он просто забыл запереть дверь! Он был слишком пьян... И если бы она додумалась попробовать открыть ее еще вчера, то ей бы не пришлось его убивать! Вероника почувствовала, как веки ее словно превращаются в острые лезвия бритв — к глазам подступили горячие слезы. Но она только зло вытерла их рукавом футболки и решительно распахнула дверь.

Лопату долго искать не пришлось — она стояла под лестницей вместе с остальной садовой утварью. В следующую минуту Вероника окунулась в серое прохладное утро.

Не успела она сделать и двух шагов по мокрой от росы тропинке, как из розовой рощицы иван-чая с радостным лаем выскочил Том и, яростно виляя хвостом, бросился на хозяйку. Его залихватский голос эхом разносился на речкой.

— Тише, Томка, тише ты... — прошептала Вероника, хватая его за передние лапы. — Потерпи еще немножко, скоро пойдем домой...

При этих словах пес жалобно и тонко заскулил, будто не хуже Вероники понимал, что дома у них больше нет. Теперь уже Вероника не сдерживала слез — они лились градом. И все же она не забыла о том, для чего она вышла из дома.

— Рядом! — коротко скомандовала она, и умный пес послушно потрусил рядом с хозяйкой, шурша по сырой траве.

Поразмыслив, Вероника решила, что лучше всего будет закопать пистолет на берегу реки, в зарослях высоких лопухов — там вряд ли кому взбредет в голову искать. Но когда, утопая в росе, она углубилась в них, то обнаружила, что земля там каменистая и лопатой ее не взять. Тогда она вернулась к дому и, обогнув его, набрела на куртинку с густой травой. Всего в десятке метров от этого места за живым забором из зеленых бамбуков уже пролегалла дорога.

Вероника прислушалась. Ни с одной, ни с другой стороны шума машин не было слышно. Да и откуда им взяться здесь в такое время? Примерившись, Вероника очертила лопатой небольшой квадратик земли, подкопала его со всех сторон, затем снизу — и подняла за упругие стебли кусок дерна, похожий на торт. Затем она отложила его в сторону и вынула несколько лопат земли из получившейся ямки. После этого, приказав Тому сидеть, она побежала в дом за пистолетом. Только бы никто не появился за это время на дороге! Ведь если хоть кто-нибудь увидит ее здесь в этот час, да еще с лопатой в руках, то у нее уже не будет чистого алиби.

Запахавшись, Вероника влетела в спальню. После свежего, полного влажных ароматов утреннего воздуха ей показалось, что в комнате уже витает запах разложения. Впрочем, это были одни эмоции — она прекрасно знала, что при средней температуре трупы начинают пахнуть только через сутки. С отвращением, будто скользкую жабу, Вероника подняла с пола пистолет и завернула его в газету, которую нашла на туалетном столике. Через три минуты она уже снова держала в руках лопату. Тортик из дерна занял свое прежнее место, как будто никогда его и не покидал. Напоследок Вероника очистила о траву лопату и поспешила обратно. Главное дело было сделано.

Только сейчас она вспомнила, что ничего не ела. После вчерашнего желудок ее был болезненно пуст. Собственно говоря, есть и не хотелось — больше всего она мечтала сейчас о чашке горячего растворимого кофе. Быстро поставив на плиту чайник, Вероника принялась рыскать по холодильнику и шкафам в поисках еды, которую она могла бы взять с собой в дорогу. Ведь им с Томом предстоял неблизкий путь — таких мест вблизи от города

Вероника припомнить не могла. Даже если их подбросит какая-нибудь попутная машина, все равно пройдет неизвестно сколько времени, прежде чем они снова смогут поесть.

Вероника покидала в пакет сухой паек: чипсы, пачку печенья, две упаковки фисташков, кокосовый рулет... Затем добавила пару крупных яблок и длинный огурец. Сделала несколько бутербродов с сыром, завернула их в фольгу. Достала из холодильника запотевшую пластиковую бутылку с минеральной водой.

Чайник уже закипал.

И вдруг Вероника явственно услышала шум мотора. Он стремительно приближался, и вскоре стало ясно, что машина завернула и направляется к дому Пахана. Веронику мгновенно обдало жаром. Пулей она выскочила на террасу, позвала с крыльца Тома и принялась, путаясь в гремучей связке, подбирать ключ хоть к одному замку. Наконец ей это удалось — входная дверь была заперта. После этого она старательно задернула все шторы и завела собаку в гостиную. Почуввав доносящийся из спальни запах покойника, Том принялся было скулить, но Вероника угостила его шлепком по морде, и пес виновато замолчал. Сама она вернулась на террасу и притаилась за дверью.

Машина уже остановилась возле гаража, поочередно хлопнули две дверцы. «Значит, их двое», — подумала Вероника. Сердце ее колотилось так сильно, что она побоялась, как бы стук не услышали те, кто подходил сейчас к крыльцу. В утренней тишине мужские голоса звучали настолько ясно, что казалось, будто говорившие стоят в двух шагах.

— Спит еще, засранец... — отчетливо произнес один из них, и Вероника — о ужас! — узнала того самого милиционера — «корешка Володьку». — Обещал ведь, божился... В полседьмого подъезжай, говорил, я прямо на дорогу выйду, ты меня только подберешь...

— Куда там — квасили вчера полночи. Дрыхнет он еще, как пить дать... — отозвался другой голос, помоложе.

— Или со своей телкой кувыркается... Кости ей пересчитывает...

— С какой еще телкой? Ну-ка, ну-ка, отсюда поподробней.

— А, подобрал себе какую-то... Малолетку белобрысую... Говорит, из Невельска вывез... А мне кажется, я ее рожу где-то на соседнем участке видел...

При этих словах у Вероники в груди все сжалось. Но не успела она ничего сообразить, как ранние гости принялись что есть силы колотить в дверь. Кажется, милиционер воспользовался штатной резиновой дубинкой (воистину универсальная вещь).

— Открывай, ты, босота!

— Хватит на массу давить!

Они подняли такой шум и грохот, что Веронике казалось, дверь сейчас разлетится вдребезги.

— Что он там — подох, что ли? — возмущался милиционер, не подозревая, насколько близок он к истине.

Нет, пусть они думают, что хотят, она ни за что не откроет. А ломать дверь они не посмеют, да им двоим это будет и не под силу. Вероника стояла в своем укрытии и терпеливо слушала крепкие матюги, доносившиеся из-за двери. Ей показалось, что это продолжается целую вечность. Но в конце концов задор у гостей пропал.

— Ну и хрен с тобой, козел жирный! — в сердцах воскликнул «корешок Володька». — Попадись мне только теперь — я тебе живо оформлю все, как по протоколу...

— Ничего. Проспится, сам приползет, как миленький, — добавил другой, и Вероника услышала топот ботинок по ступенькам.

Они уходили. Через некоторое время громко и сердито взревел мотор. Вероника заглянула в щелку между занавесками: круто развернувшись, желтый «газик» стремительно укатил за угол дома. Вскоре его тарахтение растаяло вдалеке, и над домом снова установилась тишина.

Чайник едва не сгорел. Когда Вероника вошла на кухню, он стоял, раскаленный докрасна, на плите и тревожно потрескивал. Понадобилось время, чтобы его остудить, потом еще время, чтобы он снова закипел... И только через полчаса Вероника смогла наконец пригубить долгожданный обжигающий напиток. Она сидела на террасе и задумчиво глядела за окно. Было уже семь часов утра — солнце всю светило над сопкой. После отъезда милицейской машины Вероника почувствовала, с одной стороны, облегчение, а с другой — острую тревогу за свое будущее.

Значит, этот гадкий мент ее узнал. И узнает опять, если встретит в городе на улице. Это будет лишь подтверждением его догадки, что она вовсе не из Невельска.

Это означало только одно: в городе ей появляться нельзя. Даже если после обнаружения трупа не будет составлен ее фоторобот, то приметы уж точно распространят по всем отделениям. А может, и расклеют афиши с подписью «ОПАСНЫЙ ПРЕСТУПНИК». Губ Вероники тронула горькая усмешка. Она теперь — преступник. Настоящая уголовница. И она должна скрываться от властей в лучших традициях дешевых детективных романов. Видел бы ее сейчас Максим! Не говоря уже о родителях...

Вероника допила кофе и вымыла за собой чашку.

Размышлять было некогда, да и особенно не о чем. Выбора у нее не было. Путь оставался только один — в Москву («Впрочем, в Москве я уже давно, — с горечью подумала Вероника, — живу в общежитии Ветеринарной академии и готовлюсь к вступительным экзаменам»).

Да, она должна поехать в Москву. Тогда прекратится гнусный обман, на который она пошла, не подозревая, как ужасно все обернется... На перекладных она доберется до ближайшей железнодорожной станции, потом на поезде до Южно-Сахалинска, а там сядет на самолет и...

Только сейчас до Вероники дошел весь ужас ее теперешнего положения.

Документы!

Все ее документы были погребены в завале.

Если бы она вернулась в город и заявила в милицию о пропаже, то через некоторое время смогла бы получить новые или, по крайней мере, временную справку о том, что ее паспорт утрачен во время землетрясения. Но в город дорога ей была теперь заказана.

Какая уж там академия! Какие вступительные экзамены! Даже просто сесть в самолет без паспорта она не сможет. Вероника в бессильной злобе стукнула кулаками по столу. Она уже не сможет ни устроиться в общежитие, ни получить денежный перевод от родителей...

И все же выход у нее есть. Московская тетка. Дочка дедушкиной сестры Алевтины — той самой, которую в их семье звали не иначе как предательницей. Только под конец жизни дед немного оттаял и даже съездил в Москву с ней повидаться. Веронике тогда было лет десять. После его исторической поездки они всей семьей — папа, мама и Вероника — поехали на зимние каникулы в Москву, погостить. Тогда сама бабушка Аля была еще жива, а ее дочери — Тамаре — было примерно столько же, сколько сейчас Веронике, и она училась в педагогическом институте. Наверное, сейчас она уже вышла замуж и нарожала кучу детей. Вероника не помнила точного адреса Тамары, но ведь можно попытаться разыскать ее через бюро справок, а уж она наверняка ее приютит...

За окном день уже вступал в свои права. Надо было срочно что-то решать. Остаться в доме с покойником становилось опасно. Вдруг этот мент что-то заподозрит и решит вернуться?

Вероника подошла к своей сумке и машинально проверила ее содержимое — не забыла ли она что-нибудь важное из вещей? Ну да, конечно. Одежда и обувь на случай холода, ведь Пахан тогда вытряхнул их из сумки, сказав, что они ей ни к чему. А между тем отправляться в такое путешествие налегке было бы настоящим безумием. Здешний климат такой капризный, что даже в июне можно ожидать всего — от дикой жары до заморозков.

Она вспомнила, что вчера напившийся в стельку Пахан забыл запереть свой «склад». Сейчас она пойдет туда и возьмет все, что ей нужно. Пусть все или многое из того, что там лежит, заработано нечестным путем — сейчас это неважно. На чашу весов положена ее жизнь. Она никогда не жила так, как сейчас, и не будет. Чего бы ей это ни стоило — она вырвется.

В потайной комнате все осталось почти без изменений. Как пылились беспорядочные завалы всякого товара, так и продолжали пылиться. Видимо, здесь все время происходило какое-то движение, оборот — что-то прибавлялось, что-то исчезало. Но одно оставалось неизменным: по-прежнему здесь можно было отыскать все что угодно — как на рынке. Вероника быстро откопала себе кроссовки, простенькие, но удобные босоножки, на всякий случай еще одну ночную рубашку, джинсовую куртку и кепку. Не забыла прихватить складной зонтик и пару одноразовых китайских плащей на случай дождя. Все это она сложила в большой полиэтиленовый пакет, а босоножки и джинсовую куртку сразу надела на себя.

Когда она в раздумьях пробиралась к выходу, взгляд ее вдруг упал на картонную коробку, содержимое которой в свое время было прикрыто газетой с заголовком «СМЕРТЬ МАРОДЕРАМ». Она отчетливо вспомнила, что в ней она видела документы — целые кучи всяких паспортов, водительских прав, аттестатов и дипломов. А вдруг по счастливой случайности там окажется и ее паспорт? Вероника поспешно откинула прикрывавшее коробку тряпье: куча документов заметно выросла с тех пор, как она видела ее в первый раз. Тем лучше — больше вероятность, что она найдет там свой паспорт. Если Пахан доставал все это из завалов, то это вполне реально.

Она принялась внимательно, один за другим просматривать все паспорта. Они были пыльные, некоторые — помятые. Вероника вынимала их из коробки и, бросив взгляд на первую страницу, откладывала рядом. На то, чтобы проверить всю кучу, у нее ушло минут пятнадцать. Затем она глубоко вздохнула и выпрямилась, потирая затекшие ноги. Ее паспорта среди трофеев Пахана не было. Однако пока она просматривала документы, у нее вдруг родилась спасительная мысль: а что если просто подобрать паспорт с похожей фотографией? Это ведь тоже выход. Она может надеть солнечные очки (кстати, надо не забыть взять их — она видела там целую упаковку с очками). Вряд ли уж будут досконально ее рассматривать. Увидят, что лицо похоже, — и ладно. А потом, когда пройдет время и все немного уляжется, она сможет вернуться сюда и заявить о пропаже паспорта.

Вероника снова присела на корточки и стала перебирать паспорта. Лица попадались самые разные — старые и молодые, красивые и неприятные, суровые и простодушные. Наконец ей удалось обнаружить несколько паспортов, в которых подходили, по крайней мере, год рождения и цвет волос. Она разложила их перед собой и стала сравнивать. Здесь волосы кудрявые — хотя можно ведь сказать, что тогда у нее была «химия». Впрочем, лучше

не стоит привлекать к себе внимание. Может быть, вот этот... «Кириянова Анастасия, — прочитала она. — Тысяча девятьсот восьмидесятого года рождения». Лицо более вытянутое, глаза крупнее, чем у нее, Вероники. Волосы забраны назад, но по челке видно, что светлые. Вполне можно сойти за эту девицу... Веронику вдруг пробрала дрожь: ведь этой Анастасии уже вполне могло не быть в живых. Но делать было нечего — другой возможности выбраться отсюда и скрыться от подозрений у нее не было.

Неожиданно Вероника вспомнила о деньгах. У нее же нет ни рубля! Мало того, что ей понадобятся деньги на билет до Москвы — ей ведь предстоит жить некоторое время, пока она не найдет себе работу. Не будет же она садиться на шею тете Тамаре, хоть та и родственница... Значит, и деньги она должна взять здесь, в этом проклятом доме.

Вероника торопливо засунула паспорт Кирияновой Анастасии в карман джинсовой куртки, подхватила пакет с вещами и вернулась на террасу. Вскоре сумка была уложена и застегнута, а Вероника отправилась в гостиную искать кубышку с деньгами.

Возле двери сидел забытый и брошенный Том, вид у него был совершенно несчастный. В шоколадных глазах Вероника усмотрела затаенную обиду.

— Не обижайся, Томка, так надо, — ободряюще сказала ему Вероника, и пес сразу завилял хвостом.

Взгляд ее упал на настенные часы — полвосьмого. Надо спешить. Она принялась один за другим выдвигать ящики и раскрывать дверцы шкафов. Ей попадались какие-то странные и совершенно нелепые для этого дома предметы: мотки с шерстью, коробки с пуговицами, шахматы, несколько сломанных утюгов, кипы старых журналов вязания и прочая ерунда. Наверное, раньше, кроме Пахана, здесь жил кто-то еще — возможно, его мать. Денег нигде не было. «Надо искать дальше, — подумала Вероника, — без денег отправляться в дорогу не имеет смысла».

Как ни тошно ей было, но пришлось снова зайти в спальню. Не смотреть! Только не смотреть на него! Она сразу прошла к гардеробу и принялась с отвращением шарить на полках с бельем. Наконец ей попался предмет, на ощупь напоминающий кошелек. Когда она вытащила его на свет, он оказался дамской вышитой косметичкой. Дрожащими от волнения пальцами Вероника растегнула «молнию». Так и есть. Там лежали деньги — стотысячные купюры и доллары. Не пересчитывая, Вероника переложила пачку в карман куртки, а косметичку бросила обратно на полку. Даже на первый взгляд денег там было много — хватит и на билет, и на все остальное.

Итак, теперь она может отправляться в путь. Осталось подобрать темные очки. Надо выбрать с большими стеклами — чтобы лучше закрывали лицо.

Вероника снова забежала в потайную комнату, схватила коробку с очками и вернулась в спальню к зеркалу. Впервые за последние два дня она взглянула на свое лицо. Синяки и кровоподтеки зажили, к Веронике вернулся ее обычный вид. Не считая болезненной бледности, она выглядела вполне сносно. Высокая девушка в синей куртке и черных джинсах.

Она достала из коробки очки с дымчатыми стеклами, освободила их из упаковки и примерила. Пожалуй, у этих очков слишком дорогой вид, в них она будет привлекать внимание. Вероника взяла другие. Эти были поскромнее, но такие темные, что в них можно было испортить зрение. Только пятые очки подошли по всем параметрам. Неприметные, удобные и достаточно большие.

Когда Вероника совсем уже собралась в путь — накормила собаку, проверила, все ли в

комнатах работает на ее версию «убийства из мести», — ее взгляд упал на связку ключей, торчащую в металлической двери. Что ей делать с ключами? Как ни крути, а получается, что возможным убийцам Пахана незачем было снимать связку у него с шеи... Они могли проникнуть в дом, взломав замки или попросту воспользовавшись тем, что дверь была не заперта. А ведь, в сущности, так и было. Значит, связку ключей надо вернуть на место.

Утешая себя мыслью, что это последняя грязная работа, которую ей предстоит совершить в доме, Вероника крепко сжала связку ключей в руках и твердым шагом прошла в спальню.

Через десять минут она уже брела по дороге в сторону Южно-Сахалинска. На плече у нее висела черная китайская сумка, рядом деловито трусил Том...

Было уже часов двенадцать дня, а Вероника так и не решилась остановить машину. Она все шла и шла по дороге, но как только слышала шум мотора, какая-то сила сразу же кидала ее в придорожные заросли бамбуков. А вдруг это едет тот самый мент? Если он увидит ее, то сразу же узнает. Фигура у нее достаточно приметная — такие встречаются нечасто. Она понимала, что добираться до Южно-Сахалинска пешком ей придется несколько дней, но страх оказаться в ловушке пересиливал даже такую безрадостную перспективу. Иногда ей попадались по пути какие-то небольшие поселения или стоянки рыбаков с деревянными вешалами, на которых, как белье на просушке, болтались нанизанные на веревки серебристые рыбины.

Веронике наконец захотелось есть. Она остановилась и устроилась в зарослях высоких кислиц, чтобы немного перекусить. Кислицы здесь были огромными — метра по три высотой, впрочем, как и другие сахалинские растения. Листья их были похожи на раскрытые зеленые зонтики.

Машинально жуя свой нехитрый обед, Вероника почему-то вспоминала, как давно, когда она была еще маленькая, они с ребятами играли на сопках в войну, и кусочки стеблей таких же кислиц служили им пулями. Устройство их детского оружия было просто, как все гениальное: перочинными ножичками они отсекали кислицу по кусочкам, при этом направляя ее полет в сторону противника. Скорость таких «пуль» была не хуже, чем при стрельбе из рогатки... Никто не помнил, какой умник додумался до такого изобретения, — определить это сейчас было бы так же трудно, как припомнить изобретателя каменного топора. «Убит! Убит!» — радостно кричали мальчишки и девчонки, когда «пуля» попадала в «противника». И Вероника тоже кричала. Она слыла хорошим стрелком.

Если бы она могла предположить, что ей действительно придется стать убийцей — и выпустить в человека настоящую пулю...

Вероника сняла джинсовую куртку и осталась в синей футболке. Солнце уже поднялось в зенит и изрядно припекало ей спину. Она прошагала еще минут пятнадцать, как вдруг впереди на дороге заметила машину, которая стояла на обочине. Это был красный японский микроавтобус. Рядом с ним она увидела низенького кривоногого мужчину — видимо, шофера, а чуть поодаль, под сосной, одного мужчину, женщину лет сорока с девочкой на руках и худощавого юношу. «Наверное, они остановились для привала или у них сломалась машина», — подумала Вероника. На всякий случай она решила пока не обнаруживать себя и углубилась в кусты.

Подкравшись поближе к компании, которая мирно поедала прихваченные в дорогу запасы, Вероника прислушалась к их разговору.

— Думаю, к вечеру нам не добраться, — говорил тот мужчина, в котором Вероника с первого взгляда определила водителя машины. — Железнодорожный мост разрушен, перевал тоже... Придется знаете какого крюка давать — дай Бог к завтрашнему вечеру прибудем в Южный.

Вероника с досадой прикусила губу. Значит, все ее радужные планы добраться до Южно-Сахалинска на поезде отпадают сами собой. Железную дорогу тоже разрушило. Проклятое землетрясение и здесь успело ей навредить...

— А если на объездной да-ароге тоже будут разрушены мосты? — спросил другой

мужчина, и Вероника уловила в его речи легкий кавказский акцент.

— Это навряд ли... — покачал головой приземистый шофер. — Та дорога старая, японская. Там мосты такие, что еще триста лет простоят — даром что деревянные.

— Алина, не вертись, — капризным голосом сказала женщина дочери, после чего обратилась к сыну: — Рома, ты почему не ешь жареную рыбку?

— Да я уже видеть не могу вашу рыбку! — хмуро отозвался Рома и, подойдя к большому цветастому термосу, налил себе из него что-то в пластмассовую чашку.

Теперь Вероника могла получше его рассмотреть (остальные сидели спиной и не попадали в поле зрения). На вид ему можно было дать лет пятнадцать-шестнадцать. Невысокий, худой до костлявости, нервный, но, кажется, не злой. Впалые щеки его были покрыты юношескими прыщами, над верхней губой пробивались смешные реденькие усы. Он был из тех мальчиков, для которых переходный возраст проходит как некое стихийное бедствие. Единственным бесспорным украшением его внешности были волосы. Темно-русые, густые — они были хорошо подстрижены и при каждом его движении красиво рассыпались. Почему-то — может быть, из-за возраста — Вероника мысленно сравнила этого незнакомого юношу с Максимом. Разумеется, никакого сравнения он не выдерживал...

— Алина, ты можешь побыстрее управляться с сэндвичем? — снова раздался строгий голос их мамы, и девочка бойко ответила:

— Я сначала доем этот, а потом буду еще один!

Мужчины добродушно рассмеялись.

Глядя на этих людей, Вероника вдруг поняла, что они — ее единственный шанс благополучно добраться до Южно-Сахалинска. Теперь ей было ясно: они остановились не из-за поломки и не для привала. Посмотрев вперед на дорогу, она убедилась, что очередной автомобильный мост через речку разрушен землетрясением. Значит, идти по дороге дальше бессмысленно. Как же она раньше не догадалась — ведь все машины возвращались обратно... Впрочем, ей было не до этого — каждый раз, когда кто-то проезжал мимо, она сидела в кустах ни жива ни мертва от страха.

Да, лучшей возможности, чем сейчас, может уже не быть. По крайней мере, сейчас она знает, с кем ей придется коротать часы дороги. Люди явно приличные, направляются туда же, куда надо и ей. Судя по всему, мужчина-кавказец приходится мужем этой женщине, а девочка с юношей — их дети. Кривоногий шофер скорее всего просто подвозит их до аэропорта...

Между тем надо было торопиться — путники начали собираться в дорогу. Вероника еще не придумала, что им скажет, но уже знала, что должна во что бы то ни стало пристроиться к ним. Она поправила волосы, сняла темные очки и заправила в джинсы футболку. Чтобы не пугать их неожиданным появлением из кустов, она решила пройти немного назад, а потом вынырнуть на дорогу и по ней уже приблизиться к ним. Пусть они спокойно рассмотрят ее и удостоверятся, что ничего опасного в ней нет. Том, как самая умная и цивилизованная собака, бежал прямо вровень с ее ногой.

Первой их реакцией было недоверие. Впрочем, другого поведения Вероника и не ожидала. «Ничего, пусть присмотрятся», — рассудила про себя она.

— Добрый день, — поприветствовала она их и по-деловому продолжила: — Там что, впереди разрушен мост?

— Так точно, разрушен, — склонив голову набок, отозвался шофер.

— Как же теперь люди добираются до Южного? — спросила она, краем глаза

поглядывая на женщину, которая придирчиво осматривала ее с головы до ног, а особенно недобрые взгляды бросала на Тома.

— Тут недалеко отходит старая японская дорога, — приветливо отозвался шофер.

Вероника поняла, что самое важное — произвести впечатление на него, а уж что там подумает о ней эта стервозная тетка, не суть важно.

Между тем женщина не преминула подтвердить впечатление, которое произвела на Веронику:

— А почему у вас собака ходит без поводка? — спросила она строго, тем же голосом, что разговаривала со своими детьми.

— Он... он потерялся, — нашла Вероника. — Знаете, я повесила его на дерево, — любезно пояснила она, — а потом, когда надо было уходить, меня позвали на кухню вытирать посуду — и я совсем о нем забыла...

Всю эту импровизацию Вероника выдала с самым серьезным видом, даже на мгновение не дав им усомниться в своей искренности.

— Ничего, можно какую-нибудь веревочку подыскать, — уверил ее шофер. — У меня в бардачке наверняка найдется.

— А ты что, дэвочка, до Южного, что ли, пэшком собралась? — поинтересовался у нее отец семейства.

— Я вообще-то хотела на поезде... — сказала Вероника, но ее тут же перебили:

— Как на поезде? Ты что же, нэ знаешь, что Чертов мост разрушен? Зэмлетрясение же было. Дэвять баллов. Уже нэделю как поезда нэ ходят. На поезде!

— Я не знала, — с отлично разыгранным удивлением ответила Вероника. — Мы были все время на даче, у нас там даже электричества нет...

Вероника осторожно покосилась на женщину. Теперь ее взгляд уже не был таким колючим. В серых глазах появилось нечто похожее на сочувствие.

— Как же тебя отпустили одну в такую даль? — спросила она недовольным тоном учительницы, которой плохо ответили урок.

Вероника только пожала плечами.

— Ладно, поедешь с нами, — твердо сказал приземистый шофер. — Чего там долго выяснять — зачем да почему... Садись в машину — и точка.

— А собака? — жалобным голоском спросила у матери хорошенькая черноволосая Алина.

— Собака тоже поедет, — ответил за нее шофер. — Не бросать же ее на дороге...

— Ура! — закричала девочка и принялась радостно прыгать, поднимая целые клубы пыли.

Так Вероника вместе с Томом оказалась шестым пассажиром красного микроавтобуса. Она уселась на свободное место сзади и сама не заметила, как заснула.

— Устала, навэрное, — кивнул головой в ее сторону неторопливый кавказец, — вон как голову уронила...

Если бы он только знал, чем она занималась всю прошедшую ночь!

Вероника проспала в своем уютном уголке на заднем сиденье почти что весь день. Она, может быть, спала бы и дальше, если бы не кошмарный сон, от которого она проснулась вся в холодном поту.

— Не надо! Не надо!!! — кричала она, и голова ее моталась из стороны в сторону, словно в бреду.

Шофер от неожиданности едва не выпустил руль.

— Что это с ней — Надежда Ивановна, взгляни, — обратился он к женщине.

Открыв глаза, Вероника увидела перед собой полноватое, но миловидное лицо с близко посаженными серыми глазами. Светлые, густые, как у Романа, волосы были коротко и асимметрично пострижены.

— Тебе что — плохо? — тихо, но деловито спросила женщина. — Скажи лучше прямо: ты что — колешься?

— Я?! — изумилась спросонья Вероника. — С чего вы взяли?

— Ты не спрашивай, а отвечай! — зловещим шепотом приказала ей Надежда и приблизила к ней лицо, как будто хотела съесть.

— Да нет, не колюсь, — пожалала плечами Вероника, — и никогда не кололась. Мне просто часто снятся кошмары. Мама говорит, с возрастом это пройдет, — невозмутимо добавила она.

«Только бы они не напугались и не высадили меня», — с тревогой подумала она про себя.

В этот момент микроавтобус подъехал к обочине и остановился.

— Хорошенького понемножку, — сказал шофер в наступившей разом тишине, и у Вероники внутри все подобралось («Сейчас он скажет мне, чтобы я выходила», — в ужасе решила она).

Однако водитель и не думал никого выгонять.

— Предлагаю здесь встать на ночевку, — продолжал он. — Половим напоследок рыбки, икры насолим, а завтра с утра спокойно тронемся. На утренний рейс нам все равно не поспеть. Чем целый день потом торчать в аэропорту, лучше уж здесь на бережку поваляться. Дело говорю?

Пассажиры с охотой согласились. Ехали без передышку целый день, и все порядком устали. Спать решили прямо в микроавтобусе — на разложенных сиденьях. У шофера в машине оказалось все необходимое для стоянки: два закопченных на костре котелка — один в другом, посуда, рыболовные снасти и большой пластмассовый бидон для рыбы.

Пока солнце не село, мужчины вместе с юношей отправились на сопку за дровами, а женщина принялась распаковывать продукты для ужина. Дочку она отпустила погулять возле реки.

— Можно я поиграю с собакой? — склонив набок черную кудрявую головку, спросила девчушка у Вероники.

— Конечно, можно, — приветливо ответила та. — Его зовут Том.

— А он не кусается? — подозрительно сощурила глаза мать девочки.

— Ну что вы... Томка очень любит детей. В жизни никого не тронул.

Кажется, Веронике удалось убедить женщину. Она изо всех сил старалась расположить

ее к себе. Достала остатки своих припасов, тут же принялась за чистку овощей. Вскоре она уже знала, что женщину зовут Надежда Ивановна, а ее мужа — Шалва Отарович. Пришла очередь и ей представиться.

Вероника на секунду задумалась. Какое имя ей выбрать? Назваться Вероникой, а если по дороге какой-нибудь патруль вздумает проверить у них паспорта, и выяснится, что по паспорту она Анастасия? Нет уж, лучше не рисковать. Придется привыкать к новому имени.

— Настя, — решительно представилась она.

По ходу разговора выяснилось, что женщина работает учительницей, что сами они, вообще-то, из Москвы, но последние пять лет работали на Сахалине — у мужа был контракт. А сейчас вот решили вернуться обратно, потому что Ромику надо поступать в институт.

Вероника слушала ее и задумчиво кивала, вспоминая свои планы, связанные с Ветеринарной академией, которые теперь казались не более реальными, чем полет на Венеру. Она намеренно не рассказывала ничего о себе — чем меньше народу будет знать, кто она на самом деле, тем лучше. Просто незадачливая путешественница... Жертва обстоятельств...

Через час мужчины вернулись с реки и принесли в ведре почищенную и выпотрошенную рыбу. Оставалось только разрезать ее на куски и забросить в кипящую воду.

Солнце уже ушло за сопку, над речкой спустился туман, поэтому жаркий костер, который быстро распалили Шалва Отарович с Леней, был весьма кстати. Вероника придвинулась к огню поближе и немного погрела руки у пламени. Роман подкатил большое бревно и предложил его вместо скамейки. Вероника поблагодарила и, устроившись на нем, задумчиво смотрела в огонь. Рядом с ней тут же примостилась притихшая под вечер Алина.

Уютно булькала вода в котлах, тепло от костра приятно растекалось по жилам, припекало щеки. Вероника слегка приобняла льнущую к ней девчушку и вдруг почувствовала, что... счастлива. Да-да — счастлива, насколько это возможно в ее положении. Сейчас она была рада просто тому, что ей не грозит никакая опасность, что ей есть где укрыться от дождя, что у нее ничего не болит и что рядом с ней хорошие, доброжелательные люди, которым ничего от нее не нужно... Маленькое, даже совсем крохотное, но счастье. Она понимала, что на самом деле оно ненастоящее, иллюзорное. Что стоит только вернуться мыслями к событиям, которые произошли за последние несколько дней, и счастье это рассыплется, как эти сверкающие золотом угольки... Землетрясение, разрушенный дом, мерзкий насильник. Убийство. Гибель Максима.

Вероника не знала, что ужаснее — тяжкий грех, который она понесет теперь через всю жизнь, или страшная, невосполнимая потеря любимого...

— Что это ты такая печальная, попутчица? — весело обратился к ней шофер Леня. — Замерзла, что ли, или оголодала?

— Да нет, это я так... — отмахнулась Вероника. — Не обращайтесь внимания.

Уха была обжигающей и вкусной. Она словно впитала в себя горьковатый запах костра и речной свежести. А когда пришло время чая, Леня вдруг извлек неизвестно откуда литровую банку, заполненную оранжево-красной массой.

— Вот, икорка — последняя в этот нерест. Сима уже отходит. За два часа авось просолилась, — добавил он, обращаясь к Надежде Ивановне как к эксперту по кулинарии.

— Я вообще-то такую скороспелку не очень люблю, — отозвалась та, — но здесь на природе все сойдет...

Они пили сладкий чай и заедали его большими бутербродами с красной икрой.

Вероника с детства привыкла к такой еде и не считала ее чем-то из ряда вон выходящим, но сейчас она чувствовала себя на вершине блаженства.

После ужина Вероника вызвалась помыть посуду. На самом деле она терпеть не могла это занятие, но сейчас ей хотелось хоть чем-нибудь отблагодарить этих людей за участие. Как-то очень быстро все ушли спать, и возле костра остались сидеть только Вероника и Роман. Вероника сосредоточенно перемывала кружки и миски, а юноша молча сидел и смотрел в огонь. За прошедший вечер он не произнес и десятка слов.

Но вот из микроавтобуса раздались мерный храп и посапывание спящих, и тогда он сразу оживился. Первое, что он сделал, это достал откуда-то из недр своей ветровки смятую пачку сигарет. Расправил ее и галантно предложил Веронике:

— Будешь?

— Спасибо, не курю, — отозвалась та.

Роман понимающе кивнул.

— А ты зачем в Южный едешь? — спросил он, отводя рукой с лица длинную челку.

Вероника вдруг поняла, что совсем не хочет ему врать.

— Затем же, зачем и вы — в аэропорт. А потом — в Москву.

— Прямо с дачи? — спросил он так просто, как будто его не удивил бы и положительный ответ.

— Да нет же, я все наврала, — с подкупающей легкостью отозвалась Вероника. — У меня дом рухнул во время этого дурацкого землетрясения. А теперь я еду к тетке в Москву.

— А предки-то у тебя где?

— Родители в рейсе, они думают, что я уже там, в Москве, — Вероника цыкнула языком — мол, вот какая история.

Роман сполна оценил оказанное ему доверие — с этого момента он безоговорочно принял Веронику в союзники. Теперь она могла говорить ему все, что угодно — юноша неизменно ей верил. Кажется, ему был близок дух авантюризма, которым веяло от всех ее поступков.

Нет, она почти ничего не помнит о землетрясении — сразу потеряла сознание и очнулась только в санчасти... Недельку пролежала под капельницей... Частичная потеря памяти... Почему она ничего не рассказала его родителям? Просто не хотела пугать их. И вообще, они могли бы про нее невесть что подумать... Роман с ней соглашался — да, действительно, она совершенно права, «предкам» никогда нельзя ничего говорить...

Ближе к ночи похолодало. Роман незаметно подсел к Веронике и, приобняв за плечи, укрыл ее своей курткой. В его порыве не было ничего пошлого, но все же в первую минуту Вероника испугалась и запаниковала. Ей казалось, что от прикосновения мужской руки в ней должен проснуться страх — или отвращение... В «СПИД-инфо» публиковалась целая статья про психологические проблемы изнасилованных девушек — у некоторых из них влечение к мужчинам пропадало вообще на всю жизнь...

Однако вопреки своим опасениям ничего страшного Вероника не ощутила. Просто приятное тепло от притулившегося рядом человеческого существа. А может, просто дело было в том, что она совершенно не воспринимала этого юношу как мужчину.

Они долго сидели так, тесно прижавшись друг к другу и ничего не говоря... Потом Вероника почувствовала, как рука Романа начинает осторожно и ласково гладить ее волосы. Это ощущение было, с одной стороны, приятным, а с другой — вызывало в ней какой-то внутренний протест. Она вдруг поняла, что невольно закрывает глаза и представляет на

месте Романа другого. Максим — вот кто чудился ей в дыму костра, чьи нежные руки хотелось ей ощущать на своем теле...

Увидев, что девушка не сопротивляется, Роман осмелел, и его губы потянулись к разгоряченной от пламени щеке Вероники. Однако поцелуй подействовал на нее как резкая боль: Вероника дернулась, вскочила и сбросила с плеч его куртку.

— Ты что? — шепотом спросил ее Роман. — Ты обиделась на меня?

Вероника молчала, мрачно уставившись в огонь.

— Но я ведь только хотел тебя немножко согреть... — смущенно проговорил Роман.

— Я так и подумала. Просто побоялась, как бы не стало слишком жарко, — спокойно пояснила она.

— Ну ладно, извини. Садись обратно.

Вероника молча покачала головой.

— Я, пожалуй, пойду спать, — упрямо поджав губы, сказала она.

— Ты же и так целый день проспала...

— Знаешь, бывает такое состояние, когда, кажется, можно спать днями и ночами, — сказала она. — Не просыпаясь...

— Похоже, у тебя депрессняк, — со знанием дела заметил Роман. — Ничего. В Москве ты быстро развеешься. Там столько всего... Кстати, а в каком районе живет твоя тетка?

Вопрос вывел Веронику из задумчивости. Она не знала, где живет ее тетка. Однако признаваться в этом ей совершенно не хотелось. Надо было как-то выкручиваться.

— А сам-то ты где живешь? — ответила она вопросом на вопрос.

— В Ясеневе, — с готовностью сказал Роман, которому явно польстило ее внимание.

— А-а-а... — разыграла разочарование Вероника. — Ну, это совсем в другом конце Москвы.

— Жаль. А у нее есть телефон?

— Ты знаешь, и телефона нет.

У ее тетки действительно не было телефона. Она жила в большом пятиэтажном доме с высоченными потолками — так называемом сталинском. Это Вероника запомнила отчетливо. Роскошная хрустальная люстра со множеством висюлек, круглая лепнина на потолке... Стены не с обоями, а просто покрашены бежевой масляной краской... И во всех комнатах пахнет чем-то старинным, немного затхлым... Если бы еще вспомнить, где это находится. Если бы Веронике показать этот дом с улицы — она бы, наверное, узнала...

— Жаль... — снова вздохнул Роман, и Вероника сразу даже не поняла, о чем это он.

— Что — жаль? — переспросила она.

— Жаль, что у твоей тетки нет телефона.

— Ах да, конечно.

— А хочешь, тогда запиши мой? — предложил он. — Может, как-нибудь и встретимся...

— Давай, — неожиданно для себя сказала Вероника. — Только у меня нет ни бумаги, ни ручки.

Роман порывлся в бездонных карманах своей ветровки и вскоре протянул ей и то, и другое.

— Пиши... — И он продиктовал ей семизначный номер.

Это был первый московский телефон, который ей приходилось записывать.

Что ж, значит, ее столичная биография начинается уже здесь, на берегу сахалинской

речушки. Возможно, она никогда в жизни и не позвонит по этому телефону, но сейчас появление заветного листочка с цифрами она посчитала добрым знаком...

Наконец объявили посадку на самолет. Вероника подхватила свою нехитрую поклажу, взяла Тома на короткий поводок и двинулась вместе с потоком пассажиров к контрольному столику.

Вот тут-то ее и ждал сюрприз.

— Девушка, куда же вы с собакой-то прете? — с остервенением налетела на нее служащая в форменной рубашке с погонами и синей юбке. Под левой ноздрей у нее висела неприятная белая родинка.

— Вы что — не знаете, что на собаку нужен отдельный билет и намордник? — почти с радостью подхватила вторая, уперев руки в жирные бока.

Они стояли по обеим сторонам прохода — обе, как на подбор, толстые и приземистые. Похоже, их принимали на работу по этому признаку: брали только круглых, маленьких и хамоватых.

— Извините, я никогда не ездила раньше с собакой... — пыталась объяснить Вероника. — Знаете, он у меня совсем не кусается... Если нужно, я могу посадить его в сумку...

— В сумку — ишь чего придумала! И вообще, у тебя есть справка от ветеринара, что собака здорова? — сказала та, что с родинкой.

— Справка? Нет... — растерянно пробормотала Вероника. — Но он совершенно здоров! У него есть прививка и от бешенства, и от чумки... Я сама лично его колола...

— Без справки мы собак в самолет не берем!

— Поверьте мне на слово, я сама в Ветеринарку собираюсь, он совершенно здоров...

— Ну вот что, девушка, идите в кассу и разбирайтесь и никого тут не задерживайте. Вон, посмотрите, какой затор из-за вас образовался...

— Но ведь в кассе ничего не решат... — попробовала возразить Вероника.

— Тогда идите к начальнику аэропорта, — отрезала служащая с белой родинкой и попыталась оттолкнуть Веронику от прохода.

Увидев, как плохо обращаются здесь с его хозяйкой, Том, который до этого проявлял ангельское терпение, вдруг не выдержал и стал с лаем рваться у Вероники с поводка. Пасть его была ощерена, шоколадные глаза зажглись недобрым огнем.

— Караул! Позовите милиционера! — завизжали служащие в один голос. Одна из них потянулась к висящему на груди свистку.

— Не надо! Умоляю, только не надо свистеть! — вскинула на них глаза Вероника и вырвала у растерявшейся от страха дежурной свой паспорт. — Мы уже уходим. Мы никуда не собираемся больше лететь. Все хорошо. Товарищи, проходите, пожалуйста, не задерживайте...

Бормоча себе под нос всю эту тираду, Вероника незаметно пробралась сквозь толпу обратно и быстро зашагала к залу ожидания. Хотя она и шла, опустив в землю глаза, все же от взгляда ее не укрылось, что навстречу, по направлению к столику контроля, вперевалку идет пожилой милиционер.

«Ну вот и прилетела», — подумала Вероника. Теперь у нее не было возможности даже сдать купленный билет. Если только этот мент начнет допытываться, кто она и откуда, он обязательно раскусит ее и поймет, что на паспорте вовсе не ее фотография. Нет, она должна

немедленно бежать. Черт с ними, с деньгами... Слава Богу, не последние...

Вероника спокойным шагом вышла из здания аэропорта, но как только оказалась на улице, то сразу же забежала за угол и припустилась бежать.

— Ах, Том! Чертова собака! — шептала она на ходу. — Угораздило же тебя раскрыть свою поганую пасть... Молодец, молодец, мальчик мой, хороший мальчик! Умница! — сбивалась она, видя, как Том настороженно поводит ушами, слушая ее бормотание. Было бы недальновидным поступком ругать его за то, что он заступился за хозяйку. В конце концов, он же не знал, что эта злая тетка находится при исполнении служебных обязанностей... Проявила грубость к хозяйке — будешь отвечать по всей строгости. У собак своя логика...

Только когда Вероника удалилась от аэропорта на достаточно безопасное расстояние, она позволила себе остановиться и перевести дух. Нечего и говорить — с вылетом она потерпела полное фиаско...

Отбивая колесами мерные синкопы, поезд подползал к платформе. На вагонах белели таблички «Сов. Гавань — Москва».

Усталая и невыспавшаяся, Вероника стояла на перроне, сжимая в руке картонный билетик на верхнюю полку в купейном вагоне. На плече у нее висела все та же черная сумка, а рядом, возле ноги, стояла еще одна — синего цвета, на колесиках. Вероника купила ее специально в привокзальном магазинчике. В нее она посадила Тома и велела сидеть, не подавая голоса. Нет, больше она не собиралась полагаться на удачу. Сначала она влезет в поезд и дождется отправления, а уж потом как-нибудь разберется с собакой. Главное, не будет никаких проблем с паспортом...

День выдался дождливый и пасмурный, но Веронике было лень доставать зонт. Прохладная морось освежала ей лицо. «Пусть уж лучше дождь меня умоет, — думала она, — чем возиться в этой тухлой воде из умывальника». При мысли о том, что ей придется провести в одном из этих грязных, пахнущих копотью вагонов целую неделю, ее охватывало отчаяние. Но другого пути до Москвы не было. Улететь на самолете из Хабаровска Вероника решила не пытаться — наученная горьким опытом, она боялась нового разочарования. И потом, аэропорты вечно напичканы милицией, а любая встреча с властями может сейчас стать для нее роковой. Нет, она сцепит зубы и поедет в этом чертовом поезде.

Больше всего в таких путешествиях Вероника не любила необходимость делить быт с незнакомыми людьми. Раньше ей приходилось вместе с мамой ездить по железной дороге на юг. И даже два дня пребывания в пути казались ей мукой после перелета до Москвы. Пусть в самолете приходилось терпеть заложенные во время взлета и посадки уши — зато в воздухе пассажиру оказывалось хоть какое-то уважение.

Садясь же в поезд, Вероника ощущала себя заложницей: она была обязана с кем-то общаться, обязана питаться с кем-то за одним — маленьким и неудобным — столом, обязана выслушивать чьи-то замечания или шутки, обязана вдыхать чужой запах, наконец... Все это приводило ее в смятение. И сейчас, дожидаясь, пока зеленая железная змея доползет до конца платформы и остановится, Вероника пыталась собрать все свое мужество перед решительным шагом на подножку вагона.

После почти бессонной ночи, проведенной на пароме, который вез ее с Сахалина на материк, она была вымотана до предела и сейчас думала только о том, чтобы поскорее занять свою полку, получить серое влажное белье, стянуть с себя пропыленные джинсы и, отвернувшись к стенке, уснуть...

Вагоны, вздрогнув, остановились. Проводница проверила у нее билет, бегло просмотрела паспорт. В лице ее Вероника не заметила ни тени подозрения. Вскоре они вместе с Томом зашли в чистое пустое купе. Сначала Вероника с волнением и любопытством ждала попутчиков, но потом поняла, что не дождется. Народу в этих краях было немного, и вагоны шли полупустые.

Наконец поезд тронулся, за окном медленно поплыл маленький вокзал, и Вероника с шумом задвинула дверь купе. Все. Теперь уже ничто не должно помешать ей спокойно доехать до Москвы. Некоторое время она сидела, тупо уставившись в окно, а Том громко хватал пастью воздух и поглядывал на нее со своей собачьей улыбкой.

Одновременно с радостью Вероника ощущала опустошение и еще... какое-то странное

беспокойство. Как будто внутри у нее поселилось некое существо, которое беззвучно шевелило своими лапами или щупальцами... От его движений на Веронику волнами накатывало отвращение, перемешанное со страхом. В чем же дело? Может быть, в купе просто душновато?

Вероника открыла дверь — и ей показалось, что существо, сидящее у нее внутри, сразу же угомонилось. «Наверное, мне просто не хватает тут воздуха», — решила она. Теперь в купе гулял холодный сквозняк, но это было все же лучше, чем то неприятное чувство, которое появлялось у нее от духоты.

В дверь купе постучали — это пришла проверять билет молоденькая проводница. Уходя, она сказала, чтобы Вероника переселила собаку в тамбур и надела на нее намордник.

— Бывает, что у пассажиров аллергия на шерсть, — вежливо пояснила она, — а собака может и в тамбуре прекрасно пожить.

Веронике ничего не оставалось, как с ней согласиться. Хотя ей и жаль было расставаться со своим лохматым спутником, она сложила все собачьи причиндалы в сумку, после чего, стараясь не привлекать к себе внимания, вывела Тома в тамбур. Там она покормила его, достала из кармана намордник и ласково потрепала любимца по загривку.

— Так надо, милый, потерпи. Будет остановка, я тебе сниму... — И она твердой рукой будущего ветеринара надела псу намордник.

До этого Тому никогда не надевали эту странную штуку, поэтому удивление его было совершенно справедливым. Поначалу он даже пытался стянуть намордник лапой, но быстро понял, что это бесполезно, и озадаченно уставился на хозяйку.

— Ничего не поделаешь, чертик, — сказала Вероника и снова погладила его лохматый загривок. — Сиди здесь и не вякай. Жди меня, понял?

Веронике показалось, что Том едва заметно кивнул ей в ответ. После того, как он продемонстрировал чудеса понятливости под окнами дома Пахана, она уже не сомневалась, что он понимает человеческую речь. Непонятно, каким образом у него это получается — запоминает ли он слова, или ориентируется по интонациям, или вообще использует какой-то другой, неведомый человеку код... Наверное, не зря говорят о собаках: все понимает, только сказать не может.

Напоследок Вероника привязала конец поводка к ручке наглухо запертой двери и, послав Тому воздушный поцелуй, ушла.

Нет, она не сразу призналась сама себе, что не может спать. Вначале она грешила на духоту в купе, но потом, когда после долгих мучений ей удалось слегка приоткрыть окно (для этого ей пришлось повиснуть на ручке), она поняла, что дело вовсе не в спертom воздухе.

Она не хотела допускать этой мысли, однако через некоторое время правда стала неотвратимой. Вероника поняла: ей просто страшно. Она боится, панически боится сидеть здесь одна! Конечно, когда появилась щелка в приоткрытом окне, ей стало немного полегче... Но все равно страх сковывал ей все внутренности, не давал не то что уснуть, но даже забраться на верхнюю полку и укутаться в одеяло. Вероника сидела, прямая, как палка, и предельно напряженная. Взгляд ее был устремлен за окно, но однообразный пейзаж вхолостую пролетал перед глазами, как стертая киноплёнка. Все отчетливее она ощущала внутри копошение этого странного мерзкого существа, теперь ей казалось, что его скользкие щупальца шарят изнутри по всему ее телу. Не выдержав этого кошмара, Вероника вскочила с полки и изо всех сил рванула дверь.

От образовавшегося сквозняка взлетели занавески на окне, грохот колес зазвучал сильнее... Но существо — неведомое и гадкое, — оно вдруг сразу исчезло...

Вероника, совершенно потерявшись, вышла в коридор и встала у окна. Что же с ней происходит? Вообще-то она не из пугливых. Темноты и одиночества она не боится с детства. Но этот нелепый, позорный страх она ощущала почти физически...

И вдруг ее осенило.

Замкнутое пространство! Вот чего она так боялась! Как только пространство переставало быть замкнутым, страх проходил. Даже когда она приоткрыла окно — и то почувствовала, как в толще ее ужаса появилась брешь. Значит, она не может находиться одна в небольшом закрытом помещении — в этом все дело.

Это была болезнь, и Вероника знала ее название. Клаустрофобия, или боязнь замкнутого пространства. Обычно ей бывают подвержены дети в возрасте семи-восьми лет, именно тогда они просят маму не закрывать дверь в их комнате или оставлять в ней хотя бы маленькую щелочку.

Ну да, конечно, она заполучила эту идиотскую болезнь, просидев сутки под землей... Удивительно, как она вообще не помешалась там от ужаса. Вполне могла бы крыша поехать.

Так. Значит, клаустрофобия. Но ведь это, наверное, не навсегда? Со временем это пройдет?

Однако пока даже сама мысль о том, что сейчас ей придется идти в пустое купе, приводила ее в ужас. Больше всего на свете Вероника не хотела вновь ощутить у себя внутри суетливую возню тех скользких щупальцев...

Поэтому она плотно задвинула дверь своего купе, вышла в тамбур, сняла с прыгающего от радости Тома намордник, села на корточки и, прижавшись щекой к родной и теплой шерстяной морде, задремала.

...Она снова брела по сумрачному лесу, задевая головой за сизые, покрытые засохшей хвоей еловые лапы... Под ногами чавкала черная вода, в нос то и дело ударяли тяжелые струи болотного духа... Она не знала, куда идет... Единственное, что было ей понятно, — это что так и надо... Она должна идти и ничего не знать... С деревьев изредка капала вода — видимо, недавно пролился сильный дождь... Она все шла и шла, старательно примеряя каждый шаг, — как вдруг нога ее соскочила и она резко провалилась по самую грудь в грязную и липкую жижу... В этот момент в голове ее лишь промелькнуло: «Ведь это уже было со мной! Было не раз!» Затем она почувствовала, как ноги ее словно наливаются свинцом — какая-то неведомая сила потянула их книзу, в глубь земли... Вероника в отчаянии била руками по грязной воде, пыталась схватиться за сухие и хрупкие еловые ветки, но все напрасно... Черная зловонная жижа была уже возле самой ее шеи. «Помогите! Вытащите меня отсюда!» — закричала Вероника, мучительно пытаясь проснуться... А вода миллиметр за миллиметром поднималась все выше и вот уже стала захлестывать в ее раскрытый рот... «Что, попалась, сука?» — раздался вдруг глумливый голос над самым ее ухом, и Вероника поняла, что это голос ублюдка Пахана... Из последних сил она обернулась и увидела сверкающие из кустов остекленевшие голубые глаза...

— Монбохто! Стоим всего три минуты! — напомнила всем проводница. — Не разбегаться!

На платформе какая-то бабуля подходила ко всем и предлагала расфасованные по кулям кедровые орешки. Другой мужичок заморенного вида под предлогом того, что «будет веселее ехать», пытался продать бутылку мутноватого самогона.

Возвращение в купе вселило в Веронику светлую надежду выспаться: когда она вошла, то обнаружила там двоих соседей. Ими оказались сухонькая старушка, одетая во все черное, и юный бритый курсантик, который при ее появлении тут же начал смущаться и краснеть от подворотничка до макушки. Впрочем, Веронике не было до них никакого дела. Ей требовалось только присутствие людей. Она надеялась, что если будет в купе не одна, то сможет побороть свой страх и заснуть. Разумеется, она соблюдет все правила вежливости — не будь она внучкой покойного Бориса Губернаторова.

— Добрый вечер! — бодро обратилась она к новым обитателям купе.

— Здравствуй, дочка, — отозвалась старушка и, оглядев ее с ног до головы, вздохнула. Может быть, глядя на молодую рослую Веронику, она вспомнила свою собственную далекую юность. А может, углядела в лице Вероники что-то особенное — ведь люди к концу жизни начинают чувствовать то, что недоступно обычным органам чувств. Вдруг она своим старческим чутьем догадалась, что перед ней не просто девушка, а убийца? Вероника нахмурилась и отогнала от себя мрачные мысли. «Просто я стала мнительной», — подумала она.

Курсантик даже толком не посмотрел на нее, буркнул себе под нос что-то невразумительное и уперся взглядом в заоконный пейзаж.

— Мое место на верхней полке, — сказала Вероника. — Разрешите, я лягу прямо сейчас?

— Давай, давай, дочка... — отозвалась бабуля, а курсантик тут же выскочил из купе, как будто услышал команду своего старшины.

Ну вот наконец-то сбудется ее мечта. Сейчас она сбросит свои тесные джинсы и нырнет под чистую прохладную простыню! Вероника закрыла за курсантом дверь и полезла в черную сумку, чтобы достать ночную рубашку и халат. Но тут же остановилась и замерла... Чертовщина! Проклятое многолапое существо не исчезло. Оно несколько не боялось присутствия в замкнутом пространстве других людей — в частности, этой мирной старушки. Ему было на это совершенно наплевать. Как только захлопнулась дверь и купе превратилось в подобие маленькой полутемной пещеры, злосчастная клаустрофобия вновь дала о себе знать.

Так вот в чем дело! Для этой мерзкой твари совсем неважно — один человек в замкнутом пространстве или нет. Человек пугается не одиночества. Он пугается до такой степени, что не видит в присутствующих людях потенциальных спасителей. Это глобальный страх, это вселенский ужас. На него не действуют никакие доводы, никакие объяснения. Просто ощущение, что если сейчас же не вырваться, то все погибнут, задохнутся, будут безжалостно раздавлены... Спасите! Помогите! Вытащите меня отсюда!

Вероника подхватила обе свои сумки и, бросив на ходу: «Ой, извините, я вспомнила!» — пулей выскочила из купе в коридор.

Сейчас ей было совершенно наплевать, что подумают про нее старушка и курсант, который, видимо, вышел в тамбур покурить. Сердце ее бешено стучало, и она успокоилась только, когда снова оказалась рядом с Томом и прильнула щекой к его лохматой морде.

«Но ведь это же полный абсурд», — думала она, жуя добытый из недр сумки дорожный ужин. Не может же она всю дорогу провести в тамбуре рядом с собакой? С этим надо что-то делать.

Собственно, что ее так пугает, что именно на нее действует? Замкнутость, узость пространства, недостаток воздуха... Все это присутствует в купе. Но ведь в поезде имеются и плацкартные вагоны. Сама она в таком никогда не ездила — у них всегда находились деньги на более дорогие, купейные места. Но зато она проходила по ним, когда они с мамой шли чуть ли не через весь поезд в вагон-ресторан. Еще тогда ее поразила неприятная атмосфера этих вагонов. Чьи-то босые или одетые в дырявые носки ноги, которые не умещаются на полках и торчат на полметра в коридор, так что приходится нагибаться и затыкать нос, чтобы не вдыхать их тяжелый запах... Разудалые компании, которые весь день напролет горланят пьяными голосами песни и ругаются с остальными пассажирами... Толпы детей — они кричат, носятся по всему вагону и не дают спокойно поспать... И еще вечные помидоры с огурцами в мокрых изнутри пакетах, и подвявшие бутерброды с колбасой — и болтовня, бесконечная болтовня случайных знакомых...

Но делать было нечего.

Шел уже пятый день пути.

Вероника ехала в плацкартном вагоне. Проводницы в нем почти не было видно — она появлялась только на станциях, чтобы открыть дверь, а все остальное время беспробудно пила в своем купе на пару с небритым проводником из соседнего вагона. Том сначала жил в тамбуре, но потом как-то незаметно, стараниями собаколюбивых пассажиров, перебрался в вагон.

Приступы клаустрофобии уже не мучили Веронику, а ко всем другим неприятностям она постепенно привыкла. Единственное, в чем она не позволила себе уподобиться другим, так это в стиле отношений с попутчиками. Она попросту не заводила с ними никаких отношений. Только на уровне «здравствуйте», «спасибо», «до свидания». Нет, она поступала так не из чувства презрения или мизантропии. Сейчас, после того, что она пережила, она опасалась людей и не доверяла им. И даже когда соседи по плацкарте просыпались порой от ее криков во сне, она ничего не рассказывала им об истинных причинах своего недуга.

— Извините, это у меня с детства, — сухо говорила она. — Если начну опять толкайте посильнее... — И глотала очередную таблетку элениума.

За прошедшие дни Вероника настолько втянулась в мерный ритм путешествия, что время пролетало гораздо быстрее, чем казалось вначале. Обычно за день в вагоне набивалось порядочно народу, и к вечеру там поднимался невообразимый шум: кто-то играл в карты, кто-то просто громко переговаривался, кто-то включал музыку. Вероника усилием воли заставляла себя отключиться от этого бедлама и от собственных тяжелых раздумий и засыпала. Однако за ночь словно происходило некое волшебство. Когда она просыпалась на следующий день, то в первую секунду даже пугалась: «Что это? Людей будто корова языком слизнула. Ни одного человечка. Совершенно пустой вагон...» Но к вечеру все начиналось сначала. И так каждый день.

Однообразие и установившийся порядок жизни сделали свое дело: теперь Веронике казалось, что она родилась в этом поезде и прожила в нем всю свою жизнь. Она уже не мыслила своего существования без монотонного стука колес под полом, без редких остановок, когда состав с шипением тормозил у очередного здания вокзала, пассажиры шумно толпились в коридоре и выходили, чтобы угодить в лапы собравшимся на платформе торговцам.

Вероника выходила на станциях только два раза в день, чтобы прогулять Тома и запастись продуктами. Продавали здесь всякую всячину: пирожки с самыми немислимыми начинками — от грибов до картошки с луком, парное молоко в пластиковых бутылках из-под пепси-колы, горячую вареную картошку, пересыпанную укропом, свежевывловленную жареную рыбу, завернутую в фольгу, и другие вкусности. Однако, несмотря на это, в какой-то момент Вероника почувствовала, что от длительного питания всухомятку у нее начинаются неприятности с желудком.

«А, собственно, что мне мешает? — подумала она. — Пойду-ка я в вагон-ресторан и поем нормальной горячей пищи. Конечно, Бог весть что мне там не предложат, но все-таки... А то так и язву недолго заработать».

Тома Вероника, разумеется, оставила в вагоне, пообещав принести ему каких-нибудь косточек, а сама отправилась подлечивать исстрадавшийся желудок. Миновав несколько

вагонов, Вероника наконец уперлась в ярко покрашенную дверь с пластмассовой табличкой «РЕСТОРАН». Толкнув ее, она прошла через небольшой коридорчик с умывальником, сполоснула руки и оказалась в длинном, непривычно светлом помещении с нарядными, белыми в желтую клетку шторами на окнах.

Этот ресторан, конечно, был похуже того, в который ходили они с мамой, когда ехали в фирменном поезде на юг, но тем не менее все «ресторанные» признаки в нем имелись: скатерти на столах (неважно, какой они свежести), официанты (неважно, что это грубоватые тетki в грязных передниках) и скучающие в ожидании заказа посетители. Таковых, впрочем, было немного — компания из троих уже изрядно принявших мужичков за одним столиком и одинокая женщина за другим. Лица ее Вероника не видела — только мощную, обтянутую джинсовой рубашкой спину и короткий хвост черных с проседью волос с бантом в горошек.

Стараясь не привлекать к себе внимания, Вероника села за уютный стол у самого окна и стала дожидаться, пока к ней подойдет вялая официантка.

Последние дни Вероника уже почти не вспоминала о своих многочисленных бедах. Кажется, они обрушились на нее в таком количестве, что, наложившись друг на друга, потеряли остроту. Ее душа устала страдать, молодой организм выставил защиту против невзгод. Поначалу ее мучили зловещие картины недавнего прошлого. Как в калейдоскопе, они проносились перед ней снова и снова, пока она, обессиленная, не засыпала на своей верхней полке. Но уже через пару дней Вероника научилась забываться и переключаться на легкое чтение. На станциях она покупала себе журналов, каких-то карманных детективов, любовных романов... Потом с легкой душой раздавала все это соседям по вагону — не тащить же с собой в Москву целую библиотеку.

Все чаще по ночам она вспоминала Максима. Ей грезились его ласковые руки, скользящие по изгибам ее тела, его негромкий, всегда полушутливый голос, его зеленые, обманчиво-печальные глаза. Воспоминания эти были светлыми и безоблачными. Вероника не верила и не хотела верить, что Максим погиб в землетрясении. Лишь изредка будто холодная шершавая рука сжимала ей сердце. «Зачем, зачем ты обманываешь себя?» — звучал в голове проклятый вопрос, и к глазам подступали слезы.

Вероника всегда была спокойной и уравновешенной. Редко выходила из себя, почти никогда не принимала ничего близко к сердцу. Даже когда умерла ее любимая кошка Царица, она не пролила ни слезинки. «Рыбонька ты моя, — шутил иногда Максим. — Такая холодненькая, скользкая, прямо из речки...» Вероника только гордилась своей северной сдержанностью и считала, что лучшего качества для врача не придумаешь.

И сейчас, чувствуя, как в груди у нее что-то рвется, мечется и горит, она стыдила себя за сентиментальность. Ей казалось, что будущий медик — пусть даже ветеринар — не должен позволять себе так раскисать. Но как она ни пыталась, она не могла поставить Максима в один ряд с другими людьми, не могла уместить свои чувства к нему в обычные рамки. Кажется, такое случилось с ней впервые в жизни. Когда они дружили и вместе переживали смешные трудности, которые воздвигали перед ними родители, Вероника не предполагала, что ее чувства к Максиму настолько сильны. Сейчас, только сейчас она начинала понимать, что именно она потеряла...

Резкий, неприятный голос официантки вывел ее из раздумий.

— Что будем брэ-эть? — спросила она.

В эту же секунду Вероника обратила внимание на лежащее перед ней меню. Она быстро придвинула его к себе и наугад назвала заказ. Официантка с солидным видом записала все к

себе в блокнотик и ушла. На этом спокойная жизнь Вероники закончилась. Теперь внимание компании за соседним столиком целиком переключилось на нее.

— Эй, девушка! — услышала она веселый нагловатый голос. — Чего скучаешь — давай к нам!

Вероника со вздохом закатила глаза. Ну вот, началось. Зачем она только притащилась в этот дурацкий ресторан... Лучше бы сидела себе спокойно в своем вагоне и не высывалась.

— Девушка! — снова окликнул ее тот же голос.

Вероника повернула голову и обнаружила, что голос принадлежит одному из подвыпивших парней — по-видимому, шабашников, которые, с размахом расположившись за столом, пропивали заработанные деньги. «Я на Вачу ехал плача... — хрипло напевал один из них. — С Вачи еду хохоча...» Даже в ресторане они умудрились устроить все по-своему: на столе была разложена классическая газета с разделанной на ней вяленой рыбой, какие-то неопрятные ломти черствого хлеба...

— Эй! Ты чего, оглохла, что ли? — нетерпеливо спросил парень с наглым голосом. У него были такие сальные волосы, как будто он полоскал их в подсолнечном масле. Веронику охватило омерзение.

— Сам ты оглох! — не выдержала и огрызнулась она.

— Во какая — не подойди... — усмехнулся тот, что пел про Вачу.

Однако парень с сальными волосами был уже в такой кондиции, что из него перла агрессия.

— Чего? — угрожающе переспросил он Веронику и грузно поднялся из-за стола. — Ты чего это, сопля, борзеть вздумала?

Веронике вдруг стало смешно.

Кажется, с некоторых пор ее преследует какой-то нелепый рок... Почему-то на пути ей попадаются сплошные моральные уроды. Губы ее тронула горькая усмешка. Может, просто встать и уйти, не дожидаясь заказа? Но это будет означать, что она снова подчинилась предложенным ей условиям и безоговорочно приняла их. Нет, она должна разорвать этот порочный круг! Она пришла сюда обедать и не уйдет, пока не поест. Она не позволит больше всяким ублюдкам распорядиться ее жизнью!

— А ну пошел отсюда, чмо болотное... — бесстрашно глядя прямо в пьяные глаза, прошипела Вероника и поспешно отвернулась.

— Че?! — с готовностью вскинулся задира, словно ждал этого. — Че ты сказала?!

Официантки и поварихи с любопытством выглядывали из кухни, но ввязываться никто не решался. Женщина, которая сидела спиной к ним, повернулась и с неодобрением посмотрела на разбушевавшегося парня.

— Ну хватит, хватит, Серый, плюнь ты на нее... — хрипло попытался урезонить приятеля тот, что пел песню.

Однако Серый, видно, за время пути уже заскучавший от однообразия, так и нарывался на скандал. Подойдя к столу, за которым сидела Вероника, он стукнул по нему кулаком и гаркнул:

— Слышь, ты! Интеллигентная — да? Куда там! Все вы, интеллигенты, дерьмо! А еще грубишь... Ну, чего zenки вылупила? — И парень неожиданно выставил вперед руку, в которой держал рюмку с водкой — и выплеснул ее содержимое прямо Веронике в лицо. — Вот тебе! Мне водки не жалко, еще куплю!

Все произошло так быстро, что никто не успел ничего сообразить. Вероника буквально задыхнулась от обиды и боли, слезы разом захлестнули ее. Противная, вонючая жидкость жгла ей глаза, стекала на подбородок... Она даже сказать ничего не могла — плач комом застрял у нее в горле.

И вдруг она услышала властный женский голос.

— Ты что это, прыщ этакий, девчонку обижаешь? Да я ж тебя сейчас по стене размажу, это ты понимаешь? — В этом голосе слышалась такая непоколебимая уверенность и сила, что парень, который только что готов был полезть в драку, тут же притих и быстро вернулся на свое место.

Когда женщина с соседнего столика встала, оказалось, что она высокая и статная — настоящая бабища, из тех, кому классик велел коня на скаку останавливать и входить в горящую избу. Шабашники при виде ее сразу сжались и стали как будто меньше в размере. Нет, конечно, физически они могли бы справиться с ней даже по одному... Но дело было не в этом. От этой женщины по всему вагону расходилась такая властная энергия, что у всех — даже у оторопевшей Вероники — парализовало волю.

— Видано ли такое, — продолжала женщина, степенно, как учительница, прохаживаясь между столами. — На молодую девушку — ребенка почти что — руку поднимать... Да тебе знаешь что за это надо сделать? — Парень с сальными волосами еще больше вжался в стол. — Эх! Если бы не при детях, я бы тебе сказала... Шваль подзаборная... А ну живс пошли в свой вагон! И чтоб духу вашего здесь не было! — И она погрозила им мощным кулаком.

— Мамаша... Мамаша... Только без рук... — Все трое встали и бочком стали продвигаться к выходу, а женщина стояла, скрестив на груди руки, и молча ждала. Один из парней воровато вернулся и подхватил со стола недопитую бутылку.

Наконец они ушли, и в ресторане повисла тяжелая тишина.

У Вероники в груди что-то разом разорвалось — уронив голову на руки, она безудержно зарыдала. Крик рвался у нее из горла, и она не могла его остановить... К счастью, поезд подъезжал к очередной станции и в ресторане в этот момент никого не было. Одна только женщина — ее спасительница — стояла рядом и, переглядываясь с официантками, качала головой.

— Истерика ведь у девки, ну-ка, воды простой принесите...

Молодая конопатая официантка послушно принесла стакан воды.

— На, выпей без разговоров, — строго сказала Веронике женщина и попыталась насильно напоить ее водой.

Однако Вероника совсем уже ничего не соображала.

— Оставьте меня! — закричала она, пытаясь вырваться. — Не трогайте вы меня... — И голос ее снова сорвался в плач.

Тогда хитрая женщина сменила тактику. Обняв Веронику за плечи, она принялась ласково, по-матерински гладить Веронику по спине и нашептывать ей на ухо:

— Ну не надо, моя рыбонька, ну успокойся, что же ты рвешься-то так? Будто горе какое у тебя приключилось... Ну, будет тебе, деточка... Шваль — она и есть шваль. Если на всяких подонков внимание обращать... Дай-ка я посмотрю, глаза-то у тебя целы? — Она за лоб приподняла лицо Вероники и заглянула в ее красные от слез глаза. В этот момент и Вероника разглядела свою спасительницу.

Лицо у нее было крупное, значительное. Темно-синие глаза, своевольного изгиба

брови... Черные с проседью волосы гладко зачесаны со лба... Несмотря на возраст — судя по всему, она годилась Веронике в матери, — выглядела она молодожаво. Заколочка с черным бантом в белый горошек, джинсовая рубашка, длинная льняная юбка.

— Спасибо вам большое... — выдавила из себя Вероника, кусая губы, чтобы снова не заплакать.

— Не стоит... Я ведь ничего особенного не сделала, это бы любой на моем месте так поступил... Не обедала еще? — вдруг просто, по-обыденному спросила она.

— Что-то они не несут мне заказ. — Вероника украдкой вытерла нос и всхлипнула.

— Сейчас принесут... — И в этот момент конопатая официантка, словно услышав ее слова, выплыла из кухни с подносом.

Пока она расставляла блюда, женщина перенесла со своего стола приборы и сунула в передник конопатой толстухе десятитысячную купюру.

— Водочки нам принеси, — душевно сказала она. — Только обязательно в графине. Терпеть не могу, когда водку из бутылок пьют... Ну и закусить что-нибудь.

Вероника молча сидела, уставившись на тарелку с супом. Аппетит у нее начисто пропал. Когда официантка принесла водку в стеклянном графине, тарелку с маринованными огурчиками и две чистые рюмки, женщина понемногу разлила и сказала:

— Ну что ж, давай знакомиться. Меня Галина зовут. А тебя как?

Вероника молчала, не зная, какое имя ей называть — настоящее или фиктивное. Потом решила, что случайная попутчица вряд ли станет проверять у нее паспорт.

— Вероника... — хмуро сказала она.

— Ну, что, Вероничка, за знакомство? — И Галина подняла свою рюмку.

— Но я никогда не пила водку... — растерянно сказала Вероника. — Она такая противная... Можно я не буду?

— Как это ты не будешь? За знакомство грех не выпить... Сколько тебе лет? Шестнадцать есть?

— Есть.

— Значит, можно. Это ничего, что противная, ты ее заглядывай быстренько, и все. Водку же не из-за вкуса пьют. Глотнешь, перетерпишь, зато потом увидишь, как сердце отпустит. Хорошая это штука — даже иностранцы нашу русскую водку признают. Ну, давай...

Вероника с опаской заглянула в рюмку, потом захотела поднести к носу, чтобы понюхать, но Галина остановила ее руку.

— Вот нюхать не надо, сразу пей. Лучше всего одним глотком, и потом сразу воды.

Вероника поняла, что отступить ей некуда — обидеть свою спасительницу она не могла. Тем более что от этой женщины веяло такой силой и уверенностью, что Веронике не хотелось никуда уходить...

Она зажмурилась и резко выдохнула воздух (она видела, что так делал папа, когда изредка, по праздникам, собирались гости и родители пили крепкую настойку золотого корня, которую мама готовила из медицинского спирта). Затем поднесла рюмку к губам и резко опрокинула ее. Не дав себе почувствовать вкуса этой отравы, она тут же схватила стакан с водой и запила.

— Ты просто профессионал! — похвалила ее Галина. — Теперь закусывай.

Вероника удивилась, насколько легко ей удалось справиться с водкой. В груди сразу потеплело, появился аппетит. Минут за пять она разделалась с супом и перешла к

бифштексу. В это время Галина снова наполнила рюмки и предложила новый тост:

— А теперь, как говорил один мой знакомый хлопец, «за любовь». Если уж садились с ним пить, так он обязательно этот тост говорил. Смачно так, по-хохляцки — за любовь! А что это ты такая грустная сразу стала... — опешила Галина, глядя на Веронику, у которой снова вмиг увлажнились глаза. — Я что — не то что-то сказала, да? Слушай, может, у тебя неприятности какие, ты прямо белая вся... Господи... Знаешь что, ты пей водку-то, пей все равно... Неважно за что — во-от, так, давай-давай...

Вероника выпила еще одну рюмку. Потом еще одну. Голова ее начинала кружиться. Стоянка закончилась, и теперь в ресторан начали приходить посетители.

— Девушка, вам мороженое-то приносить? — громко спросила у Вероники конопатая официантка.

— Н-не... Не надо... — Вероника вдруг обнаружила, что язык плохо ее слушается. — И кофе не хочу...

— Ты давай, огурчиком лучше закусывай, — сказала Галина и налила себе еще. — Будешь?

— Пока нет... — промычала Вероника.

— Ты куда едешь-то?

— В Москву... Знаешь, я такая идиотка... — вдруг сказала Вероника и истерически расхохоталась.

Сидевшие за соседним столиком удивленно оглянулись в ее сторону.

— А где садилась? — продолжала спрашивать Галина.

— В Ванино. С Сахалина я еду... Ты слышала про наше землетрясение?

— Слышала... А ты, что же, с этого города?

— Дома сижу ночью, прикинь, телевизор с тумбочки падает... — Вероника икнула. — Это как раз был первый толчок... Потом вообще завалило все к чертовой матери...

— Постой... у тебя что, дом рухнул?

Вероника молча кивнула.

— Тебя прямо живьем завалило?!

— Ага, как видишь, еще жива.

— А родители?

Вероника пьяно махнула рукой.

— Они в рейсе.

— А они-то знают?

Губы Вероники вдруг сами собой скривились.

— Не знаю я ничего! Все как-то запуталось... И Максим... — Она замолчала, потом подняла на Галину полные слез глаза. — Мальчик такой был... Максим... — Она всхлипнула и замолчала.

— Что, погиб? — тихо, почти шепотом спросила Галина и приложила руку ко рту.

Вероника опять кивнула и закрыла лицо руками.

— Я никогда его не забуду! — замотала головой она. — Никогда! И никогда в жизни больше ни с кем! Ни за что! Я лучше в монастырь пойду!

— Ну тише, тише ты, успокойся... Не надо, Вероничка... На, лучше выпей еще. Тебе легче будет, выпей... Горе надо водкой заливать — это дело проверенное... Надо же, такая молоденькая... — Галина всплеснула руками.

На них оглядывались. Вероника, уже давась, выпила еще одну рюмку и закусила

маринованным огурцом. Когда она подняла глаза на Галину, то увидела, что лицо у той расплывается и двоится. «Господи, какая же я пьяная!» — подумала она и вдруг почувствовала, что ее мутит. Молча, схватившись за живот, Вероника встала из-за стола и, качаясь, пошла к выходу. На ходу она задела какой-то стул и точно бы упала, если бы не подоспевшая на помощь Галина.

— Э! Э! Куда это ты одна? Пошли... Пошли вместе... Вот так, потерпи — сейчас в туалет тебя заведу...

Заботливо, как мать, Галина стояла рядом все время, пока Веронику выворачивало наизнанку. Потом помогла умыться, достала из сумки чистый платок. Вывела Веронику в коридор и заставила постоять на сквозняке. Только когда Вероника окончательно пришла в себя, она проводила ее до вагона и проследила, чтобы та легла спать.

— Что же это делается... — ворчала она себе под нос, когда шла обратно. — Что же только на свете делается...

Поезд запаздывал. Они должны были прибыть в Москву в семь вечера, Вероника надеялась, что у нее еще останется время, чтобы поискать дом тети Тамары... Но теперь план ее трещал по швам.

Только к девяти вечера состав подполз к платформе Курского вокзала, и Вероника вышла в фиолетовый, освещенный лампами дневного света сумрак. Собаку она снова на всякий случай посадила в сумку — мало ли что?

После вчерашнего она целый день проспала, и теперь голова у нее гудела, как колокол. Чтобы она еще раз взяла в рот эту гадость...

Ее новая знакомая, Галина, заходила утром ее проведать. Извинялась, что ненароком ее споила.

— А ты зачем в Москву-то едешь? Да еще с собакой... — спросила она, когда они вместе вышли в тамбур, где Вероника кормила Тома.

— Собаку мне просто девать некуда. А в Москве работу собираюсь искать.

— О! Так идем к нам на рынок! — воскликнула Галина. — У нас там всегда продавцы нужны. И заработки хорошие.

— Да нет... Я не умею как-то... И вообще — рынок — это такое место...

— Место, конечно, то еще... — согласилась Галина. — Но мне не привыкать, — махнула рукой она. — Я еще и не такого понюхала... Веришь ли — в тюрьме ведь сидела. Целых два с половиной года усиленного режима.

— За что?! — не поверила Вероника.

— Статья сто пятая и сто шестая. Неосторожное убийство и превышение самообороны.

У Вероники внутри все перевернулось. Однако она быстро взяла себя в руки и спросила:

— На тебя кто-то напал?

— Ну да... — усмехнулась Галина. — Напал... Собственный муж...

— Ни черта себе... — покачала головой Вероника, изо всех сил стараясь не показать своего волнения.

— Как у меня крыша тогда не поехала, сама до сих пор не понимаю. Сын помог — он тогда маленький еще был. Пока я сидела, он у сестры был. Потом по амнистии вышла, сразу забрала. Только им одним и выжила. Теперь вот учиться его отправила. Не куда-нибудь — в Англию. Он у меня способный... Шустрый — весь в меня. — Лицо Галины засветилось гордостью.

— Это же дорого, в Англии-то учиться... — сказала Вероника. — Неужели ты на рынке столько зарабатываешь?

— А почему нет? Вот сейчас приеду, наймусь — сезон поработаю. Потом затарюсь — и обратно к себе, продавать. Вот так и набегают денежки-то... А ты говоришь — рынок такое место...

— А живешь ты где? У знакомых?

— Почему, квартиру снимаю. Я как все. Хочешь, со мной живи. У нас там жизнь веселая. Работа — водка. Работа — водка. Расслабляемся!

Такая перспектива Веронику совершенно не прельщала.

— Да нет, спасибо. У меня есть где ночевать, — вежливо отказалась она. — У меня тут тетка живет — дочка дедушкиной сестры...

— Ну, как знаешь. А то заезжай. Адрес запомни: рынок «Лужники», проще говоря, «Лужа». Золотая аллея, 18. Меня там всегда найти сможешь — с шести утра до четырех вечера.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Галина ушла, а Вероника еще долго лежала на своей полке и размышляла о том, как странно похожи и в то же время не похожи судьбы людей... Как удивительно тесен мир, настолько тесен, что они с Галиной встретились и стали хорошими знакомыми. Какая сила толкнула их друг к другу? Ведь там, в вагоне-ресторане, Вероника еще не знала, что Галина носит в душе тот же страшный грех, что и она... А Галина не знает про Веронику до сих пор. И никогда не узнает... Вряд ли они когда-нибудь еще встретятся. Каждая пойдет своей дорогой, и сохранится только та самая незримая ниточка, которая притянула их друг к другу в ресторане. Вероника верила, что в жизни не бывает ничего случайного. Каждая из них будет помнить эту встречу, а особенно Вероника.

Теперь, бредя по подземному переходу, Вероника изо всех сил старалась отбросить от себя мрачные мысли. Надо целиком сосредоточиться на поиске ночлега.

Тетя Тамара на сегодня отпадает... О том, чтобы отправиться на поиски бабушкиного дома прямо сейчас, на ночь глядя, не могло быть и речи. Вероника всего второй раз была в Москве, да и тот, первый раз, можно было не считать. Ведь тогда ей только исполнилось одиннадцать лет, и она везде ходила следом за мамой, как цыпленок за курицей. Конечно, что-то в памяти отложилось: красивая станция метро, на которой они выходили, чтобы попасть к дому бабушки Алевтины, прохладный фонтан в ГУМе, мостовая Кремля, куранты на башне, чизбургеры в «Макдональдсе»... Но главного она не помнила — названия улицы и точного адреса. Единственное, на что она уповала, это на бюро справок.

Вероника поменяла местами сумки — черную повесила на левое плечо, а синюю, на колесиках, потащила с правой стороны. Наконец, минуя переходы с длинными вереницами сверкающих киосков, она вышла в большой зал — подземный этаж Курского вокзала, который тут же закрутил ее, как огромный водоворот.

Со всех сторон на нее смотрели яркие витрины вокзальных магазинчиков, вывески кафе и закусочных. Из разных киосков, перекрикивая друг друга, неслись популярные мелодии. По залу во всех возможных направлениях сновали разномастно одетые люди... От этой пестроты у Вероники сразу зарябило в глазах. После унылого и серого пейзажа провинциальной России московский вокзал казался сплошным праздничным фейерверком.

Однако стоять и глазеть на все с открытым ртом времени не было. На зеленых электронных часах светилось уже полдесятого. Надо было срочно принимать какое-то решение. Вероника подумала, что самым лучшим будет зайти в кафе — перекусить, а заодно поразмыслить, что ей делать дальше. Она все больше склонялась к мысли, что первую ночь ей придется ночевать прямо здесь, на вокзале. Она знала, что людям приходится иногда так делать, например, если они ждут своего поезда, который уходит посреди ночи. В залах ожидания таких полно, так что она не привлечет ничего внимания...

Кафе она выбрала самое неказистое. После всех затрат денег у нее оставалось не так уж много, и она решила начать экономить. В небольшом уютном помещении, обнесенном прозрачной стенкой, имелось несколько «стоячих» столиков и барная стойка, за которой можно было получить чашку горячего кофе, сосиску с кетчупом и белым хлебом и какой-нибудь пирожок.

— Скажите, пожалуйста, — обратилась Вероника к ярко накрашенной женщине,

которая заведовала раздачей кофе, сосисок и пирожков. — Могла бы я переночевать на этом вокзале?

— У вас билет транзитный имеется? — не поднимая глаз от стакана, в который плескался из автомата кофе, спросила та.

— Если честно — нет, — ответила Вероника.

— Тогда не пустят, — спокойно сказала женщина, как будто сообщала что-то обыденное.

— А что же мне делать?

— Я-то откуда знаю, что тебе делать... Много вас тут таких... — ровным голосом проговорила женщина и поставила перед Вероникой пластмассовый поднос с едой. — Пятнадцать тысяч, — отрезала она.

Вероника расплатилась и растерянно прошла к самому дальнему угловому столику.

Вот так история. Получается, что ей совсем негде ночевать. Но нет, этого не может быть. Она прикинется овечкой, скажет, что ей всего на одну ночь, что завтра она найдет через бюро справок адрес и тут же уедет... «Надо еще заплести косички и завернуть их в виде баранок, тогда точно поверят...» — так обычно говорил в похожих ситуациях Максим.

— Как кофеек? — вдруг услышала Вероника голос над самым ухом.

Обернувшись, она увидела пьяную, давно не бритую физиономию, которая гнусно ухмылялась.

— Кофеек что надо! — с вызовом ответила она, на примере Галины усвоив, что с такими типами, как этот, надо брать инициативу в свои руки.

— А как насчет того, чтобы прогуляться до хаты?

— Это не ко мне, — спокойно ответила Вероника и повернулась к своей чашке.

— Ты по сколько берешь? — вдруг будничным тоном осведомился мужик.

Но и тут Вероника не растерялась. Она посмотрела на него в упор, давая понять, что с ней лучше не связываться.

— Папаша, иди лучше проспись, — сказала она тоном участкового врача. — Я телом не торгую. Все понятно? Или еще раз объяснить?

— Понял... Понял... — поднял руки мужик и опять ухмыльнулся своей гадкой ухмылочкой. — Ишь ты какая цаца... Телом, блин... Не торгует, блин... — продолжал бормотать он, отходя от столика, за которым стояла Вероника.

Что ж, можно считать, атака отбита. Но это весьма тревожный симптом... Значит, она попала в крутое и злачное местечко. Надо срочно подыскивать себе что-нибудь вроде медпункта или комнаты матери и ребенка. Но сперва она должна разыскать туалет.

Снова взвалив на себя обе сумки (Томке она, пока ела, успела бросить сосиску), Вероника направилась по указателям с нарисованной фигуркой в треугольном платъице. Почему-то она не могла отделаться от ощущения, что за ней кто-то следит. Когда же она пришла в женский туалет, подозрения ее подтвердились. Едва она вышла из кабинки и подошла к кранам, чтобы помыть руки, сзади ее обступили плотным кольцом несколько девиц. Вероника подняла глаза и сразу в зеркало разглядела, что это местные ночные бабочки.

— Какие-то проблемы? — повернулась к ним она и медленным, слегка прищуренным взглядом оглядела всю компанию.

Их было человек шесть. Высокие и низкие, худые и пухленькие, но все как одна, выбеленные гидропиритом. «Джентльмены предпочитают блондинок» — вспомнила

Вероника название какой-то комедии с Мерилин Монро в главной роли. Однако сейчас ей было совсем не до смеха. Несколько пар злобных, подведенных черной тушью глаз смотрели на нее так, будто хотели прожечь насквозь.

— Ты откуда такая свеженькая? — прокуренным (как и положено настоящей проститутке) голосом проговорила самая длинная и крупная из них — видимо, главная. — На гастроли — али как?

Вероника перевела на нее глаза. Их взгляды встретились.

— Отвечать обязательно? — поинтересовалась она.

— Ишь ты, какие мы норовистые... — покачала головой другая — тоже из матерых. — Слышь, Мил, я ее от самой кафешки приметила. — Барыгу она грамотно отшила. Небось рассчитывает кого-нибудь посолиднее подцепить... Минет по туалетам делать, это пусть другие давятся. Она у нас только на «Мерседесах» ездить собралась. Как же, из такой дали с сумками перлась...

— Что в сумки-то понабила — трусов небось кружевных да презервативов? — И девица с прокуренным голосом вырвала у Вероники из рук синюю сумку — видимо, из соображений, какую побольше.

Вероника, разумеется, не сопротивлялась. По губам ее скользнула улыбка, и она, сложив руки на груди, стала наблюдать, что будет дальше.

Главная с довольным видом склонилась над сумкой, словно Кашей над сундуком с золотом. Однако когда она торопливо расстегнула «молнию», из груди ее вырвался хриплый гортанный вопль. Уж чего-чего, а оскаленную собачью морду она ожидала там увидеть меньше всего.

— Ой, мамочки... Девки! — закричала она. — Там у нее шавка сидит...

Остальные ее возгласы заглушил громкий и гневный лай Тома. Девицы тут же с визгом разбежались врассыпную. Вероника осталась стоять у зеркала и только беззвучно хохотала. Разумеется, Том не разобрался в деталях происходящего, но суть уловил безошибочно: его хозяйку опять обижали.

— Я честная девушка! — кричала им вслед сквозь смех Вероника. — Мне чужого не надо!

Впервые за последние две недели Вероника искренне смеялась. Однако когда она вышла из туалета и успокоилась, то поняла, что ничего радостного, собственно говоря, не произошло. Разборка с бригадой жриц любви говорила лишь об одном: оставаться на вокзале на ночь ей нельзя. Мало того, что чем ближе к полуночи, тем больше будет предложений со стороны мужчин... Ей еще наверняка предстоят новые встречи с путанами, а также их сердечными друзьями ментами. Уж об этом-то она начиталась в своей любимой «ну очень интересной газете»...

Нет, с вокзала надо уходить. Только вот куда? Может быть, в гостиницу? Наверняка здесь есть где-нибудь неподалеку отель для прибывающих на Курский вокзал. Но там ведь нужно предъявлять паспорт, без этого не поселят. А вдруг портье будет пристально рассматривать ее фотографию и обнаружит несоответствие? Тогда ее сразу же, без всяких разговоров, передадут на руки милиции. О том, что могло бы начаться дальше, окажись она в отделении, Вероника предпочитала даже не думать... Так как же ей быть?

И тут Вероника вспомнила про телефон, который оставил ей Роман — ее первый и единственный московский знакомый. Она порывисто засунула руку в карман и нащупала там заветный сложенный вчетверо листок из блокнота. Слава Богу, что она его не потеряла!

Теперь эти семь цифр были волшебным шифром, который мог соединить ее с прежней жизнью. Той самой, где не было места ни грубым проституткам, ни циничным милиционерам, ни заросшим щетиной бомжам...

Вероника нежилась в роскошной постели, боясь спугнуть в себе это восхитительное, почти домашнее ощущение. Она так опасалась проспать, что проснулась даже раньше, чем должен был прозвонить будильник. Восточное солнце пробивалось сквозь белые, как перламутр, шелковые шторы. На резном, красного дерева старинном комодке бесшумно крутились, вспыхивая искрами, новомодные часы с красиво изогнутым золоченым маятником. Вероника разрешила себе еще немного поваляться — до момента, когда должен был прозвонить будильник...

Она лежала и вспоминала остаток вчерашнего вечера.

С вокзала она позвонила Роману — к счастью, к телефону подошел он сам, и ей хотя бы не пришлось объяснять его родителям, кто она такая. Разумеется, она не забыла, что для него и его семьи она — Настя.

Роман сразу же вспомнил ее и очень обрадовался. Когда же речь зашла о ночевке, трубку взяла сама Надежда Ивановна.

— Это Настя? — по-деловому начала она. — Здравствуй, здравствуй... Рома мне сказал, что ты в Москве и остановилась у тети. Молодец, что решила все-таки поступать...

— Понимаете, — перебила ее Вероника. — Я пока что не у тети...

— А где же твоя тетя? — В голосе Надежды Ивановны послышались нотки беспокойства.

— Вы знаете, я ее не застала, — звонким и честным голосом юного пионера ответила Вероника, вспомнив про косички в форме баранок. — Так получилось — я не стала слать телеграмму, обычно они все лето в Москве...

— Может, в отпуске? — холодно осведомилась Надежда Ивановна.

— Да нет, думаю, завтра моя тетя уже объявится... А в общежитие еще не селят — я узнавала... — поспешно добавила она.

— Выходит, тебе негде ночевать? — изобразила понятливость Надежда Ивановна.

— Ну, вроде того...

На другом конце провода помолчали.

— Что ж, приезжай к нам. Не на улице же тебе оставаться... — сказала после паузы Надежда Ивановна. — Рома встретит тебя у метро.

Всю дорогу до станции «Теплый стан» Вероника размышляла, как же ей сразу и окончательно дать понять Роману, что никаких амурных дел между ними быть не может. С другой стороны, если она переночует у них одну ночь, не произойдет ничего страшного... Тортик она купила, так что вполне сойдет за приличного гостя. Поздоровается с Шалвой Отаровичем, спросит, как дела на работе. Поболтает немного с Надеждой Ивановной, расскажет ей, куда решила поступать. Наверняка это сразу прибавит ей уважения в глазах учительницы...

Роман жил в невероятно длинном девятиэтажном доме — пока они шли, Вероника насчитала штук двадцать подъездов. «Прямо гетто какое-то, — подумала она. — Трущобы для негров». У них на Сахалине не делали таких даже в новостройках.

Квартира была трехкомнатная, хотя и небольшая. Вероника обратила внимание, что все здесь новое, недавно купленное. Видимо, хозяева вернулись с Сахалина с толстым кошельком и бросились делать покупки. Окна во всех комнатах украшали тяжелые, полные

всяких складочек и рюшечек шторы. Мебель была тоже новая, импортная. Роскошный торшер со множеством рожков. В большой комнате — новомодный компьютер с колонками. Ковров не было — это тоже являлось признаком современного подхода. В комнате у родителей — белая с голубым спальня а-ля мадам де Помпадур.

Лишь комната Романа отличалась некоторой сдержанностью интерьера. Традиционный набор старшего школьника: письменный стол, кровать, книжный шкаф и шкаф для одежды, музыкальный центр и афиши любимых групп на стенах. Примерно такая же комната была и у Максима, только вместо гривастых поп-групп с фотографий смотрели редкие животные и птицы. Максим готовился на биофак, собирался углубленно изучать экологию и зоологию. «Он только начинал жить...» — вспомнила Вероника расхожую строчку из некрологов и сдавленно засмеялась.

Шумно и весело Вероника поздоровалась с родителями Романа. Главное — побольше улыбаться. Это самый верный способ сгладить любую ситуацию. Ответная улыбка Надежды Ивановны показалась ей несколько кислой, Шалва Отарович держался более приветливо и непринужденно.

Веронику сразу же усадили ужинать. Пока ела, она с интересом разглядывала многочисленную бытовую технику, которой была забита кухня. Не считая большой микроволновой печи, здесь теснились в ряд стиральная и посудомоечная машины, на столах стояли всякие комбайны, хлебопечки, миксеры, фритюрницы...

Надежда Ивановна сидела напротив нее и дотоплю расспрашивала ее о родителях — кто они такие, почему все время отпускают дочь одну, почему она не предупредила свою тетю телеграммой, и так далее. Разумеется, она во всем была права. Если бы родители Вероники поступали так, как она пыталась их представить, то они были бы вполне достойны лишения родительских прав. Поэтому на все справедливые охи и ахи Надежды Ивановны Вероника только рассеянно пожимала плечами.

— Я не думала, что так получится... — говорила она.

— Ладно, ну что ты напала на дэвчонку, — попытлся заступиться за нее Шалва Отарович. — Тетя ее жива? Жива. Значит, объявится.

— Конечно, конечно, объявится... — поспешно подхватывала Вероника, с аппетитом поедая посыпанные тертым сыром макароны и нарядные свежие веточки укропа.

Роман вел себя натянуто и смущенно — при родителях его словно подменяли. Он все больше молчал, а если и говорил, то какие-нибудь угрюмые дежурные фразы.

Из вежливости Вероника просмотрела вместе с хозяйкой дома «Санта-Барбару», обсудила все сюжетные повороты серии, после чего была вознаграждена предложением немедленно улечься в постель. Да-да, конечно, она с удовольствием, потому что ей завтра очень рано вставать.

Вероника вдруг почувствовала, что страшно хочет спать. Нет, она не настолько хотела спать, чтобы свалиться и отключиться в том месте, где ее застанет сон. Она хотела спать в другом, более утонченном смысле. Ей хотелось по-человечески помыться, погрузиться в свежие простыни, включить ночник и поваляться перед сном в постели с какой-нибудь легкой книжкой или юмористическим журналом. Разгадать парочку кроссвордов, оставив пустыми только клетки с географическими названиями и фамилиями оперных композиторов... А уж потом, когда веки начнут слипаться, когда книжка или газета начнет выпадать из рук, дотянуться до выключателя, блаженно прислониться щекой к подушке и... спать, спать, спать... После такой прелюдии кошмары просто не посмеют ей присниться.

Она будет сладко спать до самого утра, а утром проснется свежая и полная сил...

— Наверное, тебе нужно помыться? — опустив глаза, спросила Надежда Ивановна. — Могу дать тебе полотенце...

— Нет-нет, не беспокойтесь — у меня все с собой. — И, прихватив черную китайскую сумку, Вероника зашла в небольшую светлую ванную комнату.

Повернула кран, и из него сразу полилась горячая, как кипяток, вода. «Вот красота, — восхищенно подумала Вероника. — Никаких тебе титанов. Открутил кран — и мойся сколько хочешь...»

Уже через десять минут Вероника легла в горячую ванну и на несколько секунд с головой опустилась под воду. Сначала она не поняла, в чем дело, что именно не то. Но потом до нее дошло. Запах! У этой воды был странный неприятный запах. Такой хлорированной воды Вероника еще не встречала. Вот почему чай показался ей каким-то невкусным...

На всякий случай Вероника решила сильно не разлеживаться. Она быстро намылилась с головы до ног, как следует промыла волосы, потом выпустила из ванны воду и несколько минут постояла под душем. Вот уже много дней она не знала этого блаженства — быть чистой. Теперь она, горячая, покрасневшая, стояла и вытиралась новеньким, только что вынутым из упаковки салатным полотенцем. Она берегла его специально для этого момента. «Вот приеду в Москву — и помоюсь», — мечтала она всю дорогу в поезде. Наконец-то ее заветная мечта сбылась...

Вероника намотала полотенце на голову, достала из пакета чистую хрустящую ночную рубашку и с удовольствием накинула ее на себя. Конечно, чтобы выглядеть прилично, надо было надеть халат, но он был слишком грязным после долгой дороги. Впрочем, как и все остальные ее вещи. А может, устроить небольшую постирушку? Эта мысль показалась Веронике вполне здравой. Конечно, поступок не очень приличный, но, в конце концов, ее можно понять...

Чтобы не тратить слишком много стирального порошка, Вероника налила в ванну горячей воды, взбила пену и по очереди перетерла в ней все вещи, начиная со светлых нательных и заканчивая темными верхними. Затем отпустила посильнее воду и как следует по несколько раз все прополоскала. Затем она вымыла с чистящим средством ванну.

Напоследок Вероника огляделась — все ли в порядке? Мама всегда учила ее не оставлять за собой ничего грязного и неопрятного. «Никакого нижнего белья, никаких скомканных и брошенных под кроватью носков, — говорила она. — Пусть все думают, что ты принцесса из сказки. А принцессы, если ты знаешь, не писают и не потеют». Веронику забавляли мамины примеры, но с детства вдолбленные истины осели в ней, наверное, на всю жизнь.

Когда Вероника вышла из ванной, то обнаружила, что в общей комнате для нее застелена широкая тахта, а рядом лежит новый симпатичный халатик. Мягким розоватым светом горел торшер. Мечта сбылась — Вероника нырнула под прохладные простыни и зарылась лицом в душистую наволочку подушки...

Среди ночи ее вдруг разбудил короткий скрип открываемой двери... Вероника испуганно вскочила и тут же разглядела в полумраке комнаты фигуру Романа. Он что-то нес в руке. Когда он подошел ближе, Вероника разглядела, что это початая бутылка коньяка. В другой руке он держал две маленькие, совсем кукольные хрустальные рюмочки.

— Надо выпить! — громким шепотом сказал он. — Мы же не выпили за встречу!

После того как Вероника попробовала водки, ей уже было ничего не страшно. И хотя, как она знала, коньяк тоже напиток крепкий, жеманиться не стала. «Коньяк — так коньяк, — подумала она, — зато его можно пить потихонечку, а не опрокидывать рюмки одну за другой, как поступают с водкой».

— Наливай, — кивнула она.

Свет они не включали.

— Ну что — со свиданьем? — поднял свой коньяк Роман.

Они чокнулись, и Вероника притронулась губами к обжигающему напитку. Вкус был странный — терпкий, вяжущий и горьковатый одновременно. Пить его особенно не хотелось, но из любопытства Вероника сделала маленький глоток. Раньше ей никогда не приходилось пробовать коньяк. «Вот она и началась — школа жизни, — мелькнуло у нее в голове. — То водка, то коньяк...» Почему-то она не подумала о том, что школа жизни началась для нее гораздо раньше...

Коньяк обжег ей губы и язык, а затем горячим угольком пополз вниз по пищеводу. Веронике казалось, что она чувствует, как он миллиметр за миллиметром подбирается к ее желудку. Как только это случилось, по всему ее телу разошлось удивительное целебное тепло.

— Почему ты задержалась? — спросил у нее Роман. — Ты же собиралась вылетать в тот же день?

— Так — дела, — отговорила она. Ей совершенно не хотелось рассказывать Роману, как она тряслась целую неделю в поезде только ради того, чтобы не связываться в аэропорту с ментами.

— Ты не волнуйся — ночуй у нас, сколько хочешь, — вскинул на нее преданные глаза Роман.

— Я не волнуюсь. — Вероника подняла рюмку с коньяком и сделала еще один глоток. — Надо же — такое ощущение, будто пьешь жидкий огонь.

Роман улыбнулся и, опрокинув свою рюмку целиком, налил себе еще.

— Добавить? — спросил он Веронику, и она заметила, что в глазах его появился масляный блеск.

— Да нет, зачем — мы же не собираемся напиваться...

— Действительно. А ты в Москву на работу или правда поступать?

— Поступать... — ответила Вероника, не удержавшись от лжи.

— А куда?

— В Ветеринарную академию, куда же мне еще?

— Собачьим доктором хочешь стать?

— Точно. А ты куда?

— В Бауманский. Меня родители «поступают»... — вздохнул Роман.

— А ты что, не хочешь?

Роман помотал головой.

— А чего же ты тогда хочешь? — поинтересовалась Вероника.

— А ничего я не хочу... — махнул рукой Роман. — Просто жить хочу... Везет же тебе, у тебя предки в рейсе. Моих бы куда-нибудь отправить...

Вероника вдруг осознала, насколько она взрослее его. Причем повзрослела она совсем недавно — буквально за последние две недели. Как будто день у нее шел за месяц... Теперь, даже если и очень хотела, она не могла вернуться в свое прежнее состояние, когда все было

прекрасно, когда каждый ее шаг выверялся заботливыми родителями и неудачи были практически исключены. Однако объяснять всего этого Роману Вероника не стала.

— Спасибо тебе за коньяк, — сказала она. — Я, пожалуй, буду спать. Слушай, а у тебя будильник найдется?

— Найдется. Принести? — тут же засуетился Роман.

— Если не трудно.

Роман удалился в свою комнату и вернулся с детским будильником в виде домика с трубой.

— Вот. Играет ламбаду. — Роман подошел к дивану и стал протягивать будильник Веронике, как вдруг остутился, взмахнул в воздухе руками и рухнул прямо на нее.

Сделал он это нечаянно или искусно разыграл, Вероника так и не поняла. Между тем она совершенно естественным образом оказалась в его объятиях, и он, кажется, не собирался исправлять свою оплошность.

— Настя! — иступленно зашептал он. — Настенька! Я знаешь, как тебя вспоминал... Ты такая... такая...

При этом он бодал ее своей гривастой головой и пытался губами поймать ее губы. Вероника обнаружила, что руки у него при всей внешней subtilности довольно крепкие. Только еще не хватало, чтобы он вошел в раж и принялся ее насиловать! Вероника представила себе реакцию Надежды Ивановны, если бы она вошла сейчас в комнату и все это увидела... Ее разобрал смех.

— Роман! — проговорила она, пытаясь подавить хохот. — Роман, опомнись же. Ты, кажется, собирался отдать мне будильник. Так вот, отдай и иди в свою комнату. Ты что, с ума сошел, что ли? Сейчас прибежит Надежда Ивановна и бросится спасать твою честь... Ты этого, что ли, хочешь?

— Не прибежит, — упрямо пробубнил Роман, не двигаясь с места. Голова его лежала у Вероники на груди, руки крепко обхватывали ее плечи.

— Короче, если ты не слезешь с меня сейчас же, я уйду ночевать в подъезд, — твердо сказала Вероника.

— Ну хорошо, хорошо, только не злись... — Роман нехотя поднялся и сунул ей будильник.

Когда он уже подошел к двери, чтобы уйти, Вероника тихонько окликнула его:

— Рома! Подожди!

— Ну что еще? — обернулся он через плечо, и Веронике поразило злое выражение его лица.

— Во-первых, не хамай... — Она тут же обиженно поджала маленькие губы. — А во-вторых, послушай. Если я скажу тебе, ты поймешь...

— Что?

В комнате повисла тишина. Вероника хотела рассказать ему про Максима, но вдруг обнаружила, что у нее просто не поворачивается язык.

— Нет, не могу. Извини... — помолчав, с трудом выговорила она. — Спокойной ночи.

Роман посмотрел на нее остановившимся взглядом.

— Это ты меня извини, — сказал он, после чего ушел и плотно закрыл за собой дверь...

Резкий звонок будильника прервал поток ее воспоминаний. Вероника встала, накинула прямо на рубашку халат и тихонько приоткрыла дверь комнаты. Тихо. Кажется, все еще спят. Она прошла на цыпочках в ванную и пощупала развешанное на веревках белье. Все высохло.

Вероника отнесла одежду в комнату и сложила в сумку. Когда она проходила по коридору, ей вдруг показалось, что из кухни доносятся какие-то голоса. Вероника прислушалась. Точно, там кто-то есть. Разговаривают, а дверь с «морозным» стеклом плотно прикрыта.

Вероника в потемках подкралась поближе и снова прислушалась.

— Ну конечно... — раздраженно говорил голос Надежды Ивановны. — Я знаю — ты у нас всех, кого ни попадя, готов в дом притащить... Еще маленький был — собак шелудивых, котят блохастых на улице подбирал... Ни одного не пропускал...

— Мама, ну как ты можешь сравнивать!

— Как ты можешь, как ты можешь... — проворчала она. — Она кто тебе — родственница, невеста, что ли? Откуда ты знаешь, может, у нее лишай какой-нибудь? Или грибок... Разлеглась на нашем финском диване, как барыня... Всю ванну бельем завешала... Хитрая больно... Думает, если на попутке ее подвезли, так теперь и на голову сесть можно...

— Ну мама, ну перестань же, мама! — сквозь зубы проговорил Роман.

— И не затыкай меня... И не затыкай... — совсем завелась Надежда Ивановна, но продолжения Вероника уже не стала слушать.

От стыда и унижения у нее зашумело в голове. К щекам моментально прилил жар. Нет, в этом доме она не останется больше ни секунды. Ни единой секунды. Моля Бога, чтобы эти двое на кухне не прерывали своего разговора, Вероника тихо прокралась обратно в комнату, быстро — как солдат по тревоге — оделась, покидала в сумку вещи, запахнула постель и направилась к выходу. Она даже не стала заходить в туалет, хотя ей ужасно хотелось. Легонько шлепнув по морде Тома, чтобы он не вздумал подавать голос, Вероника бесшумно повернула замок в двери и, выскользнув из квартиры, побежала вниз по лестнице. Следом за ней, царапая когтями бетон, семенил Том.

Вероника опрометью пробежала через пустынный двор, нырнула в арку бесконечно длинного дома... Только там она остановилась и, прислонившись спиной к белой панельной стене, испещренной гадкими надписями, перевела дух. Том смотрел на нее глазами, полными искреннего удивления. Что за странный поступок? Но Вероника не обращала на него внимания...

Ну вот, кажется, теперь ее прокатили по полной программе. Надо было знать цену их гостеприимству... Для них она просто шелудивая собака, лишайная бродячая кошка, и больше никто! Просто из лицемерия они не решались сказать ей это прямо в лицо! И это они еще не знают, кто она такая на самом деле! Расскажи она им всю историю от начала до конца — про обманную телеграмму, про голого Максима в ее постели, про землетрясение, про удушливый запах мочи в темноте завала, про отвратительный синий орган, которым тряс у нее перед лицом убудок, про мерзкую уголовщину, которой закончилось ее пребывание на мародерской даче... Потом про долгое путешествие с поддельным паспортом в кармане, про пьянку в вагоне-ресторане и собственную блевотину в тамбуре... Может быть, тогда бы они ее пожалели и приласкали?!

Вероника с горечью скривила губы и, повернувшись к стене, заплакала. Рыдания ее эхом отдавались в гулких арочных сводах. Нет, больше она ни за что не воспользуется ничьим предложением переночевать. Лучше уж спрятаться в каком-нибудь подъезде на чердаке. Или сразу предложить деньги. Наверное, в этом суровом мире чистогана по-другому нельзя...

Вероника вытерла слезы и упрямо нахмурилась. Затем она взвалила на плечо сумки и

отправилась в сторону метро. Почему-то мысленно она представила себя рыбиной, идущей против течения на нерест. Ей стало смешно, но смеяться она не могла, потому что по-прежнему хотела в туалет. Пришлось воспользоваться ближайшими кустиками. Другого выхода у нее не было. «Хорошо быть кисою, хорошо собакою — где хочу пописаю, где хочу покакаю...» — вспомнила она детскую приговорку и восхитилась ее актуальностью. Вот она и превратилась в бездомного котенка.

Прошло часа полтора, прежде чем Вероника разыскала бюро справок, а вернее, адресный стол. Начала она, разумеется, со справочной в метро, но там ей строгим голосом сказали, что справок по частным адресам они не дают. Мол, обращайтесь в адресный стол. А где же ей найти этот адресный стол? К сожалению, местный закрыт на ремонт. Ближайший, который работает, в центре, в районе станции «Арбатская». Услышав знакомое название, Вероника обрадовалась. Значит, сейчас она побывает на знаменитом Старом Арбате. В прошлый приезд они с мамой так и не успели туда съездить, хотя знали, что в Москве это одно из самых интересных мест. Как Монмартр в Париже...

И вот ее мечта сбылась — она стояла в самом начале улицы, о которой столько слышала. Она выпустила Тома из сумки и на всякий случай надела ему намордник. «Улица Арбат», — прочитала она на одном из домов и сделала первый шаг по старинной мостовой. Все здесь казалось необычным и праздничным, как в игрушечном городке. Маленькие изогнутые фонари, вымытые до блеска зеркальные стекла витрин, яркие тенты над входами в магазины и кафе... Кругом все пестрело иностранными названиями, то и дело попадались стайки возбужденных иностранных туристов... Другие лопочущие на разных языках группы толпились вокруг лотков с русскими сувенирами: матрешками, огромными лаковыми яйцами на подставке, деревянными скульптурками и гжелью. Кое-где стояли с раскрытыми футлярами у ног уличные музыканты, под сенью высоких зонтиков сидели, зажав во рту карандаш, художники-портретисты. Вероника разрывалась между желанием побыть здесь, послушать музыку, понаблюдать за тем, как рисуют портреты, — просто прогуляться среди красивых и нарядных людей, — и необходимостью искать себе ночлег.

Вдруг она почувствовала, как кто-то трясет ее за плечо.

— Девушка! Девушка! Пойдите! — ласковым и вежливым тоном окликнул ее какой-то молодой человек с длинными волосами, забранными сзади в хвостик. В одной руке он держал большой круглый микрофон, а в другой — бутылку с пепси-колой. За спиной его Вероника увидела людей с камерами, блестящие «глаза» которых были направлены на нее.

«Этого мне только не хватало! — подумала Вероника. — Не дай Бог они с первого канала, ведь тогда меня увидят люди по всей России, и тот мент на Сахалине тоже...»

— Извините, у меня мало времени, — сказала она, не пытаясь загородиться от камер — она часто видела, как люди это делают, когда их снимают на улице, и ей казалось, что это выглядит еще хуже, чем если бы они просто стояли и молчали.

— Всего несколько слов для программы «Особое мнение», — продолжал атаковать ее молодой корреспондент. — Поймите нас правильно: мимо такой красивой девушки просто невозможно пройти! Да еще с такой роскошной собакой! Какой она у вас породы?

— Беспородная, — пожалала плечами Вероника и хотела уже повернуться, чтобы идти. Но молодой человек остановил ее вопросом:

— Как вы относитесь к обману?

— То есть?

— Обманываете ли вы сами? Сможете ли простить обман по отношению к вам?

Вероника задумалась и склонила голову набок. Ей показалось, что во всей этой ситуации — и особенно в вопросе журналиста — есть нечто издевательское. Как будто сам черт подослал к ней эту съемочную группу. Обманывает ли она? Да она последнее время

только этим и занимается.

— Я бы с удовольствием никого не обманывала, — сказала она. — Но вот не получается.

— А вас когда-нибудь обманывали?

— Ну разумеется, — сказала Вероника несколько нетерпеливо. — По мелочам, наверное, всех обманывали.

— А по-крупному? Обман любимого вам уже довелось пережить?

Вероника опустила глаза.

— Это некорректный вопрос.

— И все-таки, — не унимался хвостатый корреспондент.

— У меня нет любимого.

— Как же это возможно? — наигранно произнес он. — У такой красивой девушки — и нет любимого?

— Да, у меня был любимый. Но совсем недавно он погиб, — сказала Вероника, спокойно глядя в глаза назойливому интервьюеру.

От неожиданности тот несколько растерялся, но быстро взял себя в руки.

— Что ж, по крайней мере, честный ответ. Достойное завершение нашего разговора об обмане. — И он, улыбнувшись в камеру, галантно раскланялся с Вероникой.

Камеры выключили, и Вероника молча побрела дальше. Проходя мимо членов съемочной группы, она спросила:

— А вы с какого канала?

— С первого, — лениво ответила одна девица с коричневой татуировкой на плече, и Вероника почувствовала, как внутри у нее шевельнулся дремавший страх. «Ну вот, я так и знала», — с досадой подумала она и едва удержалась, чтобы вслух не выругаться.

— А меня точно будут показывать? — спросила она.

— Да покажут, покажут, что ты так волнуешься? — нервным и тонким голосом сказал высокий парень в тугой светлой бандане. Вероника подумала, что он ужасно похож на длинного белого червяка.

— А может, вы подскажете мне, где тут поблизости адресный стол? — спросила на всякий случай Вероника.

— Не, не подскажем, — сонно протянула татуированная девица и вырвала из руки у хвостатого корреспондента бутылку с пепси-колой.

— Имидж — ничто, жажда все! — прокомментировал ее поступок хвостатый, который теперь даже не смотрел в сторону Вероники.

Со вздохом та продолжила поиски. Старый Арбат быстро кончился, и она стала петлять по каким-то другим улицам, названия которых даже не пыталась запоминать. Большинство из людей отвечали ей, что они тоже не местные. Некоторые — явно местные — раздраженно говорили, что не знают, добавляя при этом ту же фразу, что и буфетчица на вокзале: «Понаехали тут всякие...» — или что-нибудь в этом роде. Кажется, это выражение было тут весьма расхожим.

«А ведь я бы могла сейчас тоже быть москвичкой, — думала про себя Вероника. — Если бы дедушка Борис послушал бабушку и они вернулись в Москву... Странное все-таки дело — эти люди считают себя лучше других только потому, что родились или просто прописаны здесь. Между тем по их поведению и манерам совсем не скажешь, что они жители европейской столицы...»

Наконец какая-то опрятно одетая старушка подробно рассказала Веронике, как дойти до ближайшего адресного стола. Им оказался небольшой уличный киоск.

— Фамилия, имя, отчество, год рождения... — отчеканила невидимая женщина в окошечке.

— Понимаете... — начала Вероника, но женщина нетерпеливо ее перебила:

— Назовите то, что знаете.

— Мне нужно найти адрес, по которому жила моя бабушка...

— Фамилия...

Вероника объяснила, что бабушка уже умерла и сейчас, возможно, проживает дочь. Фамилия дочери... Подождите десять минут... Вероника прислонилась виском к прохладной панели киоска. Она ощущала себя страшно одинокой и потерянной. На чем только держалась ее судьба — на каких-то буквах, циферках, которые должны вывести ее к «своим»... И решала ее судьбу сейчас эта равнодушная безликая женщина в окошечке — такая же холодная, как и все в этом чужом городе.

— Девушка... — раздался голос из окошечка. — Вы слушаете?

— Да, да!

— Тамары Алексеевны нет. Могу вам дать Тамару Александровну с такой фамилией. Возможно, вы перепутали отчество.

— А может, это у вас что-то перепутано?

— Ну, знаете... Так давать вам справку на Александровну или нет?

— Нет!

«Вот это облом! — думала она, уныло бредя по улице. — Но чего я, собственно, ждала?» Глупо было надеяться. Наверное, тетя Тамара давно уже вышла замуж и сменила фамилию. И теперь бабушкина квартира записана на какую-нибудь гражданку Пупкину, если они ее вовсе не разменяли.

Хотя это вряд ли... С такой квартирой мало кто согласится расстаться. Если только ради какого-нибудь двухэтажного особняка в престижном районе. Но шансы на такой исход дела невелики. При совершенно заурядной внешности и довольно средних способностях Тамара навряд ли вышла замуж за миллионера. Во всяком случае, Веронике она запомнилась обыкновенной, немного полноватой девушкой с миловидным лицом и длинными густыми волосами. Волосы были серо-русые, глаза — примерно того же цвета. Конопушки на носу, а у кого их нет? Вероника невольно потрогала свой маленький прямой нос — сколько дней он уже не знал пудры? Впрочем, что такое внешность, одна лишь оболочка. «Сосуд она, в котором пустота...» — вспомнилась строчка из какого-то знакомого школьного стихотворения. Единственным бесспорным достоинством тети Тамары был мягкий, незлобивый характер. И не важно, что при этом у нее начисто отсутствовало чувство юмора...

Оставался еще один способ поиска бабушкиного дома. Может быть, и не очень быстрый, зато верный. Придется положиться на собственную интуицию. Для начала она просто объедет одну за другой все линии метро. Будет выходить на каждой станции и искать ту самую, где они выходили с мамой. Уж ее она не спутает ни с какой другой. Таких великолепных цветных витражей она не видела больше нигде... И вот, как только она ее найдет, она выйдет на улицу и начнет обходить по порядку все ближайшие дворы. Она будет кружить вокруг чертовой станции хоть весь день, но обязательно узнает тот дом. Определит по виду, по запаху, по деревьям и растительности, по мелким деталям, наконец, по частоте

ударов собственного сердца...

Однако сегодня было уже слишком поздно начинать поиски. Если у нее не хватит времени на то, чтобы найти станцию засветло, то к ночи она снова останется на улице... Одна против мерзких, алчущих мужчин, которые как раз в это время выползают на улицы в поисках добычи.

Теперь Вероника стала осторожной. Пока ехала в поезде, она прочитала кучу газет, и в одной из них наткнулась на статью про так называемое виктимное поведение — от английского слова «victim» — жертва. Там говорилось о том, что некоторые девушки заведомо ведут себя как будущие жертвы. Они словно приманивают к себе всяких маньяков, насильников — или просто провоцируют мужчин на то, чтобы они к ним пристали. Может быть, они поступают так не нарочно, но факт остается фактом. Вероника отлично запомнила примеры виктимного поведения. К ним относились прогулки в одиночку по темным улицам, любовь к облегающей и открытой одежде (особенно при наличии аппетитных форм), неуверенная походка, затравленный взгляд... Сама Вероника добавила бы к этим примерам еще и «лежание в передвижной санчасти после перенесенного шока от землетрясения». Девушки! Не попадайте в завалы, не доверяйтесь медикам, не пользуйтесь снотворным! Это самое что ни на есть виктимное поведение, виктимнее не бывает... После всего, что с ней произошло, Вероника старалась скрупулезно придерживаться советов, данных в статье. Надо было торопиться...

Возле метро Веронике пришла в голову счастливая мысль: а что, если не перебирать все станции, а просто спросить у кого-нибудь про витражи? Маловероятно, что в московском метро так много похожих станций... Набравшись смелости, она попыталась провести разведку, обращаясь к прохожим с вопросом:

— Вы случайно не знаете, как называется станция метро с витражами?

Наученная горьким опытом, она ничего хорошего от своей попытки не ожидала. И оказалась права: то ли люди не знали такого мудреного слова, как «витраж», то ли им просто было некогда, то ли их раздражала сама постановка вопроса (один мужчина даже возмутился: «Вы что, девушка, загадки загадываете из «Поля чудес»?»), то ли Веронике просто не повезло... Но никто из опрошенных так и не сказал ей, как называется эта станция и существует ли она вообще.

После перенесенного утром унижения Вероника обостренно воспринимала реакции москвичей на ее просьбы. Очень быстро разуверившись в пользе такого подхода, она решила, что отныне будет действовать самостоятельно. «А пошли бы вы все к черту!» — угрюмо пробубнила она себе под нос. Пусть получится дольше, пусть придется таскать по всему метро сумку с беднягой Томом, но она во всем разберется сама...

Спустившись в метро, Вероника подошла к большой схеме и принялась ее изучать. «Надо рассуждать логически, — внушала она себе, жуя купленный в киоске «Сникерс» и запивая его соком через трубочку, — если дома в том районе старые — значит, это не может быть слишком далеко от центра города. Наверное, самый старый район находится внутри вот этого кольца». Вероника перечитала все названия станций и попыталась откопать в памяти хоть одно из них. Но это было совершенно бесполезно. Тогда, в детстве, ей было глубоко наплевать, куда ее везут. Лишь только она садилась в поезд метро, как тут же утыкалась в книжку, которую везде таскала с собой, и отрывалась от нее только когда мама толкала ее локтем и говорила «Выходим!». Непростительная инфантильность... Теперь ей придется объехать по очереди все эти станции, пересаживаясь с одной линии на другую.

Внутри кольца Вероника насчитала двадцать три станции. Некоторые были сгруппированы по две или три — там придется переходить пешком. На нескольких станциях Вероника уже была, теперь ей предстояло объездить остальные.

Вероника проехала одну станцию. Вышла. Нет, не то. Сходила по переходу на соседнюю — опять не то. Вернулась обратно. И закрутилось: Вероника ездила туда-сюда, делала какие-то немыслимые петли, протискивалась в толпе по душным переходам. Теперь она уже не удивлялась, куда все так несутся. Она знала, что это называется час «пик». Иногда она обнаруживала, что поезда на противоположной стороне идут не в обратную сторону, как обычно, а куда-нибудь на другую ветку.

В вагонах часто попадались нищие. Среди них были немощные старики и старушки, а также вполне здоровые на вид мужчины и женщины, которые хорошо поставленным голосом рассказывали историю про то, как они приехали в Москву и остались без копейки денег, или про то, что у них больной ребенок и им нужны деньги на операцию. Другие тут же предъявляли этого ребенка. Кроме того, встречались и дети постарше, которых, видимо, отпускали на промысел самостоятельно. Эти весело жевали какие-нибудь бананы (всегда ведь найдется добрый дядя, который угостит) и иногда дергали за рукав наиболее перспективных, по их мнению, пассажиров. Некоторые (чаще всего мощные, пышущие здоровьем мужики) катили перед собой коляску с настоящим, неподдельным, инвалидом без обеих ног и предлагали его пожалеть. Многих из этих бродячих артистов — именно так их окрестила про себя Вероника — она встречала по несколько раз.

Уже почти час она колесила по подземному центру. Она почти не обращала внимания на убранство станций, на которых выходила. Лишь убеждалась, что нету заветных витражей, и, дождавшись следующего поезда, ехала дальше.

И все же некоторые станции поразили ее своей монументальностью: «Площадь революции» с ее притаившимися за углом фигурами матросов и большевиков, «Арбатская» с бело-золотым кружевом лепнины и еще какая-то станция с картинками, изображающими плодовое-ягодное изобилие в стиле пятидесятых годов...

Когда все до одной станции внутри кольца были осмотрены, Вероника решила, что теперь она перейдет «на кольцевую линию» — как здесь это называлось — и будет объезжать ее. Начало кольца пришлось на «Парк культуры». Если на «Площади революции» скульптуры были вооружены маузерами и ружьями, то здесь они замахивались спортивными снарядами, что тоже впечатляло.

Вероника просмотрела несколько станций, двигаясь по кольцу, и вот, когда она уже совсем отчаялась найти эти злосчастные витражи, она (о, чудо!) наконец увидела их. Да, это точно были они — высокие яркие арки изумительных синих, голубых и оранжевых цветов с красными звездами посередине. «Новослободская» — вот как называлась эта станция. И как она только не смогла ее запомнить! Вероника пошла через зал к выходу в город, по дороге любуясь витражами, которые почти все были разными. И вот она уже поднималась вверх на эскалаторе. Сердце ее было готово выскочить из груди — наконец-то!

Когда она вышла из душного метро на улицу, день уже вступил в свои права. Вовсю светило солнце на чистом голубом небе, кругом сновали люди, кто-то что-то продавал, по тротуарам и деревьям с чириканьем носились воробьи. Вероника поскорее выпустила из сумки вконец замороженного Тома, и несчастный пес тут же подбежал к ближайшей луже и припал к ней. Прямо из ладошки Вероника дала ему горсть «чапиков».

— Бедный ты мой, бедный... — ласково причитала она, поглаживая его по мясистому

дворняжкему затылку. — Чертик ты мой трехцветный... Скажи, никакой тебе жизни — сплошные мытарства... Зато при хозяйке... А то, представляешь, бросила бы тебя здесь, прямо на улице — и стал бы ты бомжом... — Том радостно хрустел «чапиками» и изредка косился на Веронику шоколадным глазом.

Закончив кормить собаку, Вероника разогнулась, потянулась и с удовольствием подставила лицо солнечным лучам. Она знала, что от этого ее веснушки станут еще ярче, но ничего поделать с собой не могла. Она ужасно любила солнце — так же, как и оно ее.

Однако расслаживаться было нечего. Пока еще сделано всего полдела. Вернее, одна треть. Даже если она разыщет бабушкин дом, надо ведь будет определить еще и квартиру. Кажется, этаж она помнила — последний. Какой именно по счету, неважно — но последний. Потому что бабушка жаловалась маме, что дом старый и часто протекает крыша, а жэк никак не хочет чинить... Точно! Так она и говорила.

Теперь хорошо бы вспомнить, в какую сторону от метро они шли и что там было. Вероника сделала несколько шагов вперед и обернулась, чтобы посмотреть, как выглядит вход в метро. Желтое полукруглое здание с большими колоннами... Где оно оставалось, когда они шли к дому бабушки? Кажется, они обходили его справа. Вероника миновала несколько киосков и двинулась вдоль какого-то забора, обклеенного объявлениями. «Работа для энергичных молодых людей», — прочитала она броскую надпись, распечатанную на компьютере. Что ж, это обнадеживает. Значит, работу здесь все-таки найти реально. Может, по жизни она и не очень энергичная (все-таки «рыбонька — скользкая, холодненькая, прямо из речки»), но зато молодая, это уж точно.

Заборчик быстро кончился, и Вероника оказалась на улице, идущей параллельно той, откуда она пришла — вернее, на повороте улицы. Позванивая и качаясь, по ней полз красный трамвай, до неузнаваемости изрисованный рекламой. «Трамваев там уж точно не было, — подумала Вероника. — Но вот этот круглый поворот улицы — он кажется таким знакомым...» Неподалеку Вероника обнаружила довольно большой и оживленный рынок — судя по надписи, мелкооптовый. «Рынка вроде бы тоже не было», — вспомнила она. И все-таки она была уверена, что идти нужно именно туда, куда сворачивает эта улица.

— Скажите, а давно здесь появился этот рынок? — спросила она у коротко стриженной старушки, в которой безошибочно признала местную жительницу.

— Да не очень, — охотно ответила та. — Вот, как пути класть закончили... — Старушка кивнула на удаляющийся трамвай. — Может, год... А то с полгода назад...

Веронике хотелось прыгать и плясать от счастья. Это была хоть маленькая, но победа. Значит, она правильно вспомнила и про рынок, и про трамвай! Не было их здесь — и все тут. А все остальное было.

Старушка уже собралась идти по своим делам, но Вероника неожиданно для себя остановила ее новым вопросом:

— А вы случайно не знали такую — Губернаторову Алевтину? Она, кажется, где-то в этом районе жила...

Старушка вдруг вскинула на Веронику мутные голубые глаза и нахмурила седые брови.

— Знала я такую, — с самым серьезным видом сказала она. — И даже очень хорошо знала.

Вероника ожидала любого другого ответа, но не этого. От прихлынувшей к голове крови она едва не потеряла сознание. Однако показывать свои чувства было не в ее правилах.

— И дочку ее Тамару знаете? — спокойным голосом спросила она.

— И Тому знаю. Почитай, на моих глазах выросла.

— Скажите, а она живет все там же?

На этот раз старушка не стала торопиться с ответом, а вместо этого перешла в наступление:

— А ты, наверное, Бориса внучка — угадала?

— Угадали.

— Ну тогда пошли, нам по пути. Соседка я их, Клавдия Мироновна.

Вероника не стала подавать виду, что не знает, куда идти. Шагая рядом со старушкой, она изо всех сил поддерживала светскую беседу.

— Неужели вы прямо рядом с ними живете? — задавала она торопливые вопросы.

— Почти. Под ними я живу. В детстве друг к другу в гости бегали. Я и Бореньку помню... — шепотом добавила она.

— А сейчас-то тетя Тамара дома, как думаете? — задала новый вопрос Вероника, не давая старушке перехватить инициативу и начать расспрашивать ее про Сахалин.

— Думаю, дома. Где ж ей быть-то еще? Или во дворе гуляет. Дети же у нее. Младшенький еще не ходит. Слабый он у нее. Такой уродился. С ножкой все какие-то проблемы... На массажи всякие она его таскает, чтобы нога выросла нормальная...

Клавдия Мироновна без умолку болтала, обрадовавшись благодарному слушателю, а Вероника между тем старательно запоминала дорогу.

— А муж ее, наверное, сейчас на работе? — наугад спросила Вероника, хотя даже не знала, есть у тети Тамары муж или она мать-одиночка.

— Володя-то? Да, он с утра и до позднего вечера. Личный шофер у какого-то «крутого», — вполголоса добавила она.

Они уже подходили к дому. Ну конечно, Вероника узнала этот дом! Она нашла бы его и без удачно подвернувшейся соседки, с той разницей, что потратила бы на это еще час или два лишнего времени. Во дворе все осталось почти без изменений — разве что прибавилось гаражей-ракушек, демонстрировавших рост благосостояния граждан. Сам пятиэтажный дом тоже выглядел неплохо — кажется, его недавно даже покрасили бледно-желтой краской.

— Ну что, пошли? — сказала Клавдия Мироновна, заворачивая в один из подъездов.

Вероника молча последовала за ней. «Это мне просто повезло, — думала она, поднимаясь без лифта по широкой лестнице. — Наверное, Бог вознаградил меня за все мои прежние мучения...» На четвертом этаже старушка отделилась и стала отпирать ключом одну из квартир. А Вероника направилась в точно такую же квартиру этажом выше. Она и это правильно вспомнила — этаж был последний, пятый.

И вот Вероника стояла перед высокой, обитой коричневым дерматином дверью и никак не решалась позвонить. Рядом, переминаясь с лапы на лапу — словно ему передалось ее волнение, — жался к хозяйским ногам Том. Еще секунда — и Вероника нажала на кнопку. «Дин-дон-дин-дон!» — протараторил звонок.

— Кто там? — раздался за дверью детский голос.

— Это Вероника, ваша сестра с Сахалина. А мама дома?

— Дома. — И голос, что-то лопоча, удалился в глубь квартиры.

Через минуту дверь порывисто открылась и на пороге появилась тетя Тамара — такая толстая, что Вероника от неожиданности обомлела.

— Боже мой — Вероничка! — воскликнула она и заключила Веронику в свои теплые, мягкие, пахнущие кухней объятия.

— Здравствуй, тетя Тамар... — пробормотала Вероника и поставила на пол сумку. — Ты уж извини, что я так — неожиданно...

Тетя Тамара ахала и охала вокруг Вероники еще минут пятнадцать.

И как же она волновалась, когда узнала про землетрясение... Да где же родители... Да почему Вероника одна... Да еще и с собакой... Да как она выросла... Да она прямо вылитый дед Борис... Да неужто она поступать собралась...

Тетка буквально засыпала Веронику вопросами. Незаметно обе они оказались на кухне, и через десять минут Вероника уже пила чай, а тетя Тамара сидела, подперев руками стриженую голову (она отрезала свои прекрасные длинные волосы, а то, что осталось, выкрасила в рыжий цвет), и смотрела на нее ошалевшими глазами. Старшего сына — бойкого семилетнего Даньку — она отправила гулять во двор, а маленький — Ярослав — спал после обеда.

Вероника рассеянно пила обжигающий чай и жевала сухое соленое печенье.

— Ну, — требовательно сказала тетя Тамара, теперь уже не задавая вопросов, однако Веронике хотелось оттянуть подольше момент, когда она начнет свой рассказ, который ей представлялся в большей степени оправдательной речью.

— А почему ты отрезала косу? — Вероника постаралась протянуть время. — И волосы перекрасила?

— Косу-то? Да я давно уже отрезала. Еще в институте. Надоела — хуже горькой редьки. Да что ты все про косу мою, давай про себя рассказывай. Как там мать, отец?

— Живы все, что ты волнуешься, — спокойно сказала Вероника. — Родители в рейс ушли на полгода. Никто из нас не пострадал. Дом вот только разрушило. А я в любом случае в Москву собиралась. Может, работу какую найду. А потом на вечерний попробую.

— А что же не на дневной? — с подозрением сощурилась тетя Тамара.

— А на дневной, куда я хочу, иногородних вообще не берут, — не моргнув глазом, соврала Вероника и поспешно перевела разговор на другую тему: — Когда же ты столько детей нарожать успела? Институт-то они тебе дали закончить?

— Закончила вот... — задумчиво сказала тетя. — Спасибо мужу — вытянул. Он у меня работающий. Правда, сама пока еще поработать не успела. Ярослав маленький, да еще ножка у него одна неправильно развивается... Приходится постоянно водить на массаж. Не садовский он, в общем. Так что поработать мне еще не скоро придется...

— Массаж? А какой массаж? — оживилась Вероника, подумав, что могла бы предложить тетке свои услуги массажистки. Совсем недавно она закончила курсы классического массажа при маминой поликлинике. Дополнительно от дяди Толи Хвана научилась точечному массажу шиацу и полынным прижиганиям.

— Да я толком и не знаю, — устало отмахнулась тетя Тамара. — Мы ведь в специальном детском центре наблюдаемся. Слава Богу, хоть бесплатно. А то сейчас, куда ни плюнь — везде денежки требуют...

— Это верно, — вздохнула Вероника, распростившись с идеей применить приобретенные знания. Видно, ей придется завоевывать уважение и отрабатывать свое пребывание здесь как-нибудь по-другому...

Когда чай был выпит, Вероника встала из-за стола и попросила какое-нибудь блюдечко, чтобы напоить Тома.

— Собаку не с кем оставить, что ли, было? — спросила тетя Тамара.

— Какой там — оставить... Кому она нужна — после землетрясения. А бросить жалко. Еле довезла, всю дорогу в сумке тащила...

Тетя Тамара поцокала языком, а потом, глядя на хрумкающего собачьим кормом Тома, осторожно спросила:

— А к нам-то — надолго?

Вероника поняла, что наступил самый главный момент разговора.

— Теть Тамар, — чуть ли не торжественно сказала она. — Не могла бы ты меня приютить, пока я не устроюсь? Я вот только работу найду, начну деньги получать, а там и квартиру себе сниму.

— А родители что?

— Ну что родители? Им и без того, посчитай, все с нуля поднимать придется, — резонно пояснила Вероника. — Нечего им еще и мои проблемы навешивать. А вас я надолго не напрягу, — спохватилась она. — На работу устроюсь — и сразу же квартиру...

— Квартиру! — перебила ее тетка. — Ты хоть знаешь, сколько тут в Москве квартиру снять стоит?

— Сколько?

— Двести баксов — самая поганая однокомнатная стоит.

— А если комнату?

— Комната — сто. Тоже не легче. Это где ж тебе работать придется? На панель, что ли, выходить? — И тетя Тамара сама засмеялась нелепости своего предположения.

Вероника сразу вспомнила свои приключения на Курском вокзале. Неужели она так похожа на проститутку? Теперь и родная тетя заявляет ей то же самое.

— Ну что ты, глупая, обиделась, что ли? Я же пошутила. Только ты смотри, с мужчинами на самом деле поосторожнее — вон какая вымахала. Красавица! Может, тебе к Славе Зайцеву в агентство податься? Или в «Ред-Старз»? Оторвут ведь с руками.

— Скорее с ногами... — усмехнулась Вероника. — Но только там, я слышала, девушки тоже продаются. Цены, конечно, повыше, чем на панели, но тоже продаются. А я продаваться не хочу.

— Ну и правильно, — одобрила тетя. — Устраивайся лучше на хорошую работу, без дураков. Поработаешь немножко — и квартиру снимешь... Послушай, а в общежитие... в общежитие ты что — не можешь поселиться? — снова вернулась к теме она.

Надо было как-то выкручиваться. И Вероника со скоростью сто слов в минуту понесла какую-то чушь, которую буквально вчера вычитала в газете:

— А там... там вообще нет общежития. Это у них новшество такое. Раньше был институт государственный, а потом всякие коммерческие дела пошли, и общежитие отдали под офисы, представляешь? Такое безобразие... — Она говорила настолько гладко и убедительно, что бедной тете Тамаре оставалось лишь сочувственно кивать.

— Понятно... Понятно... — упавшим голосом говорила она. — Ну тогда другое дело... Тогда все понятно... Конечно, живи... Разве ж я не понимаю... Диванчик у нас найдется... Только вот Ясик у нас маленький, он такой у нас... — И тетя снова завела бесконечный разговор про детей, про мужа, который весь день пропадает на работе, а потом приходит «ровно как труп», про свое варикозное расширение вен и про страшную дороговизну в магазинах...

— Слушай, как же это я забыла-то, а? — вдруг встрепенулась она. — У моего Володьки ведь аллергия. На пыль и на шерсть. Давай скорее своего барбоса за дверь выставляй. Муж

ведь не только саму собаку — даже вещь, тряпку, на которой собака год назад лежала, выносить рядом не может. Сразу чихает, кашляет, глаза красные, как у кролика...

«Бедный Томка, — подумала Вероника. — Снова ему не повезло». Однако ничего не оставалось делать, как вывести бедолагу за дверь и дать ему команду «место». Пес тяжело вздохнул и улегся на холодный каменный пол.

Когда Вероника вернулась, тетя Тамара с подозрением оглядывала ее сумки. Одна большая, на колесах — понятно, в ней Вероника везла собаку. А в ней другая, совсем маленькая, неужели это все вещи, которые девочка взяла с собой в Москву?

— Слушай, а ты когда в Москву-то приехала? — как бы между прочим, спросила она.

— Не... недавно, — запнувшись, ответила Вероника, обдумывая, как бы ей половчее соврать и не запутаться. Слишком многое ей хотелось бы скрыть.

— А почему вещей у тебя так мало?

— А я... я тут у подруги две ночи ночевала, в Ясенева, — для достоверности уточнила она. — У нее кое-что оставила, чтобы не таскать.

— А-а-а... — протянула тетя Тамара и наконец-то отстала.

Веронику она провела в самую дальнюю комнату — совсем крохотную, с одним кукольным окошком. Кроме диванчика, здесь умещался письменный стол и небольшой шкафчик для одежды. На окнах висели старинные темно-зеленые плюшевые шторы с бомбошками («Наверное, остались еще от бабушки Алевтины», — подумала Вероника), а на стене — не менее древний ковер с картинкой, изображающей скачки на ипподроме.

— Вообще-то у меня тут спит Данька, а днем уроки делает... — сказала тетя Тамара. — Но ничего. Поночует пока в большой комнате — не развалится. Там ему и просторнее будет...

— Спасибо, я постараюсь надолго у вас не задерживаться, — сказала Вероника. — Я как только на работу устроюсь...

— Да ладно тебе, живи, — перебила ее тетка. — Что мы, звери, что ли? Ясное же дело — землетрясение. Не дай Бог кому... — И она побежала в другую комнату, потому что оттуда раздался настойчивый и требовательный детский крик.

Когда она ушла, Вероника прикрыла дверь и повалилась на детский раскладной диванчик. «Юность» — так, кажется, назывались раньше такие диванчики. Вероника вспомнила, что когда-то на Сахалине и у нее в комнате стоял такой же. Но потом, после ремонта, его выкинули и купили ей новый полутораспальный диван с красивой бархатной обивкой. Эх! Светлая ему память...

Чем больше проходило времени, тем с большим цинизмом думала Вероника о прошедшем землетрясении. Она уже не страдала как раньше, вспоминая страшные часы, проведенные в завале, не содрогалась мысленно от видений разрушенного города. Только во сне ее продолжали мучить минувшие дни. Все так же приходил к ней мертвый Пахан с мутными остекленевшими глазами, так же засасывало ее болото, а трясущиеся побелевшие пальцы все так же сжимали черный пистолет...

Вдруг взгляд Вероники невольно упал на дверь. Боже мой! Скорее открыть! Она метнулась к двери и сначала распахнула ее настежь, но потом, подумав, снова прикрыла, пока не осталась узенькая полоска. После этого Вероника вернулась на диван — проверить, сможет ли она обходиться этой маленькой щелкой. Она немного подождала — гадкое существо со щупальцами не просыпалось. Только бы кому-нибудь не пришло в голову ее здесь запереть... Наверное, она сошла бы с ума или выбросилась в окно... Слишком уж

крохотной была это комнатка. Как у Достоевского — комната-шкаф. В новых домах таких, наверное, и не бывает.

Вероника встала, выгрузила вещи из сумки и переложила их в полиэтиленовый пакет. Как хорошо, что теперь ей не придется таскать все это с собой... Она вдруг почувствовала себя слабой, невероятно слабой и беспомощной. Это было странное состояние: она словно перешагнула какой-то рубеж, достигла финишной черты — и теперь единственное, на что она была способна, — это рухнуть без сил. Так она и сделала.

Когда через пятнадцать минут тетя Тамара заглянула в комнату, Вероника крепко спала, свернувшись калачиком на диване.

Только к вечеру Вероника очнулась. Открыв глаза, она увидела в щелке двери любопытную мальчишескую рожицу, которая тут же исчезла. Она порывисто встала, выглянула в окно. Солнце уже завернуло к западу. Сколько же сейчас времени? Вероника оглядела комнату в поисках какого-нибудь будильника, но ничего не обнаружила. Нет уж, хватит... Первое, что она сделает, когда выйдет на улицу без сумок и без Тома, — это купит себе какие-нибудь дешевенькие наручные часы. Она пока еще не настолько счастлива, чтобы беспечно относиться ко времени. Вероника, сердито взмахивая рукавами, переодевала футболку. И это называется, она обещала тетке, что долго у нее не задержится! Сама разлеглась тут и дрыхнет несколько часов подряд...

Вероника вдруг услышала, как желудок ее исполнил протяжную заунывную трель. Еще бы! Утром, когда в спешке уходила от Романа, она совсем не поела. Потом возле метро сжевала «Сникерс» с соком. А потом — когда пришла сюда — только попила чаю с печеньем. Этого ее молодому, здоровому и довольно крупному организму было явно недостаточно.

Тем не менее несколько часов сна сделали свое дело — всю ее вялость сняло как рукой. Теперь Вероника была бодра и полна решимости. Она даже знала, что она сейчас будет делать. По уму, она должна была сделать это в первый же день, как приехала в Москву... Но жилищные проблемы все собой заслонили. Теперь пришло время исправлять ошибку.

Вероника тихонько выскользнула из квартиры. Томке она дала на прощание две команды — «место» и «ждать», чему он после всех мытарств, которые пережил, был, кажется, рад. Во всяком случае, он спокойно проводил Веронику взглядом, когда та спускалась по широкой лестнице, и не сделал никаких попыток ее догнать.

Первым делом Вероника отправилась в ближайшее кафе и, как попало, утолила голод. Затем в промтоварном магазине купила себе дешевые пластмассовые часы и пудреницу с зеркальцем, которой тут же воспользовалась. Теперь дело оставалось за малым: надо было раздобыть адрес Ветеринарной академии. Вероника снова обратилась в справочную метро — и на этот раз ей все сказали.

Ветеринарная академия оказалась зданием с колоннами и широкой лестницей — наподобие старинного особняка. Как и многие дома, сделанные в таком стиле — со всякими балкончиками, барельефами и статуями, — оно было выкрашено в грязно-желтый цвет. У Вероники защемило в груди. Вот здесь на самом деле ее место.

На скамейках уютного липового сквера Вероника почему-то не увидела скопления взволнованных абитуриентов с тетрадками. Двор был пуст, как будто жизнь здесь давно замерла. Она поднялась по ступенькам и зашла в прохладный и просторный холл. Первое, что бросалось в глаза, — это большой стенд с надписью «ИНФОРМАЦИЯ». Разумеется, Вероника бодрой походкой направилась к нему.

Заявления принимаются до шестого июля... А сегодня какое? Кажется, как раз шестое. Впрочем, какая разница? Потом начинаются вступительные экзамены: биология, химия, письменная математика и тесты по русскому языку... Средний балл аттестата не учитывается... Нет, пожалуй, всего она читать не будет, чтобышний раз не расстраиваться. Где-то здесь должен быть адрес общежития — вот что ей нужно. Она ведь уже полмесяца как бы живет там. Это, можно сказать, ее родной дом...

Однако в «родной дом» Веронику почему-то не пропустили. На входе сидели два угрюмых охранника в камуфляжной форме и с дубинками. У Вероники было такое ощущение, будто она пришла не в обителище мирных учеников Доктора Айболита, а в военную казарму.

— Скажите, а где тут у вас можно посмотреть почту? — спросила она у одного из них. — Родители должны были прислать мне на этот адрес перевод.

— Почта вон там... — проворчал охранник и указал на небольшую комнатку. Через открытую дверь было видно, что вдоль стен там располагаются ряды шкафчиков с буквами А, Б, В и так далее. Как в библиотеке.

Вероника прошла туда и с бьющимся сердцем выдвинула ящичек с буквой Г. Там лежали две сложенные и заклеенные телеграммы и квитанция денежного перевода на ее имя. Вероника торопливо вскрыла телеграммы и по очереди пробежала их глазами: «У НАС ВСЕ НОРМАЛЬНО НАПИШИ КОГДА ЭКЗАМЕНЫ. МЫ» и еще — «РЕШИ ПРОДОЛЖАТЬ РЕЙС НЕ ВОЛНУЙСЯ ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЯ СДАВАЙ». Слава Богу, что ничего не заподозрили. Теперь она посмотрит обратный адрес и пришлет им ответ: «СПАСИБО ЭКЗАМЕНЫ С ШЕСТОГО ГОТОВЛЮСЬ». И Вероника отправилась искать ближайшее почтовое отделение...

«Итак, все основные дела я сделала, — размышляла Вероника, пока ехала обратно. — Нашла, где будет жить (хотя бы первое время), наладила связь с родителями. Теперь можно приступать к поискам работы».

Об этом Вероника думала даже с некоторым удовольствием. Она еще никогда в жизни не зарабатывала деньги, и ей было ужасно интересно попробовать.

Конечно, хорошо бы устроиться куда-нибудь по специальности. Помощником ветеринара, например. Но для этого, наверное, требуется хоть какое-нибудь образование. Сельхозакадемия, на худой конец. А у нее что — даже аттестата об окончании средней школы, и того нет. Так что о работе по специальности лучше сразу забыть...

Что она еще умеет? Ах да, она ведь закончила курсы массажа. Только вот где это написано? Диплом-то остался в завале вместе с остальными документами. А кто возьмет ее без диплома? К тому же это просто опасно. Девушка-массажистка — для многих звучит почти как девушка легкого поведения. Нет, массаж точно отпадает...

Другое дело, можно просто пойти в больницу — санитаркой. Их всегда не хватает. Однако Вероника с детства слышала мамины разговоры о больнице и отлично знала, что это за работа — санитарка — и какое отношение к ней будет у остального персонала. Нет уж, в больницу она работать не пойдет.

Надо подумать, что еще может делать девушка без высшего образования? Устроиться убирать дворы? Мыть посуду в кафе? Даже мысль об этом казалась Веронике унижительной. Еще бы — ведь с самого детства родители твердили: «Будешь плохо учиться — пойдешь в дворники». И теперь, после того как она все школьные годы старательно училась, чтобы избежать этой страшной участи, после «золотого» аттестата — выйти с метлой и подметать дворы? Ни за что.

А может, ей пойти торговать? У нее должно хорошо получиться — она видная, высокая, умеет вежливо общаться с людьми. Правда, Галина говорила, что в Москве, кроме как на рынках, продавцом не устроишься. Берут только с московской пропиской — и все равно все забито. Галина так расхваливала свою работу... Говорила — втягиваешься так, что потом жить без рынка не можешь. Там уже все свои, взаимовыручка, все время весело, шутки.

Вечером — выпивон. Вот-вот — весело... Вероника вспомнила, как Галина споила ее водкой в вагоне-ресторане, и содрогнулась. А вдруг на этом проклятом рынке ее споит кто-нибудь другой? А потом она тоже втянется и уже не сможет без рынка жить?

Вероника шла от метро к тетиному дому и перебирала в голове варианты. Чем же ей лучше заняться? Может, стоит позвонить вот по этому объявлению, которое висит на заборе? «Работа для молодых и энергичных»... Вдруг это что-нибудь подходящее? Завтра она обязательно позвонит и все разузнает. Начнет с того, что купит жетончиков для таксофона. А возможно, она найдет еще какие-нибудь объявления о работе...

Когда Вероника уже подходила к дому тети Тамары, навстречу ей, яростно виляя хвостом, выбежал Том.

— Ах ты, чертик, — с укором сказала ему Вероника. — Ты почему покинул свой пост? Кому было сказано «ждать»?

При этих словах Том принялся тоненько и жалобно скулить, заглядывая хозяйке в глаза.

— Что такое? Тебя что — выгнали?

Том снова заскулил и несколько раз нервно тьякнул.

— Понятно... — вздохнула Вероника. — Наверное, пришел аллергический муж... Что ж — тогда сиди здесь и жди. — Вероника отвела Тома под куст жасмина, который рос неподалеку от подъезда, чтобы пес не мешался на пути у жильцов. Она взглянула на часы: было уже десять часов вечера.

Поднимаясь по лестнице, Вероника вдруг почувствовала безотчетное волнение. Ей было стыдно себе признаться, но она побаивалась встречи с тетиным супругом. К пятому этажу Вероника уже нарисовала себе его портрет: высоченный, черный, кудрявый, с орлиным носом, жгучими карими глазами и громовым голосом. Этаким Ноздрев, который с плеткой в руках гоняет по двору псов.

Когда же дверь открылась, на пороге вместо мужлана, которого она себе вообразила, стоял шупленький, небольшого роста мужичок лет тридцати. Волосы у него действительно были темные, правда, без кудрей, а глаза действительно карие. В остальном ничего похожего на то, что она вообразила, не наблюдалось. И голос, которым он приветствовал Веронику, нельзя было назвать громовым.

— А, племяшка, ну, заходи, заходи, — сказал он, пропуская Веронику внутрь. — А собачку твою я на всякий случай выставил. Пусть во дворе поживет — сейчас все равно тепло. Ты уж не обижайся, ладно?

— Как скажете, — пожал плечами Вероника. — Давайте знакомиться. — Она почувствовала, что сейчас как раз тот случай, когда нужно атаковать первой — так больше шансов наладить нормальные отношения. — Меня зовут Вероника, а вас?

— А меня Вова... — Тетин муж сделал удивленное лицо. Наверное, он не ожидал, что малолетняя племянница, которая приехала в столицу черт знает откуда, будет так бойко себя вести. Впрочем, Вероника на это и рассчитывала. Пусть не думает, что она какая-нибудь бедная родственница.

— А где тетя Тамара? — спросила она по-деловому.

— Укладывает мелкого. Пойдем, что ли, на кухню — чайку попьем?

— С удовольствием.

На кухне Вероника тоже взяла инициативу в свои руки. Она достала и поставила на стол чашки, насыпала из пакета печенье в вазочку, порезала сыр, колбасу и хлеб. Все это время Володя бомбардировал ее вопросами. Его интересовало все: где и как она училась, какая на

Сахалине водится рыба, сколько там стоит бутылка водки, растут ли там помидоры и яблоки. Вероника на все вопросы отвечала с прилежанием школьницы, однако в рассуждения не пускалась.

Когда на пороге кухни показалась тетя Тамара, Вероника закончила все приготовления к чаю и вытирала полотенцем руки.

— Вот молодец, хозяйственная, — одобрила она. — Давно пришла?

— Нет, не очень. Извините, не успела ничего купить из продуктов. Завтра исправлюсь.

— Ничего, — хихикнул Володя. — Будем считать, что сегодня я угощаю... — И он широким жестом окинул стол с бутербродами и чаем.

Тетя Тамара искоса смерила его усталым взглядом, но ничего не сказала.

— Ну, как твои дела? — обратилась она к Веронике. — Узнала что-нибудь насчет работы?

— Да пока почти ничего. Завтра собираюсь приступить к серьезным поискам.

— Вот-вот — давай, приступай, — вдруг встрял в разговор Володя, на лице его вдруг появилось неприязненное, даже злое выражение.

Чай пили в гнетущем молчании, никто не решался прервать повисшую паузу. Затем Володя резко отодвинул от себя чашку и вышел из-за стола. Вероника услышала, как хлопнула входная дверь.

— Что это он? — тихо спросила она у тети Тамары.

— Да ничего особенного, — отозвалась та, собирая со стола чашки. — Такой уж он у меня. Характер у него вспыльчивый, неровный. То ничего-ничего, а то вожжа под хвост попадает.

— А куда он ушел?

— Курить пошел, в подъезд. Ничего, отойдет, ты не бойся. А завтра утром на работу уедет. Зарабатывает он прилично... Да и не пьет почти...

Веронике показалось, что тетя почти оправдывается перед ней за то, что у нее такой муж. От этого ей сделалось еще неприятнее.

— Давай, я помою посуду, — предложила она, оттирая тетку от раковины.

— Да будет тебе — не комплексуй. Еще не хватало, Золушку из тебя делать, — отмахнулась та.

— Да я не поэтому... Просто привыкла. Дома я всегда посуду мою, — сказала она, сама удивляясь, с какой легкостью врет. Дома мама не могла заставить ее подойти к раковине.

«Наверное, не случайно тот хвостатый корреспондент из передачи про вранье подошел на улице именно ко мне, — подумала она. — Он почувствовал флюиды лжи, которые от меня исходят...»

Вероника все-таки вытеснила тетю Тамару с места возле раковины и принялась изображать из себя примерную хозяйку. А тетка села за пустой кухонный стол и по своей привычке подперла руками тяжелый двойной подбородок.

— Темнишь ты что-то, Вероничка, — сказала она, немного помолчав, и у Вероники от этих слов похолодело все внутри. — Признавайся: ты что, поругалась с родителями?

Вероника вышла во двор с миской в руках и вызвала из кустов Тома. Тот вприпрыжку выбежал к ней, принялся ластиться и лизать руки. Вольная и сытая жизнь благотворно отразилась на его шкуре: белая, черная и рыжая шерсть была длинной, густой и шелковистой. Жильцы относились к Тому неплохо, дети во главе с Данькой — любили и подкармливали.

Поставив миску под кустом жасмина, Вероника уселась на детские качели и принялась меланхолично раскачиваться. Она часто сидела здесь по вечерам, анализируя прошедший день и обдумывая планы на предстоящий. Было уже десять часов. Вероника не любила, когда дома был муж тети Тамары, и старалась под любым предлогом улизнуть. Еще не хватало ей терпеть его дурацкие перепады настроения. У них в семье никогда не было психопатов, и Вероника не привыкла к подобным выходкам.

На двор уже опустились сумерки. Здесь темнело раньше — как только солнце заходило за соседний высотный дом. Дети к этому времени уже разбежались по домам, и здесь, на детской площадке, Вероника чувствовала себя полной хозяйкой. Качели мерно поскрипывали в такт ее мыслям...

Прошла уже неделя, а она по-прежнему сидела без работы, хотя целыми днями только и делала, что занималась поисками. Первый день она пыталась звонить по объявлениям с таксофонов, но потом поняла, что это бесполезно — железные чудовища только заглатывали один за другим жетончики и соединяли с нужными номерами лишь в очень редких случаях.

К счастью, ее выручила сердобольная соседка Клавдия Мироновна — предложила звонить со своего домашнего телефона.

— Знаешь, у Губернаторовых ведь раньше тоже телефон был... — рассказывала Веронике она. — Нам вместе ставили. Только потом, когда Бореньку выслали, у них номер-то и отобрали. Тогда таким семьям очень тяжело было... Гонения всякие. А хочешь жить нормально — отрекись. Так вот над людьми издевались. А я Бореньку вашего всегда любила — деда твоего. Красивый он был, веселый. Вредный, конечно, немного, но кто не без греха. Волосы у него в точности такие же, как у тебя, были — белые, густые, рассыпчатые...

Да, бабуля в свое время явно была равнодушна к деду Борису. Она могла часами рассказывать про старинное житье-бытье. Однако Вероника вежливо дала ей понять, что не может тратить столько времени на разговоры. И поскольку отплатить старушке внимательным выслушиванием ее рассказов не могла, то предложила Клавдии Мироновне ходить для нее в магазин.

С того самого дня она приходила в квартиру этажом ниже, как на работу. Тетя Тамара посоветовала ей покупать газету «Из рук в руки», где печатались самые разные объявления. Теперь дни Вероники были похожи один на другой: с утра она завтракала, выходила во двор, чтобы покормить и напоить Тома, затем заходила к Клавдии Мироновне, брала у нее список продуктов и отправлялась в магазин (старушка любила, чтобы каждый день все было свежее). В киоске по пути Вероника приобретала свежий номер газеты «Из рук в руки». Возвращалась, загружала продукты в холодильник — после чего садилась к телефонному столику. Клавдия Мироновна, чтобы не мешать ей, спускалась во двор и в компании старушек-подружек сидела на лавочке.

Объявлений было много, и большинство телефонов кочевало из номера в номер. Такие

Вероника заносила в специальный «черный список». Обычно телефонный разговор о наеме на работу выглядел примерно так:

— Алло.

— Здравствуйте, это вы давали объявление насчет работы?

— Да, мы давали.

— И какая у вас есть работа?

— Девушка, а вам сколько лет? Восемнадцать-то есть?

— Есть, — охотно врала Вероника.

— А московская прописка есть?

— Нет...

— Ну тогда больше вопросов нет. — И на другом конце тут же клали трубку.

Про «работу для молодых и энергичных» Вероника выяснила все в первый же день. Это оказалась всего лишь скандально известная фирма «Гербалайф». Нет, Вероника не стала огульно отвергать даже этот вариант. Ради интереса она договорилась по телефону о встрече и поехала в Дом журналиста, где проходило очередное собрание «гербалайфщиков».

Давно уже Вероника так не хохотала. Это сборище показалось ей настоящим представлением для дураков. По очереди на сцену выходили какие-то не в меру энергичные люди — в основном женщины — и начинали с заученным энтузиазмом рассказывать, как потребление «продукта» помогло им побороть ожирение и различные болезни. По их словам, «Гербалайф» был панацеей от всего, кроме, разве что, пресловутой родильной горячки.

— Вот эта юбка, — дергала себя за подол какая-нибудь бесформенная и безвкусно одетая тетка, — еще месяц назад на мне не сходилась. Я думала, что никогда уже не расстанусь с лишними килограммами. Но «Гербалайф» совершил чудо...

— После первой беременности у меня начался ужасный геморрой, — доверительно признавалась другая. — Потом подруга мне посоветовала, и я начала принимать продукт. Прошло две недели — и геморрой ушел...

Куда именно ушел геморрой, тетка не уточняла, но Вероника поняла, что ей лучше отправиться вслед за ним. И главное — подальше от этой тусовки безумцев с болезненным блеском в глазах.

Очень скоро Вероника выяснила, что эти любители легкой наживы скрываются за большинством объявлений в газетах. Видимо, их «пирамида» так разрослась, что пустила корни по всем московским изданиям. Кончилось тем, что Вероника звонила по любому объявлению, и первым ее вопросом был:

— Это не «Гербалайф»?

Если она не слышала четкого и уверенного отрицательного ответа, то сразу же бросала трубку.

Другой категорией объявлений оказался тотальный и всеобъемлющий «интим». На все предложения типа «приехать и обсудить все в спокойной обстановке, не по телефону», Вероника неизменно отвечала отказом, так как считала, что это было бы самым вопиющим примером виктимного поведения. Она очень быстро научилась расшифровывать скрытый в нескольких газетных строчках смысл. «Приглашаются дев. для раб. секр. в офисе. Молод. вн. фотомодели. Зрпт от 600 \$ и выше». Стоило копнуть поглубже — и выяснялось, что «раб. секр.» помимо секретарских обязанностей предполагает тесный контакт с шефом и помощь ему буквально во всем. Другими словами — полную доступность. В конце концов, как

только видела слово «секретарь» или «референт», Вероника сразу перечеркивала объявление и больше к нему не возвращалась.

Обзвонила она и все предложения пойти работать няней или домработницей в богатый дом. Деньги там предлагались довольно большие, однако везде требовались хорошие рекомендации или диплом об окончании лицензионных платных курсов. Вероника представила, как она явится на встречу со своими работодателями, и те увидят в ее паспорте какое-то подозрительно непохожее лицо... Да они и на пушечный выстрел не подпустят ее к своему новорусскому детенышу.

На всякий случай Вероника позвонила и по объявлениям из раздела «Домашние животные». Эти выглядели кратко: «ветпомощь» или «ветпомощь на дому». Но ловить там было совершенно нечего. Спрос явно не поспевал за предложением — ветеринары конкурировали друг с другом, и поэтому, как только узнавали, что звонит их коллега, то голос их тут же становился напряженным, а ответы — скупыми.

Веронику уже охватывало отчаяние. При внешнем обилии объявлений с предложениями работы, на поверку почти все они оказывались полной «липой». А если только появлялось что-либо интересное — так там обязательно требовалась московская прописка или опыт работы. Но как же она может получить этот опыт, если он требуется практически везде?

Качели остановились, и Вероника потерла пальцами виски, чтобы снять тупую боль в голове. Вдруг из-за кустов жасмина послышалось глухое рычание Тома, которое затем перешло в звонкий и залиvistый лай. Прислушавшись, Вероника различила и другой собачий голос — тонкий и истеричный. Она спрыгнула с качелей и в несколько размашистых шагов была уже под кустами. Ну вот, опять этот чертик подрался, а может, решил «приударить» за какой-нибудь «барышней». Вероника бесстрашно подошла к карусели из собачьих тел и громко скомандовала:

— Фу! А ну хватит! Том, быстро отошел!

И Том нехотя, продолжая гавкать и выть, стал боком отступать к Веронике. Одновременно с этим с другой стороны кустов раздался приятный мужской голос:

— Глафира! Ко мне! С кем это ты там поцапалась?

Вскоре Вероника увидела и обладателя приятного баритона. Им оказался моложавый мужчина в белом спортивном костюме. В сгустившемся сумраке ей было плохо видно его лицо, но, судя по уверенному, вальяжному тону, это был человек достаточно красивый и знающий себе цену. Он тоже заметил Веронику и решил подойти, чтобы выяснить, в чем дело и, если нужно, извиниться.

— Добрый вечер, — обратился он к Веронике. — Кажется, у наших питомцев что-то не заладилось?

— Вечер добрый, — отозвалась Вероника, которая уже взяла Тома на поводок. — Пожалуй, это даже хорошо, что не заладилось, — продолжала она. — Вам ведь ни к чему щенки с «дворянским» происхождением...

— А-а-а, так вы еще и из дворян, — с шутливым восхищением протянул незнакомец. — Я в темноте и не разглядел.

— А я вот вашу сучку даже в потемках распознала — стаффордширка, да? Небось с родословной?

— Не без этого, — с гордостью сказал мужчина.

— Как же это вы себе кобеля не завели, или вы собачьими боями не интересуетесь? — поддержала светскую беседу Вероника.

— Какие там собачьи бои... — махнул рукой незнакомец. — Жизнь итак — вечный бой. Глафира, ко мне! — снова позвал он. — Ну, что у тебя там?

Глафира сидела под жасминовым кустом и тихонько поскуливала.

— Что это с ней? — встревожилась Вероника. — Неужели это Том ее так помял? Не может этого быть...

— Сейчас посмотрим, — сказал мужчина и подошел к лежащей собаке. — А ну-ка, коровушка, вставай — пошли выйдем на свет.

Собака — криволапый и мордастый стаффордширский терьер — с трудом, припадая на переднюю лапу, потрусил за хозяином под ближайший фонарь.

Вероника с Томом на поводке последовала за ними. Когда они осмотрели правую переднюю лапу, то обнаружили там сильнейший порез.

— Опять какой-то придурок разбил в кустах бутылку, — процедил сквозь зубы незнакомец. — Вот ведь — не было печали. Вечно ты, Глафира, куда-нибудь вступишь... Где я теперь среди ночи Айболита искать буду...

— Надо бы ее к ветеринару, — сказала Вероника.

— Конечно, завтра свезу. А вот ночью как быть — не подохла бы от потери крови...

— Вообще-то я могу обработать ей рану, — спокойно сказала Вероника. — Конечно, если у вас найдется бинт, вата и прочие прибамбасы...

— А вы можете?

— Могу. Я училась у знакомого хирурга. Собиралась идти в Ветеринарную академию.

— Так давайте тогда поднимемся ко мне. Я живу совсем рядом... — И он указал на высотный кирпичный дом — тот самый, который загораживал двор от закатного солнца.

Вероника вдруг опомнилась: она же в первый раз видит этого мужчину. Сейчас вечер, почти ночь. Пусть у него больная собака, но все равно она не может и не должна рисковать.

— А кто у вас дома? — поинтересовалась она.

— Да никого, я один. Жена с дочкой за городом...

— Тогда, вы уж извините, я к вам не пойду. Лучше вынесите все необходимое сюда. Под фонарем светло, я все отлично обработаю.

— Понял. Дело хозяйское. Настаивать не буду. Сейчас спущусь. Что принести?

— Бинт, вату, перекись — если есть, конечно, — зеленку или, на худой конец, йод...

Вероника осталась внизу и стала гладить жалобно скулящую Глафиру по толстой бархатной спине.

— Не волнуйся, девочка, сейчас я тебе помогу. Завтра все уже пройдет, не бойся...

Собака посмотрела на нее печальными глазами и попыталась лизнуть раненую лапу, но снова взвизгнула от боли. Том из солидарности ей подвыл.

Вскоре вернулся хозяин Глафиры и принес в чистом полиэтиленовом пакете медикаменты. Обработка раны заняла у Вероники не больше пяти минут. Ловко, умело она промыла рану перекисью, смазала зеленкой и наложила повязку. Собака, хотя и испытывала сильную боль, но в руках у Вероники молчала и не думала огрызаться.

— Хорошая девочка, умница моя... Вот так... Потерпи, моя ласточка... — с профессиональными интонациями приговаривала Вероника, проворно орудуя бинтом.

— Да, у тебя явно талант, — восхитился незнакомец, когда Вероника закончила. — Сколько я тебе должен?

— Да нисколько. Будем считать это так, по-соседски. Я ведь тоже тут рядом живу.

— Что-то я тебя раньше здесь не видел...

— А я недавно приехала к тетке. Вот, работу ищу. Может, поможете мне с работой, тоже по-соседски?

— Это запросто, — живо отозвался мужчина. — У меня знакомых в бизнесе выше крыши. Завтра узнаю, а ты мне ближе к вечеру звякни. Как зовут-то тебя?

— Вероника, — сказала она и тут же почувствовала, как к лицу ее прилила кровь. Что она наделала! Это же совершенно незнакомый человек! Для него она может быть только Кирьяновой Анастасией — так написано в единственном документе, удостоверяющем ее личность. И на работу устраиваться она будет под этой фиктивной фамилией...

— А меня Анатолий... — ответил незнакомец и протянул Веронике визитку, которую достал прямо из кармана белых спортивных штанов. Кажется, в темноте он не заметил ее секундного замешательства.

«Интересно, он всегда таскает в карманах свои визитки, — подумала Вероника, принимая у него из рук кусочек плотной глянцевой бумаги, — или захватил специально для меня, когда бегал за бинтом?»

— Спасибо, обязательно позвоню, — сказала она и, как всегда, усадив Тома под жасминовый куст, отправилась домой. Она надеялась, что в такое время тетин муж Володя уже лег спать. На пластмассовых наручных часах было уже четверть двенадцатого.

— Вероничка! Пойди сюда! — таинственным шепотом позвала Веронику из комнаты тетя Тамара.

Вероника только что переделалась в халат и собиралась идти в ванную, чтобы принять перед сном душ.

— Что, тетя Тамар? — так же шепотом отозвалась она.

— У меня к тебе интимное дело.

— Какое? — заинтересовалась Вероника.

— Да, в общем-то, ничего особенного. Понимаешь, дела у меня пошли раньше времени. А в шкафу, как назло, все кончилось. Были и прокладки, и тампаксы... А сейчас посмотрела — полный голяк. Может, у тебя есть какие-нибудь запасы?

Веронику словно обожгло. Месячные! У нее же должны быть месячные! А их до сих пор нет!

— Эй, ты что — уже спишь на ходу? — вывела ее из шока тетя Тамара.

— Н-нет... — растерянно пробормотала Вероника, но тут же, тряхнув головой, взяла себя в руки. — Я... я просто пытаюсь вспомнить — осталось у меня что-нибудь или я тоже все израсходовала. Нет... По-моему, нет. И в пакете с трусами тоже нет — я совсем недавно его перебирала... Ты уж извини, тетя Тамар, ничем помочь не могу.

— Ну ладно... — вздохнула тетка. — До завтра как-нибудь обойдусь...

И Вероника, с трудом переставляя ставшие ватными ноги, отправилась в ванную. Там она встала под прохладный душ и принялась мучительно высчитывать и вспоминать, когда что с ней было...

Она отлично помнила, что в ту самую ночь, когда случилось землетрясение, она собиралась спать с Максимом — и не просто спать. Тогда она несколько раз пересчитывала все по Анькиной методике — и выходило, что у нее как раз самые безопасные дни... Но их получалось очень мало... Всего два или три — не больше. А дальше начинались условно-опасные. Тоже два-три. И затем — самые опасные, дни предполагаемой овуляции. Значит, в первый день, когда ее изнасиловал ублюдок, она еще не могла «залететь». Но потом ведь он принуждал ее к близости еще целых пять дней! Значит, это не просто задержка — она точно беременна! Вот в чем причина этих ее странных и неожиданных приступов голода...

Вероника заглянула в календарь с фотографией японки в купальнике, который висел на двери ванной. Первый день, второй день, третий... Сегодня у нас что? Вторник. Значит, месячные должны были начаться еще четыре дня назад... Как же она раньше об этом не вспомнила!

Вероника еще долго стояла под душем, уставившись в одну точку и тщетно пытаясь вникнуть в то, что с нею произошло. Однако мысли отказывались подчиняться ей. Они разбегались и путались, накатывая друг на друга, как волны.

Она беременна... Значит, внутри у нее зародилась новая жизнь... Она убила его, но он все равно остался жив... Она носит в себе частичку ублюдка... Аборт? Нет, это невозможно... Он вырастет и будет похожим на него... Такие же голубые остекленевшие глаза... Они будут преследовать ее всю жизнь... Нормальные цивилизованные женщины не делают абортов... Это тоже убийство... Она уже убила человека... Ей нечего терять... Значит, она должна добить этого ублюдка до конца... Чтобы его не было вообще на этой

земле... А если? А если он останется навсегда в ее снах? Она же не сможет тогда жить!

Неожиданно Вероника отчетливо почувствовала на себе чей-то пристальный взгляд. Так бывает — у человека нет специального органа чувств, который способен улавливать взгляды, но люди все равно каким-то непостижимым образом их чувствуют. Вероника нахмурилась и помотала головой, словно хотела освободиться от наваждения. Ей стало жутко. Вдруг это призрак ублюдка смотрит на нее из своего параллельного мира? Ведь еще не прошло сорок дней — значит, его грязная душонка бродит где-то совсем недалеко, рядом с живыми людьми. И все же ощущение было настолько реальным, что Вероника быстро отбросила свои мистические предположения...

Вдруг взгляд ее упал на стеклянное окошечко, которое соединяло ванную комнату с кухней. За стеклом маячило чье-то лицо! Пары секунд, пока оно там оставалось, Веронике вполне хватило, чтобы узнать в нем физиономию тетиного мужа.

Максим прокрался в темноте к раскрытому окну и осторожно, чтобы не разбудить соседей по палате, принялся сантиметр за сантиметром откреплять противомоскитную сетку. Ему предстояла непростая задача: вылезти на подоконник, оттуда (все так же бесшумно) шагнуть на стоящее под окном дерево, а с него уже спуститься на землю. Ночью можно спокойно разгуливать по улице хоть в чем мать родила, а у него вполне приличная клетчатая пижама.

Максиму уже надоело убеждать врачей, что он абсолютно здоров, что кризис давно миновал и теперь неважно, что он начинал свою больничную «карьеру» в реанимации.

Ему просто не повезло. Землетрясение застало его на улице — как раз когда он, тайком от всех выскользнув из дома, спешил на свидание с Вероникой. Останься он дома или задержись еще на пять минут — с ним бы ничего не случилось. Их низенький дом старой японской постройки после всех девятибалльных толчков остался стоять целый и невредимый, как будто и не было никакого землетрясения. Никто из его домашних не пострадал, если не считать переживаний, связанных с исчезновением Максима. Когда они проснулись от шума и сообразили, что началось землетрясение, они вдруг с удивлением обнаружили, что младшего сына нет дома. Мама едва не упала в обморок — после смерти отца она стала такой чувствительной... Впрочем, на этот раз ее дурные предчувствия были не напрасны: Максим действительно попал в переделку. Он встретил первый подземный толчок на улице, и по нелепой случайности на него свалился оторвавшийся с линии электропередачи провод. Больше бедняга уже ничего не помнил — он мгновенно потерял сознание и остался лежать на улице без признаков жизни.

Уже чуть позже, когда улеглась первая паника, когда кончились сильные толчки и люди начали осматриваться по сторонам, пытаясь оценить, что же с ними произошло, бездыханное тело Максима обнаружили на обочине дороги и положили в один ряд с другими неподвижными телами. Такие штабеля вдоль улицы видела Вероника, когда ее проносили по городу на носилках. Именно тогда, не разобравшись, наспех пощупав пульс и приложив к носу зеркальце, Максима записали в мертвые. Списки погибших корреспонденты местной газеты начали составлять уже ранним утром после ночи, в которую случилось землетрясение, — им нужно было успеть собрать материал для следующего номера.

(Этот роковой номер «Сахалинской правды» за вторник — почему судьба подкинула Веронике именно его? Потом, в других номерах, списки погибших были уточнены, и в них Максим уже не числился...)

Наконец ему удалось отодрать сетку снизу настолько, чтобы можно было спокойно взобраться на подоконник. Высокий — но при этом гибкий и ловкий, — он спружинил, оттолкнулся — и через секунду уже был на дереве. Подождал, пока стихнет шорох листвы, вызванный встряской... Прислушался, нет ли какого-нибудь движения в окнах больничных палат... Но ночную тишину нарушали лишь вскрики разборщиков на завалах, которые продолжали свою работу даже ночью, работая в две смены. Максим посмотрел вниз, с высоты третьего этажа. Веток было вполне достаточно, чтобы благополучно добраться до земли. Тогда он решительно опустил ногу и начал спускаться. С нижней ветки пришлось прыгать, и Максим немного разодрал рукав и поцарапал руку. Он рассеянно зализал

царапину — словно пес — и двинулся через палисадник.

Идти в такое время домой было бы безумием — мама подняла бы крик и начала вызывать «скорую», чтобы Максима забрали обратно в больницу. Нет, он явится завтра утром — спокойный, нормально одетый — и скажет, что он очень просил и его отпустили. Из больницы больше не позвонят — после прочтения записки, которую он оставил на своей кровати, у работников вряд ли возникнет желание видеть его снова... А сейчас он первым делом пойдет к дому Вероники и попробует узнать, что с ней. Разумеется, с тех пор, как он очнулся, он регулярно просматривал списки погибших и знал, что Вероника осталась жива. Почему же она не пыталась его найти? Вариантов ведь не так уж много — либо одна санчасть, либо другая. В конце концов вышла бы на Витальку и узнала у него... Значит, у нее что-то случилось. Либо она решила, что он действительно погиб, и уехала в Москву...

Со дня землетрясения прошел уже почти месяц, но вид улиц за это время почти не изменился. По-прежнему кругом вместо домов громоздились груды обломков. Развороченные аллеи и скверы в темноте выглядели как декорации к фильму ужасов. Максим шагал по знакомым с детства переулкам и не узнавал их.

Отсюда уже должен быть виден дом Вероники. Но что это? За двумя высокими тополями маячили в темноте лишь несколько больших куч битого кирпича. Это все, что осталось от выстроенных у подножия сопки «хрущевок».

Неужели Вероника была в этом завале и осталась жива? Нет, этого не может быть... Наверное, она проснулась от первых легких толчков и успела выбежать на улицу. Максим, машинально переставляя ноги, шагал вдоль образовавшейся из разрушенных «хрущевок» горной гряды. Это дом номер десять... Одиннадцать... Двенадцать... Вот знакомая скамейка во дворе, где они так часто целовались, — разумеется, ее сломали. Мусорная куча первого подъезда, второго и третьего, где находилась квартира Вероники.

Если бы он успел тогда добежать, они бы были сейчас вместе. Или вместе бы погибли. Максим представил себе, как они лежат на диване, переплетаясь телами, словно две гибкие лианы... Как потом пол под ними начинает мелко дрожать, как противно звенят стекла... Прямо голый, Максим вскакивает, подхватывает на руки голую Веронику и бежит вместе с нею в коридор... Быстрее молнии слетает по ступенькам — и вот они уже внизу, спасены. Жители дома, которые тоже успели выбежать, бросают на них удивленные взгляды... А потом любопытным становится на них наплевать, потому что на глазах у всех обваливается дом. Крики, вспышки, грохот, но Максим крепко сжимает в руках свое единственное сокровище. Пусть весь мир рушится и летит в тартарары... Главное, что они с Вероникой вместе. Он не думал о том, куда он понесет ее дальше — это было неважно...

Максим окинул взглядом картину разрушения — кажется, к разбору завалов в этом районе еще не приступали. Следы спасательных работ были видны. «Наверное, всех, кого можно, уже достали», — подумал Максим. Высокий первый этаж в подъезде Вероники остался цел, поэтому с этой стороны «дома» гора обломков была повыше. Максим подыскал во дворе некое подобие ломика — кусок железной решетки какого-то разрушенного балкона — и, вооружившись им, полез на завал. Он и сам не понимал, для чего ему это нужно, просто хотелось знать, осталось ли что-нибудь из вещей Вероники или ее родителей.

Фонарика у него, разумеется, не было, зато имелась новенькая зажигалка, которую он выиграл на спор у соседа по палате. Максим щелкнул ею и высветил небольшой участок у себя под ногами. Содержимое завала наводило на мысли о бренности бытия. Здесь было столько всего намешано, в таких странных и нелепых сочетаниях, что по спине побежали

мурашки. Грязные щетки для унитаза соседствовали с медными витыми подсвечниками, тут же, словно выбитые зубы, россыпью белели клавиши от пианино, сбитые в ком, валялись наряды из превращенного в щепу гардероба...

Максим механически разгребал руками вещи, стараясь докопаться до культурного слоя, соответствующего второму этажу. В одном месте это было уже сделано до него, но там, кроме поставленной набок бетонной плиты, ничего не было. Максим посветил зажигалкой. Узор светло-коричневого линолеума совпадал с тем, что был в комнате Вероники. Конечно, это еще ничего не значило — в другой квартире мог быть точно такой же пол. Но на всякий случай Максим решил копать неподалеку от этого рыжего кусочка прежней жизни...

И вот первая удача. Он выудил из хаоса тоненькую змейку пояса от Вероникиного выпускного платья. Максим с трудом узнал его — когда-то небесно-голубой, он был покрыт слоем седой пыли.

Максим отчетливо вспомнил тот вечер: актовый зал их школы, полногрудую и красную заведующую учебной частью Татьяну Петровну, которая с придыханием зачитывала фамилии выпускников и по-деловому выдавала им аттестаты. Затем в памяти всплыли длинные столы, поставленные буквой П по периметру зала, изумрудные бутылки с шампанским, которые ребята, куражась друг перед другом и перед девчонками, трясли и открывали со звуком пушечного выстрела. Девчонки визжали, учителя и родители умиленно улыбались и качали головами...

Вероника была без преувеличения лучше всех. Она завила свои светлые прямые волосы в локоны, подкрасила ресницы синей тушью, отчего глаза ее казались совершенно синими. Ярко-голубое атласное платье напоминало о моде пятидесятых годов: пышная двойная юбка до колен, открытый лиф с огромным бантом впереди. В ушах ее были крупные бирюзовые серьги, которые она позаимствовала у мамы... Наверное, эти серьги тоже лежали сейчас где-то здесь, внутри завала.

Максим продолжал осторожно, как археолог, орудовать своим импровизированным ломиком. Много битой посуды... Какие-то тряпки... Пыльный сапог...

И вдруг Максим наткнулся на большую дорожную сумку. Трудно было сказать, какого она раньше была цвета. Лопнувшая и приплюснутая со всех сторон, она все же выглядела до боли знакомой. Он снова щелкнул зажигалкой.

Кажется, именно такая сумка стояла в комнате Вероники в тот вечер, когда у нее уехали родители. Наверное, она уже собрала вещи, чтобы ехать в Москву...

Максим поднял сумку и взвесил ее в воздухе — довольно тяжелая. Затем он аккуратно пристроил ее возле торчащей бетонной плиты и с трудом раскрыл «молнию», в которую набилась крупно-зернистая пыль. Внутри сумки все прекрасно сохранилось — если не считать выдавленной в пакете зубной пасты и разлитого там же шампуня. Кажется, он не ошибся, это была действительно сумка Вероники. Знакомая одежда, даже запах — сладкий, слегка похожий на ягодный кисель, запах ее дезодоранта. Он продолжал беззастенчиво рыться в вещах, наслаждаясь призрачной близостью к Веронике. В голове невольно проносились вереницы сладких воспоминаний. Вдруг внимание его привлек небольшой плоский пакет из плотного полиэтилена. Он был старательно обклеен скотчем. Максим осторожно вскрыл пакет острием своего железного орудия.

Это оказались документы! Паспорт на имя Губернаторовой Вероники Александровны. Когда он открыл его, изнутри выпал какой-то сложенный вдвое листочек. Максим развернул его. Сверху размашистым почерком было написано: «Адрес Тамары». Далее следовал сам

адрес. Максим вложил листочек на место и стал просматривать другие документы. Аттестат зрелости со всеми пятерками. Справка из поликлиники...

А ведь все это могло так здесь и остаться, не прояви он должного любопытства. Максим сложил все обратно в пакет и засунул его в карман своей клетчатой пижамы.

Он и не заметил, как начало светать. Где-то неподалеку послышался гулкий стук каблучков об асфальт. Надо было сматываться. Кто-нибудь мог застукать его здесь и решить, что он занимается мародерством.

Максим в два прыжка спустился с завала и зашагал через сквер по направлению к улице Моряков. Он должен был пойти к Витальке и взять у него джинсы и футболку, чтобы было, в чем идти к родителям. Виталька тоже остался жив, это он знал точно. Мама бегала к ним домой в ту страшную ночь, думала, что Максим пошел к Витальке. Их дом тоже уцелел, хотя построен был, говорят, еще в прошлом веке. Все-таки японцы знали, как строить...

Максим подходил к знакомому домику с островерхой крышей и пытался по цвету неба определить, сколько сейчас времени. Наверное, уже часов шесть. Виталька в такое время спит, как младенец. Его родители тоже. Максим обогнул белый домик и зашел с тыла. Там, в завесе из листвы, виднелось окно Виталькиной комнаты. Антенна-тарелка. Максим сложил руки рупором и несколько раз прогудел «по-птичьему» — так у них это называлось. Никакого эффекта. Желтые шторы в окне не шелохнулись. Максим просигналил еще раз. И еще раз...

Только на пятый раз в окне показалось заспанное лицо Витальки. Некоторое время он только лохматил свои кудрявые, торчащие в разные стороны волосы и тер маленькие, как у внимательного зверька, глаза. Потом ткнул себя в грудь и пальцами изобразил, будто он сбегает вниз по лестнице. Максим несколько раз кивнул.

Через три минуты кое-как одетый Виталька стоял перед Максимом и осторожно пихал его в плечо, словно бросал пробный шар.

— Как ты? — спросил он басом.

— Нормально. Из больницы сбежал.

— А чего так?

— Достали они меня. Говорю — здоров я, отпустите. А они — анализ мочи, анализ мочи...

Виталька усмехнулся в густые, аккуратно постриженные усы.

— Ну и правильно. Куда теперь?

— Не знаю... Одежду мне вынесешь? А то меня домой не пустят.

— Мои старые джинсы тебе подойдут? Могу еще черную водолазку — у меня две, мать не заметит.

— Давай, мне по барабану. Слушай, ты не знаешь, где Вероника? В списках ее не было, в больницу она тоже не приходила, к моим не появлялась... Как сквозь землю провалилась.

— Возможно, что и провалилась. И, кстати, совсем необязательно, что она погибла. Знаешь, сколько живых из-под земли доставали? Даже на третьи сутки. Ты лучше по санчастям пройдишь — поспрашивай, поищи. Там разрешают осматривать больных — вдруг кто найдет своего... Очень даже может быть, лежит твоя Веруня вся в гипсе, как волк из «Ну, погоди!».

Максим задумался.

— А что, хорошая мысль. Сегодня же все и обойду. Только вынеси мне одежду, а то скоро уже народ начнет выползать. Могут и неправильно понять... — Максим кокетливо

оттянул в стороны широкие пижамные штаны, как маленькая девочка платьице.

Виталька кивнул и побежал за угол дома.

Когда в восемь часов улыбающийся Максим предстал перед матерью, бабушкой и старшим братом, они так обрадовались, что даже не стали сомневаться в том, что его выписали. Мать только спросила, откуда он взял одежду.

— Виталька принес. Еще вчера, — с готовностью ответил Максим. — Я его попросил — хотел сделать всем сюрприз.

Теперь он мог праздновать победу. План полностью удался. Наконец-то он вырвался из лап дотошных врачей.

Нет, конечно же, он был безгранично благодарен им за все, что они для него сделали, но надо же знать меру...

— Извините, вам не попадалась вот эта девушка? — уже в который раз задавал Максим один и тот же вопрос, доставая из кармана паспорт в бордовой обложке и открывая его на третьей странице.

Там, на обычной фотографии три на четыре, те, к кому он обращался, могли видеть милостивую девушку со спокойным, даже чуть усталым взглядом. Светлые прямые волосы обрамляли ее по-детски круглое лицо. Ничего особенного или примечательного. По виду — умненькая девчушка. Впрочем, таких довольно много, перепутать ничего не стоит.

— Нет, вроде не попадалась, — отвечали одни за другими одетые в белое или голубое санитарки и медбратья. — А там — кто его знает, разве ж всех упомнишь... — обычно добавляли они, — тут все мелькают, как на конвейере — на лицо-то не всякий раз смотрим...

Максим терпеливо кивал, потом благодарил, извинялся за беспокойство и тут же искал глазами следующую жертву. Он знал, что делал. Рано или поздно ему должны были ответить: «Да, такая у нас была». Или: «Ищите эту девушку там-то и там-то». Он несколько не сомневался в успехе своей операции, поэтому каждая новая неудача не огорчала его, а лишь прибавляла решимости.

И наконец терпение его было вознаграждено. В одной из шатровых палаток, где располагались санчасти, он обнаружил санитарку (кстати, она заметно хромала на одну ногу), которая с первого взгляда на фотографию узнала его обладательницу.

— Была! — низким грубоватым голосом сказала она и, пробежав глазами фамилию и имя, вдруг обрадовалась. — Точно! Вероникой звали... Как щас помню — длинноногая такая!

— Это правильно, — подтвердил Максим. — Значит, особая примета тоже совпадает... Бабуля, — проникновенно продолжал он. — Расскажите мне, пожалуйста, про эту девушку все, что помните. В каком состоянии она была, куда потом ее отправили... Если помните, конечно.

— Отчего же не помнить — помню, — ответила хромая санитарка. — У нас тяжелых не было, в основном шоковые или слегка поцарапанные. У твоей Вероники... — Она вдруг осеклась. — А кстати, ты кем ей приходишься-то?

— Жених, — пожал плечами Максим и изобразил на лице юношескую скромность.

— А-а-а... — протянула санитарка. — Понимаю. Ну вот, значит, поступила она к нам слабенькая, в ссадинах. Обработала я ее, уложила...

— А когда это было, не припомните? — перебил ее Максим.

— Помню, что вечер был, темнело уже. Наверное, из завала ее достали — и сразу к нам. Ногти у нее были все переломаны...

Максим судорожно сглотнул, отчетливо увидев перед глазами тонкие, почти детские руки Вероники с ровными, похожими на маленькие лопатки ногтями. Бедная Веруня!

— Еще? Еще что помните?

— Потом кричала она ночью. Мать с отцом звала. Брата.

— Брата? — удивился Максим. — Какого еще брата?

— Вроде как двоюродного, — пояснила санитарка. — «Максим!» — все кричала — «Максим!»

— Как она кричала?! — насторожился юноша.

— «Максим» кричала...

— А почему вы решили, что Максим — это двоюродный брат?

— Ну, он же приехал за ней потом.

— Брат?

— Ну да, Максим. Приехал и забрал ее куда-то к родным.

— Что значит — забрал? Она что — сама не передвигалась?

— Может, и передвигалась, но с трудом. Слабая она была, спала плохо. Среди ночи мне говорит: «Кошмары меня замучили. Уколите мне снотворное». Ну я ей и уколола. Швейцарское лекарство. С него у нас спали все, как сурки. Вот и утром она не пробудилась. Прямо спящую он ее и увез.

Всегда спокойный, при этих словах Максим почувствовал, как сердце начало биться у него в груди, словно молот об наковальню.

— А он не говорил, куда? — ледяным голосом спросил он, стараясь не выдавать волнения.

— Говорил. Да только вот этого я не запомнила...

— А как хоть он выглядел?

— Ну, такой плотный, в камуфляже. Решительный такой, быстрый... Машина, говорит, у меня...

— А какая у него была машина?

— Понятия не имею... А почему это ты все спрашиваешь да спрашиваешь? — прищурилась на Максима санитарка.

Он спрятал Вероникин паспорт обратно в карман и посмотрел на санитарку печальными зелеными глазами.

— Просто меня зовут Максим, — ответил он и, не дожидаясь, что она скажет дальше, отправился к выходу. — Спасибо вам за информацию! — бросил он на ходу и выбежал на улицу.

Мысли его лихорадочно цеплялись одна за другую. Что это еще за тип в камуфляже? Вероника никогда с такими и не общалась... И выдавал себя за двоюродного братца. За родного, значит, не решился — слишком уж смахивало бы на вранье... Получается, что Веронику попросту выкрали...

Максим шагал по улице, и голова его гудела от сменяющихся друг друга страшных догадок и предположений. В какой-то момент ему стало по-настоящему страшно. Ведь такое похищение могло быть и опасным для ее жизни! Мало ли что это за тип в камуфляже, а может, сексуальный маньяк...

Из раздумий его вывел знакомый голос, который послышался с противоположной стороны улицы:

— Макс! Эй, Макс! Стой!

Это была Анька. Максим быстро перешел на другую сторону. Если бы она не окликнула его, сам бы он ни за что ее не узнал. Вся в черном, волосы спрятаны под платок, лицо худое, бледное.

— Привет... — стараясь держаться спокойно, сказала она.

— Привет... — грустно и в то же время бодро отозвался Максим.

Про Аньку он тоже все знал: землетрясение отняло у нее обоих родителей. Она была у них единственной дочерью.

Но как же сама она умудрилась спастись? Насколько он знал, Анька жила в новом квартале, который рухнул подчистую при втором же толчке. Спасенных там практически не было. Наверное, неудобно спрашивать ее об этом... Но Анька опередила его вопрос.

— Ну, как ты? Слышала, лежал в больнице?

— А! — махнул рукой Максим. — Это все ерунда. Видишь — как новенький. Ты лучше расскажи, как тебе удалось уцелеть?

Анька опустила глаза.

— Если бы не Артем... — Она отвернулась и закусила пухлую губу, чтобы не заплакать. — Мы с ним были в школе, в подсобке. Ну, ты знаешь. Мы-то выбрались... А родители... — Голос ее сорвался.

Максим шагнул к ней и слегка приобнял за плечи.

— Ладно, перестань. Анька, ну не надо. Это очень хорошо, что ты была в ту ночь с Артемом. По крайней мере, кто-то остался жив. И перестань себя мучить. Ты ни в чем не виновата.

Анька несколько раз всхлипнула и полезла в сумочку за платком.

— Что, поступать в Москву теперь не поедешь? — тихо спросила она.

— Вообще-то собираюсь, — ответил Максим. — Правда, на эмгэушные экзамены я уже опоздал... Попробую предъявить справку о том, что я жертва землетрясения... Может, разрешат сдать, в порядке исключения... Слушай, а ты случайно не знаешь, где Вероника?

Он не стал пересказывать Аньке загадочную и жуткую историю, услышанную в передвижной санчасти. Лучше сначала выведать, что известно ей. И вообще, вряд ли стоит сильно распространяться о Веронике — ведь для родителей она уже давно в Москве и благополучно избежала землетрясения.

— А разве она не уехала в Москву? — тревожно вскинула взгляд Анька.

— Представь себе, не уехала. Правда, это секрет. Родители думают, что она уже там.

— Значит, она была здесь во время землетрясения!

— Вот такая история... — пожал плечами Максим и слегка улыбнулся.

Анька вытаращила на него серые влажные глаза.

— И ты так спокойно об этом говоришь!

— Потому что она жива... Я точно это знаю... Я давно бы ее разыскал, но я сам только вчера сбежал из больницы. Значит, ты не видела ее и ничего про нее не знаешь...

— Ее-то я не видела, — задумчиво сказала Анька, — но зато я видела Томку.

— Ты видела Тома?! Когда? — громко воскликнул всегда невозмутимый Максим.

— Точно не помню. Кажется, в прошлые выходные. Я увидела его случайно, из окна машины. Мы ехали на дачу к знакомым. Смотрю — несется по обочине дороги...

— Это точно был он?

— Точно — не точно! — хмыкнула по своей привычке Анька. — Да этого черта ни с кем не спутаешь. Томка это был. Язык набок, худой весь.

— Где? В каком месте? — нетерпеливо перебил ее Максим.

— На Южно-Сахалинской дороге. Где именно — не помню.

Максим слегка встряхнул Аньку за плечи — как обычно поступал с друзьями — и горячо поблагодарил.

— Молодчина! Глазастая! — сказал он. — Ну ладно, мне пора. Значит, будем развивать эту гипотезу... — загадочно закончил он.

— Какую еще гипотезу? — переспросила Анька, но Максим, махая ей рукой, уже

удалялся на другую сторону улицы.

— Счастливо! — крикнул он черной, как вороненок, Аньке — и та печально кивнула. Максим направлялся домой. Кажется, теперь он точно знал, что ему делать.

На билетные кассы Максим не возлагал особых надежд. Вряд ли, глядя на человека через крохотное окошечко, реально запомнить его лицо. И тем более узнать его потом на маленькой черно-белой фотографии. Кассирши, все как одна, махали на него руками и восклицали:

— Да Господь с вами! Тут мать-то свою в окошке не узнаешь, а вы говорите — по фотографии, да еще была ваша дамочка здесь не сегодня, а черт знает когда...

Дорога до Южно-Сахалинского аэропорта заняла у Максима целый день. Он ехал с раннего утра до поздней ночи — тем же объездным путем, что еще совсем недавно Вероника. Он рассудил так: если Том бежал по дороге, значит, он своими собачьими уловками учуял хозяйку и теперь мчался к ней. Дорога эта ведет в Южно-Сахалинск, а поскольку у Вероники в этом городе никого нет, значит, она могла ехать туда только в аэропорт. Наверное, она собралась в Москву. Жить ей негде, родителей она обманула. Просто испугалась, что они будут беспокоиться из-за землетрясения и сорвутся с рейса...

С кассиршами пора было завязывать. Они сидели в своих клетушках злые, нервные и любой посторонний разговор воспринимали как повод лишний раз покричать и отвести исстрадавшуюся душу.

Максим решил перекинуться на других работников аэропорта. Какое-то шестое чувство подсказывало ему, что милиции надо избегать. А может быть, просто ему не хотелось, чтобы имя Вероники попадало в этот темный мир преступников и тех, кто их покрывает.

«Надо рассуждать логически, — думал Максим. — Если она все-таки улетела в Москву, то неминуемо должна была пройти через контроль. Разумеется, здесь тоже шансов немного — ведь в тот день могла дежурить и другая смена, но попробовать надо».

Время посадки на очередной рейс еще не подошло, и на посту сидела только одна дежурная. Навалившись огромным бюстом на столик, она увлеченно читала какой-то-pocketбук. Под носом у нее Максим заметил большую белую родинку. Когда он подошел к дежурной и в своей обычной манере вежливо поздоровался, она не сразу подняла взгляд. Зато уж когда подняла, Максим от неожиданности вздрогнул. В этом взгляде было намешано столько разнообразных — в основном отрицательных — чувств, что их поток пронизывал насквозь, как рентгеновский луч.

— Посадка еще через час... — заунывно, как будто обращалась к душевнобольному, произнесла она и уже хотела было вернуться к чтению.

— Я не на посадку, — невозмутимо сказал Максим. — Мне тут выяснить кое-что надо.

— А документы у вас есть? — сразу наострила уши пышнотелая дежурная.

— Есть, есть, — успокоил ее Максим. — Но вообще-то я не из угрозыска.

— А откуда?

— Из очага землетрясения.

— Ага, понятно, — смягчилась толстуха. — Ищешь кого?

Максим молча кивнул и привычным движением выудил из кармана Вероникин паспорт.

— Может, случайно запомнили — не проходила у вас такая девушка? Высокая, худенькая, длинноногая... — добавил он.

Дежурная взяла у Максима из рук паспорт и поднесла его к самым глазам. Вдруг лицо ее разом переменилось, и Максим сразу понял: она ее узнала. Но почему у нее такой

возмущенный вид? Неужели Вероника способна вызывать у людей такие гневные чувства?

— Вы видели ее? — спросил Максим, сделав вид, что не заметил ее странной реакции.

— Да уж видела, — сердито отвернулась от него толстая дежурная. — Насмотрелась, блин, на красоту ее... Псину свою на нас натравила, будто это мы придумали, чтоб собак в самолет только со справками от ветеринара пускать. Ей говоришь, а она свое заладила... — тараторила без умолку дежурная.

— А какая собачка-то у нее? — ласково перебил ее Максим. — Мраморный дог — с купированными ушами?

— Да какой там дог! Дворняжка обыкновенная — белая такая, с черными пятнами — злющая, как ведьма... Натравила на нас свою псину, хорошо, я увернуться успела...

— Понятно, понятно... И как же сложилась их судьба? — спросил Максим, улучив момент, когда дежурная набирала воздух для очередной тирады.

— Какая еще судьба? — вскинулась на него толстуха с таким видом, будто он произнес какое-то иностранное, непонятное ей слово.

— Короче, улетела она или нет?

— Не знаю... — Дежурная снова отвернулась с оскорбленным видом. — В мою смену эта собачница уж точно не улетала.

— Понял. Спасибо. Всего хорошего... — И Максим, воспользовавшись ее краткой задумчивостью, удалился.

Сидя в унылом аэропортовском буфете и попивая местный кофейный напиток, Максим неторопливо размышлял о том, что ему удалось узнать за прошедшие два дня.

Итак, Вероника пыталась улететь без него в Москву. Каким-то непостижимым образом ей удалось встретиться с Томом... Где же она была с того момента, как некий загадочный «братец» вывез ее из лазарета? Наверное, именно там разыскала ее собака. Возможно даже, Том помог ей оттуда сбежать... Затем они вместе добрались на попутках до Южного. Стоп! Но почему же она не поехала обратно в город? Должна же она была, по крайней мере, попытаться откопать в завале свои документы или заказать себе новые? Иначе как же она собралась поступать в академию?..

И тут до Максима дошло, что без паспорта Вероника не могла не только улететь в Москву, но даже просто купить себе билет... Какой же он кретин! Слава Богу, что эта квашня на контроле настолько тупа, что не заметила странности: у той девушки с собакой был паспорт (как иначе она могла купить себе билет?) — и теперь парень, который ее разыскивает, тоже предъявляет ее паспорт.

Черт возьми, откуда же у Вероники взялся паспорт? Даже если представить, что она получила новый или покупала билет по справке из милиции о том, что ее паспорт погребен под землей во время землетрясения, — все равно концы не сходятся. Она не успела бы вернуться в город и все это проверить. К тому же ее обязательно бы кто-нибудь видел. Значит, она пыталась проехать по чужому паспорту... Но зачем? И куда она делась потом?

Сколько ни старался, Максим не мог отыскать ответ на этот вопрос...

Вероника почти всю ночь пролежала без сна.

Кажется, на нее снова гроздьями посыпались неприятности. Задержка, да еще этот пошлый идиот Володя...

Подумав, она решила не рассказывать тете Тамаре историю с подглядыванием. Это означало бы только одно: ее бы выставили из дома под любым предлогом, и она снова бы оказалась на улице. Тетка, как и любая женщина, которая не мыслит себя без семьи и полностью зависима от мужа, не стала бы разбираться в его моральном облике. К чему скандалить? Куда проще удалить объект его тайных желаний — и все снова встанет на свои места.

Нет, лучше уж Вероника будет молчать, как будто ничего и не было. Смотрит — и пусть смотрит. Это его личные проблемы. «Кажется, это называется вуайеризмом», — вспомнила она. Ей приходилось читать в «СПИД-инфо» про сексуальные перверсии, и подглядывание за обнаженными женщинами тоже входило в их число. В раннем возрасте оно встречается почти у всех мальчиков, но потом обычно проходит. Значит, у тетиного мужа еще не прошло...

Вероника вдруг представила себе, как эти двое исполняют свой супружеский долг — и ей стало смешно. Толстая, коротко стриженная, выкрашенная в рыжий цвет тетя Тамара, а сверху на ней — маленький, щупленький Володя. Конечно, нехорошо так думать о тетке — все-таки она так добра к Веронике, приютила ее... Но до чего же противный у нее муж! Если бы она только знала это сама! Вероника давно уже поняла, почему он такой. Он просто маленький. А все маленькие мужчины имеют кучу комплексов. Даже пословица такая есть: «Мал клоп, да вонюч». Но ничего, скоро она начнет работать и тогда сразу снимет себе комнатку. Лучше всего у какой-нибудь старушки, и с телефоном. А сюда будет заезжать в гости, когда Володи нет дома...

Пожалуй, это был единственный повод для оптимизма, который у нее остался. К сожалению, ужас ее положения был совершенно не в этом.

Задержка!

Неужели она действительно беременна? Она еще даже не успела почувствовать себя женщиной, как уже зачала ребенка. Ей казалось, что такое возможно только в романах — «с первой же ночи она понесла». Однако жизнь ставила все на свои места. Здоровая самка, крепкий молодой самец — что еще нужно природе для продолжения рода человеческого? Несколько половых актов — и произошло оплодотворение. И никаких тебе «трех месяцев, необходимых для адаптации организма», которые обычно указываются в учебниках.

Теперь ей придется рожать этого нежеланного, этого ненавистного ребенка. Ребенка от ублюдка, ребенка от мертвеца. Да, пока она еще может сделать аборт — время позволяет... Но, как будущий медик, Вероника слишком хорошо знала, какое существо уже успело вырасти у нее внутри. Может быть, даже у него уже есть душа... Оно еще не развилось, не созрело, но оно существует, оно живое. Как же можно так запросто вычеркивать его из жизни? А вдруг это будет мальчик, как две капли воды похожий на нее? Ведь чаще всего так и бывает — если сын, то похож на маму, дочка — на папу... А вдруг дочка? И вообще, что она скажет родителям? Будет скрывать все до последнего? Но как она сможет жить? Чтобы снимать квартиру в Москве и кормить себя и ребенка, нужно ведь работать. Кто тогда будет

с ним нянчиться?

Нет, это совершенно недопустимо. Она не хотела этого ребенка! Она не хотела вообще ничего! Это же не плод любви. Скорее это плод ненависти... Ужасно. Теперь она всю жизнь будет существовать с этой мыслью. И неважно — убьет она этот зародыш или оставит в живых. Ублюдок оставил о себе прочную память. Он словно выжег на ее сердце глубокое клеймо...

Заснув под утро тяжелым сном, Вероника открыла глаза только в одиннадцать. Дома уже никого не было — тетья Тамара, наверное, ушла гулять с Ярославом. Вероника быстро встала, привела себя в порядок и села завтракать. Пока пила крепчайший кофе со сгущенным молоком, выложила из кармана на стол вчерашнюю визитку. За ночь она уже успела забыть о случайном вечернем знакомстве — тягостные мысли захватили ее целиком. Но теперь, за завтраком, она постаралась припомнить все до мельчайших деталей.

«Привалов Анатолий Валерьевич, вице-президент фирмы «Омега-ЛТД», коммерческий директор банка «Омега», — прочитала она на визитке. Вчера при свете фонаря ей удалось немного его разглядеть. Лицо у него было действительно красивое — вытянутое, со слегка впалыми щеками, прямым носом и крупным ртом. Аккуратно подстриженные, очень светлые волосы, большие синие глаза. Даже бесформенный спортивный костюм, в котором он вышел прогуливать собаку, не мог скрыть его стройной и подтянутой, как у скаковой лошади, фигуры. «Надо же, мы с ним, как представители одного вида, — подумала Вероника. — Отряд высоких голубоглазых блондинов. Подотряд холодных рыб. Характер нордический».

Вероника улыбнулась своим мыслям. Этот породистый, уверенный в себе мужчина сейчас олицетворял для нее надежду. Ведь он так твердо сказал, что может найти для нее работу. Сегодня она даже не пойдет в киоск за газетой. Просто спустится к Клавдии Мироновне и сделает всего один звонок...

Трубку подняла секретарша. Молодой, немного томный голосок.

— Анатолия Валерьевича сейчас нет в офисе. Если срочно, звоните по сотовому... — И она назвала Веронике номер.

«Какая-то совершенно другая жизнь, — подумала Вероника. — Офисы, секретарши с внешностью фотомоделей, сотовые телефоны...» Неужели ей предстоит тоже окунуться в этот мир и даже стать его частью?

По сотовому телефону ответил сам Анатолий. Вероника сразу узнала его бархатный, необыкновенно приятный голос. «Наверное, с таким голосом ему удастся с легкостью покорять своих партнеров по бизнесу, — решила она. — Прямо убаюкивает, обволакивает, словно сладкий туман, и хочется согласиться на любые условия, лишь бы только слушать его еще и еще...»

— Алло?

— Здравствуйте. Это Вероника. Вчера я лечила вашу Глафиру, и вы обещали поискать для меня работу.

— А! Вероника! Не забыл, не забыл. Хорошо, что ты позвонила. Я уже договорился насчет тебя с одним чувачком. Ему как раз требуется секретарь.

— Секретарь? То есть — секретарша? — уточнила Вероника.

— Ну да, секретарша, в офис. Работа с девяти до шести, обед за счет фирмы. Зарплата от трехсот баксов. Испытательный срок. Ну, я думаю, с твоими данными это формальность.

Интересно, какие такие у нее данные? «Ноги из-под мышек» — как говорил про нее

Пахан? Натуральная блондинка?

— А секретарша — это в хорошем смысле слова? — спросила она на всякий случай.

— Обижает. Для интима у моего приятеля имеется отдельная должность. Как говорится, мухи отдельно, а котлеты — отдельно. Ну что, подъедешь сегодня? Я тебя сразу и представлю. По-моему, надо ковать железо, пока горячо.

— Конечно. А кстати, как дела у Глафиры? Рана не воспалилась?

— Да нет. Дела идут совсем неплохо. Был ветеринар. Между прочим, похвалил твою работу. Мазь прописал... Значит, к четверем подъезжай... — И Анатолий принялся объяснять ей, куда и как ей следует подъехать.

Когда трубка легла на рычаг, Вероника готова была захлопать в ладоши от радости. Но она сидела за телефонным столиком в квартире Клавдии Мироновны, и старушка могла бы ее неправильно понять. Поэтому Вероника просто поблагодарила соседку и, сказав, что спешит, убежала наверх, к тетке. От радости в голове у нее был полный тарарам.

Она едет устраиваться на работу! В настоящую фирму! Конечно, она почти не знает этого Анатолия. Но он хотя бы сосед. У него собака — Веронике казалось, что человек, который держит собаку, не может быть плохим. Она понимала, что это всего лишь детское заблуждение, но почему-то в глубине души в него верила. Анатолий сказал, что работа не предполагает никакого интима. Значит, фирма серьезная, не из тех, которые печатают объявления в газетах.

А с работой секретаря она вполне справится. Печатать она умеет, в компьютере тоже разбирается. Наверное, теперь ей придется рано вставать и в назначенное время являться на работу... У нее будет начальство, с которым надо будет поддерживать хорошие отношения. Два раза в месяц она будет получать зарплату... Придется купить себе что-нибудь приличное из одежды, чтобы не выглядеть в офисе белой вороной...

Кстати, об одежде. Ей же не в чем ехать даже на первую встречу! А ведь, как известно, встречают по одежке.

Вероника достала из ящика письменного стола пачку денег, перехваченную розовой резинкой для волос. С тех пор как взяла эти деньги в шкафу у Пахана, прошло уже две недели, а Вероника так ни разу и не удосужилась их сосчитать. Ей было физически противно к ним прикасаться. Вот когда она оценила и поняла весь смысл выражения «грязные деньги»! Лишь изредка Вероника с отвращением доставала оттуда очередную крупную купюру, и всякий раз ей казалось, что откуда-то из-за угла, из-за спины за ней подглядывает своими страшными остекленевшими глазами Пахан... Тогда она крепко сжимала губы и делала несколько глубоких вдохов. «Все хорошо, — уговаривала она себя. — Это твои деньги — ты их заработала...»

Однако делать все равно было нечего. Жизнь приказывала отставить сантименты и думать о сегодняшнем дне. Вероника сняла с пачки резинку и принялась считать. Сотысячных бумажек осталось всего две штуки. Остальные деньги были в долларах. Значит, уже сегодня придется их менять. Вероника пересчитала десятидолларовые купюры. Их оказалось восемнадцать штук. Негусто. Значит, всего у нее осталось около миллиона рублей. На эти деньги она должна купить приличную одежду, а кроме того, жить еще месяц, пока ей выплатят первую зарплату.

Вероника решила посоветоваться с тетей Тamarой, в каком магазине ей лучше купить одежду подешевле. Все-таки она поступила бездумно, не сосчитав деньги раньше. Надо было уже давно перейти к жесткой экономии, и тогда сейчас, в решающий момент, она могла бы

тратить их более свободно... Вероника вышла на кухню, где тетка — вся красная и распаренная — готовила борщ.

— Приличную одежду... — задумалась она. — Ну, если запросы в смысле моды у тебя небольшие, то вполне подойдет какой-нибудь костюмчик с рынка. Самый дешевый рынок — это «Лужа», то есть Лужники. Есть еще Черкизовский, «Динамо». Но на «Луже» все равно дешевле, потому что там все идет оптом...

От Галины Вероника уже слышала это название — «Лужа». Оно так же вдохновляло ее, как, к примеру, «сточная яма» или «помойка». Однако тетка была уже вторым человеком, который настойчиво советовал приобретать товары именно там. «Что ж, как видно, от судьбы не уйдешь, — подумала она. — Значит, придется ехать туда. Заодно можно заглянуть к Галине, похвастаться ей, что нашла работу».

Вероника взглянула на часы — пятнадцать минут первого. Встреча была назначена на четыре, возле ворот церкви у метро «Сухаревская». Анатолий должен подъехать туда на машине и отвезти Веронику к офису своего приятеля. Значит, время у нее еще есть.

— За сколько я доберусь отсюда до этой «Лужи»? — спросила она у тети.

— За полчаса, думаю, доберешься. Может, чуть побольше. Только смотри — деньги поглубже прячь. Это же рынок — обчистят, и не заметишь...

В любом случае Вероника должна успеть на встречу. Торопливо отсчитав деньги — четыреста тысяч, — она подхватила черную китайскую сумку, с которой обычно ходила и в пир, и в мир, после чего выбежала из квартиры.

Рынок «Лужники» с первых минут поражал воображение своим размахом. Веронике еще не приходилось видеть такого гигантского мегаполиса торговли. Напрасно она удивлялась, когда Галина объясняла ей, как ее здесь найти. «Золотая аллея, место 18» — это звучало как настоящий адрес. Теперь Вероника поняла, почему. Перед ней раскинулся целый город с улицами, домами и сложными потоками движения. Вероника даже подумала, что совсем неплохо было бы, если бы на особо оживленных перекрестках поставили светофоры. Передвигаться здесь можно было, только лавируя в толпе, а давка в метро в часы «пик» казалась ей воскресной прогулкой в парке. Поскольку рынок был оптовый, кругом с огромными тележками сновали во все стороны оптовики, которые безбожно толкались и распугивали всех гортанными криками:

- Поберегись!
- Дорогу!
- Дорожку даем! Дорожку даем!

Их перекрикивали зычные голоса разносчиц еды, в которых можно было уловить самые разные акценты:

- Кофе! Булочки! Бутерброды!
- Соки, чай, кофе, хачапури!

Товаров здесь продавалось так много, что поначалу Вероника даже боялась к ним присматриваться. Подгоняемая толпой, она только шла по гигантскому коридору из палаток и крутила головой. Развешенные на цветных пластмассовых цепочках, расставленные и разложенные на прилавках вещи сливались в один сплошной пестрый ковер, над которым, как паруса, развевались на ветру подвешенные к ветвям деревьев белые подвенечные платья и разноцветные платки.

— Ну что ползешь, как сонная муха? — вдруг гаркнула ей на ухо какая-то потная тетка с двумя большими клетчатыми сумками.

— А что вы на меня орете? — спокойно повернулась в ней Вероника, всем своим видом пытаясь дать понять, что у нее-то все в порядке, а вот тетка явно сошла с ума.

— Быстрее надо ходить! — не совсем уверенно проворчала скандалистка.

— А я никуда не тороплюсь... — гордо сказала Вероника и пропустила тетку с сумками вперед.

«Не тороплюсь? Как это не тороплюсь? — тут же опомнилась она. — Ведь у меня в четыре встреча, а мне еще надо успеть выбрать костюм...» И Вероника отправилась искать Золотую аллею.

Некоторое время она поплутала, но потом вырулила в нужном направлении и вскоре была уже возле места под номером восемнадцать. За прилавком, который был густо увешан женским нижним бельем, никто не стоял, однако продавец сарафанов с соседнего лотка — небольшой тщедушный кавказец — сразу обратился к Веронике с вопросом:

- Что желаем купить, дэвочка?
- Да мне, вообще-то, хозяйка нужна, Галина. Она ведь здесь работает?
- Галина-то? Точно, здесь. Обедать она пошла. Подожди нэмножко.

Вероника снова посмотрела на часы.

- А давно она ушла? Сколько ждать?

— Полчаса, нэ меньше.

Этого Вероника позволить себе не могла.

— А может, вы подскажете мне, куда она пошла обедать? Хоть примерно, в какой это стороне?

— Пожалуйста. — И словоохотливый кавказец объяснил Веронике, куда именно пошла обедать Галина.

Когда Вероника подошла к длинному ряду открытых кафешек и шашлычных, то сложным, дразнящим и пряным запахом ее едва не сшибло с ног. Здесь готовили самые аппетитные и быстрые в приготовлении блюда: острые живописные салаты, заправленные уксусом, румяный шашлык, сочную шаурму, жаренных на вертеле кур... Все это происходило прямо на глазах у публики и сразу же поедалось за маленькими круглыми столиками.

Вероника прошла вдоль рядов, просматривая сидящих, и очень скоро увидела знакомый хвост с черным в белый горошек бантом. Галина была не одна — она оживленно беседовала с каким-то молодым мужчиной в джинсовом костюме. Вероника решила, что просто подходить и отвлекать людей от еды и от разговора будет неприлично. Тем более что наблюдать, как кто-то рядом поглощает такие вкусности, — это настоящая пытка. Она подошла к одному из лотков и решительно заказала себе куриную ногу с кетчупом, салат и стаканчик кофе. Сумма получилась приличная, но запах еды заставлял забывать об экономии. Подхватив маленький подносик с пластиковыми тарелками, Вероника снова подошла к столику, за которым сидела Галина, но теперь уже с другой стороны.

— Вы не против, если я к вам присоединюсь? — обратилась она к ним.

— Что — других столиков мало... — начала было суровую отповедь Галина, но, подняв глаза, осеклась. — Ой! Вероника! Это же Вероничка!

— Она самая... Привет! — И Вероника, осторожно примостив свой подносик с краем стола, села на белый пластиковый стул.

Галина, кажется, была искренне рада встрече. Представлять Веронику своему приятелю она, однако, не стала, и тот, быстро закончив обед, молча удалился.

— Ну что, рассказывай... — сияя своей фирменной улыбкой, сказала Галина, и Вероника быстро поведала ей об основных событиях прошедшей недели. При этом она не забывала энергично поесть свой обед, потому что времени на покупку костюма оставалось уже совсем мало.

— Ну, прикид мы тебе посмотрим у Надьки-литовки. Это не проблема, — пообещала Галина. — А белье нижнее я тебе так дам — в счет утруски.

— Думаешь, там будут проверять, какое на мне белье? — усмехнулась Вероника.

— Все равно. Как Толстой писал — в человеке все должно быть прекрасно: и душа, и тело, и нижнее белье...

— Не Толстой, а Чехов.

— Ну и хрен с ними со всеми! Пошли!

Надька-литовка оказалась моложавой женщиной средних лет, очень уверенной в себе и довольно неплохо одетой. Светлые волосы она заплетала в косу, красилась неброско и аккуратно. Она явно разбиралась в моде и стиле — Галина потом рассказала Веронике, что Надька в свое время работала в Вильнюсском Доме моделей. С профессиональной точностью эта женщина определяла, что кому идет. И хотя торговала она с грузовой машины, в хозяйстве ее имелись раздвижная ширма и большое зеркало, которое она берегла, как зеницу ока.

— Вот, привела тебе юную модель, — сказала ей Галина, когда они дождались, пока Надька отпустит очередную клиентку. — Устраивается на работу в офис.

Вероника вежливо поздоровалась, и хозяйка салона, бегло окинул взглядом ее худенькую фигурку в джинсах и футболке, тут же взяла ее в оборот.

— Какой суммой денег располагаем? — спросила она с легким прибалтийским акцентом.

— Четыреста.

— Баксов или тысяч? — уточнила Надька.

— Тысяч, конечно.

— Все ясно. Тебе на один раз выйти — или гардероб?

— А разве за такие деньги можно купить целый гардероб? — усомнилась Вероника.

— Если умеючи, то можно. Значит, так. Померь для начала вот это... — И Надька подала Веронике кремовую, с крупной плиссировкой длинную юбку. — Думаю, тебе будет как раз.

Когда Вероника вышла из-за ширмы в юбке, Надька уже держала в руках элегантный летний брючный костюм цвета беж. Сначала она сунула Веронике приталенный пиджак с двумя рядами перламутровых пуговиц, и та померила его с юбкой. Даже с синей футболкой вместо блузки получившийся костюм выглядел великолепно. Брюки тоже подошли. Кроме этого, Надька предложила ей легкий трикотажный топик на бретельках на случай жары — ослепительно белый и с вышитой вставкой, а также хлопчатобумажную строгую блузку, к вороту которой крепилась дешевая, но оригинальная брошь.

— Теперь обувь и сумка, — сказала она, залезая куда-то в глубь своего фургона. — Одних туфель вполне хватит — главное, чтобы они в точности подходили к сумке.

У этой Надьки-литовки было буквально все — бижутерия, аксессуары, колготки, шляпы, заколки, зонтики... Все это она умело подбирала по цвету, по стилю и, конечно же, по фигуре клиентки. Она продавала так, что женщины уходили от нее, набран целый комплект взаимозаменяемых вещей.

Вероника решила остаться в юбке, блузке и пиджаке. Так вид у нее получался наиболее строгий и торжественный. Остальные вещи вместе с джинсами, футболкой и босоножками она засунула в черную китайскую сумку. Разумеется, в офис она ее не возьмет.

— Давайте подсчитаем, — сказала Вероника. — А то я уже опаздываю на встречу.

— Давайте. Костюм — сто семьдесят... Юбка — сорок... Топик — пятнадцать... — Надька щелкала кнопками маленького калькулятора. — Блузка с брошью — двадцать пять... Туфли — девяносто... Сумка — сто пятьдесят... Итого — ровно четыреста тысяч...

Анатолий немного опоздал.

— Извини, простоял в пробке, — объяснил он, открывая перед ней дверцу шикарной, ухоженной машины. Сам он выглядел не хуже: безупречный серо-голубой костюм, оттеняющий синие глаза, белая рубашка, неброский галстук... Небрежно рассыпанные светлые волосы...

Вероника с удовольствием опустилась на мягкое, обтянутое коричневым бархатом сиденье. Несмотря на довольно жаркий день, в машине было не душно и приятно пахло. Играла тихая спокойная музыка с эффектом «звук вокруг». После грубой давки и суматохи рынка Веронике казалось, что она попала на другую планету. Нет, все-таки не напрасно она потратила время и позаботилась о своем внешнем виде. В джинсах и полинявшей футболке она бы смотрелась здесь просто замарашкой.

Пока ехала в полупустом (наконец-то ей повезло) вагоне метро на встречу, Вероника тщательно расчесала волосы и собрала их в высокий хвост. Затем припудрила веснушки на носу, проверила чистоту ногтей...

Ей выпал шанс — и она не должна его упустить. После недели безуспешных поисков Вероника поняла, что найти в Москве хорошую работу далеко не так просто, как кажется с первого взгляда. Если она сейчас устроится, то сможет выйти на совершенно другой уровень жизни. Главное — выплыть сейчас, а потом она осмотрится, напишет Аньке и попросит ее выяснить, что с ее документами...

— Что такая задумчивая? — искоса посмотрел на нее Анатолий.

— Волнуюсь, — честно призналась Вероника. — Я еще никогда нигде не работала. Как говорится, не успел отзвенеть последний школьный звонок...

— Ничего, не боги горшки обжигают. Научись. Закончила-то без троек?

— И даже без четверок. Надеюсь, это зачтется при начислении зарплаты? — улыбнулась она.

— Время покажет. Ты, главное, не волнуйся. Внешний вид у тебя подходящий, голова светлая, речь грамотная, а все остальное — само приложится.

Вероника и не заметила, как они приехали. Черную китайскую сумку она оставила в машине, а в офис пошла с небольшой изящной сумочкой, прекрасно гармонирующей с бежевыми туфлями. Светлая юбка приятно колыхалась вокруг ног — почти месяц прохаживая в джинсах, Вероника уже отвыкла от подобных ощущений.

Фирма, в которую привел ее Анатолий, занимала первый этаж большого сталинского дома. На входе висела начищенная латунная табличка: «ТОО «Дубрава». Помещение представляло собой множество комнат, соединенных коридорчиками и холлами, в которых стояли кресла и столики для курения. Стены здесь были обшиты светлыми панелями, безупречная отделка дверей и потолков выдавала недавно сделанный евроремонт. Сквозь белые жалюзи проникал мягкий приятный свет... Это был не офис, а мечта.

Вероника прошла вслед за Анатолием по извилинам коридоров, пока они не свернули в одну из открытых дверей. Сначала они оказались в просторном холле. Здесь стоял шикарный офисный стол с креслом, а на отдельном столике — компьютер и прочая оргтехника. Напротив стола у стены располагался кожаный диван с двумя огромными креслами, между которыми приютился журнальный столик. Интерьер довершал светлый закрытый

металлический шкаф (видимо, для документов) и огромный цветок в керамическом вазоне. Его крупные изумрудные листья ярко выделялись на фоне серых стен.

— Вот твое будущее рабочее место, — сказал Анатолий, указав ей на мягкий стул за столом, после чего открыл обитую белой кожей дверь, на которую Вероника поначалу не обратила внимания. — Пойдем, познакомлю тебя с шефом.

Они прошли в большой, не менее богато обставленный кабинет, и Вероника первым делом бросила взгляд на мужчину, склонившегося над рабочим столом. В голове, как лампочки на панели прибора, сразу вспыхнули параметры: лысый, лет тридцать пять, на пальце правой руки — обручальное кольцо, полноват, курит, резкая складка у губ и между бровями выдает меланхолический характер... Вероника немного разбиралась в физиогномике и сразу распознала в будущем шефе человека строгого и даже деспотичного. «Наверное, у него много других — положительных качеств, — подумала она. — Иначе бы он вряд ли добился в жизни таких успехов».

— Вот, привел вам нового работника, Валентин Семенович, — сказал Анатолий, вкладывая в обращение по имени-отчеству изрядную долю иронии. — Познакомьтесь, это...

— Анастасия! — вдруг, опередив его, выпалила Вероника, вспомнив, что сейчас ей наверняка придется доставать свой поддельный паспорт. — По паспорту мое полное имя Анастасия, — добавила она, невинно взглянув на Анатолия, брови которого невольно поползли вверх.

— Очень приятно... Присаживайтесь... — отозвался мужчина за столом, и Вероника получила возможность увидеть во всей красе его глаза — черные, круглые и пронзительные. «Рафферти», — вдруг вспомнила она. — Был такой фильм с Олегом Борисовым в главной роли. Рафферти — вот кого он мне ужасно напоминает».

— У моей подопечной (кажется, у Анатолия не поворачивался язык называть Веронику Анастасией) есть один маленький недостаток. Она не москвичка. Впрочем, это становится заметно, только если заглянуть в ее документы.

— Откуда приехала? — сухо спросил Валентин Семенович, неожиданно перейдя с ней на «ты» — и губы его неприятно скривились, углубляя уже имеющуюся складку.

— Издалека, — бодро отозвалась Вероника. — Остров Сахалин — знаете?

Анатолий и «Рафферти» переглянулись и дружно покачали головами.

— Да уж слышали, — сказал шеф. — Компьютером владеешь?

Вероника молча кивнула.

— Машинопись? Документация?

— Машинописи обучалась. В документации разберусь.

— Образование среднее?

— Да.

— Семейное положение?

— Не замужем, — пожалала плечами Вероника. «Настоящий допрос», — подумала она.

— Куришь?

— Нет.

— Эпилепсией не страдаешь?

— Не страдаю.

— Прекрасно. Зарплата — триста долларов в пересчете. Рабочий день с девяти — не опаздывать! Заканчивается в шесть. Обед приносят в офис. И никакой болтовни в курилках! Ты теперь — лицо фирмы. Образец для всех сотрудников. Мини-одежда не желательна.

Джинсы — то же самое. Остальное — в рабочем порядке. Все. У меня больше нет времени. До завтра. У вас больше нет ко мне вопросов, Анатолий Валерьевич? — спросил он напоследок, тоже особой, полушутливой интонацией, выделив имя-отчество.

Этим они, видимо, хотели подчеркнуть, что за пределами кабинета их отношения не так официальные. Вместе с тем все необходимые условности были соблюдены.

— Нет, Валентин Семенович. Я тоже спешу. — И, подмигнув приятелю на прощание, Анатолий вышел из кабинета.

Вероника торопливо пробормотала «До свидания», после чего тут же выскользнула за ним, как будто боялась даже на секунду остаться один на один со своим — теперь уже не будущим, а настоящим — шефом.

Пока они шагали по запутанным коридорам, Анатолий напряженно молчал, а Вероника предусмотрительно запоминала дорогу. Завтра ее уже никто не станет приводить сюда за ручку...

— Послушай, что это за странная история с именем? — спросил он, когда они вернулись в машину.

— Извини, — Вероника виновато опустила глаза. — Ничего особенного. Надо мне было сразу тебе сказать... Просто мама записала меня Анастасией, а потом, когда папа приехал из рейса, то узнал об этом и сказал, что его дочка ни за что в жизни не будет носить это имя. Оказывается, еще до мамы у него была девушка Настя — и она его бросила... (Вероника сама удивлялась, откуда она все это берет.) Ну вот, и тогда они решили, что не будут ничего переделывать — и просто выбрали для меня другое имя, Вероника. А потом, когда я получала паспорт, мне стало неохота возиться со всякими заявлениями, чтобы поменять имя. Поэтому в паспорте написали так же, как было в свидетельстве...

— Все ясно, — сказал Анатолий. — Ты куда сейчас?

— Домой.

— Ну тогда поехали... Настя! — И Анатолий плавно надавил на газ.

Работа в фирме «Дубрава» имела массу преимуществ: здесь были прекрасные условия — удобное рабочее место, всегда чистый и хорошо проветренный воздух, вежливые сотрудники, которые сидели по своим комнатам и, как ни странно, работали... Обеды действительно приносили в офис — шеф заключил контракт с ближайшим рестораном. Еда была отменная, готовили явно мастера. Обязательно нарядный салат из свежих овощей, украшенный веточками зелени... На первое — какой-нибудь легкий суп или холодный борщ. На второе — нежнейшее мясо с искусно приготовленным соусом и овощной гарнир. На третье обычно были соки или, по желанию, черный кофе. Сверх положенного любой из сотрудников мог заказать себе за отдельную плату все что угодно — хоть клубнику, хоть черную икру. Разумеется, Вероника пока не могла позволить себе такой роскоши, но ей вполне хватало того, что приносили. В первый день Вероника ужасно волновалась: как она будет управляться с новейшей техникой — компьютером, лазерным принтером, сканером, факсом... Однако ее опасения оказались напрасными. Все эти неприступные на вид агрегаты были невероятно просты в обращении, вскоре они уже напоминали ей понятливых и безотказных слуг...

И все же, работая в этом земном раю, Вероника на собственном примере усвоила давно известную истину: у всякой медали есть обратная сторона. И эту темную оборотную сторону в полной мере являл шеф — Валентин Семенович Прозоров. Первое впечатление Веронику не обмануло. Судьба действительно столкнула ее с человеком крайне самолюбивым, деспотичным и помешанным на власти. Он наслаждался властью при любом удобном случае, любил унижать других людей, ставить их в неловкое положение.

Дверь в его кабинет почти всегда оставалась открытой, и Вероника невольно слышала разговоры, которые он ведет по телефону. Некоторые выражения он употреблял чаще других — такие, как: «Меня это не волнует», «Это ваши проблемы» или — «Много базара — мало дела...» Иногда она становилась свидетельницей того, как шеф устраивал «взбучку» кому-нибудь из сотрудников — несчастный выходил из кабинета бледный и с трясущимися руками.

Сама Вероника старалась ничем не вызвать гнева своего начальника, и, кажется, пока ей это с успехом удавалось. Она никогда не опаздывала — приходила даже раньше положенного времени, чтобы спокойно успеть привести себя в порядок и к началу рабочего дня уже сидеть за столом с отрепетированной улыбкой. Она выполняла все его поручения, хотя часто это была совсем не та работа, какой, по ее представлению, должна заниматься уважающая себя секретарша. Мало того, что он регулярно заставлял ее подавать себе кофе и потом мыть посуду (эти проклятые грязные тарелки и чашки и здесь ее достали!) — иногда он приглашал к себе в кабинет целую компанию каких-нибудь сомнительного вида деловых партнеров и устраивал там тривиальную пьянку, а Веронику использовали как прислугу. Омерзительные типы (ничуть не лучше покойника Пахана) могли позволить себе похлопать ее по заднице или отпустить какую-нибудь сальную шуточку. «Хозяин» в ответ на эти шалости только гнусно хихикал — как мальчишка, который оторвал мухе крылышки и теперь смотрит, как смешно она без них бежит. Сам он на подобных сборищах обращался с ней подчеркнуто высокомерно — щелкал пальцами, призывая ее, как гарсона, или небрежным движением руки отсылал к себе. Потом, сцепив зубы и еле сдерживая внутри

грязные ругательства, Вероника убирала за этими свиньями чуть ли не блевотину... «И это называется богачи, «новые русские», — сокрушалась про себя она. — Как будто вчера из пещеры вылезли». Однако шефу она ничего не говорила, считая, что все равно ничего ему не докажет, а только испортит с ним отношения.

Она старалась ни с кем не заводить близких знакомств, не было соблазна бегать в другие комнаты пить кофе или просиживать в курилке за разговорами. Общение с сотрудниками происходило только на рабочем месте, да и то, когда шефа не было на месте.

Разумеется, когда Вероника в первый раз появилась за столом в приемной у шефа, почти все работники фирмы под тем или иным предлогом забежали к ней с одной целью — получше рассмотреть новую секретаршу. Штат здесь был достаточно большой — не меньше пятидесяти человек. Фирма оказалась довольно солидная — здесь занимались крупными поставками леса за границу. Персонал составляли компьютерщики, бухгалтеры, юристы, специалисты леспрома, экономисты, охранники и даже психолог. Чаще других к Веронике приходили по всяким «бумажным» делам бухгалтеры и экономисты. А молодая эффектная брюнетка — психолог Алена — заглядывала и просто так, якобы чтобы обсудить с ней проблемы персонала. Впрочем, больше других ее занимал один человек — шеф. Ему она была готова перемывать косточки часами.

— Не для передачи, конечно, — поблескивая очками, говорила она. — Но наш Валентин — типичный энергетический вампир. Нам всем приплачивать надо — за вредность. И как ты только можешь с ним рядом работать. По-моему, даже когда он молчит, и то умудряется отжирать энергию. Прямо воронка какая-то, а не человек...

Вероника только пожимала плечами. Может, дело было в ее спокойном и невозмутимом характере. Конечно, первое время в присутствии шефа ей тоже было не по себе, но потом она привыкла. У нее была одна счастливая черта — она умела воздерживаться от споров. Просто ставила заслон — и все. «Меня это не касается... Мне это безразлично...» Наверное, это и было то, что психолог Алена называла умением «ставить блоки».

«Главное сейчас — удержаться на этой работе, — рассуждала Вероника. — Сцепить зубы — и удержаться».

Единственное, что ее радовало — шеф действительно не позволял себе никаких пошлых намеков. Она была для него кем угодно — красивой куклой, служанкой, судомойкой, школьницей, которую можно поучать и наставлять, — но только не женщиной. И, что странно, иногда это Веронику даже злило. «Может, он просто голубой!?!» — думала она иногда, поглядывая на его блестящую лысину, которую он доводил до идеального шара, сбривая остатки волос на затылке и возле ушей.

Однако случай, который произошел с ней однажды, дал возможность убедиться, что это не так...

Это случилось на пятый день ее работы. В тот день она пришла в офис почти на полчаса раньше обычного, открыла своим ключом дверь — и вдруг услышала из кабинета шефа громкую медленную музыку... Это показалось ей странным, и Вероника, оставив сумочку на своем столе, заглянула в приоткрытую дверь.

Перед ее изумленным взором посреди разбросанного на полу женского белья предстали Валентин Семенович и какая-то незнакомая молодая женщина с пышной гривой ярко-рыжих волос... Они были так увлечены друг другом, что не обратили на ее появление никакого внимания.

Вероника хотела уйти, но ее ноги словно приросли к полу. Не отрываясь, она смотрела на них и боялась пошевелиться. Женщина была совершенно голая и лежала грудью и животом на офисном столе. Ее голова была запрокинута назад, глаза прикрыты в истоме, изо рта вырывался низкий хриплый стон. Валентин Семенович в спущенных брюках и трусах стоял сзади и резкими толчками входил в нее. Руки его сильно и в то же время бережно сжимали ее бока. Одновременно он пытался дотянуться дрожащим языком до ее спины и полных круглых плеч... Внезапно он распрявился и высвободил свою внушительных размеров штуковину, а женщина, скользнув, как большая гибкая кошка, развернулась и опустилась перед ним на колени. Ладонью и ртом она обхватила его член и стала извиваться, прижимаясь к его ногам. В этот момент его возбуждение достигло кульминации — и бурный финал, окрашенный протяжными стонами Валентина Семеновича, заставил Веронику вспомнить о реальности.

Она отпрянула от двери и на ватных ногах вернулась к своему столу. Что-то творилось с ее лицом — она невольно взглянула в большое настенное зеркало. Щеки ярко пылали, глаза возбужденно блестели... Ужасно! Как только она могла! Как могли они... Вероника еще ни разу в жизни не попадала в такую непристойную ситуацию.

Чтобы хоть немного успокоиться, она налила себе из графина воды и в этот момент услышала возню в кабинете у шефа и звонкий женский голос:

— Ну что, успели мы до прихода твоей малолетки?

Почти тут же из кабинета прямо в голом виде вышла обладательница рыжей шевелюры и, увидев за столом красную, как рак, Веронику, ойкнула от неожиданности. Однако смущение ее было недолгим — через секунду она уже громко, заразительно хохотала. Потом она ушла, плотно закрыв за собой дверь, и минут десять из кабинета не доносилось ни звука. Затем дверь снова отворилась, и оттуда выплыла красивая, безупречно одетая дама.

Неспешно оглядев себя в зеркале и поправив элегантную шелковую шляпу, она весело подмигнула Веронике и улыбнулась развязной улыбочкой. «Сытая, довольная кошка», — подумала Вероника и поспешно спрятала взгляд.

Между тем «кошка» обернулась к стоящему позади шефу, коснулась мягкой лапкой его плеча и произнесла приятным певучим голосом:

— Ну что ж, Валентин Семенович, звоните во Францию. Я буду там уже сегодня вечером...

После этой неловкой сцены Вероника целый день чувствовала себя как прибитая. Между тем ее шеф ни капли не смущался.

— Если позвонит Анна Григорьевна — ты ее сегодня видела, — давал он ей указания, уезжая на очередную встречу, — скажи, что выходные данные я передам ей с нарочным прямо в аэропорт. Запиши и скажешь ей все в точности. Что ты так на меня смотришь? Это наша переводчица, если тебе интересно... Но вообще-то советую ничему не удивляться. Бизнес — это очень сложная штука. Не для бабьих куриных мозгов... — И шеф, небрежно помахивая органайзером, вышел из приемной.

Вероника так и не поняла, какое отношение имеет половой акт на офисном столе к бизнесу, но решила, что к советам начальника лучше прислушаться.

Иногда ей ужасно хотелось пожаловаться Анатолию, поговорить с ним, спросить совета — не слишком ли много себе позволяет этот новоявленный Рафферти? Но Анатолий куда-то пропал — по вечерам во дворе не было видно ни его, ни Глафиры. «Наверное, он тоже уехал за город — следом за женой и дочкой», — думала Вероника. Прошло уже полторы недели,

как она работала в фирме.

Уже кончался июль, а с ним и экзамены в Ветеринарной академии. С тех пор как первый раз побывала, Вероника регулярно заезжала туда — брала в ящичке телеграммы и переводы от родителей. Крепя сердце, отсылала ответы: «БИОЛОГИЮ СДАЛА ЧЕТЫРЕ «ХИМИЮ СДАЛА ТРИ». Совсем недавно, на письменной математике, Вероника решил окончательно «срезаться» и после этого пойти на рабфак. Она подумала, что так будет проще, чем врать родителям, что она благополучная студентка первого курса. Если ей и светит поступить учиться, то только года через два. Пока же она должна работать, чтобы добыть побольше денег себе и своему будущему ребенку. Пусть отец с матерью считают, что она работает и учится на рабфаке. Пока хватит и этой лжи. Самый большой обман еще впереди...

Удар последовал неожиданно, из-за угла.

Как-то раз шеф собрался ехать по делам и велел Веронике все время оставаться на телефоне и ждать важного звонка из-за границы. Мол, к концу рабочего дня он придет и Вероника передаст ему суть разговора (звонить должен кто-то из своих, так что переводчица не потребуется).

День был предпраздничный, короткий, и все сотрудники уже разошлись по домам. Вероника сидела в офисе совершенно одна. Она знала, что на входе дежурит бригада вооруженных охранников. Время тянулось бесконечно долго. Вероника сидела и по привычке анализировала происшедшее за последние дни. «Переводчица не потребуется...» — язвительно проговорила она вслух, передразнивая интонацию шефа. Для каких целей может потребоваться переводчица, она уже знала. Возможно, как раз сейчас, когда она, Вероника, сидит и таращится на телефон, переводчица занимается своим непосредственным ремеслом. Если, конечно, успела вернуться из Парижа... «А мне-то что за дело? Завидовать ей теперь, что ли?» — вдруг неожиданно для себя подумала Вероника.

Сцена грубого, откровенного секса оставила в ее душе странное, смешанное чувство. Да, эти двое были ей противны. Но она будто поняла что-то еще, о чем раньше только догадывалась. Оба они — и Валентин, и переводчица — на время перестали быть самими собой. Желание изменило их, освободило их эмоции, заставило забыть буквально обо всем... Сама Вероника никогда не испытывала ничего подобного. Даже во время их неумелой, детской «близости» с Максимом. Тогда голова ее была до отказа забита всякими переживаниями — как она выглядит в этой или другой позе, какие на ощупь ее груди, приятно ли у нее пахнет из-под мышек, действительно ли у нее сейчас безопасный день... А эта переводчица была свободна от каких-либо комплексов. Она, кажется, не думала вообще ни о чем. Она только отдавалась страсти — бурной, всепоглощающей, бесстыдной... И Веронике вдруг открылась ее природная женская сила, она впервые почувствовала восхищение этой свободой и даже... зависть.

Сидя за своим рабочим столом над упрямо молчащим телефоном, Вероника пыталась представить, как бы они делали это с Максимом, если бы он был жив... Тогда, в поезде, она кричала, что никогда и никого после Максима у нее больше не будет, что она проживет всю жизнь без мужчины и, может быть, даже уйдет в монастырь... Но сейчас Вероника вдруг осознала, что хочет любви — хочет, несмотря ни на что. Пусть ее жизнь исковеркана землетрясением, пусть у нее погиб друг, пусть ее изнасиловали и сделали ей ребенка, пусть ее заставили стать убийцей — она все равно хотела любви. Максим первый бы посмеялся над ней, если бы узнал, что она собирается пойти в монахини...

Вероника долго и мучительно изводила себя воспоминаниями, поэтому сама не заметила, как уснула прямо на столе, уронив белокурую голову на руки. Видимо, во сне она и сбила трубку с телефонного рычага... Теперь это случалось с ней все чаще — она ужасно, патологически хотела спать и ничего не могла с собой поделать. Когда она проснулась, за окном уже начало темнеть. Шеф в тот день на работу так и не вернулся, а злосчастного звонка Вероника, понятное дело, не дождалась...

На следующее утро шеф узнал, что ей нечего ему передавать — и тут же пришел в такую неопишемую ярость, что в первый момент Вероника даже испугалась. Она еще никогда не

видела Валентина таким взбешенным. Слово дикий зверь, он с рычанием ходил из приемной в кабинет и обратно и время от времени грязно матерился себе под нос.

— Мелкая тварь! — взвизгнул он вдруг, поравнявшись с ее столом. — Больше ты здесь не работаешь — поняла, сука?

Вероника задохнулась от возмущения и вскочила.

— Не смейте обзывать меня! — сузив глаза, прошипела она. — Если вы хотите меня уволить — пожалуйста!

— Ты еще и квакаешь мне что-то... — перебил ее «Рафферти», который, видимо, ожидал, что она начнет оправдываться и умолять его оставить ее на работе. Но Вероника не дала ему договорить.

— Не стоит продолжать этот пустой разговор, — твердо произнесла она. — Дайте мне расчет — и я уйду.

— Какой еще расчет? Какой еще расчет? Работает тут без году неделю — еще и расчет требует...

— Я проработала у вас две недели, Валентин Семенович. После этих оскорблений я больше здесь не останусь. В любом случае вы заплатите мне эти деньги.

— А если не заплачу?

— Тогда вы просто свинья! — вдруг выкрикнула ему в лицо Вероника. — Гадкая лысая свинья!

Лицо шефа на глазах побагровело, глаза едва не вылезли из орбит. Ничего не соображая, он схватил первое, что ему попало под руку, — а это была массивная пепельница из слоновой кости — и замахнулся ею на Веронику.

Однако теперь ее было уже ничем не запугать. Гнев пересилил в ней все другие чувства. Вероника выскочила из-за стола, подняла стул и, закрываясь им, как щитом, стала медленно надвигаться на изумленного «Рафферти».

— Только попробуйте меня тронуть, — тихо сказала она. — Я вас убью...

И что-то такое послышалось в ее голосе, что Валентин Семенович поверил. Может быть, он почувствовал, что эта юная особа с глазами, пылающими недетской ненавистью, вполне способна исполнить то, что говорит...

— Говорила я тебе — надо было сразу ко мне идти, — ворчала Галина, развешивая на пластмассовых цепочках трусы и лифчики. — Знаю я этих «новых русских». Из грязи, да в князи. Ему бы под забором валяться, а он деньгами ворочает. Культуры-то никакой, только что пиджаки дорогие носят и коньяк по триста баксов за бутылку хлещут... И правильно ты его на место поставила! Тоже мне — барин. Ты ему что — рабыня Изаура, что ли? Нашел тоже служанку себе за триста баксов в месяц... Чтобы еще такое от мужчины молодой девушке терпеть? Проститутку пусть берет, она на все согласная... — И, приговаривая, Галина увешала всю полосатую палатку нижним бельем.

Вероника с обреченным видом сидела на каком-то ящике, застеленном газетами, и смотрела в одну точку. Самочувствие у нее было ужасное. Чтобы приехать к началу рабочего дня, пришлось встать в пять часов утра. Теперь ей страшно хотелось спать, а откуда-то из глубины, из самых недр организма поднималось непреодолимое раздражение. Шум рыночной толпы давил на барабанные перепонки, не позволяя сосредоточиться ни на одну секунду. Как же она будет считать деньги? Ведь ее запросто обведут вокруг пальца...

Решение пойти работать на рынок созрело само собой: больше идти было просто некуда. А идти было необходимо, потому что оставаться жить у тети Тамары становилось все опаснее. Ее муженек настолько обнаглел, что мог запросто ущипнуть Веронику за ягодицу, если они случайно сталкивались в коридоре. Кажется, он наслаждался сложившейся ситуацией. Он быстро понял, что Вероника достаточно умна, чтобы не рассказывать ничего своей тетке. А это означало только одно: он мог продвигаться и дальше в своих дерзаниях. Пока что возможностей для крупного прорыва не представлялось — Вероника тщательно следила за тем, чтобы не оказываться с ним в квартире наедине. Но Володя не унывал. Он продолжал ежевечерне подсматривать за Вероникой, когда она мылась в душе, и терпеливо ждал своего часа...

И вот Вероника уже приступила к новой работе. Галина показала ей, как размещать на витрине образцы, научила различать размеры бюстгалтеров и трусиков, выдала так называемый прайс-лист — то есть список цен на товары, — объяснила, как делать наценки, чтобы побольше заработать, и ушла, оставив Веронику один на один с товаром и покупателями.

Первую женщину, которая купила белые кружевные трусики, Вероника готова была обнять и расцеловать. Но постепенно, от продажи к продаже, ее трепетное отношение к покупателям (вернее, к покупательницам, потому что их было большинство) перешло в вежливое и обходительное обслуживание. Вероника, которая поначалу стояла, боясь открыть рот, посмотрела, как делают другие продавцы в соседних палатках, и начала тоже выкрикивать свой товар.

Она вспомнила себя, когда она первый раз попала на рынок и шла, беспомощно озираясь по сторонам и почти не различая ничего вокруг. В такой ситуации ласковый голос продавца прозвучал бы как спасение. И Вероника стала этим ласковым голосом. Она не просто бездумно повторяла название своего товара и расхваливала его, как многие другие. Она внимательно вглядывалась в текущую мимо толпу и выискивала в ней потенциальных клиентов.

Ассортимент товара у нее был достаточно большой: нижнее белье различных цветов и

фасонов, эластичные трусы для утягивания живота, шелковые вышитые ночные рубашки, пеньюары, комбинации и эротические комплекты из открытых топиков и шелковых кружевных шорт... Одним Вероника предлагала одно, другим — другое, в зависимости от возраста и комплекции. Лишь только видела полную женщину, как тут же вынимала трусики-«утяжки» и трясла ими перед самым ее носом.

— Утяжечки берем! Утяжечки берем! — сладко щебетала она. — Совсем недорого, а хватит надолго!

Стоило «жертве» бросить взгляд на юную, обаятельную девушку, окруженную гирляндами кружев, как у нее словно отказывали ноги.

— А они на самом деле утягивают? — на всякий случай спрашивала толстушка.

— Конечно! Многие приходят и говорят: «У меня уже белые есть, хочу еще черные и бежевые, чтобы под всю одежду подходили...»

— Давайте мне все три! — быстро сдавалась женщина и протягивала деньги.

Между тем Вероника уже высматривала следующую жертву. Стройным и молодым она предлагала шелк и кружева, мотивируя это тем, что «когда же это еще носить, как не в их юные годы». Мол, покупайте, потом будет поздно... Зрелым красоткам «задвигала» комбинации, ночные рубашки и пеньюары. В какой-то момент Веронику охватывало удивление пополам со смехом: неужели это она стоит на рынке и торгует какими-то трусами-«утяжками»? Видели бы ее сейчас родители и знакомые! Девочка-отличница, паинька, цветочек, Белоснежка, которая дружит со зверюшками в лесу, вот кем ее всю жизнь считали. И вдруг эта же девочка появляется в роли заправской рыночной торговки...

— Декольтированные лифчики — специально для открытых летних и вечерних платьев! — торжественно объявляла она. — Необходимая вещь в вашем гардеробе! Не откладывайте покупку на другой раз — так дешево вы не купите это белье нигде!

В своих тирадах Вероника не пыталась никого обмануть. Белье действительно было дешевле, чем в других местах. Даже при том, что с каждой проданной вещи она имела свой личный «навар».

В обед Галина пришла ее проведать.

— Слушай, у тебя совсем неплохо получается! Думаю, наш хозяин останется доволен. Сколько ты уже успела наторговать?

— Сейчас скажу... — Вероника достала из кармана блокнот, в который старательно записывала все продажи, и маленький калькулятор. — Получается почти шестьсот тысяч.

— Это просто отлично! Учитывая, что сегодня не было оптовиков, а одна розница, — сказала Галина. — У меня на раскрученной точке и то не каждый день так выходит.

— Стараемся, — пожала плечами Вероника.

— Вечером надо отметить твое боевое крещение, — сказала Галина, заговорщицки ей подмигнув. — Наши обычно собираются в «гадюшнике» — есть тут неподалеку кафешка. Обмоем первый успех, посидим...

— Да нет, ты уж извини, Галин, я не могу. Если моя тетка учует от меня запах алкоголя, сразу выгонит. Она у меня знаешь какая правильная. Я лучше уж потом — когда сниму квартиру. Загуляем тогда на просторе...

Вероника не стала говорить товарке, почему она не хочет пить. Нет. Она должна до последнего скрывать от всех, что она беременна.

— Ну ладно... Как знаешь, — с легкой обидой сказала Галина, но потом сразу поделовому продолжила: — Обедать в кафе сегодня лучше не ходи — осмотрись пока. Будут

что-нибудь разносить — возьми. В два уже начинай потихоньку сворачиваться. Образцы сложи в пакет отдельно от остального товара. Столик собери — понесешь под мышкой. В три часа — ко мне с сумкой и столиком. Смотри, чтобы не отобрали. Если что — кричи громче...

После первого трудового дня Вероника чувствовала себя как выжатый лимон. Кажется, она продержалась только за счет голого энтузиазма — слишком уж ей хотелось доказать себе, что она может... И теперь главным доказательством служила пачка купюр, которую она везла, спрятав в специальной маленькой сумочке на груди, как ей посоветовала Галина. Сумма была не такая уж и большая — всего сто пятьдесят тысяч. «Но если умножить ее на двадцать четыре, — рассуждала Вероника, — по количеству рабочих дней, то получится три миллиона шестьсот, а это примерно шестьсот баксов. Уже сейчас у меня набирается не так уж мало — если приплюсовать отбитые в честном бою с «Рафферти» сто пятьдесят «зеленых». Значит, я спокойно смогу снимать себе не только комнату, но даже недорогую квартиру...» Впрочем, нет — она должна экономить. Ведь потом у нее родится ребенок и некоторое время она не сможет работать.

Вероника слабо представляла себе, что будет делать не только, когда родит ребенка, но даже когда у нее начнет расти живот... Сейчас, стоя под душем, она придирчиво разглядывала свое тело: не появился ли намек на округлость? Но нет, кажется, пока все было в порядке. Вероника по-прежнему была стройна и красива. Длинные незагорелые ноги... Мягкая девичья ложбинка на месте живота... Маленькие, но круглые по форме груди... Нежные, покрытые крошечными веснушками плечи...

Ей было страшно представить, что будет с ее телом, когда зародыш внутри ее начнет неумолимо разрастаться. Она знала, что должно произойти: груди набухнут, соски расползутся, белая гладкая кожа на животе натянется, как барабан, и начнет истончаться по бокам, не выдерживая нагрузки. В этих местах появятся некрасивые, похожие на сиреневых червяков рубцы — так называемые растяжки... Нет, лучше бы она не была будущим медиком, тогда бы она всего этого не знала.

Удивительно, но Веронику как-то миновал токсикоз первых месяцев беременности. Насколько ей было известно, среди его симптомов фигурировали тошнота, рвота, отвращение к пище и даже обмороки. Веронике повезло: ее организм отреагировал на беременность только повышенной сонливостью и пресловутыми приступами голода. Все это можно было как-то перетерпеть. Завтра она возьмет с собой на рынок побольше еды, чтобы не связываться с разносчиками. А сейчас — немедленно в постель. Иначе она не выспится и завтра целый день будет как вареная...

Худо-бедно, а Вероника дотянула до своего первого выходного. За это время она стала заправским продавцом белья и даже обросла кое-какой клиентурой из числа оптовиков. Разумеется, как и в любой работе, здесь имелись свои подводные камни.

Однажды Вероника долго выбирала товар для одной пожилой оптовички — отсчитывала лифчики и трусы, рылась в коробке в поисках нужных цветов и размеров... Она так закопалась, что под конец вывела на калькуляторе совсем не ту общую сумму, которая полагалась за этот товар, — попросту ошиблась на один нолик. Разумеется, жадная до наживы женщина (таких здесь было большинство) не подала вида, что ее так удачно «обманули». Быстро и с улыбкой расплатившись, она схватила свою тележку и стала поспешно прорываться через толпу. И только тут до Вероники дошло, что она наделала. В руках ее была сумма, ровно в десять раз меньшая, чем нужно. Слава Богу, что к этому времени у нее уже были хорошие отношения с соседями — она вполне могла оставить на них свой товар, а сама ненадолго отлучиться. Точно так же, при случае, выручала их и Вероника. Как только она заметила, что наглая оптовичка воспользовалась ее ошибкой, она крикнула соседке-хохлушке, что сейчас вернется, а сама бросилась по аллее следом за обманщицей. К счастью, со своей тележкой та не успела далеко уйти. Увидев перед собой Веронику, оптовичка сделала круглые глаза — ничего не знаю, ничего не понимаю. Надо же, какая неприятность, а я и не заметила. Конечно же, сейчас она заплатит. Такая жарница, что голова совершенно не соображает... Вероника не стала скандалить с бабкой и пытаться доказать ей, что голова у нее соображает так, что дай Бог каждому. Она просто взяла деньги, на всякий случай внимательно пересчитала их и вернулась на свое рабочее место. С тех пор она пересчитывала все суммы не меньше трех раз...

Другой раз Вероника едва не стала жертвой своих коллег по рынку. Как-то она шла по аллее — было время обеда, — и ее в мегафон окликнул симпатичный молодой человек из кабинки, увитой искусственным плющом. Он зазывал ее поиграть на лототроне. От Галины Вероника слышала, что такие мгновенные лотереи здесь называют «лохотронами».

— Девушка! Такая красивая девушка — не проходи мимо... Хочешь выиграть много денег — заворачивай к нам...

Вероника, разумеется, не считала себя «лохом» — она уже вполне освоилась на рынке, — но зато она хотела выиграть много денег, тем более что день выдался на редкость неудачный. С утра торговля почти не шла, и на руках у нее было всего каких-то жалких пятьдесят тысяч. «А почему бы не попробовать испытать судьбу? — подумала она. — Увлечаться я не буду. Сыграю один разок — и хватит». Однако она недооценила способностей хозяина этого «лохотрона» и его бригады.

Умело раскручивая «клиентку», он сумел взвинтить размер ставки в десятки раз, да еще его подручные всячески нагнетали ажиотаж. Слава Богу, что продавщица-соседка успела оттащить ее от злосчастного «лохотрона», иначе она и себя бы проиграла, а не то что все деньги, которые у нее были. В спину им неслись грязные оскорбления, соседка укоряла ее по-матерински, а Вероника дала себе клятву не участвовать больше ни в каких азартных играх...

Так же много хлопот доставляли Веронике домогательства мужчин — в особенности тех, в жилах которых текла горячая южная кровь. Таких здесь было много — кавказцы всех

возможных национальностей, арабы, индусы в смешных черных шапочках с шишками впереди... Они буквально не давали Веронике прохода. Когда она шла вдоль рядов — высокая, белокурая, нарядно одетая (в первые дни Вероника одевалась в ту же одежду, что купила для офиса), — смуглые черноволосые мужчины едва не хватили ее за руки, так она на них действовала. «Кажется, не только джентльмены предпочитают блондинок», — думала про себя Вероника. Излишне яркая внешность вновь оказывала ей плохую услугу. В конце концов ей пришлось выработать специальную форму одежды: свободный глухой джинсовый сарафан, скрывающий практически все ее юные формы (его она по недорогой цене приобрела у Надьки-литовки), и джинсовая кепка на голове, под которую она прятала все волосы. Завершали имидж все те же черные очки, но их она снимала, когда становилась за прилавок.

И все же, невзирая на эти неприятности, несмотря на то, что за неделю работы Вероника страшно вымоталась и устала, она все равно была довольна. Галина была права: в атмосфере рынка, как ни странно, было что-то притягательное, зовущее. Он засасывал людей, словно бурный водоворот. Это была настоящая маленькая модель мира — со всеми его радостями и превратностями...

Каждый день Вероника уносила с рынка деньги и дома складывала их в коробку из-под печенья. Тратить она теперь старалась поменьше — чтобы скорее накопить на первый взнос за квартиру. Параллельно она уже начала разведывать насчет жилья. Чем скорее она съедет от тети Тамары, тем лучше.

Одна вещь в последнее время показалась ей странной — тетин муж вдруг перестал за ней подглядывать в душе, а при встрече только лучезарно улыбался и спрашивал:

— Ну, как там на рынке — не обижают?

— Нормально... — как ни в чем не бывало, отвечала Вероника и поспешно шла в свою комнату.

Потом ей показалось, что тетя Тамара — и даже Данька — смотрят теперь на нее как-то по-другому. Вернее, даже не смотрят — стараются отвести взгляд. Она все не могла понять — что же случилось? Может, у нее вырос живот и все заметили, что она в положении? Но вскоре тетя Тамара сама объяснила, в чем дело.

В выходной, когда Вероника отдыхала в своей комнате, в приоткрытую дверь вдруг постучали.

— Дань, ты? — спросила Вероника, поднимая голову от журнала.

— Нет, это я, — послышался голос тети.

— Заходи, тетя Тамар, я не сплю.

Тетя Тамара зашла и села на стул возле окна. Вид у нее был смущенный и какой-то забитый. Некоторое время она смотрела в щелку зеленых занавесок с бомбошками, потом заговорила:

— Знаешь что, Вероничка... я хотела у тебя узнать...

— Что, тетя Тамар? — Вероника почувствовала, что где-то внутри, в районе желудка, начинает нарастать противная дрожь.

«Сейчас она скажет, что знает про мою беременность», — обреченно подумала она. Однако дело было вовсе не в этом.

— Как там у тебя с квартирой? — вдруг напрямик спросила тетка. — Съезжать еще не собираешься?

Она ни словом не упомянула про своего мужа, но Вероника почему-то сразу догадалась:

тетя все знает. Можно было только строить домыслы, откуда ей стало известно про подглядывание. То ли об этом ей рассказал сам Володька, чтобы отомстить Веронике и заставить ее съехать с квартиры... То ли среди ночи Даньке приспичило в туалет и он случайно увидел, как папаша карабкается на табуретку и заглядывает через окошко в ванную, а потом рассказал об этом матери... Но ясно было одно: тетя Тамара все знает и просто из вежливости (или от стыда) не хочет впрямую говорить Веронике, что больше ей оставаться не стоит.

Вероника, конечно же, приняла ее игру и не подала виду, что понимает, о чем на самом деле идет речь.

— Собираюсь, — с гордым и довольным видом ответила она. — Вот, на комнату уже почти наскребла. Завтра поеду по одному адресу, там все нормально — послезавтра уже переберусь...

Разумеется, Вероника блефовала. Никакой комнаты на примете у нее не было. Но один выход у нее все же имелся — попроситься на время пожить к Галине. С самого начала Вероника не хотела этого, но теперь, кажется, ничего другого ей не оставалось. Что ж, прямо в понедельник она поговорит с Галиной и постарается уйти от родственников.

— Ты уж извини, что я тебя тороплю... — начала было оправдываться тетка, но Вероника тут же ее оборвала:

— Да ты меня и не торопила нисколько. Я ведь сама и так собиралась. Сколько же можно Даньке не иметь своей комнаты? Он, конечно, мальчик добрый и ко мне хорошо относится, но надо же и совесть иметь... Так что ты не думай — это я сама уйду... И на тебя нисколько не обижаюсь... — Вероника подошла к окну и обняла тетю Тамару за плечи. — Я буду потом в гости к вам заезжать... когда Володи дома нет, — тихо добавила она.

Так сам собой решился вопрос ее дальнейшего пребывания у тетки.

На следующее утро Вероника первым делом решила спросить у Галины, нельзя ли ей у нее перекантоваться, пока она не найдет квартиру. Как всегда, она пришла к ней за товаром и сделала такое несчастное и озабоченное лицо, что Галина сама первая задала вопрос:

— Что это с тобой, Вероничка, случилось что?

— Угу, — кивнула Вероника. — Случилось. Мне, кажется, опять негде жить.

— А как же тетка? Поругалась с ней, что ли?

— У нее свекровь завтра из деревни приезжает — не на улицу же выгонять... — на ходу сплела объяснение Вероника.

— А тебя, значит, можно и на улицу... — нахмурила брови Галина.

— Да нет же, меня никто не выгонял. Я сама предложила. Неудобно мне, понимаешь? И так я их уже достаточно напрягла...

— И то верно. — Галина задумалась.

— Ты вроде бы говорила, что у тебя место в комнате есть. Я теперь своя, рыночная — может,пустишь на пару ночей, пока квартиру не найду?

— Ха! — Лицо Галины вдруг разом потемнело. — Думаешь, это так просто — квартиру найти? На это может и весь месяц уйти... — И она хмуро отвернулась.

«Странно...» — подумала Вероника. Она не ожидала, что ее просьба вызовет такую перемену настроения. Вроде бы раньше Галина сама звала ее к себе жить...

Вероника вдруг почувствовала знакомую ей уже горечь унижения. На память сразу пришел подслушанный разговор Романа с матерью. Нет уж, все недомолвки надо выяснять на месте — раз и навсегда!

— Галина, скажи мне прямо: тебе что — неудобно? — она посмотрела товарке прямо в глаза. — Ведь если бы ты могла, ты бы меня пустила — верно? Значит, почему-то не можешь. Скажи мне...

— Да... — с облегчением выдохнула Галина. — Ты уж извини... Понимаешь, мужик у меня тут завелся. Молодой такой — ты видела его... Славка... Он еще в джинсовом костюме ходит, помнишь?.. Если пустить тебя сейчас, улизнет ведь, проклятый. Такого другие бабы с руками оторвут...

— Ты его любишь? — вскинула вдруг на нее глаза Вероника — и тут же поняла, что сморозила глупость. Какая может быть любовь, если речь идет о банальной рыночной интрижке?

Но Галине, кажется, было совсем не смешно.

— Не знаю... — пробормотала она в ответ, роясь в кармане в поисках зажигалки. — Я бы, может, и хотела полюбить, да, наверное, уже не умею. Разучилась — вернее, отучили.

— Ладно, — сказала Вероника. — Не будем больше об этом. Мне лично все ясно.

— Только, ради Бога, не обижайся на меня, Вероничка, ладно? — Галина порывисто затягивалась сигаретным дымом и тут же выпускала его мелкими облачками. — Стыдно, конечно, из-за мужика унижаться, но ведь годы у меня уже не те, чтобы такими парнями, как Славка, разбрасываться... А насчет ночевки ты не беспокойся. Я тебя обязательно пристрою. Здесь много хороших теток, на улице не останешься...

— Спасибо тебе, Галина. А я буду срочно квартиру себе искать.

— Можешь даже объявление на палатке вывесить: «Сниму квартиру или комнату», —

посоветовала напоследок Галина.

— Так и сделаю... — ответила Вероника и, подхватив клетчатую сумку с товаром в одну руку и складной столик — в другую, стала пробираться через галдящую толпу к своему месту.

Развеска образцов занимала у нее теперь не больше пяти минут. На эту сторону — цепочки с трусами и лифчиками... Сюда — пеньюары и рубашки... А за спину — побольше всего кружевного...

То ли после неприятного разговора с Галиной, то ли после всех треволнений, связанных с вопросом жилья, Вероника чувствовала себя неважно. Обычно, как только заканчивала с оформлением витрины, она становилась перед палаткой и начинала вербовать покупательниц. Но сегодня Вероника ощущала странное головокружение и, что самое неприятное, ноющую боль внизу живота. «Надо немного посидеть — и все пройдет, — подумала Вероника, опускаясь на ящик, застеленный газетами. — Наверное, я просто переволновалась. У беременных это случается. Мне еще повезло — других вообще выворачивает наизнанку».

Так или иначе, а торговля сегодня шла из рук вон плохо. Вероника сидела в глубине палатки и лишь изредка выходила к столику, чтобы показать товар случайной покупательнице. К середине рабочего дня она не наторговала и трети своего обычного заработка. Даже есть вопреки обычному голоду Веронике не хотелось.

В обед в палатку заглянула соседка-хохлушка.

— Пойду к Гие пообедаю, — сказала она Веронике. — Ты посмотри за колготками, ладно?

— Ладно, — пообещала Вероника и достала из сумки маленький термос с кофе.

Хохлушка ушла, а Вероника налила себе кофе в пластиковый стаканчик и принялась жевать припасенный бутерброд с сыром. Почему-то настроение у нее делалось все хуже и хуже. «Как будто кто-то отожрал у меня энергию, — вспомнила она выражение психолога Алены. — А может, это нехорошее предчувствие? Говорят, у беременных женщин повышается чувствительность... Некоторые на время даже становятся экстрасенсами...»

И вдруг Вероника почувствовала резкую боль внизу живота — ей показалось, что кто-то со всей силы вонзил в нежную мякоть нож. «За что?» — мелькнуло у нее в голове. От неожиданности она вскрикнула и выронила из рук стаканчик с кофе. Перед глазами все поплыло, в ушах зазвенело...

— Девушка! Девушка!

Последнее, что увидела Вероника, было удивленное и встревоженное лицо какой-то покупательницы...

Она брела между рядов, лениво наблюдая, как, словно в сказке, нарядные яркие рыночные «улицы» превращаются в бесформенные груды коробок и бумажного мусора. Дул порывистый ветер, кругом летала бумага, возле палаток хохотали чернявые, пестро одетые мужчины... Так здесь было каждый день: рано утром палаточный город строился — а уже к трем часам дня он лежал в руинах.

Вероника была счастлива, что сегодня ей не надо никуда спешить, что она не должна перетаскивать с места на место тяжелые коробки... Она просто гуляла здесь — праздная и беззаботная. Вскоре рыночная аллея кончилась. Вместо нее перед Вероникой открылась уходящая вдаль тропинка тенистого парка. Она с удовольствием шагнула на посыпанную гравием дорожку. Почему-то в парке было на удивление безлюдно. Кругом стояли пустые скамейки, а поодаль Вероника разглядела сквозь листву уютный скверик с фонтаном. Она уже хотела направиться туда, но вдруг увидела, как из глубины парка навстречу ей медленно движется темная фигура — в плаще, с низко надвинутым на лицо капюшоном...

Почему-то эта фигура сразу показалась Веронике зловещей. Нелепый плащ в жаркую погоду, медленная плывущая походка... Совершенно абсурдная мысль вдруг ударила ей в голову. «Это Пахан, — в ужасе подумала Вероника. — Это не может быть никто другой, кроме него!» Она хотела побежать, но тело вдруг перестало ее слушаться. Так она стояла на месте и покорно ждала, пока человек в плаще не подошел вплотную и не протянул к ней руку. «Господи, неужели я сошла с ума, помешалась? — мысленно ужаснулась она. — Или... или это просто какой-то незнакомец, который тоже гуляет по парку?» Разумеется, встреча с ним на безлюдной аллее могла быть опасной... Вероника крепко сжала в руках сумку и на всякий случай сурово проговорила сквозь зубы:

— Не подходи.

— Ты что, Верунь? — вдруг услышала она знакомый голос.

Сердце Вероники замерло. Она не поверила своим ушам. Это был Максим! Он откинул капюшон и радостно улыбнулся ей.

— А ты... а ты разве не умер? — дрожащим голосом спросила Вероника.

— Ну что ты такое говоришь, дурочка, разве мог я оставить тебя? — ласково ответил Максим и притянул ее к себе.

Не помня себя от счастья, Вероника прижалась к нему, но вдруг почувствовала, что... засыпает.

Ей приснился ужасно странный сон: как будто она сидит в каком-то водоеме, вроде маленького бассейна. Рядом, на лужайке, резвится вместе с Томом Глафира. Вокруг так тихо, спокойно — не жарко и не холодно... Кажется, что вместо воды в водоеме налит какой-то ароматный кисель. Тело утопает и нежится в нем... Потом вдруг оказывается, что Вероника уже не одна в этом чудесном бассейне — кто-то медленно и нежно размазывает пальцами кисель по ее спине, плечам, ягодицам... Она хочет обернуться и посмотреть, кто это, но он всякий раз успевает спрятаться. «Девушка! Девушка!» — игриво шепчет он ей из-за спины. «Если он называет меня «девушка», значит, это кто-то незнакомый», — сонно думает Вероника. А между тем голос становится все настойчивей и тверже...

— Девушка! Девушка! Просыпайся! — теперь голос звучал откуда-то издали, словно сквозь ватное одеяло.

«Просыпаться? — вяло шевельнулась мысль в голове у Вероники. — А разве я сплю? Я же в лесу, в киселе — и мне хорошо здесь...» Она вдруг почувствовала, как кто-то осторожно трясет ее за плечо.

— Открывай глаза! Открывай! Так ведь и помереть недолго!

«Что у меня с глазами?» — Вероника попыталась поднять руки к лицу и пощупать свои глазные впадины. Но руки не слушались. Тогда она изо всех сил напрягла веки и с трудом открыла глаза.

— Ну, слава Богу... — раздался тот же голос у нее над ухом.

Едва придя в сознание, Вероника сразу определила, что она в больнице. Значит, все ей приснилось — и тенистый парк, и Максим...

Вероника хмуро огляделась. На соседних кроватях лежали женщины — почти все спали. Над одной из них склонилась медсестра — кажется, она собиралась ставить ей капельницу. Вероника захотела подняться, но не смогла. Во всем теле была разлита свинцовая тяжесть, руки и ноги казались чужими. Она позвала медсестру.

— Скажите, что со мной случилось? Я помню, как меня ранили ножом на рынке. Это опасно?

— Никто тебя не ранил, — спокойно отозвалась медсестра, возившаяся с капельницей возле соседней кровати. — Выкидыш у тебя был. Сознание потеряла. Кровотечение открылось. На «скорой» тебя привезли, почистили... Ничего страшного — обычная чистка... Оклемаешься после наркоза, ночь переночуешь — и домой.

Вероника едва сдержала радостный возглас. Значит, у нее не будет ребенка от этого ублюдка! Бог сам позаботился о том, чтобы его не было... Однако первая радость тут же сменилась беспокойством: ей же фактически сделали аборт. Вероника знала, что первый аборт может грозить бесплодием...

— А у меня будут еще дети? — встревоженно спросила она.

— Будут, будут... — успокоила ее медсестра. — Тебе повезло — сам Потемкин дежурил. Он такой врач, что из других районов к нему на прием записываются...

И вдруг Вероника разом все вспомнила. Вот она сидит в своей палатке — сонная и вялая... Вот приходит соседка-хохлушка — и просит ее последить за колготками... Потом — резкая боль в животе... И с этого момента она уже ничего не помнит. Сколько сейчас времени? Вероника с трудом подняла левую руку — пластмассовые часы были на месте. Пять часов вечера! А как же ее товар? Да еще и эти дурацкие колготки, за которыми она обещала приглядеть...

Вероника собрала все силы, которые у нее были, и встала. Она обнаружила, что одета в выцветший, невероятно застиранный халат, цвет которого ее мама определила бы выразительным словечком «псивый». Пуговиц на нем не было, только две оборванные веревочки.

— Туалет — в конце коридора, — не поворачивая головы, сказала медсестра.

— Скажите, а где моя одежда? — тихо спросила у нее Вероника.

— А тебе на что?

— Понимаете, мне очень надо уйти.

— Не дури. Куда ты пойдешь такая? Тебя же ветром с ног свалит. Отлежись хотя бы до вечера.

— Это мои проблемы... — вздохнула Вероника. — Так где одежда?

— Иди к старшей сестре и пиши расписку, там и получишь... — сдалась медсестра и

напоследок смерила Веронику сочувственным взглядом, после чего покачала головой. —
Куда только матери смотрят... — проворчала себе под нос она.

Заканчивался последний вечер, когда Вероника могла ночевать у тети Тamarы... Она уже обещала ей, что завтра уйдет на квартиру. Вещи были собраны — Вероника убрала даже полотенце из ванной. Сегодня она из принципа не пойдет мыться перед сном. Вообще не зайдет больше в ванную... Если бы не было так опасно ночью на улице — она бы с удовольствием осталась ночевать прямо здесь, во дворе. Прижалась бы покрепче к Тому — и уснула...

Только недавно Вероника немного отошла от последствий наркоза. Целый день она пребывала в странном, полусонном состоянии — пока ехала из больницы на рынок, пока долго разбиралась с Галиной и соседкой-хохлушкой, сколько товара пропало по ее вине и сколько и кому она должна теперь денег. У Вероники не было сил ни спорить, ни оправдываться. Кроме нее самой, в этой истории не был виноват никто. На все истерические вопли с украинским акцентом она только молча кивала, а с Галиной ей хватило короткого разговора по существу.

— Постарайся вернуть в течение недели, — сказала ей Галина. — Иначе ты меня сильно подставишь...

Про квартиру и ночевку Вероника теперь заговорить с ней просто не решалась. О продолжении работы на рынке тоже не могло быть и речи. Снова надо было что-то решать...

Вдруг Веронику окликнул чей-то знакомый голос, и одновременно с этим Том радостно залаял. Вскоре возле качелей появилась неуклюжая виляющая хвостом Глафира, а за ней и хозяин — в неизменном белом спортивном костюме.

— Привет! — сказал он. — Наслышан, наслышан про твои подвиги...

— Извини, — холодно отозвалась Вероника. — Так уж получилось. Хорошей протезе из меня не вышло...

— Да ладно. Все ерунда. Как будто я Вальку не знаю. Он же психопат. Припадочный. Мы еще когда учились на физтехе, он такой же был. Два года уже психоаналитик к нему ходит... Я-то думал, он получше стал. А, видно, толку от этого мало... — Анатолий с досадой махнул рукой. — Знал бы, что он такой же остался, не стал бы тебя подставлять. Так что, — он развел руками. — Это ты меня извини...

— О чем речь! — вымученно улыбнулась Вероника и поймала себя на том, что использует любимые словечки Максима.

Внезапно она вспомнила свой недавний «наркотический» сон. Таких реальных снов ей не приходилось видеть еще ни разу в жизни. Максим был во сне совсем как живой, да и все остальные тоже...

— Ну и как ты тут жила — выкладывай, — сказал Анатолий, пристраиваясь на соседние качели.

— Долго рассказывать, — отвернулась Вероника. — Лучше ты скажи — куда пропал вместе с собакой?

— А мы с ней отдельно пропали. Собака — на дачу, а я — в Европу, по делам. Помнишь, как у Жванецкого — «Мне в Париж по делу, срочно...». Вот так и у меня.

— Понятно... — печально вздохнула Вероника.

— А что это ты такая грустная? Пойдем ко мне кофе с коньяком пить? Теперь, надеюсь, уже не испугаешься идти ночью к малознакомому мужчине? Я достаточно хорошо себя

зарекомендовал?

— Вполне, — сказала Вероника и поднялась с качелей. — Пошли. Кажется, кофе с коньяком — это то, чего я хочу сейчас больше всего на свете...

Анатолий взял на поводок Глафиру, и они не спеша отправились к подъезду. Дом был высотный, с консьержкой и домофоном. На первом этаже располагался холл, щедро увитый живыми и искусственными растениями. Там стоял большой кожаный диван, два кресла и журнальный столик. Для дежурной имелся небольшой телевизор. Когда Анатолий с Вероникой зашли в подъезд, пожилая консьержка вежливо поздоровалась и с интересом проводила их глазами до лифта.

«Скорее всего она решила, что я его любовница», — подумала Вероника.

— А ты не боишься, что она расскажет твоей жене, что ты водишь домой на ночь глядя каких-то неопознанных девиц? — шепнула Вероника Анатолию, когда они зашли в лифт.

— Не, не боюсь... — ответил Анатолий, и Вероника так и не поняла: то ли он был уверен, что консьержка не проболтается, то ли его жена относится к таким вещам спокойно.

Анатолий нажал на кнопку с цифрой 10, двери плавно закрылись, и лифт мягко пошел вверх. Одновременно с этим Вероника почувствовала, как в груди ее закопошились знакомые скользкие щупальца. «Надо немного перетерпеть, совсем немного...» — беззвучно зашептала себе под нос Вероника. На всякий случай она зажмурила глаза и попыталась представить себе, что она сидит на освещенном солнцем морском берегу, а возле ее ног плещутся ласковые волны... Они все не приезжали и не приезжали на десятый этаж — ей казалось, что прошла уже целая вечность.

И вдруг лифт рывком остановился. Повисла странная, напряженная тишина... «Почему же не открываются двери?!» — Вероника почувствовала, что она уже близка к истерике. Когда она решила приоткрыть глаза, то обнаружила, что в лифте погас почти что весь свет.

— Вот черт, — проворчал Анатолий. — Кажется, застряли...

— Застряли? — с тревогой спросила Вероника. — Господи, Боже мой... Что же делать? Что же делать? Я больше не могу... — Вероника бросилась к сомкнутым дверям и попыталась обеими руками раздвинуть их в стороны.

— Что ты делаешь?! — вскричал Анатолий. — Это же опасно...

Он попытался оттащить Веронику от дверей, но не тут-то было: она начала истерически визжать и цепляться ногтями за стены.

— Успокойся! Успокойся ты, дура! — Анатолий кое-как сгреб ее своими мускулистыми руками и прижал к себе. — Ты что — припадочная, что ли?

— Пусти! Пусти меня, идиот! — ничего не видя и не слыша, визжала Вероника, пытаясь укусить его за руку. — Спасите! Выпустите меня отсюда! Я не хочу! Мама-а-а!

Каким-то чудом Анатолию все-таки удалось нажать на кнопку вызова лифтера. Вероника продолжала извиваться в его руках и звать на помощь. Он уже не обращал внимания на ее крики и только отдувался, чтобы удержать эту взбесившуюся фурию. Силы его были уже почти на исходе, как вдруг Вероника внезапно затихла и стала медленно оседать на пол. Анатолий поспешно подхватил ее, сел на корточки в угол кабины и усадил ее к себе на колени. Белокурая голова безвольно поникла и склонилась к нему на плечо.

Неожиданно Анатолий почувствовал острую нежность к этой девушке. Он легонько похлопал ее по щеке и шепотом окликнул:

— Вероника! Вероника! — Но она не отзывалась.

Тогда он приподнял ей пальцем веко — открылся белок закатившегося глаза. Нет,

девочка не разыгрывала его — с ней действительно случился обморок. «Бедняга», — подумал Анатолий и ласково погладил ее по золотистым волосам...

Уже второй раз за сегодняшний день Вероника возвращалась из бессознательного состояния к реальности. Но на этот раз возвращение было более приятным.

Вместо обшарпанной больничной палаты Вероника увидела роскошный интерьер отделанной по европейским стандартам квартиры. Она полулежала на мягком уютном диване, под спину была заботливо подложена расшитая золотыми нитками велюровая подушка.

Огромная комната показалась ей светлой и какой-то полупустой. Потом она поняла: здесь не было привычной для большинства квартир монолитной «стенки». Стены и высокий потолок были оклеены простыми белыми обоями. Возле одной стены стоял небольшой изящный шкаф с застекленными полками — содержимое его составляла посуда и бутылки со спиртным. В другой стене в нише был устроен узенький открытый стеллаж, на полках которого теснилось множество мелких безделушек — видимо, сюда ставились сувениры, привезенные из разных стран. Кроме этого, в комнате имелся телевизор с видео и музыкальный центр. Скупость обстановки немного оживляли картины на стенах: оранжевые фигуры крутобедрых обнаженных женщин в разных позах. Вероника пригляделась и обнаружила, что художник забыл нарисовать им лица. Когда Анатолий зашел в комнату с подносом в руках, Вероника лежала и меланхолично переводила глаза с одной картины на другую.

— Нравится? — спросил он. — Это рисовал один мой знакомый художник. Кстати, он тоже родом с Сахалина — твой земляк.

— А почему у него такая странная подпись — Хо? — слабым голосом спросила Вероника.

— Он кореец. — Анатолий поставил поднос на низенький лакированный столик. — Хо — это часть его имени.

— Понятно... — Вероника опустила глаза, а потом снова подняла взгляд. — Слушай, ты извини меня, что все так получилось. Я тебе потом как-нибудь объясню...

— Не нужно ничего объяснять, — сказал Анатолий, присаживаясь к ней на диван. — Лучше выпей. Это кофе с коньяком, как я и обещал.

Вероника послушно приподнялась на локте и залпом выпила обжигающий напиток.

— Ну вот и отлично, — сказал Анатолий. — Еще хочешь?

— Хочу, — честно ответила она, и Анатолий тут же протянул ей чашку, которую приготовил для себя. Вероника выпила и ее, после чего в изнеможении откинулась на диван.

— Хочешь спать? — спросил Анатолий. — Постелить тебе?

— Нет, нет — что ты! — поспешно воскликнула она. — Я сегодня ночую у тетки. У меня там вещи. — И она встревоженно посмотрела на часы. Было уже одиннадцать.

— Как хочешь, как хочешь... — сказал Анатолий, поднимаясь с дивана. — Уговаривать не собираюсь...

— Может быть, я пойду? — осторожно спросила Вероника и тоже привстала с дивана.

— Да будет тебе известно, это невежливо, — заметил Анатолий. — Значит, выпила кофе с коньяком — и сразу за дверь. Больно ты хитра.

— А что — я теперь должна с тобой переспать? — ледяным тоном осведомилась Вероника.

— Это, наверное, было бы неплохо, только я не имею привычки ложиться в постель с малознакомыми женщинами. Тем более с припадочными... — И Анатолий, покачивая головой, усмехнулся.

— Сам ты припадочный! — воскликнула Вероника и направилась к двери. — Где моя сумка? — устало спросила она.

Анатолий медленно подошел к ней и слегка приобнял за плечи.

— Дурища, я же пошутил... — сказал он, но Вероника вдруг почувствовала, как на глаза ей наворачиваются слезы.

— Идите вы все в задницу с вашими шутками! — пробормотала она и попыталась вырваться из его объятий. Но Анатолий еще крепче сжал ее в своих сильных руках и тихо сказал:

— А вот теперь ты сядешь на диван и все мне расскажешь. Я же вижу, что с тобой творится. Ты вся как нерасорвавшаяся бомба. Давай, садись — и разрывайся.

Анатолий вдруг легко подхватил ее на руки и отнес обратно на диван. Вероника села, подтянув колени к подбородку и накрыв их джинсовым сарафаном. Когда она говорила, то смотрела не на Анатолия, а куда-то в сторону, на одну из оранжевых картин.

— Я даже не знаю, с чего начать... — сказала она.

— Ну тогда я буду задавать тебе наводящие вопросы, — предложил Анатолий. И сразу же взял быка за рога. — Вопрос первый: давно ты больна клаустрофобией?

...В тот вечер Вероника рассказала Анатолию почти обо всем. Она утаила от него только убийство.

«Об этом не узнает никто и никогда на свете», — решила она.

На входе в общежитие Максима остановили одетые в камуфляж охранники.

— Пропуск, молодой человек, — «блатным» голосом сказал один из них, перекрикивая шумную музыку, которая неслась из стоящего на пропускном столе магнитофона. Кажется, они тут всю соединяли приятное с полезным...

— Слушайте, ребята, — поднял на них печальные зеленые глаза Максим. — Я тут человечку одному документы везу. С самого Сахалина еду. Представляете — девчонка во время землетрясения попала в завал, потом ее из медсанчасти выкрали... А теперь я должен ее в Москве найти и отдать ей документы, которые нашел в завале... — Чем дальше рассказывал Максим, тем сильнее вытягивались лица охранников. История их явно заинтриговала.

— А как она оттуда вылезла?

— А кто ее выкрал?

— А как же она без документов добралась до Москвы?

Охранники начали наперебой задавать Максиму вопросы, а тот, что постарше, с пышными усами, даже приглушил звук магнитофона.

— В том-то все и дело, что я понятия не имею! — пожал плечами Максим. — Вот найду — тогда все и узнаю...

— А она что — здесь у нас, в общежитии?

— Да нет... Здесь дружан мой живет — Илюха. Он тоже с Сахалина... На второй курс перешел...

— Факультет какой? — явно смягчившись, спросил тот, что с усами.

— Почвоведение.

— А комнату знаешь?

— Только этаж. Кажется, четырнадцатый... — Максим прищурился, припоминая.

Его подкупающая, почти детская искренность, как всегда, возымела свое действие.

— Ладно, давай проходи... А комнату там спросишь... — разрешили охранники. — Потом покажешь своего «человечка», — усмехнулся в усы старший, — когда найдешь. Девчонка-то хоть из себя ничего?

— Была бы страшила — не искал бы, — улыбнулся Максим, старательно источая флюиды мужской солидарности.

— Лифт направо. Средняя кнопка не работает... — участливо сообщили охранники.

Максим вызвал лифт и принялся читать вывешенные рядом на стенде объявления. Чего тут только не было! «Кто нашел лекции по микробиологии почв, умоляю — верните!!! Комната 1326». Или: «Уважаемые дамы! Кто хочет приобрести чарующее нижнее белье, обращайтесь в комнату 1012». И нечто уж совсем веселое: «Девушкам. Гадаю по руке, по ноге и другим частям тела. С собой иметь чистую простыню и белые тапочки. Комната 1506, Лелик».

Наконец лифт приехал, и оттуда вышла черная, как расплавленный шоколад, негритянка в шортах, которая держала за руку такую же черненькую девочку с косичками. «Номер налево снимает малаец...» — улыбнулся про себя Максим и шагнул в просторную кабину. Нажал на кнопку четырнадцатого этажа, однако лифт не трогался с места.

— Подождите! — вдруг услышал он истерический возглас совсем рядом.

В ту же секунду в лифт влетела девушка в очках. «Девушка...» — почему-то подумал про нее Максим. Слово «девушка» к ней совершенно не подходило.

Она вбежала, нажала на ту же кнопку четырнадцатого этажа, заметила, что она уже нажата, чертыхнулась и яростно надавила на кнопку вниз, которая тут же загорелась зеленым. «ХОД», — прочитал на кнопке Максим. Значит, чтобы лифт поехал, ему еще надо придать третью скорость! Таких лифтов на Сахалине не было. А в Москву Максим приехал в первый раз...

Пока ехали, он от нечего делать рассмотрел девуцу в очках получше. Высокая, крупная, с широкими бедрами — почти как у женщины с железной коробки индийского чая, которая стояла у них дома в буфете... Одетая в черные джинсы и короткий голубой — тоже джинсовый — топ. Темно-каштановые волосы пострижены под «французского мальчика» и уложены гелем... Шея — тонкая и длинная, нос немного вздернутый и в мелких веснушках... «Совсем как у Вероники», — почему-то подумал Максим.

В этот момент лифт вздрогнул и остановился. Девушка в очках вышла, и Максиму ничего не оставалось, как последовать за ней. Дверь, в которую они свернули, вела в длинный коридор, расходящийся направо и налево. Пока девица не успела выбрать направление, Максим остановил ее вежливым вопросом:

— Извините, вы с этого этажа?

— Нет! Не с этого! — недовольным тоном ответила девица и уже собралась идти, но Максим решил испытать последнюю возможность:

— А вы случайно не знаете, не живет ли на этом этаже Илья Крашенинников? Он с второго курса почфака...

Девушка резко повернулась к Максиму. На стеклах ее очков блеснули отражения лампы дневного света.

— Так ты к Илье?

— Ну, в общем, да... — пожал плечами Максим.

— Нормально... — отреагировала девица, после чего протараторила: — Ну тогда пошли со мной!

И она решительно, виляя бедрами, зашагала по коридору. Комната Ильи располагалась в самом конце. Из-за двери доносилась музыка — играла любимая Илюхина Милен Фармер. Девица громко постучала в дверь и смачно крикнула:

— Эй вы, козлы, откройте!

Не открыли. Тогда она принялась стучать ногой. Максим участливо склонил голову:

— Помочь?

— Не надо! — рявкнула девица.

В этот момент дверь открылась, и за ней показался какой-то незнакомый долговязый парень. Из-под его черной банданы торчали светлые, сильно вьющиеся волосы.

— Нестор! — вскричала провожатая Максима. — Вы что так долго не открываете — с ума сошли, что ли?! Сколько мне можно здесь торчать под дверью? Именины называется... Лучше бы не приглашали... — Эта девица с истерическим голосом была как непрерывно фонтанирующий источник энергии. Она бурно жестикулировала и говорила отрывистым и театрально развязным голосом. При этом было видно, что в любой момент она готова элегантно перевести весь скандал в шутку.

Тот, кого она назвала Нестором, все время, пока она его отчитывала, стоял, закатив глаза к потолку, с видом усталого мученика.

— Ты закончила? — корректно осведомился он, улучив момент, когда она на пару секунд замолчала.

— Да!!!

— Ну, тогда заходите. Не имею чести знать, как зовут твоего кавалера...

— А это вовсе и не мой кавалер... Ха-ха! — И девица, вильнув пышными бедрами, прошла в общежитский блок.

— Я к Илюхе, — с улыбкой пояснил Максим, заходя в небольшой коридорчик, из которого вело три двери — в ванную и в две комнаты. Дверь одной из них была распахнута, гремела музыка, слышались громкие веселые голоса, среди которых теперь особо выделялся голос очкастой девицы.

— Илюха, это к тебе! — перекрывая шум, крикнул Нестор.

Максим в три шага преодолел коридорчик и нос к носу столкнулся с Ильей.

Сцена встречи двух друзей была бурной: они увлеченно хлопали друг друга по различным частям тела, порывисто и мужественно обнимались, показывали друг другу всякие жизнеутверждающие знаки с помощью рук и пальцев... Максим даже потрепал Илью по отросшей светло-рыжей шевелюре.

— Ага, хвостиче отпустил... — одобрительно заметил он.

После этого Илья провел Максима в комнату и в своей обычной скромной манере представил его присутствующим:

— Ребята — это Максим. Он только что приехал с Сахалина... Можно сказать, из самого эпицентра землетрясения...

— Ура-а-а! — грянула сидящая за столом пьяная компания, не дав ему закончить.

— За стол его! Штрафную ему! — загалдели девицы.

Когда Максима усадили за длинный стол, сооруженный из двух сдвинутых общежитских, положили ему на тарелку неизменный салат оливье, сдобрив его тремя шпротинами, и сунули в руку рюмку с водкой — поднялся еще один парень, с бритой налысо головой и черной испанской бородкой. Судя по тому, как он покачивался, ему было уже хорошо.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Нестор, сделай-ка потише музыку. Ну что?! — проревел он неожиданным для такого тщедушного тела басом. — Продолжаем пить за Маринок! Маринки! Стройся!

Присутствующие девушки дружно отдали честь, кроме экзальтированной незнакомки из лифта. Всего их было три, и каждая пыталась компенсировать свою невзрачность преувеличенной веселостью.

— Нет уж, Васильич, мы еще не выпили за вновь прибывших... — жестом остановила одна из них бородача. — Человек, можно сказать, с другого конца земли сюда добирался... Терпел, можно сказать, лишения...

— Правильно! — подхватил идею Илья. — А потом еще раз за Маринин день.

— Ну тогда пьем простой классический тост — за приезд! — пробасил бородатый Васильич и, охнув, опрокинул в себя содержимое рюмки.

Все последовали его примеру.

Максим пил водку только раз в жизни — с дворовыми ребятами в подвале, тайком от родителей. Слава Богу, его тогда не тошнило, как большинство других мальчишек, но ощущения в памяти остались не очень приятные. Тем не менее, чтобы не уронить себя в глазах компании, Максим поднес рюмку к губам и, не нюхая, одним глотком выпил. Затем

он тут же положил в рот одну шпротину и сделал глубокий вдох через нос. Ему показалось, что никто не заметил его короткого замешательства.

— Как там мои? — спросил Илюха, наклонившись к нему через стол.

— Твои нормально. Икру тебе передали. И письмо.

— Икру давай на стол. А письмо потом почитаю.

Пока Максим разбирался с гостинцами для Ильи, компания затеяла какую-то игру. На стол установили маленькую круглую электроплитку, вокруг которой, очевидно, и должно было сконцентрироваться основное действие.

— Все, что мне потребуется — это небольшой казан, сыр, чеснок... Еще — порезанный, как для гренок, белый хлеб и белое вино, — сказала очкастая девица (как и всех присутствующих в комнате дам, ее звали Марина). — Ну и, если найдете, — мускатный орех, — добавила она, сделав изящный жест маленькой ручкой в серебряных перстнях.

— Найдем, — уверил ее бородач. — Нестор, глянь — там на полке есть немецкий набор специй. Так как называется твое швейцарское блюдо?

— Фон-дю... — по слогам сказала очкастая девица, аппетитно выпятив накрашенные губы. — Это блюдо швейцарской молодежи.

Когда ингредиенты были на столе, она натерла чесноком стенки казанка, мелко порезала сыр и залила его вином. После этого поставила казанок на плитку и, когда сыр расплавился, добавила туда тертый мускатный орех.

— Вот теперь наступает самый ответственный момент, — сказала она. — Все садятся вокруг плитки в кружок, натывают на вилки кусочки хлеба, окунают их в фондю и затем отправляют в рот.

— Очень ритуально, — заметил Васильич.

— Но это еще не все... Если у кого-то «фондюшный» кусочек не удержится на вилке и упадет на скатерть, то...

— Все сделают вид, что ничего не заметили.

— А вот и нет! Не перебивай! — гаркнула на бородача девица в очках. — То тогда, если уронившее лицо — мужчина, он бежит за вином. А если уронившее лицо — женщина, то она должна...

— Что она должна? — оживились юноши.

— Не бойтесь — не раздеться.

— А что же?

— Просто поцеловать по очереди всех присутствующих мужчин...

— Лучше уж я за водкой пойду, — отвернулась одна из Маринок — светленькая.

— Неужели мы такие противные? — обиделся Васильич. — Прямо-таки и за водкой...

— А я знаю способ лучше, — улыбнулся Илья. — Надо просто не ронять кусочки.

— Смелое решение, — похвалил Васильич. — Только у меня после вчерашнего так трясутся руки, что можно прямо сразу за вином.

— Ладно, хватит разговоров, — объявила главная зачинщица. — Начинаем!

Может быть, после дорожной сухомятки, но швейцарское блюдо показалось Максиму удивительно вкусным. Горячее, ароматное, тягучее... Впрочем, сильно расслабляться он себе не позволял — слишком уж неохота было после всех мытарств (черт знает сколько времени он искал это общежитие) бежать куда-то за вином.

Сначала все шло гладко — хитро поглядывая друг на друга, все окунали кусочки хлеба в кипящую на медленном огне смесь и с наслаждением отправляли их в рот. Но тут

последовала первая оплошность — ее допустил Васильич.

— Ну вот, я же говорил... — развел руками он.

В ту же секунду на скатерти оказался еще один кусочек. Судя по раздавшемуся визгу, его уронила Марина в очки. Все радостно загалдели.

— Кажется, теперь справедливость восстановлена, — сказал Васильич, натягивая на худые плечи джинсовую куртку. — Эффект бумеранга сработал отлично. Пока я еще здесь — пользуйся, моя крошка... — И Васильич картинно подставил ей щеку для поцелуя.

Марина сняла очки — видимо, целоваться в очках она не привыкла — и запечатлела на впалой щеке Васильича звонкий дружеский поцелуй. Затем она подошла к Илье и чмокнула его, потом — к Нестору и в конце, когда всем уже стало неинтересно, дошла до Максима. Нежно и прочувствованно дотронувшись губами до его щеки, она села рядом и близоруко посмотрела на него глаза в глаза.

— А где ты был во время землетрясения? — вдруг без всякого перехода спросила она.

— На улице, — ответил Максим. — Просто шел по улице.

— Насколько я слышала, землетрясение-то было ночью — ты что гуляешь по ночам?

— Возвращался поздно...

— И что?

— Мне повезло — накрыло электрическим проводом. Очнулся уже в больнице, в реанимации.

— Значит, самого землетрясения ты и не видел... — разочарованно протянула Марина.

— Выходит, что так...

— Жаль. А я уже надеялась послушать рассказ очевидца. — И Марина, потеряв интерес к разговору, повернулась к Нестору.

Воспользовавшись заминкой, Илья обнял друга за плечи и увел его в другую комнату. Там работал сам для себя маленький японский телевизор. Илья с Максимом уселись на пружинную кровать и принялись обсуждать дела — когда ему лучше ехать в деканат, к кому обращаться со справкой, где взять направление...

И вдруг Илья переменялся в лице и стал молча показывать пальцем на экран. Максим сначала ничего не понял, а потом посмотрел и тихонько присвистнул. На экране крупным планом было печальное и усталое лицо Вероники! А рядом с ним — большой круглый микрофон, в который она что-то говорила. Первым опомнился Максим.

— Сделай погромче! — крикнул он.

Илья нащупал на кровати пульт и увеличил громкость. Затем вскочил и пинком прикрыл дверь.

«Я бы с удовольствием никого не обманывала, — говорила Вероника на экране. — Но вот не получается».

«А вас — когда-нибудь обманывали?» — Это был голос журналиста за кадром.

«Ну разумеется. По мелочам, наверное, всех обманывали...»

Камера отъехала, и стало видно, что Вероника стоит на улице, и к ногам ее жметя одетый в намордник Том.

— Где она? — схватившись за голову, воскликнул Максим. — Посмотри скорее — где она?

«А по-крупному? — продолжал свой допрос журналист. — Обман любимого вам уже довелось пережить?»

Вероника на экране опустила глаза. «Это не корректный вопрос», — сказала она.

«И все-таки», — настаивал корреспондент.

«У меня нет любимого».

— Смотри! И Том с ней! Они заловили ее прямо на улице? И задают такие вопросы?

— Кажется, это Старый Арбат, — сказал Илья, изо всех сил вглядываясь в экран.

«Как же это возможно? У такой красивой девушки — и нет любимого?»

«Да, у меня был любимый. Но совсем недавно он погиб».

— Погиб? Что она несет? — удивился Илья. — И, кажется, не стебется — на полном серьезе... Чего это она вдруг? Посмотри, да на ней лица нет. Вся бледная, худая...

Максим спрятал голову в руки и сидел так некоторое время. На экране уже показывали какого-то другого прохожего.

— Про кого она сказала — погиб? Разве у нее был кто-то еще? — спросил Илья.

— Не знаю. Я искал ее по санчастям. И представляешь — мне сказали, что ее кто-то оттуда забрал — какой-то мужчина в камуфляже. Неужели она скрывала от меня...

— Не может быть. Она же ясно сказала — погиб.

— Значит, она видела мое имя в списках погибших, — мрачно сказал Максим.

— А как оно туда попало?

— Неважно. — Максим был сам не свой от волнения. — Значит, она точно в Москве. Завтра же я еду в гости к ее тетке...

Максим так сильно хотел увидеть Веронику, что решил отложить поездку в университет. Сначала он найдет ее — свою маленькую Веруню, — а потом, уже вместе с ней, поедет куда угодно... Он достал из кармана пакет с ее документами, раскрыл паспорт на третьей странице и в который раз полюбовался на фотографию. Такая серьезная, трогательная... Девочка-отличница. Максим вспомнил ее всю — как он обхватывает ее руками, как прижимается к ее стройному нежному телу... Его молодой, жаждущий любви организм тут же пришел в возбуждение. Еще ни разу они не удовлетворили свою страсть. Все время им что-то мешало. Смешно сказать — когда Максим шел к Веронике, уже с твердым намерением разорвать этот порочный круг, и она ждала его одна в пустой квартире — тут и случилось землетрясение. Именно в этот момент — ни часом позже, когда, может быть, им было бы уже все равно... Максим читал, что некоторые испытывают в постели такое блаженство, что после этого готовы умереть, потому что дальнейшая жизнь представляется им жалкой пародией на этот удивительный миг счастья.

С утра Илья отправился в университет на практику, а Максим вооружился бумажкой с адресом и вскоре уже стоял на станции метро «Новослободская» и любовался цветными витражами. Улицу он нашел быстро — его мальчишеская непосредственность была способна растопить даже холодные сердца москвичей. Кроме того, Максим прекрасно чувствовал людей и умел правильно выбрать в толпе человека, чтобы спросить у него дорогу. По внешнему виду, по походке и выражению лица он мог запросто определить, приезжий перед ним или местный, в каком он настроении и даже, предположительно, чем он болен.

С бьющимся сердцем приближался он к дому, где, по его расчетам, должна была жить Вероника. Сейчас утро. Если она устроилась на работу, возможно, ее нет дома. Но, может быть, хоть кто-нибудь скажет ему, во сколько она придет. Если нужно, он будет сидеть и ждать ее хоть до ночи. А может, ему повезет — и дверь откроет сама Веруня. Только бы она не упала в обморок! А что — такое бывает. Если она уверилась в его смерти...

Максим запрещал себе думать о том, что еще могло произойти в случае, если Вероника уверилась в его смерти. Нет, она не такая. Она не могла так скоро его забыть. Ведь еще совсем недавно, какой-то месяц назад, они доверяли друг другу, как самые близкие друзья. У них не было друг от друга тайн.

Вот и дом ее тетки. Кусты жасмина перед подъездом. Она здесь! Сердце подсказывало Максиму, что Вероника была здесь совсем недавно. Он словно чувствовал разлитую в пространстве нежную ауру, которая всегда оставалась после того, как она прошла.

Широкие лестничные пролеты, обитая дерматином дверь — кажется, это здесь. Максим позвонил. Тишина. Он позвонил еще раз. Никого. Значит, все на работе.

— Молодой человек, вы кого ищете? — спросила у него какая-то бабуля, когда он проходил по четвертому этажу.

— Веронику, — просто ответил Максим, ничего не объясняя.

— Ах Веронику... — отвела глаза старушка. — Уехала Вероника. Вчера еще уехала.

— А куда? — спросил Максим, не в силах скрыть своего разочарования.

— Да вроде как квартиру себе нашла.

— А адреса она не оставляла?

— Мне-то не оставляла...

— А тете Тамаре?

— Так ты и Тамару знаешь?

— Знаю, правда, по фотографиям.

— А ты сам-то откуда будешь? — Во взгляде старушки впервые сверкнул интерес.

— С Сахалина. Вчера приехал. Я ей документы привез — в завале откопал.

— С Сахалина... Это всякий может сказать — с Сахалина... А сам — аферист какой.

— Да что ты, бабуля, я не аферист, — снисходительно улыбнулся Максим. — Запугали вас здесь совсем.

— А ну отвечай тогда без запинки — как отца Вероники зовут? Ф.И.О полностью...

— Так бы сразу и сказали. Губернаторов Александр Борисович. Еще вопросы будут?

— Будут. Собаку ее как зовут?

— Том. А у нее еще кошка была, Царицей звали. Но она сорвалась с балкона...

— Про кошку не знаю, а пес у нее точно Томка. Пестрый такой, забавный. Ну ладно, тогда заходи ко мне чай пить. — Бабуля явно смягчилась. — Я как раз свежие булочки прикупила. Сахалинского-то грех в гости не зазвать... Я ведь Бореньку — деда Вероники — всю жизнь вспоминала. Какой человек был — кремень! Это же надо такую гордость иметь — на Сахалине остаться и прожить, посчитай, всю жизнь...

— Извини, бабуль, спешу я очень, — смущенно сказал Максим, чувствуя, что старушка хочет затянуть его в сети воспоминаний об ушедшей молодости. — Мне бы узнать хоть что-нибудь про Веронику... А где, кстати, сама тетя Тамара?

— На массаж поехала с младшеньким. Вернется часа через два — не раньше. Как раз бы и подождал...

— Да нет, спасибо. А скажите, Вероника одна уезжала?

Старушка опустила глаза и одернула скромное голубое платье.

— Не хотелось мне тебя расстраивать, больно уж ты парень симпатичный...

— Ничего, расстраивайте. У меня нервы крепкие, — вымученно улыбнулся Максим.

— Мужчина у нее был. Ладный такой, статный, в костюме. Лет сорока. Из соседнего дома, а там, между прочим, сплошные артисты и эти — «новые русские» — проживают. Уж кто он есть — не знаю. С собачками они вместе тут прохаживались. А потом и уехали вместе. Он ей еще чемоданчик в багажник закинул. И машина у него, видно, дорогая — вся блестит.

— Значит, прямо вчера она и уехала? — уточнил Максим.

— Ага, днем. Часиков в двенадцать. Попрощалась и говорит: «Я к вам в гости приезжать буду». Хорошая девушка, воспитанная. А какая красавица... Вся в деда...

Распрошавшись со словоохотливой старушкой, Максим вышел во двор и уселся на детские качели.

Впервые в жизни он испытывал настоящее бешенство. Ему казалось, что если он увидит того самого мужчину в костюме, то просто бросится на него и перегрызет горло...

— Да хватит тебе, Макс, ей-Богу! Бабки — они вечно всякие сплетни распространяют. Может, это просто таксист был, частник. Договорилась она с ним, что он ей вещи на квартиру перевезет. А у бабок ведь как: если в машину к мужику села — значит, скоро родит.

Максим хмуро сидел над очередным стаканом с водкой и молчал. Илья ходил по комнате из угла в угол и, как мог, пытался утешить приятеля. Время от времени в комнату стучали, но он никому не открывал.

— Пусть даже у нее роман с этим мужиком, предположим! Она же совсем девчонка, к тому же она думает, что ты умер...

— Месяц! — поднял палец Максим. — Всего один месяц! Это гадко... — Он зажмурился и одним махом опрокинул почти полный стакан водки. После этого он впахнул в себя несколько ложек жареной картошки с луком и вздрогнул всем телом. — Брр!

— Хватит тебе уже пить... — лениво заметил Илья и убрал почти пустую бутылку в холодильник. — Лучше пошли на дансинг. Сегодня что, четверг? В холле обычно бывает дискотека. Бар работает. Найдешь себе там какую-нибудь девицу. Знаешь, сколько здесь красивых телок? Это тебе не Сахалин. Самые отборные со всего Союза съезжаются. К тому же еще не тупорылые и кое в чем опытные...

— Ты, я гляжу, тут тоже опыта поднабрался, — еле ворочая языком, проворчал Максим.

— А что — смотреть, что ли? К тому же, если сами на шею вешаются.

— Что, правда?

— Да тут, в общаге, еще и не такое бывает... Недавно прибегает девица одна — с четвертого курса, — ее всю трясет, глаза заплаканные. «Что такое?» — спрашиваю. А она говорит: «Прихожу к Виталику (это парень ее, год уже вместе), в комнате никого нет, а в ванной вода шумит... Ну я туда сунулась, а там стоит Шура (это другой парень из их же группы), и Виталик делает ему минет...»

— Тьфу! Ты бы хоть к столу такое не рассказывал! — сказал слегка протрезвевший Максим. — Ладно, пойдём на твою дискотеку. Надеюсь, мужики там не пристають?

— В случае чего отобьемся, — уверил его Илья.

— Ну что — пошли?

— Ты что, так и пойдешь? В этой позорной рубашке?

— А у меня другой нет. Плевать... Рубашка — это не главное. Пойду умоюсь чуть-чуть, чтобы водкой не так несло...

Через десять минут с мокрой головой и красными от многочасовой пьянки глазами Максим, покачиваясь, стоял у лифта. Рубашка его была залихватски подвязана над пупком. Рядом, пытаясь заботливо поддержать его под локоть, суетился Илья, но Максим упрямо от него отпихивался.

— Да не трогай ты меня! Что ты меня хватаешь? Я тебе девушка, что ли? — пьяным голосом ругался он.

— Только попробуй мне свались... — грозил ему в ответ Илья.

На дискотеке было невероятно шумно и душно. В спертom воздухе витал неистребимый запах марихуаны. На высокой полукруглой эстраде располагался источник звука и различных световых эффектов. Крутили техно-ремиксы старых шлягеров, как будто тупыми

ударями вытряхивали пыль веков из слежавшихся подушек.

— Может, пойдём сперва по пиву? — предложил Максим. — А то меня эта музыка не вдохновляет.

— Кому по пиву, а кому и по соку... — сурово заметил Илья, но все же отвел друга в бар.

Здесь за большими столами сидели шумные компании студентов, некоторые умудрялись в потемках резаться в карты, другие о чем-то громко спорили, третьи то и дело взрывались хохотом... В баре от дыма было и вовсе нечем дышать. Впрочем, веселую молодящуюся буфетчицу в открытой футболке это ничуть не смущало. С неизменной сигаретой в уголке рта, она быстро и приветливо отпускала заказы и, поплеывая на пальцы с ярко накрашенными ногтями, считала тысячи.

Когда Илья и Максим стояли у стойки, из затемненного зала их вдруг кто-то окликнул.

— Эй! Мужики! Давайте сюда!

Сквозь дым они не разглядели, кто их зовет, но, когда получили свое пиво и сок, решили принять приглашение. Максим с трудом узнал в девице с оголенными плечами давешнюю очкастую Марину. На сей раз она была без очков (как потом он узнал, она иногда пользовалась контактными линзами), и глаза ее возбужденно блестели. Голова ее была перехвачена по лбу кожаным ремешком, открытые загорелые плечи матово золотились в полумраке зала. В этот раз — может быть, с пьяных глаз — она показалась ему даже красивой.

— Эй, чудища, хоть бы кто-нибудь догадался подвинуться! — прикрикнула она в своей манере на сидящих за столом, и один из юношей жестом показал Илье на свободную половинку стула. Максиму места по-прежнему не было.

— Ничего, я м-могу и постоять... — Он махнул рукой и изобразил на лице подобие галантной улыбки.

— А по-моему, у тебя это не особо получается, — сказала Марина, смерив взглядом его шатающуюся фигуру. — Лучше давай так: ты садись на стул, а я к тебе на колени. По крайней мере, будет нечто устойчивое...

— Это хорошая мысль, — согласился Максим, и они тут же воплотили ее в жизнь.

Держать на коленях девушку, да еще малознакомую, да еще с оголенными плечами было непривычно и довольно приятно. Через минуту Максим уже только и думал, что о преступной близости ее пышных бедер, обтянутых шелком свободных летних брюк, и о гладком голом животе, который ему невольно приходилось обхватывать.

Да, эта Марина вела себя более, чем смело... Она же отлично знала, во что она одета. Когда-то это называли верхней частью нижнего белья. Теперь, стараниями современных модельеров, сия деталь раскрашивалась в разнообразные цвета и носила гордое название «топик». При этом, по существу, она продолжала оставаться простым лифчиком, прикрывающим лишь самое необходимое.

Фактически Максим сейчас держал на коленях и обнимал почти голую женщину. Она разговаривала, дышала совсем рядом с ним, от нее веяло какими-то приятными духами и еще немного сандаловым деревом... И без того пьяный, Максим и вовсе почувствовал себя словно в другой реальности. Все плыло и качалось у него перед глазами, на губах блуждала глупая и вялая улыбка, дрожащие руки все крепче стискивали талию девушки.

Как ни увлечена была Марина беседой, она все же почувствовала изменения, происшедшие с ее живым «креслом». Внизу, прямо под попой она явственно ощутила

упругое движение мужской плоти. Повернув голову, Марина разыскала губами ухо Максима и жарко прошептала в него:

— Хочешь — пойдём танцевать? Слышишь, там играет «Seven Seconds Away»? Я обожаю эту вещь...

— Пошли, — ответил Максим, который от наркотических дымов уже мало что соображал.

Они вышли из бара и, прорубив жаркую и потную толпу качающихся в танце тел, упоенно влились в нее...

Максим мучительно открыл глаза и тут же сморщился от резкой головной боли. Во рту было так сухо, как будто он всю ночь жевал шерстяной ковер.

Господи, где это он? Вроде та комната, а вроде и не та... И вдруг Максим обнаружил, что он абсолютно голый и лежит на кровати не один. Рядом с ним, бесстыдно раскинувшись в своей наготе, спала его новая знакомая Марина.

Первым чувством, охватившим Максима, был ужас.

И как только он мог до такого докатиться... Он просыпается черт знает где, черт знает с кем и даже не помнит, каким образом сюда попал. Почему, почему он здесь? В постели этой девушки — нет, этой девицы, — с которой еще позавчера даже не был знаком? Он что — целовался и обнимался с ней, так же как с Вероникой?

Господи, если бы она видела... Милая, бедная Веруня... А вдруг сейчас, в эту же самую минуту, она тоже лежит в постели с тем самым «ладным и статным»? Максим, не удержавшись, изо всех сил ударил кулаком по железной сетке кровати и шепотом выругался. Голова гудела, в желудке неприятно ныло...

«Что я здесь валяюсь? Рядом с этой абсолютно «левой» девицей?» — с отвращением спрашивал он себя. При утреннем свете Марина казалась ему несовершенной, полной всяческих изъянов. Слипшиеся в сосульки короткие волосы налипли на шею... Остроконечные груди были слишком велики... Под глазами пролегли испещренные фиолетовыми прожилками круги... Наркоманка она, что ли? Максим еще раз чертыхнулся и попытался встать с кровати. Но не тут-то было.

— Стоять! — раздался суровый голос прямо у него под ухом. — Не двигаться! — Одновременно с этим нежная, но твердая рука схватила его за запястье.

Не успел Максим возразить, как Марина рывком притянула его к себе и впилась в его губы поцелуем. Руки ее сначала крепко держали его за шею, а затем, когда тело его безвольно обмякло, скользнули вниз и принялись умело возбуждать его похоть. Вскоре Максим почувствовал, что орудие его готово к бою. К этому времени он уже ничего не соображал. И вдруг Марина проворно скользнула вниз, к самому его лобку... Взрыв сладостных ощущений, которые он испытал, когда она легонько прикоснулась губами и языком к ободку его члена, был столь сильным, что у Максима вырвался долгий и громкий стон. Он уже не сознавал, что с ним происходит.

— Иди! Иди в меня! Скорей! — яростно зашептала Марина, подставляя ему разверстое лоно — и он каким-то невероятным образом, вслепую, попал в него. После этого оба застонали.

Двигаться внутри нее туда-сюда было удивительно приятно — таких ощущений он не испытывал еще ни разу в жизни. Тело ее при этом все ходило ходуном — бедра двигались ему навстречу, грудь вздымалась с каждым вздохом, временами сквозь стиснутые зубы прорывался стон. Максим вдруг поймал себя на мысли, что любит все этим. Она казалась ему сейчас восхитительно красивой, почти родной... И все красивее и роднее — что за дикое нарастание внутри... Сейчас он лопнет и разлетится на мелкие кусочки...

И в ту же секунду Максим почувствовал сказочное облегчение, которое быстро сменила усталость. Он откинулся на подушку и тыльной стороной ладони вытер со лба пот. Впечатление было такое, будто его ударили по голове кувалдой...

— Не спать! — послышалась над ухом очередная команда.

«Господи, куда я попал...» — ошалело подумал Максим.

— Кто тебя научил так разговаривать? — спросил он, не открывая глаз. Язык его еле ворочался.

— Ну ладно, извини... — неожиданно кротко пролепетала Марина. — Это... это просто у меня имидж такой.

— На время общения со мной советую сменить.

— Слушаюсь, о, мессир! — Марина нежно боднула его головой в плечо. — А шалить можно?

— Шалить? Немножко можно, — подумав, разрешил Максим.

Некоторое время они лежали молча, а потом Максим спросил:

— Каким образом мы здесь оказались? Это что — твоя комната?

— Не-а. Подруга ключ оставила.

— И меня сюда вчера принесли?

— Почему это принесли? Сам пришел, как миленький.

— Сам?!

— А что тебя так удивляет?

— Просто я ни черта не помню. Ни как шел, ни как раздевался, ни как ложился в кровать...

— И даже как трахался, не помнишь? — без всякого смущения спросила Марина.

— Нет... А что — мы еще и вчера?

— Угу. И даже не один раз. Ты трахался просто как тигр. И вообще, должна сказать тебе — ты просто феноменально красив. Такое тело... Такие глазищи... Просто сказка...

— Господи! Господи! — Максим сел на кровати и схватился за голову. — Как же это я ничего не помню?

Марина проворно поднялась и, гибко покачивая широким тазом, прошла через комнату к столу. Только сейчас Максим заметил, что по всему полу разбросана их скомканная одежда. Марина вытащила из пачки сигарету и неторопливо закурила. Затем вернулась и присела на краешек кровати.

— Ну, конечно, первый раз я сама тебя изнасиловала... — сказала она, задумчиво выпуская сигаретный дым. — А потом мне достаточно было только провести пальцем тебе по спине... У тебя что, давно никого не было? Будто с цепи сорвался...

— Если честно, я вообще первый раз. Ты меня девственности лишила.

— У тебя что — вообще никогда никого не было?! — теперь уже была ее очередь удивляться.

Максим помотал головой.

— Ну ты даешь! Это же невысказано. Такую красоту пронести через всю жизнь... Это, наверное, только на Сахалине и возможно. Сколько ж тебе лет?

— Семнадцать.

— Уникум...

— А тебе сколько?

— Двадцать один. Но я-то, предположим, уже в четырнадцать девственность потеряла. И с тех пор ни разу не пожалела.

Максим задумался.

— Вообще-то у меня кое-какой сексуальный опыт был. И даже пораньше твоего.

— И сколько же тебе было? Давай, колись...

— Лет семь или восемь.

— Ага! Вот и выясняется... А еще скромничал. Интересно, и как же это тебя угораздило? — Марина затушила сигарету и прилегла рядом с ним.

— Ну... надо мной совершили акт насилия.

— Ни черта себе... Мужик, что ли, педофил?

— Да нет, не мужик. Девчонка с нашего двора, Танька.

— А ей-то сколько было?!

— Ей — лет тринадцать-четырнадцать.

— Нимфоманка?

— Не знаю. Мы дружили — я, она и ее сестра. Я у них дома бывал... И вот однажды — не знаю уж, какая муха их укусила. Мы с Танькой зашли в маленькую комнату, а Оля с наружной стороны дверь заперла. «Давай!» — кричит. Тут Танька платье с себя скинула, потом трусы...

— Ну а ты что?!

— Я стою как дурак, глаза вытаращил...

— А она что?

— А она разделась и стала потом меня раздевать. Я ору, вырываюсь, но я-то был маленький, а она кобыла здоровенная...

— Ну и что?! — Марина близоруко прищурила серые глаза.

— Раздела она меня. Потом на кровать положила и давай об мои причиндалы лобком тереться. Я ору, как резаный, а за дверью Оля кричит: «Давай, давай!» В общем, дурдом полный...

— Ну и чем все кончилось?

— Надоело ей, отпустила меня. Я оделся и побежал во двор. Даже домой не пошел — так было стыдно. Ребята ко мне пристают: расскажи да расскажи. Слышно, наверное, было из окна, как я орал. А я делаю вид, что ничего не понимаю. «Что, — говорю, — рассказывать-то?» А они: «Как с Танькой е...лся...» Извини за выражение. А потом отец услышал, как ребята во дворе про меня шушукуются, позвал меня домой, встал так конкретно напротив и спрашивает: «Ты что там у Тани с Олей делал?» А я без всякой задней мысли ему говорю: «Е...лся».

— Ну а он что?

— Шлепнул меня по губам и говорит: «Чтобы я больше этого слова от тебя не слышал».

— Да... Веселая история, ничего не скажешь. Пожалуй, я напишу об этом проблемную статью. «Ранняя сексуальность и ее влияние на супружеские отношения». Или что-нибудь в этом роде.

— А ты что — журналистка?

— Ну да, журфак. Третий курс.

— А ты случайно с телевидением никак не связана?

— Нет, а что?

— Да так, ничего... Знаешь, мне пора.

— Мне, вообще-то, тоже, — поджала губы Марина.

Однако ни один из них не двинулся с места. Через минуту в комнате снова слышалось прерывистое дыхание и мерный скрип кровати...

«Пока сироп превращается в желе в холодильнике, вы можете заняться своими делами», — гласил французский рецепт. Вероника отложила раскрытый на нужной странице журнал. У нее было сорок минут законного свободного времени. Присев на плетеное кресло у окна, она отвела нарядную голубую занавеску и окинула взглядом открывшийся пейзаж. Зеленая лужайка — в духе английских поместий, высокий белокаменный забор, увитый диким виноградом. Откуда это все здесь взялось? У нее было такое впечатление, что она попала на съемки какого-то фильма про роскошную жизнь на Западе. Скорее даже не фильма, а дамского сериала...

Уже четвертый день она носила громкое и почетное звание домработницы в шикарном трехэтажном загородном особняке. Совсем недавно ее привез сюда Анатолий и коротко представил жене:

— Ты просила, я доставил. Прошу любить и жаловать — Вероника.

Миниатюрная женщина с изможденным лицом уставилась на Веронику долгим недобрый взглядом близоруких глаз. В этом взгляде смешалось все: зависть к Вероникиной красоте и молодости, сожаление о собственной бездарно прожитой жизни, непреходящая усталость и простое женское любопытство... Вероника на всякий случай решила не встречаться с ней глазами. Она хорошо запомнила, что говорила ей психолог Алена. Открытый взгляд означает агрессию и вызов... Надо избегать встречаться глазами со своим потенциальным врагом... Если ты чувствуешь, что слабее, отведи глаза. Иначе твою «защиту» могут легко пробить...

«Лучшее средство — это пожалеть ее, хотя бы в душе», — решила Вероника.

— Я буду называть вас по имени и на «вы»... — тихо, но внятно произнесла жена Анатолия. — А вы зовите меня Алла — и тоже на «вы». Это современно... — добавила она и покосилась на Анатолия. — А сейчас я отведу вас в вашу комнату и объясню, в чем будут состоять ваши обязанности.

Комната, которую хозяйка выделила Веронике, показалась ей настоящим шедевром дизайнерского искусства. Но так она думала только до тех пор, пока не увидела остальное помещение. По сравнению с ними ее спальня, конечно, проигрывала — однако Вероника с первого дня полюбила ее светлый, пахнувший свежевystираным бельем уют. Как и во всем доме, стены здесь были до половины обтянуты драпированным шелком, тот же шелк, но немного другого оттенка, красивыми складками свисал с оконных гардин... Мебель была белая, под мрамор, — высокий шкаф с раздвижной дверью, небольшой туалетный столик с овальным зеркалом и комодом и полукорпусная кровать, — из-за полукруглой спинки похожая на детские санки или на сказочный корабль. Блестящее шелковое покрывало было огромным и лежало свободными «мятыми» складками, местами волочась по полу — предполагалось, что не стоит трудиться, чтобы до конца его расправлять... В двух углах возле окна стояли высокие керамические вазоны с букетами каких-то неизвестных живых цветов. Их мелкие соцветия источали легкий луговой аромат...

В обязанности новоиспеченной домработницы входило: приготовление завтрака, обеда и ужина, поверхностная уборка на кухне (генеральную уборку всего особняка раз в четыре дня делали две приходящие уборщицы), а также чтение на ночь сказки пятилетней дочери Анатолия и Аллы — Дуняше. За это Анатолий обещал платить Веронике триста долларов в

неделю — что, разумеется, ее вполне устраивало.

История, которую Вероника поведала Анатолию в тот злополучный вечер, когда они застряли в лифте, произвела на него глубокое впечатление. Некоторое время он просто сидел и не мог вымолвить ни слова... Потом налил себе в рюмку коньяка и стал расхаживать с ней по комнате.

— Сколько денег ты задолжала за пропавший товар? — спросил он наконец.

— Около трехсот баксов, — сказала Вероника. — Хотя, возможно, они мне наврали. Эта хохлушка та еще стерва. Может, у нее ничего и не пропало...

— Всего-то? — усмехнулся Анатолий и отпил коньяк.

— Кому «всего-то»... — Вероника обиженно отвернулась. — У меня сейчас и этого нету.

— Ну вот что, — Анатолий со стуком поставил рюмку на подоконник. — Покажи-ка мне свой паспорт.

Вероника достала из сумочки на груди, где носила все самое ценное, паспорт Кирьяновой Анастасии и протянула его Анатолию.

— Да, сходство, конечно, потрясающее... — повел бровями он. — Надо быть полностью слепым, чтобы принять эту девицу за тебя.

— Везде сходило... — пожал плечами Вероника.

— Садись, пиши. Анастасия! — Анатолий достал из кармана паркеровскую ручку и раскрытый блокнот.

— Что писать?

— Настоящие паспортные данные.

Вероника послушно написала все, что помнила, и отдала Анатолию.

— Завтра с утра дуй в срочную фотографию. К вечеру привезу тебе нормальный паспорт.

— Как это «нормальный»? У меня же прописка сахалинская?

— Будет московская. Не бойся, «липа» надежная, не придерешься.

— Значит, я смогу устроиться на нормальную работу!

Анатолий засунул листочек с Вероникиными паспортными данными в кожаный портфель.

— Да, — сказал он. — Причем уже с завтрашнего дня.

Вероника подняла на него серьезный взгляд.

— Секретаршей я больше не пойду, — хмуро сказала она, вспомнив свой печальный опыт работы в фирме «Дубрава».

— А я и не предлагаю тебе секретаршей. Пойдешь работать ко мне. Мне как раз требуется домработница в загородный дом. Насколько я знаю, на такие места существует очередь. Условия — сама увидишь. Работать, конечно, придется, но зато и деньги неплохие.

— А я... а я справлюсь? — спросила Вероника, с трудом веря, что ей выпало такое счастье. Занимаясь поисками работы, она убедилась, что попасть в богатый дом в качестве домработницы чрезвычайно сложно. Между тем платили там весьма и весьма неплохо...

— Должна. Готовить умеешь?

— Так-сяк...

— Ничего. Простудируешь газету «Смак» — и вперед. Как говорится, побольше цинизма. Людям это нравится... — И Анатолий подмигнул ей.

На следующий день с утра Вероника сходила в срочную фотографию и после этого в

последний раз посидела за чаем с тетей Тамарой.

— Ты мне адрес-то свой оставь, — сказала ей тетка.

— Да я сначала в одном месте буду жить — на время, а потом уже переберусь на постоянное, — с невозмутимым видом объяснила Вероника. — Как только устроюсь, обязательно сообщу адрес.

— Смотри, осторожнее... Мне тут во дворе сказали, что мужчина у тебя какой-то завелся...

— Врут все, — успокаивала тетку Вероника. — Это не мужчина. Просто на почве собак познакомились. Теперь он меня на работу к себе берет...

Тетя Тамара долго и сокрушенно качала головой. Однако не сказала племяннице: если что не так, возвращайся... На прощание они звонко, по-родственному поцеловались, и Вероника, подхватив пожитки, спустилась во двор. В двенадцать часов за ней должен был заехать Анатолий...

В тот день они съездили на «Лужу», и Вероника расплатилась с долгами. Галина просила на нее не обижаться, велела заезжать... Затем по просьбе Вероники Анатолий притормозил у почты — Вероника отправила очередное послание родителям. «ПРИНЯТА РАБФАК УСТРОИЛАСЬ НЯНЕЙ ЗА ГОРОД ЗАНЯТИЯ СЕНТЯБРЕ ВЕРОНИКА» — выглядела телеграмма на этот раз. Предполагалось, что теперь до осени родители будут за нее спокойны. После этого Анатолий остановился возле супермаркета, купил целую коробку продуктов — и они отправились в загородный дом...

Сидя в плетеном кресле перед узким зарешеченным окном, сделанным под средневековую арку, Вероника воскрешала в памяти события прошедших дней и с трудом верила в их реальность. Жизнь ее настолько круто изменилась, что с непривычки казалась сном. Роскошный дом, неторопливая полусказочная жизнь, изысканные туалеты хозяйки, диковинная еда... Даже просто видеть все это со стороны, не принимая участия, было для нее необычайно и ново.

Вероника могла только подозревать, что где-то существует подобная жизнь — у себя на Сахалине она считала телевизор «Сони» неправдоподобно шикарным подарком ко дню рождения. А по приезде в Москву ей казалась роскошью просто бесперебойно текущая из крана горячая вода. Воистину, все познается в сравнении!

В доме, где она теперь жила, в ванной комнате на окнах и на огромном зеркале висели прелестные драпировки из кремового шелка. Кругом на прозрачных полочках стояли в маленьких вазонах букеты живых цветов, которые благоухали тончайшими ароматами. Сама ванна была нежно-голубого цвета и напоминала бассейн — такой Веронике один раз в жизни приходилось видеть в валютной сауне. И так выглядела только первая ванна. А их в доме было целых шесть!

Причем одна — та, что на третьем этаже, — была полностью в распоряжении Вероники...

Разве думала она когда-нибудь, что будет мыться в помещении, равном по площади всей их сахалинской квартире! Кроме ванны (не такой большой, как на других этажах, но все же новой и красивой), здесь имелась просторная душевая кабина с гидромассажем, биде и даже ультрафиолетовая установка для загара... Свет, как и в другие ваннные комнаты, проникал сюда с улицы через небольшие зарешеченные окошки. Да, уж здесь-то за ней никому не удастся подсмотреть...

В первый же вечер, когда все в доме улеглись, Вероника прокралась в ванную, набрала в

ванну теплой воды, взбила густую душистую пену и блаженно растянулась в ней во весь рост. Наконец-то ей не приходится, лежа в ванне, подгибать ноги!

Как ни забавляла Веронику вся эта роскошь, все же некоторые вещи с первого раза вообще не поддавались осознанию. Для человека, который вырос, обходясь площадью в три небольшие комнаты и совместным санузлом, казалось непонятным: для чего семье из трех человек жить на трех этажах и иметь с десяток комнат? А помимо них, еще кухню, столовую и гостиную? Но, видимо, для того, чтобы сжиться с этой мыслью, требовалось какое-то время. Пока что Вероника могла только бродить по этому удивительному дому, как по музею, и любоваться восхитительными интерьерами. Большинство комнат (особенно наверху) были заперты на ключ, но те, что находились на первом этаже, Вероника изучила до мелочей.

Сам первый этаж был первым только условно. Сложная архитектура дома предполагала нулевой, цокольный этаж, где располагались служебные помещения: огромный гараж, кладовые, винный погреб. Чтобы попасть на жилую территорию, нужно было взойти на широкое, слегка закрученное по спирали крыльцо, выполненное из густых черных ажурных решеток. Множество таких же решеток украшало арочные окна дома, балкон и белые каменные стены. Кое-где на белом виднелись яркие пятна зеленого и бордового — это свисали в продуманном беспорядке густые гирлянды дикого винограда. Широкий балкон-веранда — тоже местами зарешеченный и увитый виноградом — опоясывал дом только наполовину — туда можно было попасть из гостиной и из столовой. Впрочем, все комнаты первого этажа, включая кухню, соединялись между собой, поэтому Вероника, если хотела, могла спокойно выйти на балкон, пройдя через столовую.

Вероника не сомневалась, что над интерьерами этого дома работал профессионал. Ей даже показалось, что здесь трудился не один дизайнер, а несколько. Комнаты так отличались друг от друга, будто их оформляли разные люди — и для разных заказчиков.

В полутемной гостиной господствовала атмосфера будуара восемнадцатого века: тяжелые бархатные драпировки цвета крови, золоченые витые столбики, антикварная бронза...

Музыкальный и видеозал выдавал склонность делавшего его дизайнера к современным решениям — скупые формы мебели, яркие «кислотные» цвета, блестящие материалы, на стенах вместо картин — модные абстрактные композиции, составленные из самых невероятных материалов.

Внизу в просторном холле, а также в саду имелось несколько оригинальных скульптур, выполненных из металла и изображающих животных — журавль с подогнутой ногой, худая и длинноногая собака, несколько фламинго... Они были сделаны словно из наплавленного в беспорядке олова — такое получается при работе паяльником. На одной из скульптур Вероника прочитала фамилию скульптора — Ряшенцев. Наверное, все это стоило огромных денег...

Столовая являла собой еще одну крайность — интерьер напоминал избу рыбака. Стены обшиты оструганными и отполированными до блеска деревянными досками. Из того же материала была сделана и мебель — простая и добротная. Но самым необычным был потолок, отделанный настоящей рыболовной сетью: дизайнер просто подвесил кусок сети к потолку и в нескольких местах закрепил его — наподобие того, как простегивают матрас. Обедать в такой столовой было удивительно уютно...

Когда Вероника думала о причине многообразия стилей, на ум ей приходило два

предположения: либо Анатолий с женой, как нормальные советские люди, которые выросли в квартирах-маломерках, просто обалдели от свалившегося на них богатства и поэтому не сумели выбрать одно направление, а решили запихнуть сразу все стили, которые только поместились на их трех этажах; либо же в выборе интерьера сказались существующие между супругами противоречия... Последнее предположение почему-то казалось Веронике более вероятным. Жена Анатолия, Алла, не понравилась ей с первого взгляда. Возможно, это была просто невольная ответная реакция на неискреннее, змеиное выражение ее лица при первой же встрече. Так или иначе, Вероника чувствовала, что каждое общение с Аллой оставляет у нее в душе неприятный осадок — как будто она наелась чего-то горького или кислого.

«И чем только она могла понравиться Анатолию?» — недоумевала про себя Вероника. Конечно, фигурка у нее миниатюрная и точеная, лицо — если бы не нарисованная морщинами маска недовольства — можно было бы назвать даже красивым... Да, все это так. Но у нее же ужасная аура — так, кажется, называла это психолог Алена? Аура вечной брюзгливости, едкости, готовности из-за любого пустяка впасть в визгливую бабскую истерику... Таких людей Вероника видела насквозь. Уже в который раз она убеждалась, что физиогномическое чутье ее не подводит.

— Вы передержали рыбу, Вероника, — трагическим тоном сообщала ей Алла после обеда, как будто в этом несчастном куске стерляди была заключена вся ее прошлая, настоящая и будущая жизнь.

Или:

— Не ходите по полу босиком — это негигиенично. Ноги потеют — и вы испачкаете паркет...

Такого рода бесконечные замечания Вероника выдерживала, спасаясь только одной мыслью: «Эта карга заплатит мне деньги... Много денег... А то, что она все время ворчит — это ее личные проблемы...» И все-таки Веронику всякий раз передергивало, когда она вспоминала о своей хозяйке.

Вот и сейчас она сидела, дожидаясь, пока в холодильнике застынет желе, и губы ее невольно надувались от обиды. Эта Алла говорила с ней за завтраком таким высокомерным тоном, как будто всегда, с самого детства, была такой, как сейчас. Как будто всю жизнь носила домашнее платье из легкого дымчатого шифона, купленное в дорогом бутике, ела на завтрак авокадо с креветками и легким взмахом руки отсылала прислугу. А ведь все это — Вероника знала наверняка — появилось у кичливой Аллы совсем недавно и без всяких ее усилий.

Вероника злилась на себя за эти рассуждения, но все-таки ловила себя на том, что завидует этой женщине, хотя та явно завидовала ей. Иначе откуда бы это желание подчеркнуть ее провинциальность, тонко, не впрямую унижить? Даже Том в этом доме подвергался дискриминации: он жил во дворе, как обыкновенный уличный пес, еду Вероника два раза в день выносила ему за дом, в густые заросли молодых вишен. А вот породистая Глафира имела право топтать своими элитными лапами любые ковры и паркетки...

Когда Вероника в конце первого трудового дня пожаловалась Анатолию, что его жена ее невлюбила, он успокоил ее и сказал, что она ведет себя так со всеми.

Вероника хорошо помнила тот первый вечер — полный чудесных ночных ароматов и трелей кузнечиков... Они сидели с Анатолием на балконе, куда он вызвал Веронику специально, чтобы расспросить ее о том, как прошел день. Кругом на белых стенах веранды

были развешаны пучки сухой полыни, источающие горький и терпкий аромат... Вероника устало откинулась в мягком, покрытом плюшевым пледом кресле, а Анатолий порывисто, по-мальчишески курил, облокотившись на витые металлические перила...

— Лучше не обращай на нее внимания, — говорил он. — Она вообще у меня большая любительница напрягать всех по пустякам. Это все «профессорское» воспитание... Аллочка у нас выросла в семье рафинированного интеллигента, где детям с детства внушали, что они лучше других. И вот результат. Сама она еще ничего — посмотрела бы ты на ее брата и сестру...

Веронике совсем не хотелось в такой изумительный вечер слушать про каких-то брата и сестру Аллы.

— А зачем здесь развешана эта полынь? — мягко перевела она разговор на другую тему.

— А это Алла так отгоняет комаров. А заодно — нечистую силу, — со скептической ухмылкой пояснил Анатолий.

— Между прочим, напрасно ты смеешься, — сказала Вероника. — Полынь — очень крутая штука. Во всяком случае, насчет комаров — это вполне резонно. А вот по части нечистой силы — это я не мастак. Утверждать не стану...

— Да! — оживился вдруг Анатолий. — Я же забыл спросить тебя о самом главном: как тебе понравилась моя Дуняша? — В его тоне ясно проглядывала отцовская гордость.

«Почему-то он даже не сказал — «наша», — подумала Вероника. — Наверное, у мужчин действительно особое отношение к дочерям».

— Очень милая девочка, — сказала Вероника, решив, что такая простая и достойная характеристика будет лучше бурных и льстивых восторгов. — Отличается умом и сообразительностью, — добавила она.

Дуняша, к счастью, не унаследовала меланхолический нрав своей мамы — а может, просто еще не успела его перенять. Это была шустрая, очень сметливая девчушка — она почему-то напомнила Веронике маленькую сестренку Романа, Алину. Только та была черненькая и кудрявая — в папу Шалву, а эта наоборот — светленькая и синеглазая, как Анатолий.

— Правда, она как две капли воды похожа на меня? — пытливо спросил Анатолий, и Веронике показалось, что, ответив отрицательно, он тут же на месте ее задушит.

— Конечно, конечно, — подтвердила она. — Она даже ходит как ты, хотя и женщина.

В отличие от мамы Аллы, Дуняше очень понравилась новая домработница, о чем она тут же по простоте душевной ей сообщила, когда Вероника закончила читать ей сказку.

— Ты такая красивая, почти как Барби. Только у моей Барби волосы гораздо гуще. И одежда поприличней. Но вообще-то я боялась, что домработница — это какая-нибудь противная, вроде фрекен Бок... А ты ничего.

— Ну спасибо тебе, дружок, — сказала Вероника. — А то мне тут у вас немного не по себе. Такой огромный дом. Настоящий средневековый замок...

— А что значит — средневековый? — сразу спросила любопытная Дуняша.

Вероника тут же воспользовалась этим и решила применить к ней самый простой педагогический прием, усвоенный еще со времен увлечения Хрюшей и Степашкой:

— А об этом я обязательно расскажу тебе завтра, когда ты помоешься и придешь в свою кровать...

— Но я хочу сегодня!

— Можно и сегодня, но знаешь ли ты, что бывает с девочками, которые поздно ложатся

спать?

— Что?

— У них портится кожа лица. Она становится бледной и покрывается морщинами.

— Прямо сразу?

— Нет, не сразу — постепенно.

— Значит, моя мама поздно легла спать... — по-деловому заключила девочка.

— Очень может быть... — сказала Вероника. — Но она просто не знала. А ты теперь знаешь. Так что быстро под одеяло — и спать!

К ее удивлению, Дуняша послушалась — перехитрить ее удалось довольно быстро.

— Но завтра ты обязательно расскажешь мне про средневековый замок, ладно?

— Ну о чем речь... — развела руками Вероника и, довольная своим первым опытом няни, прикрыла дверь детской.

С того дня Вероника, вместо чтения надоевших сказок, устраивала Дуняше перед сном маленькие вечера вопросов и ответов. Обе были в восторге от такого времяпрепровождения. У Вероники было только одно условие — как только она говорит, что пора спать, свет выключается без всякого нытья и обид. Условие это неуклонно соблюдалось, поэтому с укладыванием ребенка у Вероники не было никаких проблем.

Вот уж чего нельзя было сказать о кулинарии...

Разумеется, Вероника умела кое-что готовить, кроме пресловутой яичницы. Мама научила ее основным простым вещам — сколько крупы класть в какую кашу, в какой последовательности забрасывать ингредиенты в суп, как «вымучивать» на огне дешевую жесткую говядину, чтобы она стала хоть немного мягче, как замешивать тесто для блинов и оладий, чем заправлять салаты.

Но, попав на кухню в семью «нового русского», Веронике пришлось забыть даже названия этих знакомых всем продуктов. Здесь понятия не имели, что такое гречка, пшено, геркулес... Есть блины считалось дурным тоном... А салат оливье признавали пищей плебеев...

Меню на каждый день составляла сама Алла, черпая его из бесчисленных современных журналов. Это были дорогие, богато иллюстрированные издания, где с большим вкусом рассказывалось о том, как лучше, культурнее и разнообразнее прожигать жизнь. Наверное, прежде чем покупать и обставлять свой фешенебельный особняк, Алла с Анатолием предварительно начитались этих журналов до одури. И вот теперь, воплотив в жизнь сладкую мечту о достойном жилище, они приступили к реализации следующего пункта программы — изысканная, гурманская еда.

У Вероники создалось впечатление, что Алла отбирает рецепты по принципу: чем труднее и дольше блюдо готовится, тем оно вкуснее. В первый же день она поинтересовалась у Анатолия, кем он представил ее жене — уж не выпускницей ли кулинарного техникума? Тот честно ответил, что ему пришлось наврать Алле с три короба про то, что Вероника закончила специальные курсы в Москве, а потом еще в Германии, где их особо обучали кулинарному искусству и всем современным направлениям в педагогике.

— Иначе бы она не согласилась тебя взять, — сказал он и печально развел руками.

И вот теперь, словно желая проверить, насколько качественно обучают домработниц на импортных курсах, Алла ежедневно заставляла Веронику превращать кухню в подобие лаборатории, где проводятся сложнейшие химические опыты. Или в логово какой-нибудь старой злой колдуньи, подмешивающей в свои отвары мышьи хвосты и толченые усики

тараканов. Кругом по всей кухне шипело, булькало, шкворчало, брызгалось соком, томилось под гнетом или мариновалось в уксусе... И среди всего этого безобразия сновала Вероника в своей домработницкой униформе — светлых хлопчатобумажных шортах до колен, свободной блузе навыпуск и сшитой из того же материала маленькой шляпке. Только благодаря этой форме Вероника немного выпадала из образа колдуньи. Все остальное — угрюмое и сосредоточенное выражение лица, неловкие движения ставших красными и шершавыми от воды рук, выбивающиеся из-под шляпки длинные встрепанные пряди волос — вполне образу соответствовало.

Блюда, которые заказывала к обеду или завтраку жена Анатолия, казались ей блажью зажавшейся и изнывающей от безделья купчихи. Как в известном анекдоте: человек заказывает себе в ресторане стакан водки и кота. Выпивает водку, хватая кота за хвост и, размахивая им над головой, кричит: «Скукотища!!!» Вот и Вероника занималась тем, что странным и нелепым, по ее мнению, способом развеивала барскую скуку. За все время ей ни разу не приходилось готовить что-нибудь простое — обязательно с каким-нибудь вывертом.

Если готовилась курица, то это была непременно «курица с сюрпризом»: нужно было вымачивать несчастную птицу несколько часов в заранее приготовленном соусе из тертых в ступке орехов, затем готовить начинку (в этом месте рецепта Вероника сталкивалась с множеством непонятных, хотя и очень красивых по звучанию слов), потом забивать эту начинку в курицу и зашивать китайскими шелковыми нитками. Пока же курица сидит в духовке, предлагалось вынуть сердцевину из яблок и набить туда непоместившиеся в курицу орехи и изюм. В результате под конец готовки Веронике казалось, что голова ее начинена тертыми орехами, мочеными яблоками и еще черт знает чем...

Но, конечно же, больше всего хлопот доставляла французская кухня. Вот когда Вероника вспомнила «Пену дней» Бориса Виана и повара Николя с его рецептом «колбасуся» на две страницы! Ей показалось, что Виан нисколько не подшучивал над страстью французских поваров максимально усложнять приготовление блюд. Он просто описал все как есть... Однажды затейнице Алле приспичило отведать праздничный французский обед на чистом вине — по традиции он состоял из четырех блюд. Впервые в жизни для приготовления супа Вероника вынимала зернышки из помидоров, а также шила специальный полотняный мешочек, в который полагалось складывать пряности и потом на веревочке опускать их на строго определенное время в бульон. Ладно бы на этом издевательство заканчивалось! После всех манипуляций полагалось еще и вынуть проваренные пряности из мешочка, измельчить их до консистенции пюре и снова бросить в суп. Затем добавить перец, сливки, вино и варить еще некоторое время, но ни в коем случае не доводить до кипения! Там было так и сказано — ни в коем случае!

Когда Вероника проделывала все это, у нее начинался истерический смех. Слава Богу, что Анатолий настоял на том, чтобы всю еду Вероника готовила в расчете на четверых — то есть и на себя тоже. Иначе она вообще бы сошла с ума от бессмысленности своих действий. «Да, у меня явно начисто отсутствуют кулинарные способности», — думала она, однако, сцепив зубы, упрямо продолжала заливать вермутом морские гребешки и лангусты, украшать готовые блюда маленькой (ни в коем случае не большой!) веточкой базилика и тонким слоем срезать кожицу с апельсинов и лимонов...

Она бросила взгляд на часы. Прошло даже не сорок минут — пролетел целый час! Значит, сироп уже давно превратился в желе, а может быть, и успел перейти в газообразное состояние. Поднявшись с плетеного кресла, Вероника уныло побрела к холодильнику...

Однажды Анатолий вернулся из Москвы позже обычного. Настроение у него было веселое и приподнятое, а вид — весьма странный. Вероника поначалу даже немного испугалась. Весь белый спортивный костюм Анатолия был покрыт ярко-алыми пятнами, похожими на свежую кровь. Впрочем, он и не собирался никого обманывать: даже маленькая Дуняша знала, что эти пятна — всего лишь краска от пейнтбола.

— Ты проиграл? Папа, ты что — проиграл? — звонко закричала она, выбегая ему навстречу.

— Почему это сразу «проиграл»? — с достоинством возразил ей Анатолий. — Можно сказать, что я героически погиб за правое дело. Весь израненный, я спас честь своего отряда... Пусть я умер, но наши-то победили...

Только сейчас все заметили, что Анатолий довольно сильно хромает на правую ногу.

— Хорошо еще, что голову себе не сломал... — высказалась Алла и с таким видом, будто ее оскорбили в лучших чувствах, удалилась к себе в комнату. Об ужине для хозяина она не заикалась — видимо, считала, что это дело прислуги.

— Что у тебя с ногой? — спросила Вероника, обрадовавшись возможности проявить свои медицинские познания.

— Наверное, растяжение. Ничего страшного.

— А-а-а... — несколько разочарованно протянула Вероника. — Есть будешь?

— Сегодня на ужин телячьи отбивные в красном вине! — радостно объявила Дуняша. — А еще крабовый салат-мороженое!

— Ну, раз такое дело — через пятнадцать минут спущусь на кухню, — пообещал Анатолий. — В столовую ужин не тащи — чего мне там одному делать... — добавил он и, стаскивая на ходу перепачканную краской олимпийку, отправился в ванную.

Вероника невольно скользнула взглядом по его тренированному мускулистому торсу.

— А что, мама не любит, когда папа играет в пейнтбол? — осторожно поинтересовалась Вероника у Дуняши, когда Анатолий вышел из холла.

— Не знаю... — пожала плечами девочка. — Она всегда на него обижается неизвестно за что. Просто уходит в свою комнату — и все. А мы с папой сидим и думаем: чего это она? Мне папу даже иногда жалко... — откровенно призналась она.

— А маму что, не жалко?

— И маму жалко... — печально вздохнула Дуняша и отправилась принимать перед сном душ.

Вероника пришла на кухню, положила в большую глубокую тарелку телячью отбивную с шампиньонами, добавила легкий овощной гарнир и поставила готовое блюдо в микроволновую печь. По опыту она уже знала — такое количество еды разогревается меньше минуты.

Затем Вероника достала из шкафа нарядную вазочку для мороженого (посуда в этом доме была еще одним предметом, достойным восхищения) и отмерила специальной круглой серебряной ложкой несколько шариков нежно-розового крабового мороженого. До сегодняшнего дня ей даже в голову не приходило, что такое мороженое бывает... Она бы, может быть, и не поверила, если бы сама не готовила его в течение двух часов...

Кроме того, на стол были поставлены неизменные свежие овощи, которым с помощью

фирменной овощерезки Вероника ежедневно придавала самые причудливые формы...

Еще лоток с разнообразной свежей зеленью (ее каждое утро приносила интеллигентного вида женщина из ближайшего дачного поселка). Эту зелень, как с гордостью поведала Веронике Алла, дачница выращивала специально для них на отдельной экологически чистой грядке, а Анатолий сам привозил ей купленные за границей отборные семена. Именно оттуда к Веронике на кухонный стол попадали редкие в русском хозяйстве травы — базилик, кардамон, эстрагон, тимьян, шафран... Названий некоторых Вероника никогда даже не слышала, например, иссоп, скорцонер, бамия, чабер, рута... Жена Анатолия говорила, что родина многих этих пряностей — Средиземное море, — но без них не обходятся ни на одной приличной европейской кухне.

Обязательным компонентом ужина (как, впрочем, и обеда) было сухое вино. Анатолий обычно выбирал его сам — иногда даже спускался для этого в погреб...

Вероника привычно поставила для Анатолия бокал, и в этот момент на кухне появился он сам — свежий, благоухающий дорогим мылом, пахнущим только что заваренными целебными травами... С мокрых потемневших волос еще срывались редкие капли. Одет он был в чистую просторную голубую футболку, от которой его глаза выглядели еще более синими, и длинные черные баскетбольные шорты, открывающие покрытые густыми светлыми волосами икры.

— Доставай еще один бокал! — махнул он рукой с выражением «гулять — так гулять». — Терпеть не могу пить один...

— Но это же не выпивка, — поджала губы Вероника. — Просто приложение к еде — как у итальянцев и французов. Мне Алла говорила...

— Алла может много что сказать... Ты уже ужинала?

— Поела.

— А еще разок не хочешь? На французский манер. У них же вроде бывает два ужина.

— А по-моему, два завтрака... — краем рта улыбнулась Вероника.

— Ну все равно, поешь за компанию. У тебя организм молодой, растущий.

— Нет уж, я лучше вина выпью. Что у тебя на этот раз?

— Ничего особенного, всего лишь «Кьянти».

— Сколько градусов? А то ведь мне еще Дуню укладывать...

— Ничего. Дунька у нас девушка привычная. Думаешь, легкое это дело — иметь мамашу филолога?

— Нет, не думаю. — Вероника наконец закончила все приготовления и села напротив Анатолия за широкий дубовый стол. — Ну давай, наливай, — по-простецки сказала она.

Незаметно, за разговорами, они выпили на двоих бутылку «Кьянти». Вероника почти не чувствовала опьянения. И все-таки Анатолий сам поднялся к Дуняше и предложил ей вместо сказки перед сном нарисовать портрет любимой домработницы Вероники. Дуняша с радостью согласилась.

Когда Анатолий возвращался вниз, то неожиданно споткнулся на крутой лестнице, пролетел до самого низа и только чудом устоял на ногах.

Вероника, услышав шум, вбежала в холл и застала Анатолия согнутым в три погибели — сморщившись и скрипя зубами, он держался за свою злосчастную правую голень...

— Черт! Обязательно надо было упасть на ту же самую ногу!

— Господи, и везет же тебе сегодня... — воскликнула Вероника. — Видно, все-таки придется мне тебя лечить...

— А ты что — и людей лечить умеешь? Или ты меня, как Глафиру — собачьими приемами? Хороший мальчик, умница... Потерпи немножко...

Анатолий так смешно передразнил Вероникины интонации, что она не выдержала и расхохоталась.

— Ладно, все мы твари Божьи. Давай, садись, показывай свою ногу.

Анатолий послушно опустился на стоящий поблизости треугольный пуф. Вероника поделовому опустила белый носок и стала смелыми движениями ощупывать ногу возле стопы.

— Ой! — шутливым фальцетом вскрикивал Анатолий. — Ой, осторожно! Доктор, мне больно!

— Ничего страшного, — объявила наконец Вероника уверенным тоном. — Обычное растяжение голеностопа, больше я здесь ничего не нахожу. Традиционный метод лечения — резиновый бинт и меньше нагрузки. Неделя — и все в порядке. Но я могу вылечить быстрее... — Вероника отошла от Анатолия и несколько раз резко взмахнула руками, словно хотела стряхнуть с них налипшие вредные поля.

— Это как? — спросил Анатолий. — Пассажи, что ли?

— Что-нибудь слышал про нетрадиционные методы лечения?

— Ну, что-то где-то...

— Цубо-терапия или массаж шиацу — это тебе что-нибудь говорит? А также иглотерапия и система су-джок?

— Откуда ты всего этого понабралась? — недоверчиво посмотрел на нее Анатолий.

Вероника пожала плечами.

— Не только у тебя есть знакомые корейцы. У нас на Сахалине их чуть ли не половина населения... И некоторые знают восточную медицину... Есть даже потомственные доктора. Вот один из них меня и научил. Это знакомый родителей, дядя Толя Хван...

— Вот как — даже тезка. Толик, значит...

— Да нет, на самом деле его по-другому зовут. Просто у него два имени — корейское и русское.

— Ясно. Ну, так в чем будет состоять восточное лечение?

— Сначала мне нужно отлучиться на веранду. Думаю, твоя жена не обидится, если я отщипну у нее немного полыни из одного пучка.

— Полыни? — искренне удивился Анатолий.

— Угу, полыни. Не бойся, я не заставлю тебя принимать ее внутрь.

— А что же тогда?

— Увидишь, — загадочно сказала Вероника. — Впрочем, будет даже лучше, если ты пойдешь вместе со мной. Гораздо приятнее делать это на свежем воздухе...

— Но что «это»? — сгорал от любопытства Анатолий.

— Пошли.

На следующее утро (это был выходной день) Анатолий вошел в столовую и на глазах у изумленной семьи принялся прыгать, скакать и делать различные акробатические трюки. Вероника тоже была в столовой — она как раз подавала к столу тушеную спаржу с жареными артишоками и яйца, фаршированные острым пюре из шпината. Все трое — Алла, Вероника и Дуняша — с изумлением уставились на гибкое, одетое в облегающие велосипедные шорты тело, которое извивалось и летало над полом — до тех пор, пока длинные ноги не задели рыболовную сеть на потолке. Лицо Аллы от выражения недоумения постепенно пришло к полному равнодушию и унынию.

— Что все это значит? — ровным голосом спросила она.

— Папа, у тебя же больная нога! — с восторгом воскликнула Дуняша.

— А это значит, что произошло чудесное исцеление. Всем понятно? — сказал Анатолий, встав ногами на дубовый стул и поправляя сбитую драпировку.

— Во-первых, в обуви не становятся на стул, — не повышая тона, заметила Алла и продолжила: — А во-вторых, мог бы выражаться и яснее. Чем ты вылечился, какое-нибудь новое американское лекарство?

— Не новое и не американское. Чтобы не устраивать испорченного телефона, предоставим слово самой исцелительнице... — И Анатолий широким жестом представил «публике» Веронику.

Сама не зная почему, исцелительница вдруг покраснела до ушей и спрятала взгляд. Но потом встряхнула головой и очень быстро взяла себя в руки.

— Ну, насчет чудесного исцеления — это Анатолий явно преувеличивает. Должно было помочь — и помогло...

— Но что это такое — скажи? Как ты его вылечила? Ты что — белый маг? — не утерпела и перебила ее Дуняша, которая, видимо, успела в своей жизни насмотреться разных передач, вроде «Третьего глаза».

— Евдокия! — нахмурилась Алла. — Во-первых, не перебивай. А во-вторых, взрослым надо называть на «вы». К тому же у нас в доме Вероника находится на работе... Продолжайте, Вероника, продолжайте. — Алла сделала царственный, повелительный жест рукой.

— Так вот, никакого чуда не было. Я просто прогрела ему ногу полынью, — пояснила Вероника. — Принцип тот же самый, что и в точечном массаже шиацу. Только на лечебные точки воздействуют не пальцами, а специальными сигаретами, сделанными из сухой полыни. Бывает, что и прижигают до волдырей, но лично я это считаю уже шаманством...

— Интересно, интересно... — слегка оживилась Алла. — А какие еще болезни можно так вылечить?

— Самые разные. От сердечных до нервных, — с нажимом на последнем слове сказала она.

— А где вы этому научились? — сухо поинтересовалась Алла.

— Искусство восточного исцеления передается по наследству в корейских и японских семьях. В России нет специальных институтов или училищ, где бы обучали цубо-терапии. Мне просто повезло — научил знакомый кореец, — авторитетно пояснила Вероника, хотя на самом деле обучалась хоть и под руководством Хвана, но по специальной книжке, которую

ей приходилось на ходу переводить с английского.

— Ну что вы, в самом деле, ее допрашиваете? Вы на ногу мою посмотрите... — Анатолий вытянул длинную, покрытую светлой шерстью ногу и сунул ее чуть ли не под нос жене и дочери. — Прошло сильнейшее растяжение — прямо как по волшебству прошло! Я даже бинта резинового не надевал. Утром проснулся, а нога как новенькая. Между прочим — не все это знают — я ведь вчера еще успел навернуться с лестницы...

После этого случая отношение Аллы к Веронике немного изменилось в лучшую сторону. Она, по крайней мере, не позволяла себе такого возмутительного высокомерного тона, каким обращалась к ней раньше. А через несколько дней Анатолий отозвал, по своей привычке, Веронику вечером на балкон (покурить, хотя курил, собственно, он сам) и поинтересовался, не смогла бы Вероника еще немного поработать доктором — например, полечить жену... Разумеется, за отдельную плату. Он навел справки и выяснил, что специалистов такого рода в Москве можно сосчитать по пальцам и берут они баснословно дорого. А между тем Вероника могла бы по благу и немножко уступить...

— Честно говоря, — сказала Вероника, подумав, — мне не очень удобно брать за это деньги. У меня еще недостаточно опыта, и потом — ты ведь для меня так много сделал... Нет, вас с Аллой я буду лечить бесплатно.

— У тебя что — денег куры не клюют?

— Клюют. Пока еще клюют, ты знаешь. Но давай договоримся, я на вас буду тренироваться. Так сказать, набираться положительного опыта. Идет?

— Кроликов подопытных, значит, сделать из нас задумала? — с шутливой обидой прищурился на нее Анатолий.

— Почему обязательно кроликов? — невинно улыбнулась Вероника. — Можно лабораторных крысок. Знаешь, белые такие — с длинными розовыми хвостами... Кстати, а чем больна твоя супруга?

— Почему «кстати»? — усмехнулся Анатолий.

— Да ни почему... — с трудом сдерживая смех, сказала Вероника. — Просто я должна знать, к чему мне готовиться...

Лечение Аллы проходило успешно. Вероника каждый вечер проводила над ее худосочным телом минут по сорок — давила на точки, ставила полынь... Как и многие люди астенического — то есть тщедушного — телосложения, Алла страдала болезнями желудка и анемией. Несмотря на высококачественное, полное белков и витаминов питание, она была болезненно бледной, с сеточками тонких фиолетовых вен на висках... Таковыми Вероника всегда представляла себе аристократок и принцесс...

После сеансов Вероники на щеках Аллы стал проступать слабый, вымученный румянец — и то при том, что она посадила пациентку на трехдневную морковную диету.

— Но советую в дальнейшем морковью не увлекаться, — предупредила ее она. — Вполне реально приобрести изысканный оранжевый цвет лица.

Алла в процессе лечения немного потеплела сердцем к Веронике и даже немного расспросила о ее происхождении. Репрессированный и сосланный дедушка произвел на нее хорошее впечатление. За эту деталь дедушкиной биографии Вероника, несомненно, поднялась в Аллиной шкале ценностей на пару ступеней. Теперь она могла даже отсоветовать Алле готовить то или иное блюдо — под предлогом того, что оно может ей повредить, а на самом деле, просто потому, что его слишком долго и муторно готовить. Словом, карьера Вероники как доктора восточной медицины явно складывалась удачно и давала ей массу преимуществ...

Однажды вечером, когда Вероника уже совсем собралась спать, к ней в комнату вдруг тихонько постучали.

— Кто там? — удивленно спросила она.

— Вероника, открой, это я, Анатолий, — раздался за дверью встревоженный голос.

Вероника накинула прямо на рубашку халат и поспешно открыла. В темном коридоре стоял Анатолий и, согнувшись, держался рукой за поясницу.

— Ну что — и тебя прихватило? — не стала задавать лишних вопросов Вероника.

— Как видишь! — развел руками Анатолий. — Только на тебя и надежда...

— Мне спуститься к тебе — или ляжешь прямо здесь? — опустил глаза, осведомилась Вероника.

— Если ты не против, могу прямо здесь, — сказал Анатолий.

— Мне все равно. Ложись... — И Вероника гостеприимным жестом указала ему на свою уже распахнутую ко сну постель.

Анатолий осторожно лег сверху на одеяло и задрал сзади футболку. Вероника опустилась на край кровати и, поставив руки на загорелую спину, спросила:

— Где болит сильнее всего?

Анатолий показал область ниже пояса. Вероника профессиональным жестом, ничуть не смущаясь, опустила резинку шорт и трусов.

— Радикулит тебе уже ставили?

— Нет...

— Остеохондроз?

— Вроде бы нет... Вообще-то я так давно не был у врача...

— Ну и слава Богу. Здесь больно? — Вероника надавила ладонью, и Анатолий зажмурился и сцепил зубы от боли. — А здесь?

— Тоже ошутимо.

— Теперь я буду спускаться вниз по позвонкам, а ты мне говори, где почувствуешь боль или неудобство... Поехали...

И Вероника стала осторожно кончиками пальцев прощупывать позвонки за позвонком его мощной, сужающейся книзу спины. Анатолий молчал, но Вероника вдруг почувствовала, что в его молчании присутствует какое-то напряжение — даже дрожь. Она ощутила ее внезапно, как будто сквозь кончики ее пальцев пробежали крохотные электрические разряды... Вероника попыталась по привычке встряхнуть головой, чтобы сбросить странные ощущения, но они не прошли. Тогда Вероника зажмурила глаза и приказала себе сосредоточиться.

— Больно? — строгим, «врачебным» голосом спросила она.

— Нет, приятно, — честно ответил Анатолий.

— Значит, сейчас будет больно... — сказала Вероника, приближаясь пальцами к пояснице.

— Ты что — садистка? — с улыбкой поинтересовался Анатолий.

— Садистка, садистка... — продолжая ощупывать позвонки, ответила Вероника. — Врачи все немного садисты — это даже моя мама говорила. Здесь больно?

— А! — вскрикнул Анатолий.

— Ну вот оно и смещение... — почти радостно объявила Вероника. — Значит, дело все-таки в позвоночнике. После тридцати почти у всех развивается остеохондроз.

— И что же мне теперь делать?

— Есть комплексы упражнений для спины, могу поставить полынью...

— Это все успеется... А сейчас — чтобы быстро снять боль?

— Могу промять прилегающие «забитые» мышцы... Они-то тебе и тянут спину во все стороны. Но это будет уже классический массаж.

— А ты и классическим владеешь?

— Да, я закончила курсы.

— Да ты просто мастер на все руки!

— Ладно, положи руки вдоль тела и расслабься. Вот так... Сейчас я немного разогрею мышцы... — И Вероника принялась плавными движениями массировать Анатолию поясницу...

Снова она почувствовала, как через пальцы, вверх по рукам и к голове поднимаются сладкие волны удивительной неги... Ей показалось, что Анатолий тоже чувствует их — каждый сантиметр его тела отзывался на ее легкие прикосновения. Массаж явно выходил из границ, заполняя всю комнату странным томлением, которое с каждым движением ее рук нарастало и нарастало...

Где-то в глубине сознания Вероники билась мысль, что, наверное, надо прекратить делать массаж... Что ситуация получилась довольно щекотливая — они с Анатолием вдвоем ночью на ее кровати... Но руки ее сами собой продолжали гладить упругую загорелую кожу, а глаза — любоваться его зрелым и ладным телом...

Вероника предполагала, чем может кончиться подобная игра, но вдруг поняла, что ей совершенно все равно. Более того, ей хочется гладить и гладить тело Анатолия — и даже дотронуться до него губами...

Внезапно Анатолий перевернулся с живота на спину, и Вероника сама не поняла, как оказалась на постели в его объятиях. Прежде чем она придумала, какими словами ей на это

отреагировать, Анатолий приник к ее губам долгим и нежным поцелуем. После этого все слова были уже бессмысленны...

Руки его нежно, но сильно обхватили ее всю и трепетно сжали, словно хотели защитить от жестокого и несправедливого мира. Такого целебного тепла Вероника не ощущала уже давно — от Анатолия словно исходили флюиды любви. Она вдруг поняла, что против этой могучей любовной силы она ничего не сможет сделать, да ей и не хотелось...

Пальцы Анатолия легкими касаниями пробежали прямо сквозь халат и рубашку по ее маленькой груди, животу... Вот уже откинут подол, рука нырнула под него — и вскоре под нежными пальцами поднялись и затвердели соски... Рука скользнула вниз, снова к животу, насладилась его гладкой кожей и... внезапно остановилась возле самого лона. Это вовсе не была нерешительность, нет — скорее лукавство. Зрелый, опытный любовник, он просто хотел раздражить ее, заставить страстно желать продолжения. Пальцы не прекращали свою ласковую игру возле пушистого лобка девушки, но вниз не спускались... Губы и язык были деликатны и нежны с ее ртом — словно пили нектар из цветка...

Когда Анатолий отнял губы от маленького, как нежный бутон, Вероникиного рта, она уже не думала ни о чем: ни о том, что она находится в чужом доме и с чужим мужем, ни о землетрясении, отнявшем у нее любимого парня, ни о том, что всего пару месяцев назад она потеряла девственность с насильником, а затем убила его, ни о том, что еще недавно она была беременна и перенесла аборт. Все потеряло смысл, растворилось в горячем соке, который исторгало ее лono...

Анатолий все дразнил и дразнил ее... И вскоре она попалась на его уловку — бедра ее ожили и приподнялись, тело изогнулось в сладкой истоме... Она звала — и Анатолий почувствовал это. Пальцы в последний раз прошли по животу, легонько очертили пупок и после этого медленно и неотступно направились вниз, где все уже горело и томилось. Вот они пересекли маленький островок светлых блестящих волос — лаская, едва касаясь... И вот наконец — долгожданное, горячее прикосновение, от которого у Вероники вдруг прорвалось что-то внутри — такого она еще не испытывала никогда!

От лона, которое внезапно стало центром всего тела, по всем венам, жилам, артериям, сосудам — и что там еще есть — потекли тягучие, как мед, волны неги. Когда они достигли головы, Вероника почувствовала, что реальность ускользает от нее — перед глазами все смешалось, уши перестали слышать, и только руки продолжали иступленно гладить Анатолия по спине. Дыхание Вероники стало частым и прерывистым — она уже не следила за собой, и временами в нем прорывался стон...

— Вероничка! — вдруг шепнул Анатолий в самое ее ухо. — Девочка моя милая... — От этого шепота по всему телу Вероники пробежала волна сладких мурашек, и Анатолий, заметив это, зашептал еще и еще: — Милая! Забудь все плохое... Теперь у тебя все пойдет хорошо... Ты сладкая... Тебя нельзя не любить...

Рука его Бог знает что вытворяла у нее между ног, заставляя ее задыхаться от сладострастия. И вдруг Вероника схватилась за эту руку и крепко прижала ее к своему лону. Голова ее метнулась в одну сторону, потом в другую... Анатолий видел, как она изо всех сил закусывает губы, чтобы не застонать.

— Кричи! — шепнул он нежно. — Все равно не слышно!

Но Вероника не издала ни звука. Когда все кончилось, она отпустила его руку и натянула на раскрытые ноги одеяло. Глаза ее были по-прежнему закрыты.

Первый в жизни оргазм произвел на нее ошеломляющее впечатление. Между тем

Анатолий, который за время, пока ласкал Веронику, успел возбудиться почти до крайнего предела, не считал игру законченной. Властно обняв Веронику одной рукой, он снова шепнул, приблизившись прямо к ее уху и щекоча его своими волосами:

— Тыпустишь меня к себе?.. — Это был даже не вопрос, а скорее заклинание. — Посмотри на него — он же скоро треснет по швам... Не бойся — посмотри... — Анатолий взял руку Вероники и вместе с ее ладонью обхватил свой твердый пылающий член...

Веронике хотелось отдернуть руку — почему-то ей было страшно, — но Анатолий крепко держал ее, и его жаркое дыхание щекотало ей щеку.

— Сейчас я зайду в тебя — осторожно-осторожно... Медленно-медленно... — С этими словами Анатолий скинул одеяло, ладонью раздвинул ей ноги и лег сверху, прижавшись горячим орудием к ее животу. Веронике показалось, что она чувствует, как внутри этого раскаленного стержня бьется пульс...

— Тебе не больно? — шепотом спросила она.

— Конечно же, нет, дурища... — ласково ответил Анатолий и коротко поцеловал ее в губы. — Лучше разведи ноги как можно сильнее, тогда мне будет легче войти.

Вскоре вход в ее лоно обожгло прикосновение его горячей плоти. Помогая себе рукой, Анатолий стал осторожно, как змея, вползать внутрь ее тела. Вероника невольно вспомнила свои ощущения, когда это проделывал с ней Пахан, — и брезгливо зажмурилась.

— Что ты? — встревожился Анатолий. — Больно?

— Нет... Просто у меня из головы не идет...

— Мерзкий ублюдок... — выругался Анатолий. — Попался бы он мне — убил бы, ей-Богу...

Вероника сжала кулаки, чтобы не выдать своего волнения. Как можно убить того, кто уже убит? Убит физически, но живет — и, наверное, будет вечно жить — в виде горьких воспоминаний и ночных кошмаров...

— Все позади, девочка моя... Расслабься... С тобой же все в порядке — ты так замечательно кончила...

— Это был оргазм? — почти равнодушно спросила Вероника.

— Конечно! Тебе понравилось?

Вероника уже забыла о своих удивительных ощущениях — нахлынувшие неприятные воспоминания не оставили от них и следа.

— Да... — рассеянно ответила она. — Раньше мне просто все время было больно — и все.

— Больно больше не будет... — страстно пообещал Анатолий. — Сладкая ты моя... А знаешь — я уже в тебе!

Вероника улыбнулась краешком рта.

— «Молодой человек! Вы уже полчаса на мне лежите и ничего не делаете...» — вспомнила она фразу из анекдота.

— Можно? Ты мне разрешаешь? — шепнул Анатолий, и Вероника почувствовала, как от его шепота по спине у нее снова пробегают мурашки.

Как и обещал, Анатолий двигался медленно и плавно, будто ласкал теперь ее тело изнутри. Вероника видела, что он все время держится на грани извержения — словно пробудившийся вулкан... Она вдруг поняла, что ей уже совершенно не больно от его движений, а даже странно приятно. Руки ее снова сомкнулись на его спине, губы нежно тронули влажное от пота плечо.

— Милая... — все горячее шептал он. — Милая! — Бедра его задвигались быстрее... И вдруг он зашел в нее так глубоко, что в первый момент Вероника почувствовала боль — и замер там, одновременно издав хриплый стон.

Уже через несколько секунд голова его безвольно опустилась к ней на плечо, руки и плечи обмякли. Вероника почувствовала на себе всю тяжесть его молодого крепкого тела.

— Эй! — тихонько окликнула его она. — Я так долго не выдержу!

Анатолий, едва открыв глаза, сполз с Вероники и уткнулся лицом в подушку. Затем он вслепую протянул к ней руку и ласково погладил Веронику по волосам:

— Извини... Я только одну минутку... Мужчинам это нужно...

— Да уж знаю. Читала такой рассказ у Хемингуэя — «У нас на Мичигане» называется?

— Это-то ладно... А вот ты читала у Чехова «Спать хочется»? — промычал в ответ он и, нащупав Вероникину руку, поднес ее к губам.

— Послушай... — вдруг обеспокоенно сказала Вероника, отнимая руку. — А ты не боишься, что тебя хватится жена?

— Не... — махнул рукой Анатолий. — Она в своей комнате. Ей это не нужно.

...Когда через двадцать минут Вероника одиноко спала в своей постели, губы ее беззвучно шептали: «Максим! Спаси меня, Максим... Вытащи меня отсюда...»

— Я тебе говорила, что этим все кончится! — забыв о своем «профессорском» лоске, кричала Алла. — Ты представляешь, какие уродцы рождаются теперь у бедной Глаши! Это же будут настоящие монстры... И потом, неизвестно, какая у этого охламона наследственность — вдруг у него был какой-нибудь гигантский папаша... Тогда девочка может вообще не разродиться! Придется кесарить. Нет, все-таки это вопиющая безответственность с твоей стороны...

Анатолий, который слушал эту тираду, стоя к жене спиной, незаметно ухмылялся. Почему-то история с Глафирой, которой Том сделал «дворянских» щенков, несколько не расстраивала его, а, наоборот, веселила. Разумеется, Алле он в этом не признавался, дабы не спровоцировать нового приступа гнева.

— Да, да, безусловно, это мой просчет... — с пафосом соглашался он, хотя сам едва сдерживал улыбку.

— Ты знаешь о том, что, если у чистокровки был хоть один «левый» помет, она уже безвозвратно испорчена!

— Ты хочешь сказать, нам придется из-за этого ее усыпить?

— Не болтай глупостей, ты прекрасно понимаешь, о чем я говорю! Щенки от нее уже не будут считаться элитными...

— Но можно ведь и скрыть этот факт... — Анатолий сделал шутливо-таинственное лицо. — Это будет даже романтично. Аристократка скрывает свою легкомысленную связь с простолюдином. Щенков-метисов тайно передают в руки доверенных лиц. Все подкуплены. Честь высокородной особы спасена...

— Хватит паясничать, — оборвала его Алла. — При всем моем уважении к Веронике как к врачу... Надеюсь, ты понимаешь, что в сложившейся ситуации... В общем, придется распрощаться с ее горячо любимым кобелем... Полагаю, это твой долг — убедить ее, что теперь в нашем доме ее собаке не место.

— Хорошо, я разделаюсь с этой проблемой в самое ближайшее время, — горячо пообещал Анатолий и поднял ногу на ступеньку лестницы, давая понять, что считает разговор законченным.

В ту ночь — как уже повелось с того раза, когда Вероника лечила ему спину, — он дождался, пока в доме все уснут, и тихо поднялся на третий этаж в ее комнату...

Умелый и нежный любовник, с каждой новой встречей Анатолий все сильнее пробуждал в девушке дремавшую доселе чувственность. Теперь она уже не боялась смотреть на обнаженное мужское тело — более того, она могла позволить себе спокойно, с интересом его обследовать.

Анатолий был прекрасно сложен — и годы ничуть не испортили его. Временами Вероника даже думала, что он красивее, чем Максим, которого она потеряла навсегда... Впрочем, могла ли она считать, что «нашла» Анатолия? Кем он ей был — кто она была для него?

Когда Вероника дружила с Максимом, все было так просто, так чисто. Никто не стоял между ними (родители не в счет). Только один раз — в девятом классе — рыжая Татьяна из параллельного класса предприняла безумную попытку отбить у Вероники Максима. Тогда за развитием событий следила чуть ли не вся школа... Максим лишь слегка дернулся под

пулеметным огнем, который обрушила на него страстная пышногрудая Татьяна. Между Вероникой и Максимом произошла размолвка, которая длилась не больше двух дней. Конечно же, он остался с ней — разве мог он променять на кого-нибудь свою Веруню...

Раза два Вероника ловила себя на том, что в момент страсти называет Анатолия Максимом. Тот относился с пониманием к этим невольным ошибкам. О существовании Максима он знал и старался не заострять внимание на печальных событиях ее прошлого. Настоящее — вот чем он пытался залечить ее раны. Во время их бурных свиданий Анатолий поил Веронику самыми дорогими и тонкими винами, приносил диковинные фрукты и сладости. Под его ласками она обо всем забывала и просто улетала в какой-то параллельный мир, где не было ни забот, ни печали, ни воспоминаний...

Сегодня Анатолий, как всегда, был утонченно нежен с ней, и глаза его светились влюбленностью. Сообщение про «безобразный поступок» Тома он решил отложить на потом. Вероника, которая уже совершенно не стеснялась своего любовника, сидела обнаженная при мягком свете ночника. Длинные ее ноги были вытянуты на атласном покрывале. Анатолий — тоже голый и уже возбужденный — расхаживал по комнате с непечатой бутылкой «Вдовы Клико» и рассказывал ей о то, как однажды, по молодости, его чуть не завербовали заниматься групповым сексом. Случайно он оказался на какой-то вечеринке, где собралась куча «золотой» молодежи. Сам он был приглашен туда в буквальном смысле «за красивые глаза». Пока судь да дело, вдруг выяснилось, что компания эта привыкла проводить время, устраивая бурные многолюдные оргии. Квартира под это дело отводилась большая и хорошо обставленная, участников тщательно подбирали по интеллекту и «экстерьеру». Иногда они даже снимали происходящее на видео, а потом устраивали совместные просмотры. Анатолий тогда был еще не женат, но даже из любопытства не стал принимать участия в этом бедламе.

— Понимаешь, как я ни пытался, как ни уговаривал себя — все-таки интересно же хоть раз в жизни попробовать, — все равно не смог преодолеть себя, — говорил Анатолий, разливая по бокалам светлое вино. — Во-первых, я не мог абстрагироваться от того, что я должен прикасаться — и даже более того — к совершенно чужим людям, с которыми до этого не сказал ни слова... А во-вторых, мне было просто элементарно противно, неприятно как-то...

— Даже несмотря на то, что они были красивые? — спросила Вероника.

— Представь себе. Знаешь, не все мужчины могут спать с проститутками. Некоторые настолько заморочены, вроде меня. Может быть, это даже плохо, что я воспринимаю секс так ментально. Наверное, лучше, когда мужик просто бездумно «пилится», как скотина, — и все...

— Да нет, не лучше... — задумчиво отозвалась Вероника, отпивая из бокала вино. — И если еще остались такие тетki — я имею в виду, которым нравится такой тип мужчин, то они, по-моему, просто мазохистки.

— Ну и молодежь пошла образованная, — улыбнулся Анатолий. — Я в твои годы и слова-то такого не знал.

— Считай, что тебе повезло... — начала Вероника и вдруг, вздрогнув, прислушалась. Из бокала прямо ей на живот выплеснулось вино. Ей показалось, что она услышала в коридоре или на лестнице какой-то шум.

Анатолий тоже затих. Некоторое время оба сидели молча и изо всех сил напрягали слух. Шум больше не повторялся.

— Что это было? — шепотом спросила Вероника наконец.

— Не знаю, — пожал плечами Анатолий. — Но я думаю, ничего страшного. Моя комната заперта — и нет никаких оснований сомневаться, что я лежу там и сплю. Даже если кому-нибудь и взбрело в голову побродить ночью по дому, ничего интересного он не обнаружит. Ну что ты сразу так встрепенулась? Расслабься и спокойно пей вино.

Вероника невольно бросила взгляд на свой облитый вином живот. Анатолий перехватил ее взгляд.

— О-о-о! — зажмурился он. — Такое вино — и пропадает... — С этими словами он склонился над животом Вероники и принялся слизывать языком терпкие капли. Постепенно он спускался все ниже и ниже, пока Вероника не поставила бокал на тумбочку и в тихом блаженстве не откинулась на подушку...

Когда оба они пришли в себя после накала страстей, Анатолий решил, что можно и начать разговор про Тома. Расслабленная, утомленная, Вероника даже почти не расстроилась. Вначале он поведал ей историю падения Глафиры — это вызвало у Вероники лишь приступ сдавленного смеха. Потом сообщил о непреклонности Лады в отношении Тома. Вероника ненадолго задумалась.

— Что же теперь делать? — томным, ленивым голосом спросила она.

— Я уже все продумал. Отвезу этого чертика к Пломбиру. Есть у меня такой приятель на Академической — толстый такой, бородатый. Ему только богатыря русского в кино играть. Представляешь, мужику тридцатник, а он мороженое обожает, как ребенок. Купил специально морозильник, скупает наш, советский, пломбир тоннами. Если ты в гости к нему приедешь — хоть ночью, — он тебя обязательно мороженым будет угощать. А если откажешься, может и обидеться всерьез. Вообще Пломбир у нас уникам — экстрасенс, меломан — и просто душа-человек... Я тебя обязательно с ним познакомлю... Думаю, он не откажется присмотреть немного за Томом. А потом, со временем, что-нибудь придумаем...

Вероника, прикрыв рот рукой, зевнула. Была уже глубокая ночь.

— Засыпаешь? — ласково потрепал ее по волосам Анатолий. — Знаешь, я, пожалуй, заночую сегодня у тебя, если ты не возражаешь. Был там кто-нибудь или слышалось — лучше не рисковать. Ты же знаешь мою Аллочку, она такое устроить может. Стерва классическая... Ну, да не будем об этом. Сии... — И Анатолий погасил в комнате свет. — Завтра утром надо не пропустить момент, когда она выходит на лужайку заряжаться энергией по системе йоги. Это единственный шанс проскочить в комнату, а потом сделать вид, что так и было...

Утром за завтраком Алла — а это она бродила ночью по дому — решила устроить Анатолию и Веронике нечто вроде очной ставки. Она считала себя неплохим психологом и надеялась по их реакции определить, оправданны ее подозрения или нет. Дождавшись момента, когда Вероника внесла в столовую поднос с чашками, Алла неожиданно, как бы между прочим, спросила мужа:

— Кстати, а где ты был ночью: я стучалась к тебе в комнату, хотела попросить у тебя снотворное — мне что-то не спалось...

Вероника, услышав этот вопрос, лишь невероятным усилием воли заставила свое лицо оставаться неподвижным. Кажется, ни один мускул на нем не дрогнул. Анатолий тоже выдержал испытание с честью.

— А ты громко стучала? — спросил он, продолжая жевать тартинку, как будто в ее вопросе не было ничего необычного.

— Довольно громко, — сказала Алла, — но, конечно, так, чтобы не перебудить весь дом.

— Я, например, спала и не слышала никакого стука, — встряла в разговор Дуняша, за что мать тут же припечатала ее строгим взглядом.

Казалось, все прошло благополучно для тайных любовников, однако, как они ни старались, зоркий взгляд Аллы все-таки выцепил то, что обычно происходит на уровне подсознания. Когда она задавала вопрос, руки Вероники невольно сильнее сжали поднос... Во взгляде Анатолия промелькнула едва заметная досада... Вне всякого сомнения, очная ставка удалась — теперь уж Алла не сомневалась, что от нее что-то скрывают.

— Значит, у меня крепкий здоровый сон, — сказал Анатолий. — А тебе нужно побольше бывать на свежем воздухе. Может, тебе слетать на week-end на море? Хочешь одна, хочешь — с Дунькой?

— Сколько раз я тебе говорила, не называй Евдокию Дунькой, — ледяным тоном произнесла жена, не в силах скрыть раздражения.

— Но ведь сама она не против, когда я ее так называю, — миролюбиво сказал Анатолий и подмигнул дочери. — Верно, Дуняш?

— Ну о чем речь! — расплылась в белозубой, как у отца, улыбке Дуняша, а ее мама при этих словах едва не выронила из рук вилку.

— Боже, Евдокия, откуда ты понабралась таких выражений?

— Вероника всегда так говорит... — пожалала плечами Дуняша. — Мне очень даже нравится...

Алла ничего больше не сказала, только повела бровями. Завтрак закончился в напряженном молчании.

Предложение Анатолия съездить на море только укрепило Аллу в ее подозрениях. Однако она решила не подавать виду и вечером объявила Анатолию:

— Ты знаешь, я подумала и поняла, что действительно немного устала. Когда сидишь все время в четырех стенах — пусть даже в таких фешенебельных, — в конце концов начинаешь чувствовать недостаток новых впечатлений... Пожалуй, ты прав — мне надо ненадолго куда-нибудь съездить.

— Ты уже выбрала страну?

— Да. Думаю, что сейчас спокойно можно ехать в Италию — основная жара там уже прошла...

— Ну и поезжай, — Анатолий подошел к жене и церемонно чмокнул ее в щечку. — Евдокию оставишь?

— Нет уж, она поедет со мной, — холодно отрезала Алла. — А то она того и гляди тут материться начнет. Все-таки, наверное, кухарка не может быть одновременно и воспитателем для ребенка... — устало прикрыла глаза она.

— Но, если так рассуждать, то она не может быть и врачом, — парировал Анатолий. — Однако же Вероника тебя лечит. И, насколько я понимаю, довольно успешно.

— Да. Успешно, — отвернувшись в сторону, отрывисто проговорила Алла. — Иначе бы давно уже ноги ее не было в этом доме...

Алла уехала.

В жизни Анатолия и Вероники настали самые светлые дни. По замыслу, Алла с Дуняшей должны были отсутствовать целых пять дней. Для любовников, которые до этого встречались лишь тайком, под покровом ночи, это было настоящим подарком. Наконец они были предоставлены сами себе и теперь старались почти все свободное время проводить вместе. Днем Анатолий был на работе — как бы он ни был влюблен, работа оставалась для него на первом месте, — а вечером Вероника встречала его с ужином. По его настоянию она не готовила в эти дни ничего необычного. Все только самое простое, тривиальное и несложное в исполнении.

— Хоть немного отдохнешь от этих дурацких кулинарных вывертов, — говорил он, ласково поглаживая ее по голове.

Уезжая, Алла дала Веронике задание — подобрать меню на последующий месяц — из расчета, какие продукты будут более всего актуальны. Веронике приходилось просиживать по несколько часов за журналами, выбирая блюда из кабачков, тыквы, цветной капусты и других овощей и фруктов, которые поспевают ближе к осени. И все же это нравилось ей гораздо больше, чем воплощать все эти теоретические выкладки в жизнь.

Теперь спали они все время вместе — в комнате Вероники. После первой же ночи Анатолий спросил ее:

— Послушай, тебе что — каждую ночь снятся кошмары? Ты совершенно жутко кричишь во сне. Не помнишь, как я тебя будил?

— Не помню. А что — я просыпалась?

— Глаза ненадолго открывала. Но потом опять заснула. Явно с тобой что-то не то... Я еще тогда заметил, помнишь, когда первый раз у тебя оставался. Только заснул — и вдруг просыпаюсь от какого-то голоса. Я не сразу даже понял, что это ты. Подумал с перепугу, что Алла стучится. Ты еще какое-то время кричала, металась по кровати... Я хотел тебя разбудить, но ты вдруг сама успокоилась, и я не стал. Подумал, может, это ты под впечатлением — переволновалась. А сегодня смотрю — опять...

Вероника молчала, исподлобья глядя на штору, которую трепал сквозняк из раскрытого окна. Она уже почти свыклась со своими страшными снами — ведь в конце концов она же засыпала. Конечно, иногда приходилось принимать снотворное... Но когда-нибудь — она надеялась — это должно пройти. Не будет же она жить с этими кошмарами всю жизнь?

— Извини, если я своими воплями мешаю тебе спать, — сказала она наконец. — Может, тебе лучше перебираться на ночь к себе?

— Да я же совсем не об этом, глупая, — сказал Анатолий, придвигаясь к ней поближе и обнимая за плечи. — Я хотел предложить тебе помощь. Это же излечивается, я точно знаю. Достаточно пройти несколько сеансов у психоаналитика...

— Если честно, я не очень хорошо себе представляю, что такое психоанализ.

— Ничего страшного, ты не подумай. Это, кажется, дядюшка Фрейд придумал, если я не ошибаюсь.

— Это тот, который считал, что вся жизнь построена на сексе? — со скептической ухмылкой спросила Вероника.

— Вот-вот. Он придумал такую систему вопросов, которая позволяет постепенно

заглянуть в подсознание к человеку и вытащить оттуда именно ту проблему, которая его мучает. Когда это удастся, человек узнает о том, что ему мешает, и вместе с психоаналитиком учится, как это преодолеть. Очень часто ответы на все вопросы таятся в далеком детстве пациента или просто в прошлом... Думаю, в твоём случае далеко ходить не придется.

Вероника невольно вздрогнула, представив, что вытащит психоаналитик из ее подсознания. Действительно, ему далеко ходить не придется. Ведь совсем недавно она совершила убийство. Нет, такой способ лечения ей явно не подходит.

— А что, никакого другого способа избавиться от дурных сновидений нет? — поинтересовалась Вероника.

— Почему же, есть. Гипноз, например. Сначала тебя вводят в гипнотическое состояние и точно так же выясняют, что именно заставляет твой мозг выдавать такие сны... А потом уже дают установку.

— Нет, гипноз тоже не годится, — с авторитетным видом заявила Вероника. — Я слышала, это очень вредно для психики. На некоторых людей даже один сеанс может оказать непоправимое воздействие. Например, у нас в городе — мне бабушка рассказывала — произошла совершенно жуткая история. Приехал откуда-то гипнотизер — вроде Кашпиоровского, только масштабом помельче. Собрал зал в каком-то клубе, сначала всех оптом гипнотизировал, потом стал по очереди на сцену вызывать. Вот, одна девица вышла, он ее быстренько усыпил. Потом вывел ее из транса, аплодировали все. Большой успех был... А на следующий день девица эта снова заснула и не просыпается. Хватились этого гипнотизера, а его уже и в помине нет. Заезжий был... И стал у этой девицы вроде как привычный вывих, только в мозгах. Один знакомый у их семьи был, только он и мог выводить ее из этого транса. Потом те даже квартиру поменяли и деньги ему стали платить — зарплату. Пытались лечить ее, даже в Москву возили — все бесполезно. Вот такая история...

— Действительно, жуткая. А чем тебе психоанализ не подходит? Это современно, безопасно, действенно, в конце концов. Если ты беспокоишься, что дорого, так я заплачу, это для меня пустяки.

— Нет, — замялась Вероника. — Спасибо. Я как подумаю, что придется на всякие вопросы отвечать — не мое это... Не люблю я, когда в душу лезут... А вот раньше, когда психоанализа еще не было, ведь чем-то эти кошмары лечили? Кто этим занимался?

— Наверное, психиатры, — пожал плечами Анатолий. — Почему-то у всех моих знакомых к ним никакого доверия. Образование у них не то, система устаревшая... Галапиридол, лоботомия, шоковая терапия — жуть, короче...

— Но, может быть, попробовать что-то среднее? И обойдется подешевле, и мне спокойнее будет...

— Ну хорошо, я узнаю, — пообещал Анатолий и поднялся с кровати. — Пойду спущусь к себе — принесу тебе снотворное.

Врач был найден уже на следующий день — молодой, но опытный, как уверил Веронику Анатолий. Назывался он не психиатром, а психотерапевтом.

— Психиатры лечат болезни психики, а ты же у нас психически здорова, — со знанием дела объяснял Анатолий, пока они шагали по белому, отделанному серебристым металлом коридору клиники.

— А клаустрофобия — это разве не болезнь? — спросила Вероника.

— Ты же не страдала ею с детства. Это всего лишь приобретенное заболевание, результат сильного стресса. Как простуда. Полечишься — и все пройдет...

«УДАЛЬЦОВ ВЯЧЕСЛАВ ЕВГЕНЬЕВИЧ», — прочитала Вероника на двери кабинета. С первого взгляда доктор Удальцов не производил обнадеживающего впечатления. Худой, маленький, тщедушный, с настороженным прищуром глаз — он скорее напоминал подростка-неформала. Внимательные, даже въедливые серые глаза, впалые щеки, стриженная под ноль продолговатая голова. Про таких людей говорят: непредсказуемые.

Вероника поздоровалась, опустила в мягкое удобное кресло, а врач Вячеслав Евгеньевич сел в кресло напротив.

Прежде чем произнести слова приветствия, он некоторое время изучающе смотрел на свою новую пациентку. А может быть, он ждал, что та, дабы прервать неловкую паузу, начнет сбивчиво говорить сама. Но не на ту попал — Вероника сидела молча, глядя на разбросанные по столу бумаги.

Ей самой было интересно, что же скажет этот необычный врач. Про себя она загадала, что он должен начать разговор — либо стандартной фразой, вроде «Ну-с, на что жалуемся?», либо каким-нибудь шокирующим заявлением — например: «Готов поспорить, что в детстве вы обожали грызть ногти». И то, и другое показалось бы Веронике в его устах естественным. Однако обе ее догадки оказались неверными. После изрядной, почти театральной паузы доктор вяло, с сильным акающим акцентом спросил:

— Это ваш первый поход в подобную клинику?

— Да, — ответила Вероника.

— Сколько вам лет?

— Семнадцать.

Доктор молча кивнул и словно бы записал что-то себе «на подкорку».

— Что беспокоит? — спросил он затем, механически переключая с места на место какие-то папки.

— Боязнь замкнутого пространства и ночные кошмары, — последовал исчерпывающий ответ.

В глазах доктора не мелькнуло и тени живого интереса или участия. Видимо, работая здесь, он уже наслушался такого, что его нисколько не удивляло наличие у юной особы подобных симптомов.

— Вы готовы ответить на несколько моих вопросов?

— Если вы не против, я кое-что расскажу вам сама... — сказала Вероника, взглянув ему в глаза, но по-прежнему не обнаружив там никаких эмоций.

— Я вас слушаю.

И Вероника коротко изложила ему события, которые, по ее мнению, послужили

причиной для ее психических нарушений. Землетрясение... Сутки под плитой в завале... Снотворное в медсанчасти... Незнакомый дом... Чердак... Мерзкий тип в камуфляже...

— Почему вы замолчали? Говорите, не стесняйтесь — он изнасиловал вас? — помог ей продолжить Вячеслав Евгеньевич.

Да, он изнасиловал ее. Несколько кошмарных дней в «тюрьме», а потом... Разумеется, Вероника ни словом, ни намеком не обмолвилась о том, что на самом деле произошло в тот вечер, когда она решилась стащить у своего мучителя ключ. По ее версии, она просто взяла этот ключ, открыла дверь и сбежала.

Все. После этого почти ни одной ночи она не спала спокойно.

— Вам снятся разные сны или какой-то один, навязчивый? — спросил доктор.

— Скорее второе. Вернее, сны бывают и разные, но они очень схожи между собой. Одни и те же сцены, всегда ощущение ужаса и желание поскорее проснуться...

— А вы могли бы рассказать поподробнее, что вам снится?

— Действие, как правило, происходит в лесу.

— В каком лесу — хвойном, лиственном, смешанном?

— В хвойном. Ели — большие, страшные, какие-то крючковатые... Под ними всегда болото. И еще бывает гром — гроза. И дождь... Знаете, первый раз я увидела этот сон в ту ночь, когда случилось землетрясение...

— Продолжайте, продолжайте. — Доктор Удальцов взял со стола ручку и принялся задумчиво вертеть ее в руках.

— Самый ужас начинается тогда, когда я бегу по лесу на чей-то голос и проваливаюсь в болото. Наверное, именно в этот момент я и начинаю кричать...

— А вам говорили, что вы кричите во сне?

— Да, мой... мои близкие уже давно это замечают.

— Родители?

— Нет, мои родители еще раньше, до землетрясения, ушли в плавание на рыболовецком судне. Я с ними общаюсь по телеграфу.

Доктор помолчал.

— А этот человек — который выкрал вас, — он вам ни разу не снился?

— Нет! — с излишней поспешностью ответила Вероника, и тут же постаралась исправить положение: — Я почти не помню его лица, потому что чаще всего видела его в потемках... Думаю, поэтому он мне и не снится...

— Ну хорошо. А что именно вы кричите? Вы не помните? Может, вам говорили?

— Да, говорили... — Вероника вспомнила ночи, проведенные в плацкартном вагоне, и несчастных пассажиров, которым приходилось ее толкать, когда она начинала кричать слишком громко. — Я кричу «Помогите!» или «Вытащите меня отсюда!». И еще... зову.

— Кого зовете?

— Родителей. Одного человека, который погиб в землетрясении.

— Долго вы пробыли в разрушенном городе, прежде чем приехали в Москву?

— Да я вообще туда не возвращалась! По семейным обстоятельствам мне нужно было срочно попасть в Москву.

— И вы что же — бросили свой дом?

— Извините, это слишком длинная история, почему мне пришлось так поступить, — и она совсем не имеет отношения к последующим событиям.

— Но вы как-то связывались с домом, иначе откуда бы вы узнали, кто погиб, а кто —

нет?

— Я вам не говорила, в доме у того типа я случайно нашла газету. Там были списки погибших.

— Вы тяжело переживали гибель этого человека? — Доктор задал вопрос, не глядя ей в глаза.

— Да.

— И переживаете до сих пор?

— Да...

— У вас были с ним близкие отношения?

— Не знаю. Скорее — да, чем — нет.

— Вы были девственниками?

— Да. Извините, но я не привыкла обсуждать интимные темы, — твердо сказала Вероника.

— Что ж, это бывает, — невозмутимо сказал доктор. — И настаивать я не вправе. Вам больше нечего мне рассказать, что касалось бы ваших снов и не выходило за принятые вами рамки?

Вероника задумалась.

— Наверное, нет, — сказала она наконец.

— Ну, тогда перейдем к клаустрофобии. Когда вы в первый раз заметили, что боитесь замкнутого пространства?

— В поезде, в купе.

— Ясно. А потом?

— Потом еще раз в лифте. И когда ночевала в маленькой комнате — боялась запира́ть дверь.

— А в метро?

— Да нет, там все нормально... Хотя нет... один раз было. Когда вагон остановился и машинист стал говорить: «Не волнуйтесь, граждане пассажиры». Тут-то я и заволновалась.

— У вас все ограничивалось волнением? Я имею в виду — какими-то чисто эмоциональными проявлениями?

— Чаще всего — да. Но один раз — когда меня угораздило застрять в лифте — дело кончилось плачевно. Я сначала пыталась открыть двери, а потом завалилась в обморок. Хорошо, что была не одна.

Доктор снова кивнул и сбросил информацию к себе «на подкорку». После этого надолго установилось молчание. Было слышно, как за окном цокают каблучки и вдалеке изредка проезжают машины. Клиника располагалась в одном из тихих переулков в Центре.

Наконец доктор поднялся с кресла и прошел к своему рабочему столу.

— Скажите — вы верующая? — спросил он.

— Ну, это сложный вопрос... — начала Вероника, но доктор остановил ее жестом руки.

— Уточню свой вопрос: вы ходите в церковь, на исповедь?

— Нет...

— Вы не слишком любите делиться с кем-либо своими проблемами — я угадал?

— Угадали. Да мне особенно и не с кем здесь делиться. Все знакомые остались на Сахалине.

— Как бы там ни было, но вы должны понемногу освобождаться от гнетущих воспоминаний. Если вы не имеете возможности делать это устно — так сказать, плакаться в

жилетку, то надо использовать самого безотказного и благодарного слушателя.

Вероника вопросительно подняла на него глаза.

— Бумага, — пояснил он. — Бумага — вот самый благодарный и безотказный слушатель. Она может вынести и проглотить все, что вы ей ни расскажете... А между тем эффект будет тот же, что и в случае с жилеткой. Передавая бумаге то, что у вас наболело, вы будете от него освобождаться!

— Это должен быть дневник? — недоверчиво осведомилась Вероника.

— Совершенно все равно. Да хоть роман... Хоть рассказ... Хоть повесть... Просто бессвязный бред... Откройте такой краник внутри — и пусть оно льется, льется... Может, не каждый день. А может, сразу несколько дней подряд напишете — и увидите, что отпускает.

— То есть в этом и будет состоять мое лечение? — уточнила Вероника.

— Ну да.

— И от кошмаров, и от клаустрофобии?

— Да! Только единственное условие: вы не должны ничего утаивать. Бумага этого не любит. Если я могу простить вам лукавство, то бумага не простит ни за что. Режьте, так сказать, правду-матку — чего вам бояться? Ведь если вы как следует позаботитесь, то бумага будет хранить ваш секрет сколь угодно долго. Или же потом — когда вы почувствуете, что уже совсем освободились, вы просто возьмете все свои записи и торжественно их запалите. А, каково? Хорошая мысль? В этом есть даже некоторая романтическая символика, вы не находите?

Вероника улыбнулась и пожала плечами.

— Ладно, не будем загадывать, хотя я почти уверен, что это должно вам помочь.

— Я могу идти?

— Зайдите, когда сами посчитаете нужным. Даже если не почувствуете эффекта вообще...

— Спасибо... — И Вероника на деревянных ногах вышла из кабинета.

В коридоре под дверью ее ждал Анатолий.

— Ну что? — озабоченно спросил он.

— Велели почаще бывать на свежем воздухе, — тихо сказала ему на ухо Вероника. — И поменьше спать с чужими мужьями...

Дела в университете складывались неплохо. Справка из очага землетрясения сработала: Максиму разрешили сдавать вступительные экзамены на биофак позже обычных сроков. Илья пытался уговорить его поступать к ним на «почву» — туда было легче пройти, — но Максим с детства мечтал заниматься зоологией. Нет, сначала он в любом случае будет пробовать на биофак...

Он уже написал контрольную по математике — на «четыре» — и теперь готовился к устной биологии. Жил у Ильи, иногда ночевал в так называемой комнате подруги — разумеется, не один, а с Мариной.

В этой убогой комнатенке, где стояли только пружинная кровать да стол, они предавались бурной, ослепляющей любви, после которой оба едва не теряли сознание. Максим потом чувствовал себя раздавленным, ничтожным — как будто его долго мучили и пытали. Но Марина снова встречалась ему — случайно или нет, — и их снова толкало друг к другу.

Что тому было виной — Максим и сам до конца не понимал. Молодость, неудержимый зов плоти, даже любопытство... Он словно переключался на параллельный регистр и начинал видеть весь мир в другом свете. Точнее, света в этом мире не было совсем, не было и мыслей, и чувств — тех, что он испытывал раньше. Ощущения — вот что оставалось ему из всего богатства человеческих эмоций. Но ощущения эти были прекрасны.

Марина была фантастической любовницей, она умела доводить мужчин практически до животного состояния. Наверное, поэтому первым чувством, которое испытывал Максим, когда приходил в себя после их очередного «запила» (так называла эти встречи сама Марина), был стыд.

«Господи, как я мог до такого дойти? — недоумевал он. — Чтоб я еще раз сюда пришел...» Но потом все повторялось снова — «нечаянная» встреча в общежитской кофейне, лукавый взгляд из-под очков, крепкое пожатие руки, жаркое дыхание возле уха, — и вот они уже снова здесь.

— Макс! Как мне хорошо с тобой, Макс! О-о-о! — на срыве кричала она в момент апогея, забывая о том, что сквозь открытое окно ее могут слышать на улице.

Максим, как мог, зажимал ей рот, но она мотала головой и все равно кричала. Потом он сдавался, потому что ему становилось уже все равно... И снова прозрение, снова жгучий стыд, на смену которому обычно приходила тоска. Вымотанный, опустошенный, Максим возвращался к Илье и понуро садился за учебники...

Наконец он сдал и биологию — на пятерку. Максим несколько не удивился такому результату, слишком уж давно он был увлечен этим предметом, чтобы не знать досконально объем материала, который требовался.

Радостный, он прибежал после экзамена в общежитие и нашел Илью, как всегда, в кофейне, за партией в преферанс. Тот сосредоточенно глядел в карты и время от времени скреб рыжую шевелюру. Напротив него ухмылялся в бороду Васильич, третьим был Нестор в неизменной черной бандане. Не успел Максим выкрикнуть слова приветствия, как заметил за другим столиком, в глубине зала, Марину... Она сидела с каким-то незнакомым парнем — и руки их были переплетены...

Кровь бросилась ему в голову. Подойти и дать этому типу в морду? Или ей? Или сразу

обоим? Его руки сами собой сжались в кулаки. Но с какой стати? Кто она ему, эта сексуальная маньячка, которая только и может, что затаскивать его в постель и доводить до безумия?

Максим развернулся и размашистым шагом вышел из кофейни. К Илье он так и не подошел. Вместо этого поднялся на лифте к ним в комнату и завалился спать.

Ему вдруг приснилась Вероника, которая хохотала, откинув голову назад, и длинные ее светлые волосы перебирал ветер... Максим хотел подойти к ней, но сколько он ни шел, она оставалась на прежнем расстоянии. Он протягивал руку — и хватал пустоту. Он звал ее — но вместо голоса вырывался лишь слабый шепот... Наконец он проснулся оттого, что кто-то тряс его за плечо. Это был Илья.

— Ну что — сдал? — спросил он. — Хватит дрыхнуть, уже восемь вечера.

— Сдал... — потягиваясь со сна, проговорил Максим. — Пятак.

— Одобряю. Кстати, тебя тут Маринка искала — дело у нее какое-то к тебе.

— Известно, какое дело... — проворчал Максим. — Шла бы она лучше...

— Она и пошла. С Гогой — на концерт альтернативной музыки, — сообщил Илья.

— Вот и слава Богу. — Максим рывком поднялся с кровати и сделал несколько движений физзарядки. Если можно было разглядеть разочарование и обиду, то только в самой глубине его зрачков. — Слушай, а столовая еще работает?

— Очнулся... Закрыли уже давно. Пошли в бар — там сосиски-гриль дают...

Ели молча и сосредоточенно. Каждый был погружен в свои мысли — и никого не беспокоило, что пауза в разговоре так затянулась. Такое бывает только между давними и хорошими друзьями — им не нужны слова, для того чтобы полноценно общаться.

Наконец Максим прервал тишину и спросил, словно очнувшись от глубоких раздумий:

— Слушай, а как можно разыскать человека в Москве? Я имею в виду, если ты не знаешь никаких его координат и даже данных его паспорта?

Илья ненадолго задумался.

— Ну, например, можно попытаться как-нибудь дать о себе знать, чтобы человек нашел тебя сам.

— Если он, конечно, захочет...

— Захочет — он же не дурак. — Каждый из них понимал, о ком идет речь.

— А можно как-нибудь самому попасть на телевидение — в какую-нибудь передачу?

Вероника же умудрилась — и мы ее увидели.

— А что — это мысль, — сказал Илья. — Есть такая передача — называется «Знак качества». Туда может любой прийти и в течение минуты делать перед камерой все, что угодно, хоть демонстрировать свою голую задницу.

— Ну и кто туда приходит?

— Все, кому не лень: фотомодели с внешностью вокзальных «б», какие-то старички с гармошками, девицы, которые хотят выйти замуж... Щенков продают, котят...

— А бывают случаи, чтобы кто-то кого-то искал?

— Не знаю... Может, бывают. Я лично не видел. Но почему бы и нет? Придешь туда и скажешь в камеру: «Веруня, я жив, откликнись. Мой адрес в редакции». Она посмотрит передачу и разыщет тебя.

— А если не посмотрит? Во сколько этот «Знак качества» показывают?

— Ночью, где-то, в час. Нормальные люди в это время еще не спят.

— Но ее покажут всего один раз, шансов, что Вероника именно тогда будет смотреть

телевизор, практически нет.

— Тогда можно выступить в нескольких передачах... Есть, правда, один неприятный момент — эфирное время дают не бесплатно...

— А сколько же оно стоит?

— Минута — стольник. А может, и больше...

— Тогда отпадает... Я и так уже почти все спустил, а родители еще не скоро пришлют.

— Понятно. Есть и другой вариант — через газету. Дашь объявление в рубрику «Key-club» — это в МК. Дешево и сердито. А еще лучше — в несколько газет. Хоть какая-нибудь должна ей попасться!

— А ты знаешь, как давать эти объявления? — спросил Максим, которому эта идея пришла по душе.

— Разберемся! Вот что: сейчас накупим газет на лотке, десяток пива — и к Антону. Сядем на телефон и будем обзванивать...

Был уже вечер, Максим и Илья сидели у Антона и допивали принесенное пиво. По телефону им удалось заказать объявления в две газеты. В другие надо было сначала приехать и оплатить.

Антону, которому наконец объяснили, для чего нужны эти объявления, вдруг пришла в голову любопытная мысль. Он сразу же вспомнил, как Максим звонил с Сахалина и просил сбегать за Ильей... Как потом Илья записывал текст телеграммы.

— Интересно, а что же думают родители этой вашей Вероники? — спросил он. — Ведь, насколько я помню, они должны держать с ней связь через общежитие какой-то там академии...

Максим хлопнул себя по лбу. Илья схватился за голову.

— Как же мне это раньше не приходило в голову! — воскликнул Максим. — Ведь она же еще до землетрясения отослала им телеграмму, что она в Москве — вернее, это ты отослал... Кстати, я тебе и деньги должен.

— Да какие, к черту, деньги! Главное, если Веруня здесь, в Москве, то наверняка беспокоится, как бы родители ее не хватились. Завтра же надо съездить в это общежитие и все разузнать! У меня и адрес где-то валяется...

— Господи, какой же я кретин... — И Максим принялся в отчаянии рассказывать по комнате.

Илья и Антон переглянулись.

— Кажется, он на новый виток пошел... — вздохнул Илья и вылил себе в кружку остаток пива. — Каких людей теряем...

Максим еще некоторое время походил из угла в угол, потом решительно подошел к Антону и с улыбкой пожал ему руку.

— Все. Спасибо огромное. Мы пошли, — отрывисто сказал он и кивнул Илье.

— Ну ты подожди, дай пиво-то допить...

— Ладно, тогда я пошел. Вы уж извините. Если человек идиот, то это надолго...

На улице было свежо и слегка моросил прохладный августовский дождь. Максим шагал по двору и думал, как все-таки по-дурацки у них все получилось... И самое главное, во всем этом нету ни капли их вины. Просто каприз судьбы... Нелепый случай... Но нет, надо быть полным ничтожеством, чтобы оставить все, как есть. Он должен найти ее, найти и вернуть!

И вдруг перед глазами Максима возникло видение. На самом деле это было никакое не видение, просто белая с рыжим и с черным собака, которая мирно бегала по двору, вынюхивая что-то в траве... Однако Максим решил, что перед ним видение, и стал тереть глаза. Нет, не может быть! Неужели это он, Том?

— Том! — тихо, но отчетливо позвал Максим. — Том, ко мне!

Трехцветный пес сделал прыжок в сторону, поднял уши и остановился. Затем, словно приглядевшись, громко тьякнул и бросился к Максиму. Это действительно был он!

Максим схватил Тома за передние лапы и подставил ему лицо.

— Чертик! Откуда ты здесь? Где Вероника? — спрашивал он, уворачиваясь от шершавого собачьего языка. Но пес только радостно поскуливал и оглядывался куда-то назад.

Наконец на лавочке перед домом Максим заметил плотного бородатого мужчину,

который с удивлением, хотя и вполне добродушно наблюдал всю эту сцену.

— Вы что — знакомы? — спросил он наконец раскатистым басом. — Рванул к тебе, прямо как к родному...

— Мы с ним земляки, — пояснил Максим, подходя и усаживаясь рядом с женщиной на лавочку. — А вот как к вам он попал, это мне очень бы хотелось узнать.

— Послушай, старина — а почему такой тон? Как будто я тебе задолжал как минимум штуку баксов? Ну, знаешь ты этого пса — вернее, его хозяйку... Но я-то тут при чем?

Максим нахмурился. Неужели это и есть тот самый «ладный, статный, лет сорока»? Или это другой — «плотный, в камуфляже», который прикидывался братцем? Ревность была такой сильной, что застила ему глаза. Однако надо было держать себя в руках.

— А ты, значит, будто бы и ни при чем? — спокойно, но очень серьезно спросил Максим бородатого крепыша.

— Угадал... Я тут лицо крайнее, — ответил тот. — Меня попросили за собакой присмотреть, я и присматриваю. А вы уж там сами с вашими проблемами разбирайтесь. — И он поднялся с лавочки с явным намерением уходить.

— Извини, приятель, — окликнул его Максим. — Я тут погорячился немного. Был не прав. Но я ведь не просто так его хозяйку разыскиваю... — Он кивнул на Тома, который, яростно виляя хвостом, терся возле его ног.

— Понимаю, что не просто... — хитро ухмыльнулся бородач.

— Да нет, я не в этом смысле. Я с Сахалина приехал, документы ей должен передать. Она меня ждет не дождется, чтобы я аттестат зрелости ей передал.

— Ах зрелости, говоришь, — еще больше расплылся в улыбке богатырь. — Ну, так бы сразу и сказал... Короче, записывай адрес... Только я тебе ничего не давал. Ты меня не видел, я тебя не видел. Идет?

— Идет.

Уже через три минуты Максим стоял посреди двора и сжимал в дрожащих от волнения пальцах бумажку с заветными буквами и цифрами... Yes! Он все-таки найдет ее!

Максим еще раз перечитал адрес. Нет, он не ошибся — Веронику надо искать вот в этом трехэтажном особняке. Неужели она стала содержанкой у богатенького «папика»? Продалась? Максим почувствовал, как при этих мыслях у него сжимается сердце. Бедная! Сколько же ей пришлось вынести... Одна, почти без поддержки... Внезапно ему пришло в голову, что, если у Вероники нет паспорта, значит, она не могла получать денежные переводы от родителей. Волей-неволей ей пришлось как-то зарабатывать самой. А его, Максима, она считает погибшим. Как же ей должно быть тяжело...

Он потянул на себя тяжелую створку черных решетчатых ворот, поддавшуюся с мелодичным скрипом. Перед ним была выложенная плиткой дорожка к дому. У Максима вдруг появилось ощущение, будто за ним наблюдают. На самом деле, чутье его не подводило — дорожка просматривалась через установленные кругом камеры, и изображение транслировалось в скрытый зарослями акации домик охранников.

Когда проектировали особняк, Анатолий отказался от открытой охраны, чтобы не портить впечатление. Но оставлять такой дом без охраны вообще было бы чистым безумием.

Охранники посчитали Максима неопасным субъектом. Молодой, идет налегке, походка уверенная, будто он хорошо знает хозяев. Немного полюбовался домом, поднялся на ажурное крыльцо. Нет, все-таки надо сообщить хозяину по радиотелефону...

Когда Максим вошел в просторный, похожий на вестибюль какого-нибудь посольства холл, то первое, что он услышал, — это доносящийся откуда-то с лестницы недовольный мужской голос. Видимо, человек спускался и ворчал себе под нос:

— Твою мать, кого еще там принесло?! Только гостей нам не хватало... Черт знает что — с самого утра все, прямо как на подбор!

Судя по всему, у хозяина этого дома что-то не клеилось. Когда он увидел стоящего посреди холла растерянного Максима, то, кажется, только сознание собственной солидности помогло ему удержаться от нервного срыва.

— Я же просил не беспокоить меня в выходные дни... — холодно сказал он. — Ладно, давай — что у тебя там?

— У меня — ничего, — удивился Максим. — А вообще-то, здравствуйте.

— Здравствуйте, — с некоторым недоумением отозвался Анатолий. — Так ты не от Артемия Петровича курьер?

— Нет, я совсем по другому делу.

— По какому же? — спросил хозяин дома, и в этот момент наверху, на втором этаже, послышался грохот, как будто что-то упало. Со звоном посыпались осколки.

— По личному, — ответил Максим и выразительно посмотрел в сторону лестницы.

— Наверное, что-то уронили, — спокойно прокомментировал происшедшее хозяин. — Так по какому вы вопросу? И вообще, с кем имею честь?

Максим решительно шагнул к Анатолию, по-мужски протянул ему руку и назвал свое имя. Последовавшая реакция незнакомца показалась ему странной: у того прямо-таки отпала челюсть.

— Максим?! — переспросил он почти шепотом.

— Ну да, Максим. Я ищу Веронику. Она здесь?

Анатолий вдруг схватил его за плечи и дружески встряхнул.

— Черт! Значит, это была ошибка... Ты остался жив...

— Как видишь... — Оба они как-то незаметно перешли на «ты».

Наверху опять что-то с грохотом уронили, и одновременно послышался воющий голос.

— Слушай, брат... Я должен тебе сказать... Нет, пошли лучше в сад, там спокойнее. А то у меня жена... гм... как бы помягче выразиться... очень нервная особа.

Они спустились с крыльца и двинулись по боковой дорожке, ведущей под сень деревьев. Там в глубине стояла старая потрескавшаяся деревянная скамейка с лепниной по бокам и гнутой спинкой. По обеим сторонам красовались гипсовые скульптуры в духе соцреализма — мальчик, играющий в мяч, и девочка с сачком для ловли бабочек. Видимо, все эти раритеты были вывезены из какого-нибудь подмосковного пионерлагеря.

— Извини, я забыл тебе представиться... Анатолий... — И хозяин дома крепко пожал Максиму руку.

— Это с тобой она уезжала от тети Тамары? — мрачно глядя в землю, уточнил Максим.

— Со мной... А ты откуда знаешь?

— Так... Разведка донесла.

— Слушай, ну хватит тебе на меня дуться! — вдруг встрепенулся Анатолий. — Ну хорошо, я согласен — дай мне в морду! Дай!

— А что, есть за что давать в морду? — скосил на него зеленые глаза Максим.

— Представь себе, я не ангел. Но я же не знал, что ты жив!

— Вообще, откуда ты все так хорошо знаешь?

— Откуда, откуда... Вероника рассказала, — угрюмо пробормотал Анатолий.

— И много она тебе рассказала? — с сарказмом поинтересовался Максим.

— Ты вообще в курсе, что она больна?

— Нет, а что с ней? — Горькая ирония в глазах Максима сразу сменилась тревогой.

— После того как она побывала в завале, у нее открылась клаустрофобия. Кроме того, ей постоянно снятся кошмары. Она даже кричит во сне... — добавил он и сам тут же испугался того, что сказал.

— Ты с ней спал? — тихо, почти шепотом спросил Максим.

Анатолий молча кивнул.

— Она тебя любит?

— Ну что ты заладил: любит не любит! — взорвался Анатолий. — Откуда я знаю? Ну не мучай ты меня, лучше просто дай мне в рыло и успокойся!

— Нет, ты скажи — она тебя любит? — Голос Максима по-прежнему звучал как у замороженного.

— Да тебя она любит, тебя! Я и к врачу ее таскал! Она даже мертвого тебя любит... Тьфу ты... прости, что это я говорю.

— Почему ты так решил? — вдруг совсем другим тоном спросил Максим.

— Думаешь, кого она во сне все время звала? И меня иногда Максимом прямо в лицо называла, я даже не обижался. Разве ж на нее можно обижаться?

— А где она сейчас?

— Эх! Лучше не спрашивай... — махнул рукой Анатолий и горестно вздохнул.

— Но она придет сюда?

— В том-то и дело, что не придет!

— А что она вообще тут делала?

— На работу я ее к себе взял. Что-то вроде домработницы. Уже недели две отработала.

А теперь убежала, я даже деньги не успел ей заплатить...

— А когда она убежала? — Лицо Максима на глазах побледнело.

— Сегодня, рано утром.

Максим вскочил со скамейки и грязно выругался.

— Прямо как в догонялки с ней играем! Я туда — а ее уже там нет. Я еще куда-то — а она только что сбежала... Куда же на этот раз?

Но Анатолий только пожал плечами.

— Если бы ты видел, что тут было... — сказал он после минутного молчания. — Жена моя до сих пор, вон, бесится — успокоиться не может...

— Я знаю, где ее искать! — вдруг воскликнул Максим. — Скажи мне адрес того бородатого мужика — у которого вы поселили собаку...

— Пломбира, что ли? Так это он тебя навел?

— Да, — сказал Максим, поняв, что теперь отпираться бесполезно. — Но ты не говори ему про меня, я обещал, что это останется между нами.

— Что ж, пусть остается, я не против. Вот ведь, повезло мужику! Сначала собаку ему нагрузили, потом еще в разборки втягивать начали...

— Думаю, Вероника должна поехать туда. Она знает адрес?

— Знает. Мы с ней заезжали навещать Тома, когда ездили в клинику. — И Анатолий назвал Максиму точный адрес своего приятеля.

На прощание, уже у ворот, он достал из кармана пачку купюр и сунул Максиму в руку.

— Вот, передашь ей. Это зарплата. Пусть, если сможет, меня простит... И ты тоже, извини, что все так вышло...

Только к вечеру Максим добрался до Пломбира и сначала долго ждал его на лавочке возле дома. Лишь только завидел приближающуюся к подъезду мощную фигуру, сразу подошел.

— Привет! — басовито поздоровался с ним бородач. — И ты туда же? Вы что же — пса никак поделить не можете? С утра Вероника приходила — отдайте, говорит, мою собаку. Спасибо большое за приют... Теперь и ты следом. Нету у меня уже никого! — Бородач с улыбкой развел толстыми руками. — Отстрелялся...

— Значит, она уже забрала его? — не в силах скрыть огорчения, спросил Максим.

— Слушай, может, я чего не понимаю, что это вы все из-за дворняги так переживаете?

— Да не из-за дворняги... Понимаешь, они поссорились с Анатолием — и она сбежала... Я думал у тебя ее перехватить... Но, как видишь, она меня опередила. Я так и думал, что первым делом она за Томом ринется...

— Да-а... — протянул Пломбир. — У вас прямо интриги мадридского двора. Бег с препятствиями...

— А Вероника ничего тебе не говорила?

— А что она должна была мне говорить?

— Что, прямо вот так пришла, забрала Тома и ушла?

— Ну да... — пожал мясистыми плечами Пломбир. — Я ей предложил пройти, кофейку попить, а она ни в какую. Хмурая такая, сердитая. Глаза красные — не выспалась, наверное...

— И куда пойдет, что собирается делать — ничего не говорила?

— Смеешься? Мы же с ней знакомы едва-едва. Один раз они вместе с Толяном приезжали, я их пломбиром кормил. Кстати, ты мороженого хочешь?

— Да нет. А вот кофе бы с удовольствием выпил.

И Максим совершенно неожиданно для себя оказался в гостях у Пломбира.

— Слушай, мы так и не познакомились, — сказал он, когда они зашли в квартиру и расположились в гостиной, которая в большей степени напоминала библиотеку или музыкальный зал.

— Ну, давай знакомиться. Врать не буду — все зовут меня Пломбир. Я уже привык, да и вообще — бывают прозвища и похуже.

— А меня Максим. Живу здесь рядом, в общежитии, вступительные экзамены сдаю.

— На какой?

— На биофак.

— Но ведь экзамены уже кончились?

— Это для кого как. Мне, например, как жертве сахалинского землетрясения, пошли навстречу.

— Круто. И как успехи?

— Думаю, пройду. Должен пройти.

— Значит, соседями будем. Я когда-то тоже в МГУ учился. Даже в аспирантуру поступал. Потом бросил. Сейчас вот звукозаписью увлекся. Студию организовал. Видел, какая у меня фонотека?.. Лет пятнадцать уже собираю... — и Пломбир обвел широким жестом большой стеллаж, до отказа забитый записями. Здесь было все — от граммофонных

пластинок до компакт-дисков. — Единственное, чего я органически не перевариваю, так это «попсы». На работе еще могу стерпеть, но дома не держу. Хочешь, поставлю тебе что-нибудь уникальное? «Вандерграф», например? Слышал о таком когда-нибудь?

— Ответ можно предугадать, — улыбнулся Максим. — Ставь — разберемся.

Пломбир бережно установил на «вертушку» диск, а сам удалился на кухню готовить кофе. Музыка, которая зазвучала в комнате после легкого вступительного шипения, почему-то напомнила Максиму знаменитую симфонию из кукольного спектакля «Необыкновенный концерт» с ее неповторимым «соло для водно-бачкового инструмента». Впрочем, расстраивать гостеприимного хозяина он не стал, сказав, что находит эту вещь своеобразной. Под булькающие и чавкающие звуки, которые доносились попеременно из обеих колонок, они сели за маленький столик пить кофе.

— На всякий случай я достал мороженое — можешь положить себе в кофе, — сказал хозяин дома, придвигая к себе вазочку с пломбиром. — Ты уж извини, мороженое — это моя вторая страсть после музыки. Знаешь, я понял, что в жизни надо все испытать, а потом выбрать то, что тебе больше всего по душе... — поделился своими мыслями он.

— Если останешься жив, — улыбнулся Максим.

— А не останешься, значит, не судьба. Я это еще в армии понял. Я ведь и на войне побывал — в Карабахе. Я тогда еще постройнее был — этаким рядовой Михайлов... Когда на боевые действия шел, сразу так себя настраивал: если суждено, значит, и в мирной жизни бы не отвертелся. Видать, пока я еще здесь нужен.

— Неужели из всех радостей ты выбрал мороженое и музыку?

— Представь себе, да. И еще, может быть, астрологию. А также гадания, экстрасенсорику и все, что связано с попыткой предсказать будущее.

— А как же любовь? — не удержался от вопроса Максим.

— Любовь... — усмехнулся Пломбир. — Было у меня и это. Пробовал — и с женщинами, и с мужчинами. А что ты так смотришь? Если уж испытывать все, так никаких скобок. Все по полной программе. Но только не греет меня это. — Он старательно выскреб ложкой дно вазочки. — Слишком уж у нас, у людей, все сложно. Гораздо проще жить без всяких привязанностей, как в дикой природе...

— А наркотики, наркотики ты тоже пробовал?

— Ну а как же. Перепробовал почти все.

— Ну и как?

— Ну, как тебе попроще сказать... Смерть это. Вернее, репетиция смерти. Знаешь, наступает такой момент, когда надо выбирать: либо жизнь, либо эта постоянная игра.

— Игра со смертью?

— Да нет, это слишком уж пафосно звучит... Просто игра. Одна из тех, в которые играют люди. Берна читал? «Игры, в которые играют люди, и люди, которые играют в игры»?

— Нет.

— Ничего, еще считаешь. Если поступишь, тебя тут быстро в общаге «образуют». Джентльменский набор: Фрейд, Юнг, Шпенглер, Набоков, Кафка, Кортасар... И так далее, и тому подобное.

— Послушай, а ты случайно не можешь мысленно определять местонахождение человека? Я слышал, некоторые, кто владеет экстрасенсорикой, это умеют.

Пломбир на некоторое время задумался.

— Можно попробовать, — наконец сказал он. — Насколько я понял, тебя интересует Вероника?

— Конечно!

— Единственный момент — я плохо помню ее лицо...

— А у меня есть фотография! — И Максим достал паспорт Вероники, который всегда носил во внутреннем нагрудном кармане джинсовой куртки.

— Отлично. Попробуем — с фотографией я еще не работал.

— Мне что делать? — спросил Максим.

— Ничего. Можешь сидеть и наблюдать. Мне это не мешает. Только учти — придется с полчаса подождать. Пока я настроюсь и поймаю нужную волну.

Максим устроился в кресле, а Пломбир, широко расставив ноги, сел на диван, а ладони положил на ключицы. Раскрытый паспорт с фотографией Вероники лежал у него между ног. Действо началось.

Сначала он долго сидел не двигаясь и закрыв глаза... Затем, не поднимая век, задрал голову кверху, и все его лицо болезненно сморщилось... Прошло еще какое-то время — и Пломбир плавно, как в замедленном кино, поднял обе пухлые руки кверху, как будто принимал на них какой-нибудь тяжелый груз. Черты его лица постепенно разгладились.

— Наша ветка... Наша ветка... — вдруг начал бормотать себе под нос он.

Максим хотел было переспросить его, но потом передумал.

— Рядом лес... Водонапорная вышка... Окружная дорога... — Пломбир вдруг открыл глаза и опустил руки на колени. Все его грузное тело разом расслабилось. — Я понял... Это Ясенево... — тяжело дыша, сказал он.

— Ясенево... Это станция метро? — уточнил Максим.

— Не только. Это целый район на окраине Москвы.

— Ясенево... Значит, Вероника теперь там?

— Скорее всего. Не думаю, что сейчас я ошибся. Все было вполне отчетливо. То есть девяносто процентов за то, что это правильная информация.

— А где она — на улице или в помещении? — поднял на него недоверчивый взгляд Максим.

— Почему же на улице? — уверенно ответил Пломбир. — В помещении, в квартире.

— Ну тогда я совсем ничего не понимаю... — сказал Максим и от волнения бухнул себе в кофе большую ложку мороженого.

— И не пытайся! Этих женщин все равно не поймешь! — неожиданно закончил Пломбир и пододвинул к себе еще одну вазочку любимого лакомства...

Они сидели еще долго, и Пломбир охотно делился с Максимом своей жизненной мудростью. А правоту его фразы насчет женщин жизнь подтвердила уже в тот же вечер.

Когда Максим вернулся в общежитие, у Ильи его ждала взволнованная Марина. Даже через очки было видно, что глаза у нее заплаканные.

— Привет, — опустив глаза, поздоровался с ней Максим.

— И это все, что ты можешь мне сказать? — с ходу перешла в наступление Марина. Очки ее, как всегда, воинственно поблескивали.

— А ты ждешь чего-то еще? — с самым невинным видом спросил Максим.

— Ладно, пошли в «целовальник». Поговорить надо, — как всегда, резко сменив тон, предложила Марина.

«Целовальниками» здесь называли небольшие ответвления в коридорах, где обычно

висела пара таксофонов и стояли какие-нибудь разломанные табуретки. Если по проекту в этих помещениях и полагались лампочки, то студенты давно уже об этом забыли.

— Извини, Марин, очень устал, — со своей неизменной детской искренностью сказал Максим. — Если у тебя что-то важное, говори прямо здесь.

— Ладно. Илья! — громко окликнула она. — Выйди, пожалуйста, нам с Максом поговорить надо.

Илья, разумеется, вышел, при этом выразительно втянув голову в плечи.

— Ты куда пропал? — сразу набросилась на Максима Марина и попыталась по своей привычке завалить его на кровать.

Однако сегодня он был непреклонен.

— Никуда я не пропал, — пожал он плечами, уворачиваясь от ее рук. — Просто у меня много дел. Я, между прочим, в университет поступаю.

— Это все дешевые «отмазки», думаешь, я не понимаю? — прищурила глаза Марина. — Тебе что — кто-нибудь накапал про Гогу?

— Гогу? — рассеянно переспросил Максим. — Какого еще Гогу?

— Не прикидывайся дурачком! — вышла из терпения Марина.

— А ты полегче на поворотах... — предупредил Максим.

— Ну, Макс, ну что здесь такого? Мы ходили с ним на концерт. Знаешь, как классно? Мужик играл на саксофоне, как целый оркестр. У него такая штука под ногами лежала — вроде синтезатора. Он на разные педали нажимает — и звук меняется... А еще там тетка была, тувинка. Горловое пенис демонстрировала. Представляешь — стоит, такая маленькая пигалица — и воет басом... Ну ладно, Макс... Ну хватит тебе на меня обижаться... Хватит!

— А я и не обижаюсь... — проворчал Максим, внезапно осознавший, что совершенно не хочет ее видеть.

— У него было два билета — я и пошла. Ну это же просто концерт! Что, мне уже и сходить ни с кем нельзя?!

— Да ради Бога.

— Нет, ты почему так со мной разговариваешь?! Я свободная женщина! Я тоже личность и могу поступать как считаю нужным! И нечего меня...

— Ну чего ты надрываешься? — тихо оборвал ее Максим. — Я же сам видел, как вы сидели в кофейне и держались за руки.

Последовало секундное замешательство, но затем Марина быстро взяла себя в руки.

— Ну и что? Это современно, в этом нет даже никакого намека на секс...

— Хочешь, я тебе скажу одну вещь?

— Ну давай. Только поскорей.

— У меня есть другая девушка. И я ее люблю. Больше вопросов нет?

Марина резко поднялась с кровати и направилась к двери.

— Ну и пожалуйста! — презрительно фыркнула она через плечо. — Не больно-то и хотелось!

Когда она ушла, Максим с удивлением обнаружил, что его джинсы сильно натянулись внизу живота.

— Чертовщина! — прошипел он и изо всех сил ударил рукой по колену.

Вероника вместе с Томом понуро брела по Новоясеневскому проспекту. Садиться в переполненный автобус, чтобы доехать от метро до остановки «Универсам», не было ни физических, ни душевных сил. И без того настроение у нее было хуже некуда.

С самого утра Вероника ходила как оплеванная — с жутким ощущением, что ее предали...

Нет, она должна была это предвидеть. Бесконечно так продолжаться не могло. Самое обидное, что им с Анатолием был дан прозрачный намек, однако они с детским легкомыслием не обратили на него внимания. И вот результат, теперь оба жестоко наказаны за свой «пофигизм»...

Вероника уже подходила к дому Романа.

Еще утром, по дороге в Москву, она решила, что если будет искать ночлега — то только не у тети Тамары. Квартира соседки — словоохотливой Клавдии Мироновны — тоже отпадала. Еще раньше та говорила ей, что к ней должны приехать родственники. Вероника решила наудачу позвонить Роману. Сразу наметила, что если трубку поднимет Надежда Ивановна или Шалва Отарович, то она сразу нажмет на рычаг. Но ей повезло — к телефону подошел сам Роман, который, судя по голосу, был в прекрасном расположении духа. Узнав, кто звонит, он обрадовался еще больше, чем в тот первый раз, когда Вероника звонила ему с вокзала.

— Настя! Настюха! — кричал в трубку он. — Где же ты столько времени пропадала? Как ушла в тот раз — так ни ответа, ни привета... Ты что, всегда так по-английски смываешься?

— Нет, почему же, не всегда, — сухо ответила Вероника, вспомнив, какой диалог ей пришлось выслушать, стоя под кухонной дверью. — Просто так сложились обстоятельства.

— Ну что, поступила в свою Собачью академию?

— Нет, а ты в свой Бауманский?

— Тоже нет. Пролет... Да это все фигня. Сама-то ты сейчас где?

— Да вот, представь себе, нигде. Хотя еще вчера я жила в трехэтажном загородном особняке.

— Ничего себе! Приедешь, все расскажешь. Значит, так. Сообщаю обстановку: предки с сеструхой смотались на юг. Хата свободна и открыта для тусовок. Все ясно?

— Не совсем. Надолго они уехали?

— На три недели.

— Понятно... Я... — Вероника запнулась. — Я бы хотела уточнить — можешь ли ты выделить мне совершенно отдельную территорию в своей квартире? Как только заработаю деньги, я тебе заплачу. Кажется, комната в среднем стоит сто баксов?

— Да ладно тебе про деньги. Я тебя и так пушу, что мне, жалко, что ли?

— Нет уж. Бесплатным, знаешь ли, бывает только сыр в мышеловке. Ну так что — договорились? Пустишь меня на постой?

— Конечно! Только ты не удивляйся — у меня тут небольшая компания, довольно-таки буйная...

— Придется потерпеть. В случае чего — Том меня защитит.

— Обижаешь... Я могу и сам тебя защитить. Адрес помнишь? Записывай...

Вероника шла и вспоминала. Вот в этой арке она плакала, прислонившись к холодной стене, вот под тем кустом справляла нужду, как бездомная кошка... Может быть, напрасно она возвращается в этот дом, где ее называли чуть ли не нахлебницей? Но, с другой стороны, есть ли у нее другой вариант? Это все-таки лучше, чем идти к тете Тамаре и снова подвергать испытанию ее тихое семейное «счастье»...

Как же так получается? Везде и всем она приносит одни только неприятности. Жила у тетки — хоть сама того не желала, а ввела в искушение ее мужа... Устроилась секретаршей — чуть не прибила табуреткой собственного начальника... Пошла работать на рынок — украли товар... Взяли домработницей — затащила в постель хозяина. Впрочем, этот последний инцидент Вероника вспоминала не с иронией, а скорее с болью...

Уже из-за двери было слышно, как в квартире гремят музыка. Открыл Веронике сам Роман. Она еще не видела его таким — глаза блестят, лицо красное, на носу испарина. В глубине квартиры слышались чьи-то радостные вопли, голоса были мужские.

— Привет, — Вероника скромно стояла на пороге и не решалась проходить. К ногам ее, как всегда, жался Том.

Роман бросился на нее, заключил в объятия и буквально втащил в квартиру.

— Настя! Настасья! — От избытка чувств он даже попытался поцеловать ее в губы. Но Вероника увернулась. Фальшивое имя, от которого она отвыкла, неприятно резануло ей слух.

— Слушай, ты извини, но у меня жуткий упадок сил, — сказала она, чтобы сразу отвлечь Романа от приветственных лобзаний. — Не мог бы ты сразу провести меня в какую-нибудь комнату?

— Ну вот, ничего себе. А я-то думал, ты к нам присоединишься, — разочарованно протянул Роман. — У Костика сегодня день рождения, мы сидим выпиваем, свинину на ребрах жарим. Пойдем, сейчас мы быстро твой упадок сил ликвидируем...

— Да я не голодная... — начала Вероника, но Роман перебил ее.

— Аппетит приходит во время еды. Посидишь, выпьешь «Хванчкары»... Я уже обещал всем, что сейчас приедет моя легендарная знакомая с Сахалина.

— Почему легендарная?

— Ну как же — в такое землетрясение попала, чудом жива осталась.

— С чего это ты взял?

— Ну ладно тебе. — Он похлопал Веронику по плечу. — Даже если и приукрасил немножко, что тут такого? Зато интереснее... — Только сейчас Вероника заметила, что глаза Романа состоят практически из одних зрачков. Вероника подумала, что вопрос о наркотиках, который в свое время задала ей его мама, был не случайным. Похоже, Роман сидел «на игле» (чуть позже эти подозрения подтвердились).

— Хорошо, скажи им, что я... что я плохо себя чувствую, — предложила Вероника. — Что после землетрясения у меня участились обмороки и появились проблемы со стулом. Думаю, это должно произвести впечатление. А имениннику передай от меня пламенные поздравления.

— Хорошо, как скажешь, — пожал плечами Роман, который был явно разочарован. — Моя комната тебя устроит?

— Вполне. — Вероника не верила, что сейчас у нее будет возможность спокойно растянуться на диване и отдохнуть.

Когда они незаметно от всех прошли по коридору в комнату Романа, он спросил, перед тем, как закрыть за собой дверь:

— Слушай, объясни мне: что ты все-таки делала в трехэтажном особняке?

— Я же говорила тебе — жила. Расскажу, обязательно все расскажу, — уверила его Вероника. — Извини, просто сейчас я никакая.

Ну вот, наконец-то. Вероника осталась в комнате одна. За стеной все так же громко играла музыка — какой-то однообразный техно-ритм. «Долбежка» — так называл это музыкальное направление Максим. Вероника закрыла руками уши — и на несколько секунд погрузилась в звенящую тишину. Потом отпустила руки.

Нет, ей действительно нужно прилечь. С самого раннего утра она была на ногах, кроме того, все эти переживания... Вероника быстро стянула с себя джинсы и футболку, достала из сумки халат и блаженно раскинулась прямо поверх покрывала...

Все. Снова она без работы. Снова скитается по углам. Вероника почувствовала, как к глазам подбираются слезы, но усилием воли заставила себя успокоиться. Для этого ей пришлось сделать презрительное выражение лица. «Да, я презираю вас всех! — мысленно говорила она. — Я презираю обстоятельства, которые заставляют меня вести эту бродячую жизнь. Я презираю смерть, которая безжалостно отняла у меня то, что я любила. Но я люблю жизнь, и я обязательно выживу...»

Вероника, закрыв глаза, лежала на кровати Романа, и перед глазами ее одна за другой вставали события прошедшей ночи.

Вот они с Анатолием, как обычно, сидят нагишом на ее кровати и мирно беседуют. Она отчетливо помнила — они разговаривали о супружеских изменах. Вероника пересказывала ему статью, которую прочитала в одном журнале. Она пыталась выяснить, каковы же причины измены у Анатолия. Может быть, жена не удовлетворяет его в постели? Или у него Эдипов комплекс? Или она слишком подавляет его? Но Анатолий только смеялся и говорил, что дело вовсе не в жене, а в самой Веронике. Если бы она не была такая классная, то никакой измены и не случилось бы.

— Я же люблю тебя, глупышка... Неужели ты до сих пор не поняла?

Как всегда, постепенно от разговоров они перешли к делу. Анатолий спустился к ее животу, затем раздвинул ноги и нежно дотронулся языком до самой чувствительной точки ее лона. Сначала Вероника не хотела впасть в эту сладкую истому и, как могла, сопротивлялась своим ощущениям... Но потом долгий трепетный поцелуй захватил ее, и Анатолий, почувствовав это, перевернулся над ее телом, чтобы Веронике было удобнее ласкать губами его упругую плоть. Она уже не боялась этих откровенных ласк — она научилась впасть в полусонное состояние, когда все кажется другим, а затем выходить из него и, как ни в чем не бывало, продолжать разговаривать, пить вино и смотреть маленький телевизор, который они временно перенесли с кухни в комнату Вероники. Но на этот раз до телевизора дело не дошло...

В самый разгар их сокровенного поцелуя дверь в комнату со стуком распахнулась — и любовники, разом вскочив, увидели стоящую на пороге, всю красную от гнева Аллу. «Господи, как хорошо, что она без Дуняши!» — в ту секунду мелькнуло в голове у Вероники. Но только это и было хорошо, во всем остальном ситуация получилась на редкость отвратительная. Вероника вспомнила, как сама она застала своего начальника Валентина Семеновича с рыжей переводчицей. Сейчас дело обстояло еще хуже.

— Грязные животные! — выкрикнула Алла и, сняв с ноги туфлю, запустила ею в Анатолия. Кажется, метила она в Веронику, но попала в него. Если бы он вовремя не подставил руку, то ему наверняка снесло бы полголовы — туфля была модная, с

«платформой». — Ты хоть сделал этой твари анализ на СПИД? Не подумал — да? Скотина! — Чтобы не стоять, как цапля, на одной ноге, Алла стянула с ноги вторую туфлю и для разнообразия запустила ею в окно. Звон осыпающегося стекла подействовал на нее, как сладчайшая музыка.

В это время Анатолий, который даже не пытался ничего сказать в свое оправдание, встал и по-деловому натянул на стройные загорелые бедра бежевые в полоску трусы-боксеры. Кажется, он намеревался выяснить отношения с женой без свидетелей.

Оглянулся на застывшую в ужасе Веронику, кивнул ей, чтобы она набросила на себя одеяло. Вероника молча, как замороженная, подчинилась. Руки у нее дрожали, сердце мелко, неприятно стучало. «Как у подопытного кролика», — подумала она.

Между тем Алла, все еще стоя в дверях, продолжала что-то выкрикивать, но Вероника из-за шума в ушах ничего не слышала. Анатолий почти приблизился к жене, как вдруг голос у той стремительно сорвался в плач — и, хлопнув дверь, она побежала по коридору. Разумеется, Анатолий прямо в трусах бросился за ней. Вероника осталась в комнате одна, и некому было поддержать ее в эту ужасную минуту...

Медленно, как плохо заведенная механическая кукла, она подошла к туалетному столику, бросила в зеркало взгляд исподлобья на свое отражение и неожиданно для себя самой рассмеялась. Потом она налила себе вина из темной пузатой бутылки и залпом выпила подряд два полных бокала.

Уже в который раз за последнее время ей не хотелось жить. Если бы только можно было повернуть все вспять! Вычеркнуть... Вытравить... Безжалостно вымести из жизни весь этот мусор... Один маленький сбой — и вся ее жизнь покатилась вниз по наклонной. И ведь теперь ничего не исправить, все так и будет.

Вероника долго думала, что именно явилось причиной ее падения. Вариантов по-прежнему было два: убийство Пахана и нелепая гибель Максима. Теперь она уже не сомневалась — Максим, да, именно он был самой большой потерей в ее жизни. Если бы она не осталась одна, с ней бы не случилось всех этих злоключений. Максим никогда бы не допустил этого. Вместе им все было бы нипочем — даже самые грозные силы природы...

А Анатолий, что бы он ни говорил про любовь, — чужой ей. Нельзя брать чужое. Теперь Веронике было стыдно. Она вдруг осознала, что поступила как самый настоящий мародер. Пусть у Анатолия не слишком хорошие отношения с женой. Тем более коварным и вероломным выглядело поведение Вероники. Так более молодой и более сильный зверь нападает на слабого — и перегрызает ему горло... Однако «профессорское» горло Аллы оказалось довольно крепким.

Вероника помнила до мелочей их последний разговор с Анатолием. Как хороший дипломат, он сначала немного притушил конфликт с женой... А затем, всего через час после отвратительной сцены, когда Вероника наконец заснула в своей кровати трудным, тяжелым сном, явился к ней, чтобы объявить, что «он очень сожалеет, но с сегодняшнего дня она уволена». Разумеется, она понимает, что теперь их отношения, хотя бы временно, но должны прекратиться. Да, он говорил, что любит ее. И он не обманывал. Но любовь — это вещь очень относительная. Не все в жизни так просто. Нити, которые связывают людей, многообразны... На «нитях» Вероника не выдержала.

— Зачем ты говоришь мне все это, как будто оправдываешься... Случилось, так случилось. Я немедленно соберу вещи и уйду. Когда идет первая электричка до Москвы?

— Но ты должна меня понять...

— Понимаю, понимаю. Так когда?

— Кажется, в пять тридцать.

— Отлично. Я как раз успеваю. Передай Алле, что я очень сожалею. И жаль, что я не закончила курс прижиганий... А сейчас уходи. Мне надо одеться.

И Анатолий ушел. Веронике показалось, что он испытал явное облегчение от того, что Вероника так просто и элегантно замяла скандал. Похоже, он принципиально не хотел знать, что при этом творилось у нее в душе... Вероника вспомнила анекдот про француженку и русскую. Сейчас она повела себя как истинная француженка. Никаких сцен, никаких истерик... Все хорошо, дорогой... Все было прекрасно...

В дверь постучали. Вероника открыла глаза и вспомнила, что лежит в комнате Романа. Машинально вскинула руку с часами — оказывается, она задремала и провалялась целых три часа.

— Можно? — Дверь приоткрылась, и в щели показалось лицо Романа. Вероника сразу отметила про себя, что он уже прилично «набрался». Как бы не пришлось снова от него отбиваться...

— Заходи, — тем не менее ответила Вероника и поднялась с кровати.

Роман с удовольствием занял освободившееся место. Теперь он полулежал на кровати, а Вероника сидела на стуле возле письменного стола.

— Ты, кса-сти, обещала рассказать мне про особняк, — пьяным голосом напомнил Роман.

Глядя на него, Веронике вдруг стало весело. И чего она, собственно, так переживает? Ведь история, которая с ней приключилась, стара, как мир.

— Представь себе, я стала участницей забавного водевиля, — начала она.

— То есть?

— Я играла роль служанки. Кроме того, в действии принимали участие господин и госпожа — богатые хозяйка дома. Сюжет нехитрый: господин соблазняет молоденькую и хорошенькую служанку. Жена начинает что-то подозревать. Чтобы застать любовников врасплох, она уезжает на курорт и возвращается раньше, чем обещала. Результат — скандал в благородном семействе. Служанка, естественно, очень быстро оказывается на улице... И вот я здесь, перед вами.

— Ты не шутишь? — спросил Роман.

Вероника ухмыльнулась.

— А что? — сказала она. — Все это действительно очень смахивает на шутку. Однако то, что я здесь, это непреложный факт. С завтрашнего дня начну снова искать работу.

— Вот ведь не везет тебе... — Глаза Романа вдруг поплыли и съехались возле переносицы. Он встал и, довольно грубо дернув Веронику за руку, усадил ее рядом с собой на кровать. — А может, тебе «вмазаться»? Знаешь, как это иногда помогает? — дыхнув ей в лицо перегаром, предложил он.

— Ты имеешь в виду наркотики? — спокойно уточнила Вероника, слегка отстраняясь от него.

— Ну-у, наркотики... Это громко сказано. Мы люди небогатые, у нас что попроще. «Винт», «мулька»...

— И давно ты колешься?

— Да нет. Как в Москву приехал, ребята живо на иглу посадили.

— Значит, когда я вас на дороге встретила, ты еще не кололся?

— Ну, не совсем... Я еще на Сахалине попробовал. Сначала «травку». Потом гашиш. А потом и по вене уговорили.

— Ну и что ты испытываешь?

— Как что — кайф. Словами это не объяснишь — надо попробовать.

— А потом что?

— Да ничего. Догоняюсь винчиком — и порядок. Потом, когда уже невоготу станет, опять «вмазываюсь».

Вероника почувствовала, как от отвращения у нее кружится голова. Даже когда она, будучи еще совсем девчонкой, присутствовала при вскрытии трупов, ей не было так противно.

— Эх, Ромка, — сказала она, отвернувшись в сторону. — Лучше бы ты всего этого мне не рассказывал...

— А что? Ты сама правильная, что ли? — вдруг возмутился он. Видно было, что его охватывает какой-то внутренний мандраж. Может быть, ему уже пора было пополнять дозу. — Я ведь про тебя много что знаю... — продолжал он. — Ты мужика убила — там, на Сахалине...

Спокойно. Только не выдавать себя. Вероника повернулась таким образом, чтобы ее вспыхнувшие жаром щеки оставались в тени.

— С чего это ты взял? — с самым скептическим видом поинтересовалась она.

— А с того. Ты уж извини, я достал из сумки твой дневничок, и мы с мужиками его прочитали. Так сказать, совместное чтение вслух. Нет, я ничего не хочу сказать. Только не притворяйся больше, что ты белая и пушистая. А? — И он попытался притянуть Веронику к себе. Однако та вырвалась и с самым невинным видом... расхохоталась. «Главное, для начала сбить его с толку», — подумала она. После этого Вероника спокойно и неторопливо отошла к окну. Ей нужно было время, чтобы собраться с мыслями.

Так вот оно в чем дело! В последние два дня, проведенные в доме у Анатолия, Вероника подробно записывала все, что с нею произошло с момента, когда началось землетрясение — так посоветовал ей доктор Удальцов. Для этого Анатолий даже выдал ей старенькую портативную машинку «Москва» — которая, впрочем, отлично работала. Вероника с энтузиазмом взялась за дело — и успела дойти до сцены в вокзальном туалете. Роман был упомянут в ее воспоминаниях лишь вскользь... Возможно, именно это его задело... Мозг Вероники отчаянно работал. Надо сразу же, в корне пресечь все попытки шантажа...

— Кстати, — спокойно, даже проникновенно начала она, — если ты решил, что это личный дневник, то почему ты счел возможным читать его и тем более — показывать другим?

— Ты же поселилась ко мне в квартиру. Я почти с тобой незнаком. А вдруг ты какая-нибудь аферистка? — парировал Роман, и Вероника вдруг узнала в его речи интонации Надежды Ивановны.

— Как бы там ни было, — продолжала она, — вы поступили некрасиво. А если бы это на самом деле оказался мой личный дневник?

— То есть? Ты хочешь сказать, что это не был дневник? А как же тогда события, которые в нем описаны? Нет уж, ты не отпирайся. И про меня там есть, и про всех остальных.

— Да, есть. Считай, что вам повезло, — с таинственным видом сказала Вероника, не поворачиваясь от окна.

— В смысле? — спросил ничего не понимающий Роман.

— Войдете в историю... Точнее, не в историю, а в литературное произведение. Дело в том, что я пишу роман.

— Роман?

— Ну да, роман. Приключенческий. Кое-что я беру из жизни, а что-то приходится и придумывать. Людям ведь подавай всякую там «клубничку», мордобой, острые сюжетные повороты... Одним словом — секс и насилие — вот без чего сейчас не обходятся ни в книгах, ни в кино.

Вероника повернулась, чтобы посмотреть на реакцию Романа. Расчет оказался безошибочным: вместо тупой агрессии на его лице теперь был написан неподдельный интерес. Признание Вероники явно ошеломило его.

— А ты собираешься издавать этот роман, когда напишешь? — спросил он.

— Конечно. И надеюсь получить за него гонорар.

— Здорово... А ты подаришь мне книгу со своим автографом?

Вероника с облегчением вздохнула. Кажется, лед его подозрений треснул.

— Подарю, подарю... — «смягчившись», уверила его она. — Только дай мне слово: никогда в жизни, ни при каких обстоятельствах не читать чужих дневников.

— Ладно, не буду... — проворчал Роман и поднялся с кровати. — А почему ты придумала себе такое странное имя? Вероника? — спросил он напоследок.

— Почему это придумала? Это как раз мое настоящее имя. Мне же действительно пришлось воспользоваться чужим паспортом — мой-то остался в завале...

Лицо Романа снова вытянулось — и Веронику невольно разобрал смех. Что ж, теперь пусть гадают, что в ее судьбе вымысел, а что — правда...

В ту ночь ей приснились все, с кем ей довелось встретиться за два насыщенных месяца, которые — так уж случилось — ознаменовали ее вступление во взрослую жизнь.

Она снова была в лесу. Но лес этот был березовый, светлый, чистый... Вот она идет по тропинке... Навстречу ей — хромая санитарка... Вероника ее сразу узнала. А кто это шагает рядом с ней? Максим? Они разговаривают... Вот она гладит его по голове... Вероника убыстрила шаг и хотела уже их окликнуть, но сон про Максима вдруг резко оборвался. Вероника оказалась в мансарде, в руках у нее была газета со списками погибших... Почему-то на кровати с лоскутным одеялом сидела мама и ругалась на нее: «Ну что ты ходишь с этой дурацкой газетой? Порви ты ее или выбрось! Можно подумать, у нас в газетах могут написать что-нибудь путное...» Вероника послушно подходит к окну и выбрасывает газету сквозь решетку. Неожиданно замечает, что за окном, вместо привычного пейзажа с речушкой и сопкой, открытое море. Спокойно, штиль... Вскрикивают чайки... Но вот Вероника уже бредет по кромке дороги... Откуда-то выплыло смеющееся лицо шофера Лени и рядом с ним — нахмуренные брови Шалва Отаровича... Надежда Ивановна трясет мужа за плечо и кричит: «Ты что — колешься?! Колешься, да?!» И хлещет его по щекам... Новое видение: проводница в поезде — улыбка, каштановая челка, пластиковые кармашки с билетами... Потом сразу — вагон-ресторан, конопатая официантка: «Что будем брэ-эть?» Веронику рвало во сне. Над ухом ее слышался спокойный, вселяющий уверенность голос Галины: «Ничего, сейчас проблюешься — и все будет хорошо... Ну, давай еще разок... Так... Засовывай пальцы в рот, засовывай, глубже...» Потом Вероника почему-то оказалась в кабинете у Валентина Семеновича. «Неужели я запачкала пиджак, когда меня рвало? — в ужасе думала она. — Только бы он ничего не заметил...» Следующая сцена перенесла

Веронику в дом Анатолия. Вот они сидят все втроем на балконе — она, Анатолий и Алла — и пьют вино. Почему-то из кофейных чашек. Вдруг Анатолий вскакивает и случайно выплескивает свое вино на Веронику. «Я так и знала! Я так и знала!» — начинает кричать Алла, и Анатолий, извинившись, подхватывает ее на руки и куда-то уносит. Вероника сначала сидит на балконе одна, а потом вдруг встает и бежит по лестнице на второй этаж. Вот это дверь его спальни... Она пинком распахивает ее — и видит на постели Анатолия и его жену. Совершенно не обращая на нее внимания, супруги двигаются в любовном экстазе. Вероника сначала молча любит ими, потом хлопает дверью и убегает... В коридоре ее догоняет голый Анатолий: «Я подумал — и решил, что нам надо заниматься этим втроем... Довольно ханжества... Я уже все для себя решил...» Но Вероника убегает от него и закрывается в ванной. Почему-то вместо шикарных апартаментов Анатолия она оказывается в маленькой тесной ванной своей сахалинской квартиры. В углу потрескивает горячий титан... Вероника торопливо скидывает с себя одежду и вдруг обнаруживает, что ванна полна какой-то ароматной розовой воды. Она с наслаждением забирается в нее... Это кисель... Вероника погружается в него — и засыпает...

На следующее утро Вероника проснулась со свежими силами и в веселом расположении духа. Наконец она решилась выйти из своего убежища — и спокойно, в гордом одиночестве позавтракала на кухне. Участники вчерашнего праздника, все как один, спали в других комнатах. Вероника немного убрала за ними беспорядок, загрузила посуду в посудомоечную машину и запустила ее. Затем она оделась и сходила в ближайший киоск за свежими газетами.

На чистом пустом кухонном столе Вероника поставила телефон и принялась методично, номер за номером, обзванивать объявления, которые касались работы. Через час ей показалось, что она сидит возле столика в комнате у Клавдии Мироновны — настолько все повторялось. Найти работу было решительно невозможно, хотя теперь у нее на руках имелся паспорт с московской пропиской.

Внезапно дверь кухни распахнулась — и в нее ворвался заспанный Роман.

— Я вспомнил! — воскликнул он без всяких предисловий. — Я вспомнил, где последний раз видел слово «Сахалин»! Это было в газете — в рубрике «Знакомства и встречи»... Тебя действительно зовут Вероника?

— Да...

— А парня твоего правда звали Максим?

— Правда...

— Где же эта газета? — Роман стал метаться по кухне, заглядывая во все углы. — Неужели эти убогие застелили ею мусорное ведро?

Вероника ничего не понимала.

— Какая газета? Я видела какую-то газету под столом, когда убиралась... Кажется, я отнесла ее в коридор, на журнальный столик.

Роман пулей вылетел в коридор и вскоре вернулся, потрясая в руке скомканной газетой.

— Вот, смотри! — торжествующе сказал он. — Читай! «Вероника с Сахалина! Откликнись! Я жив. Максим».

— Дай посмотреть... — Вероника почувствовала, как у нее отнимаются руки и ноги.

Она выхватила у Романа из рук газету и быстро пробежала глазами две строчки, против которых он держал палец. «Вероника с Сахалина! Откликнись! Я жив. Максим».

— Значит, он жив! Ты еще тогда, давно, говорила мне, что он погиб в землетрясении... А он жив! Ну что ты сидишь, как замороженная? Жив он, жив! Адрес в редакции...

Но Вероника ничего не слышала и не видела. Она изо всех сил цеплялась за остатки сознания, чтобы не свалиться здесь же, на кухне, в обморок...

Вещи и собаку Роман уговорил ее оставить у него.

— Потом заедешь и заберешь, — сказал он.

Перед выходом Вероника с чувством поцеловала его в щеку и крепко обняла.

— Спасибо тебе, Ромка... — с трудом сдерживая слезы, сказала она. — Если бы не ты...

— Все равно бы потом нашлись, — скромно пожал плечами Роман, хотя явно был доволен, что умудрился сыграть в жизни двоих людей такую знаменательную роль.

В редакции газеты Веронику поразили бесконечные, переходящие один в другой коридоры. Передвигаясь по ним, она чувствовала себя героем компьютерной игры Doom. Какие-то повороты, множество дверей, из которых выныривают деловитые, полные сознания собственной значимости люди. На Веронику — ноль внимания.

Наконец она разыскала заветную комнату с номером 614. Постучала в обшитую дорогим деревом дверь. Толкнула и оказалась в большом зале, где рядами стояли рабочие столы. За каждым из них, согнувшись под настольной лампой, сидел человек и разбирал сложенные стопками письма. «Настоящая фабрика информации, — подумала Вероника. — А вдруг в объявлении идет речь совсем про другую Веронику и про другого Максима?»

— Вы к кому, девушка? — вежливо обратилась к ней пожилая женщина с сигаретой в руке, сидящая за ближайшим столом.

— Я по объявлению. Меня нашли. Там было написано — адрес в редакции. Вот я и пришла.

— Как замечательно! — улыбнулась женщина. — Я вас поздравляю. Давайте теперь разбираться. Газета у вас с собой?

— Да, конечно... — Вероника протянула ей драгоценную газету, над которой два часа назад было пролито столько слез. Только с помощью элениума ей удалось немного успокоиться. — Вот здесь — «Вероника с Сахалина...»

— Значит, вы — Вероника?

— Да. Могу паспорт показать.

— Не надо. Главное, что вы нашлись. Пусть этот Максим сам теперь у вас паспорт проверяет. Кстати, вы уверены, что это именно ваш знакомый?

— На сто процентов!

— А почему он так странно пишет — «я жив»? Вы что — могли в этом сомневаться?

— Именно поэтому я уверена, что это он!

— Да... Прямо-таки романтическая история, — покачала головой седая пожилая редакторша и старательно затушила в пепельницу сигарету.

Может быть, со стороны эта история и казалась романтической, но только не для самой Вероники. Когда она вспоминала все мытарства, которые пришлось ей пережить, прежде чем она пришла сюда, то ей делалось дурно.

— Так... Ну вот и ваш адресок. Пожалуйста... — Редакторша протянула Веронике карточку с написанным от руки адресом. — Шверника... Насколько я знаю, это общежитие МГУ...

— Значит, он у Ильи... Спасибо вам огромное! — сказала Вероника и с трудом удержала слезы, которые снова были готовы пролиться у нее из глаз.

По дороге в общежитие Вероника думала, что сердце вырвется у нее из груди. Стоя

возле двери в вагоне метро, она готова была упасть в обморок от счастья. Сейчас она увидит Максима! После долгих дней, когда она мучительно приучала себя к мысли о том, что больше не увидит его, предстоящая встреча казалась ей сном.

Самый большой сюрприз ждал ее на входе в общежитие. Стоило ей заикнуться про землетрясение на Сахалине и про Максима, как вооруженные охранники разразились громкими криками «ура!».

— Человечек! Человечек нашелся! — кричали они.

— Действительно, симпатичная... — оценивающе прищурился на нее один — с пышными усами.

— Максим что — все общежитие оповестил, что занят поисками девушки? — с улыбкой спросила Вероника.

— Ну зачем же все — только начальство! — гордо поправил усы охранник.

— Значит, мне можно пройти к нему?

— Не только можно, но и нужно. — И все они, как один, отдали Веронике честь.

Зайти в лифт она не решилась, пришлось все девять этажей шагать пешком по крутой лестнице. Гулкий путь в конец коридора... Скорее... Еще несколько шагов...

Вероника постучала в дверь. «Спокойно, спокойно...» — уговаривала она себя, пытаясь унять колотящееся сердце. Наконец за дверью послышались шаги. Щелкнул замок — и Вероника увидела девушку. Высокую, в очках, с короткой стрижкой под мальчика...

— Извините, я не ошиблась? — разочарованно спросила она. — Здесь живет Илья и... и Максим?

Девушка в очках поджала губы и чуть склонила голову набок.

— А вы к кому?

— Я к Максиму. Он что, больше здесь не живет?

— Ну почему же. Иногда он и здесь ночует, — доверительно сообщила стриженная девица. — Да я, собственно, сама его жду. Проходите, подождем вместе.

Вероника сделала шаг в темный коридор, и незнакомка провела ее в блок. Первое, что бросилось Веронике в глаза, когда она зашла в комнату, это небрежно брошенный на кровать синий свитер, который Максим носил еще в школе. Не сознавая, что она делает, Вероника вдруг бросилась к этому свитеру и, уткнувшись лицом в пропахшую табачным дымом шерсть, заплакала.

Даже выдавшую виды Марину поразили этот порыв. Не зная, как ей на это реагировать, она подошла к окну и, молча глядя на пасмурный пейзаж, закурила.

Прошло минут десять, прежде чем Вероника успокоилась и пришла в себя.

— Извини, — сказала она сдавленным голосом. — Слишком долго объяснять...

Марина с облегчением повернулась от окна.

— Кофе хочешь? — спросила она.

— Не откажусь.

Пока Марина варила на плитке настоящий — не растворимый — кофе, Вероника прошла в ванную комнату и немного привела себя в порядок. Почему-то она даже не задавалась мыслью, кто такая эта девица, откуда она и почему сидит здесь, дожидаясь Максима. Больше всего ее беспокоило, что после всех переживаний она плохо выглядит и может не понравиться Максиму. Конечно, такие мысли стороннему человеку показались бы абсурдными, но ведь у влюбленных все по-другому.

Вероника плеснула на лицо ненавистной хлорированной водой, потом вытерла его

чистым носовым платком. Достала пудру, запудрила веснушки. Кого она пыталась обмануть? Однажды Максим даже взялся считать их — эти крохотные капельки солнечного света. Он знал их все до одной и даже считал своей собственностью... Вероника тщательно расчесала волосы массажной щеткой и собрала их сзади в «хвост». Внимательно посмотрела на себя в зеркало. Нет, слишком официально, как на паспорте. И совершенно не подходит к одежде.

Вероника была одета в английское платье из белой шерсти с еле заметной серой клеткой, которое Анатолий купил ей в бутике специально для похода к психотерапевту. Вид у нее в этом платье был и без того скромный, даже несмотря на его минимальную длину. «Пожалуй, распущенные волосы подойдут сюда лучше...» — решила она. Вероника щелкнула замочком заколки — и светлая волна блестящих волос рассыпалась у нее по спине. Все. Теперь можно выходить.

Марина уже ждала ее с двумя дымящимися чашками. В комнате витал восхитительный крепкий аромат кофе.

— Ты не куришь? — спросила Веронику Марина.

— Нет, не курю.

— Извини, я не представилась — Марина. Я с журфака.

— А я — Вероника. С Сахалина.

— Ничего себе! Значит, ты Максу землячка? Вы что, вместе учились?

— Да... — неопределенно кивнула Вероника.

Только сейчас ей показалось странным, почему эта девушка так много говорит о Максиме и вообще, какое она к нему имеет отношение.

— А ты знаешь, что он почти поступил на биофак?

— Нет. Я пока еще ничего не знаю, — ответила Вероника и посмотрела на Марину с упором.

Кофе был сладким и очень крепким.

— Он поехал узнавать результат сочинения, — сообщила Марина. — И сегодня же узнает, поступил или нет.

— А когда он вообще появился в Москве? — спросила Вероника.

— Кажется, в начале августа... Ах да! Он приехал как раз, когда мы отмечали Маринин день. Здесь у нас была небольшая пьянка...

— Но ведь экзамены в университет... — начала Вероника.

— Знаю, знаю. Он привез какую-то справку, и ему разрешили. Он молодец, парень хваткий. У вас на Сахалине все такие?

— Почти. А как же иначе? Это же остров каторжников, — с самым серьезным видом ответила Вероника, однако Марина уловила скрытый в ее словах сарказм.

Кажется, дуэль началась. Вероника сделала первый выпад.

— И не просто каторжников, — Марина с достоинством приняла удар, — а тех каторжников, которые к тому же умудрились во всей этой заварухе выжить. Следовательно, это люди большого ума и крепкого здоровья... С отлично развитой половой функцией...

Удар был поистине сокрушающим. Но Вероника справилась с волной гнева, тут же прилившей к щекам, и тихо спросила:

— Ты спала с ним?

— Может, тебе предоставить полный отчет?

— Ты спала с ним? — Вероника повторила вопрос, суровым тоном дав понять, что она

не отступится.

— Ну спала, — сдалась Марина. — И не вижу в этом ничего особенного. Нас просто тянуло друг к другу. В таком возрасте всем хочется трахаться.

— И то верно, — согласилась Вероника, вдруг вспомнив, что еще недавно сама нежилась в запретных объятиях Анатолия. Более того, она даже страдала из-за того, что случился этот гадкий скандал с его женой... Тосковала по нему, плакала от обиды...

Теперь, когда она узнала, что Максим жив, Анатолий исчез из ее памяти, как будто его там никогда и не было. Быстро стерлись картины их короткого счастья в живописном особняке, уступив место воспоминаниям о том неповторимом чувстве, которое охватывало Веронику, стоило ей только подумать о Максиме. Даже поцелуи с ним были окрашены этим ощущением — бьющей откуда-то изнутри нежностью, робкой и трепетной дрожью... Нет, никакой оргазм, никакая физиология не сравнится с этим чувством — долгим, безоглядным и чистым...

— Нравится тебе он, да? Красивый мальчик, ничего не скажешь. Вот только есть небольшая загвоздка. Ловить нам уже нечего — ни мне, ни тебе. Девушка у него есть. И он ее, заразу, любит.

— Откуда ты знаешь? — Вероника почувствовала, как от этих слов сердце у нее словно сжало клещами.

— Сам сказал... А может, врет. Мы ведь с ним поругались... Вполне мог назлс ляпнуть... — Марина поставила на блюде пустую чашку и снова потянулась к сигаретной пачке.

Конечно, Вероника не ожидала такого поворота. Она находит адрес... Как дура, приезжает сюда — и застает в комнате вместо Максима его наглую любовницу. Но, с другой стороны, Максим ведь сам дал объявление в газету о том, что он ее ищет...

И Вероника вдруг поняла, что она даже рада тому, что все так сложилось. Теперь ей будет проще оправдаться перед Максимом. Да! Она должна быть даже благодарна этой очкастой стерве. Если бы не она с ее свободными взглядами на секс, то Максиму бы пришлось переживать тяжесть измены в одиночку. А в том, что Вероника не пыталась бы скрыть от него свою связь с Анатолием, не было никаких сомнений. Не такие у них были отношения, чтобы что-либо друг от друга скрывать...

Пусть теперь все это останется в прошлом. Оба они получили сексуальный опыт, и теперь они квиты. Можно начинать все сначала...

— Извини, Марина, — сказала вдруг Вероника спокойно и с достоинством — как хозяйка дома. — Ты лучше не жди больше Максима. Сейчас он придет — и нам нужно будет встретиться наедине. Мы должны были встретиться еще два месяца назад, но нам... нам помешало землетрясение.

От удивления Марина даже сняла очки.

— Так это от тебя он возвращался ночью, когда его накрыло проводом?

— Нет, наоборот, он шел ко мне! Господи... Его накрыло проводом?! И что с ним было потом?

— Провалился месяц в больнице. Но ты-то куда пропала?

Вероника встала и подошла к кровати.

— Здесь он спит? — по-хозяйски спросила она.

— Да, здесь...

Она, не снимая платья, прилегла на кровать и, притянув ноги к подбородку, снова

уткнулась носом в синий свитер.

Марина курила и не сводила с нее выжидающего взгляда.

— Я на самом деле чуть не пропала... — сказала Вероника. — Но теперь я нашлась и уже никуда его не отпущу... Все, теперь уходи, — подумав, продолжала она. — Кофе был отличный, но мне почему-то все равно хочется спать...

Впервые за долгое время Веронику сморил столь крепкий и сладкий сон, совершенно свободный от сновидений. Непонятно, что было тому причиной — успешная психотерапия, взрыв положительных эмоций или действительно кофе. Говорят, что бывают ситуации, когда кофе оказывает прямо противоположное действие...

Как бы там ни было, но, когда Максим вошел в комнату, он увидел на своей кровати спящую девушку. Ноги ее были накрыты его синим свитером. В первую секунду он подумал, что это Марина, но потом разглядел длинные светлые волосы. Неужели... Он боялся собственной догадки.

Порывисто подбежал...

— Господи... Веруня... Настоящая... — прошептал он, боясь к ней притронуться, как будто она могла опять исчезнуть.

Уже сгущались сумерки, но Максим не стал зажигать света. Первым делом он запер входную дверь, предварительно повесив записку, адресованную Илье. Ему все еще не верилось, что вот здесь, на его кровати, спит самое любимое существо на свете, которое он едва не потерял... Было даже как-то страшно ее будить — вдруг она проснется и скажет, что разлюбила его?

Из раскрытого окна тянуло вечерней прохладой. Максим стал закрывать его — и слишком сильно громыхнул рамой. Вероника на кровати зашевелилась. Но сон еще не отпустил ее... Тогда Максим подошел и осторожно примостился на кровати рядом с ней. Руки его нежно обхватили ее за талию... Лицом он зарылся в теплые, пахнущие дождем пряди...

Он не торопился будить ее — пусть проснется сама. Вскоре он почувствовал, как ровное дыхание Вероники замерло. Так, проснувшись и обнаружила, что рядом с ней кто-то лежит... Кстати, интересное ощущение — Максиму уже приходилось его испытывать. Остается надеяться, что для Вероники этот сюрприз окажется более приятным.

Вскоре Максим почувствовал легкое, почти невесомое прикосновение к волосам. Открыв глаза, он обнаружил, что комната уже полностью погрузилась в сумрак.

— Макс... — послышался шепот, — Макс, это ты... Почему тебя так долго не было? — И тонкие руки изо всех сил прижали его голову к мягкой и горячей от сна груди.

— Я ездил в Ясенево. Думал, вдруг я тебя случайно там встречу? Ты ведь была там, верно?

— Была... — Голос Вероники звучал удивленно.

— Ну вот, значит, Пломбир не ошибся... — пробормотал Максим и крепче сжал ее в объятиях.

— Какой пломбир? — шепотом спросила Вероника.

— Сливочный, — пробубнил Максим, все глубже зарываясь носом в ее грудь.

Некоторое время они лежали молча, но Максим будто кожей почувствовал, что Вероника плачет. Как всегда, она стыдилась своих слез — медику не положено. Неожиданно Максим понял, что у него тоже на подходе слезы. Он стал отчаянно кусать губы... В конце концов оба не выдержали борьбы — и их задушили счастливые рыдания...

Когда они пережили эту минутную слабость, Максим вдруг вскочил и полез куда-то в шкаф.

— Вот, — сказал он, торопливо выкладывая на тумбочку рядом с кроватью какие-то вещи. — Это твоя зарплата за две недели. А это паспорт и все документы...

— Но откуда у тебя это все?!

— Потом... — Максим снова опустился на кровать, нащупал застежку на Вероникином платье и решительно расстегнул...

— погоди, Максим, что ты делаешь... — все еще хриплым от слез голосом сказала Вероника. — Нам же столько надо друг другу рассказать...

— Потом, все потом... — Он дрожащими пальцами расстегивал рубашку. — Сначала мы с тобой должны... — Скомканные джинсы полетели на пол. — А то опять начнется землетрясение!!!

Вместо эпилога

Еще неделю — вплоть до начала занятий, Максим и Вероника ходили не расцепляя рук. Они боялись расстаться даже на минуту и отпускали друг друга только в туалет.

Максим сам отвел Веронику в ректорат Ветеринарной академии, хотя она и отнекивалась, говоря, что у нее нет справки, по которой ей бы разрешили сдавать экзамены не в срок.

— Ничего, — успокаивал ее Максим. — Заплетешь косички и завернешь их в форме баранок. Тогда сразу же поверят, что ты жертва землетрясения...

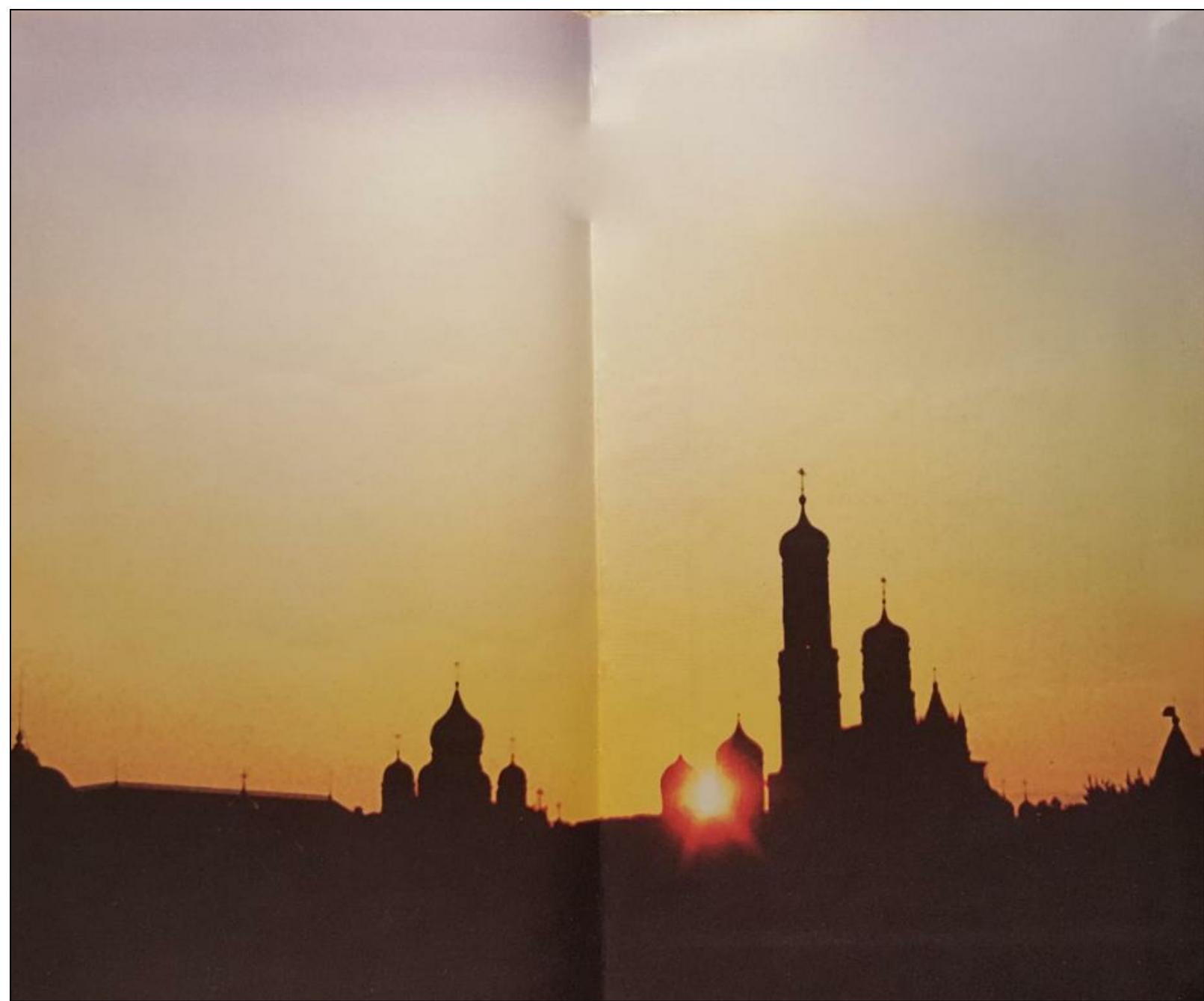
Настроен он был самым решительным образом, и, может быть, именно поэтому им повезло. Никто не смог устоять против обезоруживающей искренности и обаяния Максима. Рассказ про девушку, попавшую в завал и украденную из медсанчасти мародером, вызвал море вздохов и слез в женской половине администрации. «Нет, придумать такое решительно невозможно», — решили в ректорате и пошли навстречу трогательной парочке с Сахалина. Веронике разрешили сдать все экзамены экстерном — за одну неделю. Стоит ли говорить, что она справилась с ними успешно...

Когда все заботы, связанные с поступлением, были закончены, Вероника вдруг вспомнила, что теперь у нее есть настоящий паспорт и она может получить наконец скопившиеся на почте денежные переводы. Деньги были получены, и в результате, сложив их с зарплатой Вероники, юные любовники стали обладателями довольно крупной суммы.

— Если бы ты вдруг получила огромную, фантастическую сумму денег, на что бы ты их потратила? — спросил Максим у Вероники, когда они пересчитали свой капитал.

— Знаешь, первым делом я бы купила посудомоечную машину. Потом построила бы особняк — примерно такой же, как у Анатолия... А на оставшиеся деньги... Устроила бы приюты для стариков и для бездомных собак. Если в Москве и есть настоящие нищие — так это они...

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Страшная катастрофа лишила юную Веронику родного дома, возлюбленного и даже собственного имени. В довершение всего ее похищают и держат взаперти, как пленницу... После побега девушка остается одна в целом свете, и ее надежда на счастье, казалось бы, погибла навсегда.

Но вопреки всему Вероника верит в любовь, надеется, что ее любимый жив и рано или поздно она найдет его...

Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Сохраняя данный текст Вы несете ответственность в соответствии с законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.